

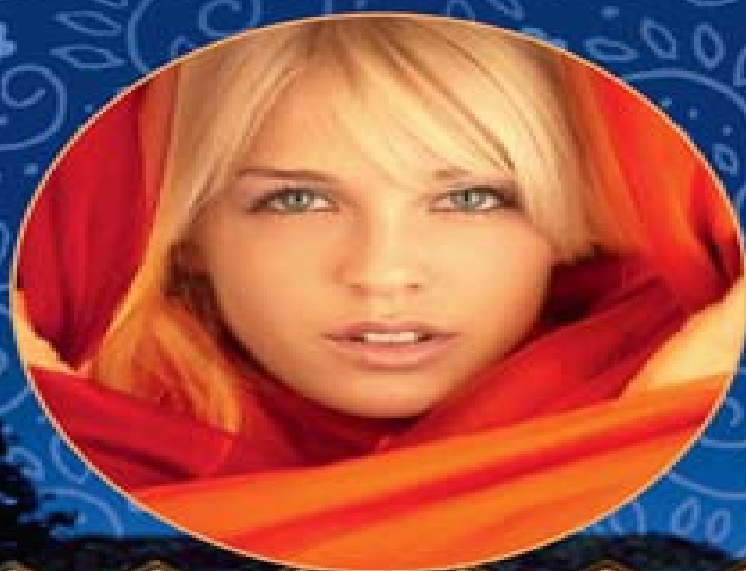
Искусно сплетенная современная сказка.

The Times Magazine

В.К.ЭНДРЮС

Цветы на чердаке

Роман



Семейная сага с захватывающим сюжетом...

Миллионы читателей

не в силах выпустить книгу из рук.

18+

Ms London

Annotation

Эта книга покорила весь мир и принесла ее автору, американской писательнице В. К. Эндрюс, заслуженную любовь миллионов поклонников. Роман «Цветы на чердаке», основанный на реальных событиях, сразу стал бестселлером и был дважды экранизирован (в 1987 и 2014 гг.). За ним последовали другие книги захватывающей саги о семействе Доллангенджер: «Лепестки на ветру», «Сквозь тернии», «Семена прошлого», «Сад теней». Жила-была счастливая семья: отец, мать и четверо прелестных белокурых детей. Но внезапно отец гибнет в автокатастрофе. Спасая себя и детей от нищеты, Коринна Доллангенджер возвращается к своим родителям, невероятно богатым, но суровым и жестоким людям, много лет назад изгнавшим ее из дома. Ей предстоит снова завоевать расположение своего отца, чтобы унаследовать его состояние. Но вот проблема: он не должен узнать, что у нее есть дети. И любящая мать прячет своих ангелочков на верхнем этаже огромного родительского дома, где в их распоряжении всего одна комната с выходом на чердак. Коринна уверяет детей, что это совсем ненадолго. Однако проходят дни, месяцы, мучительно медленно тянется время, и наконец дети начинают понимать, что этот тесный, ограниченный мирок может стать единственным, что они увидят в своей жизни...

- [В. К. Эндрюс](#)
 -
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Пролог](#)
 - [До свидания, папа!](#)
 - [Путь к богатству](#)
 - [Бабушкин дом](#)
 - [Чердак](#)
 - [Гнев Всевышнего](#)
 - [Мамин рассказ](#)
 - [Минуты как часы](#)
 - [Пусть растет сад](#)
 - [Праздники](#)
 - [Рождественский прием](#)

- [Исследования Криса и их последствия](#)
 - [Долгая зима, весна и лето](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Взрослее, мудрее](#)
 - [Вкус неба](#)
 - [Дождливый день](#)
 - [Найти друга](#)
 - [Наконец появляется мама](#)
 - [Мамочкин сюрприз](#)
 - [Мой отчим](#)
 - [«Сделай все дни голубыми, но оставь один для черного цвета»](#)
 - [Побег](#)
 - [Конец и начало](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

В. К. Эндрюс

Цветы на чердаке

© А. Смульский, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2012

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Эта книга посвящается моей маме

Часть первая

Скажет ли глина горшечнику: «что ты делаешь?»

Исаия, 45: 9

Пролог

Надежда, наверное, должна быть желтого цвета – цвета солнца, которое мы так редко видели. Сейчас, когда я восстанавливаю нашу историю по старым дневникам, название словно напрашивается само собой: «Открой окно навстречу солнцу». И все же я не стала бы давать книге такое название. Гораздо в большей степени наша судьба подсказывает образ цветов на чердаке. Бумажных цветов. Рожденных такими яркими и тускнеющих на протяжении той бесконечной череды мрачных, серых, кошмарных дней, что мы провели в плену у жадности – узниками надежды. Но мы никогда не делали своих бумажных цветов желтыми.

Чарльз Диккенс часто начинал роман с рождения главного героя, и, поскольку он был нашим с Крисом любимым писателем, я хотела бы повторить его манеру, если бы смогла. Но он был гением, писавшим с врожденной легкостью, а мне каждое слово, появляющееся на бумаге, доставалось горькими слезами, кровью, желчью, смешанными с чувством вины и позора. Я думала, что мне никогда не будет больно, что стыд – бремя, которое суждено нести другим людям. Но прошли годы, и сейчас, став старше и мудрее, я принимаю его.

Невообразимая ярость, когда-то бушевавшая во мне, поутихла, так что, надеюсь, я смогу писать, примешивая к правде меньше ненависти и пристрастия, чем это было бы несколько лет назад.

Итак, подобно Чарльзу Диккенсу, в этом, с позволения сказать, художественном произведении я скроюсь за вымышленным именем и буду жить в несуществующих местах, моля Бога, чтобы эта книга причинила боль кому следует. Надеюсь, Бог в своей бесконечной милости позаботится о том, чтобы понимающий издатель собрал мои слова под одной обложкой и помог заострить тот нож, который я собираюсь использовать для мести.

До свидания, папа!

Когда я была очень маленькой, в пятидесятых, я верила, что жизнь похожа на длинный-длинный солнечный летний день. В конце концов, именно так она начиналась. Пожалуй, я не много могу сказать о своем раннем детстве, но это немного было светлым и чистым, за что я буду вечно благодарить Всевышнего.

Мы не были ни богатыми, ни бедными. У нас было все необходимое. Наверное, имелись и предметы роскоши, но это можно было определить только по сравнению с другими, а в нашем районе среднего класса все жили более или менее одинаково. Короче и проще говоря, мы росли обыкновенными, «среднестатистическими» детьми.

Наш папа отвечал за связи с общественностью в большой фирме, производившей компьютеры и находившейся в Гладстоне, Пенсильвания, городке с населением 12 602 человека.

Судя по всему, отцу сопутствовал огромный успех, потому что его босс часто обедал с нами и рассказывал о работе, с которой папа так хорошо справлялся: «С твоим типично американским лицом, пышущим здоровьем и невероятно приятным, было бы удивительно, если бы хоть один разумный человек мог противостоять тебе, Крис!»

Я всем сердцем соглашалась с ним. Наш отец был само совершенство. Ростом шесть футов два дюйма, весом сто восемьдесят фунтов, с густыми льняными волосами, чуть-чуть волнистыми, как раз настолько, чтобы дополнить и не испортить его идеальный облик. В его лазурно-голубых глазах светилась любовь к жизни и ее радостям. Его прямой нос не был ни слишком толстым, ни слишком узким. Папа играл в теннис и гольф как профессионал и плавал так много, что круглый год ходил загорелым. Он постоянно уносился по делам то в Калифорнию, то во Флориду, то в Аризону, то на Гавайи или даже за границу, а мы оставались дома, на руках у мамы.

Когда он входил через парадную дверь вечером в пятницу – каждую пятницу, потому что, по его словам, он не мог переносить разлуки с нами дольше пяти дней, – его широкая, счастливая улыбка освещала все вокруг, как маленькое солнце, даже если на улице шел дождь или снег. По всему дому разносился его громоподобный голос, едва он успевал поставить на пол чемоданы: «А ну-ка, идите поцелуйте меня, если вы меня еще любите!»

Мы с братом обычно прятались где-нибудь у входа, и стоило ему произнести эти слова, как мы устремлялись к нему из-за спинки кресла или дивана и бросались в его широко распростертые объятия. Он хватал нас, прижимал к себе и осыпал поцелуями. Пятница... Для нас это был лучший день недели, потому что в этот день к нам возвращался папа. В карманах костюма он приносил для нас подарки поменьше, а в чемоданах находились большие, которые появлялись позже, когда наступала очередь мамы. Она терпеливо ждала, пока отец закончит с нами, и затем медленно направлялась к нему, приветственно улыбаясь. Радостные огоньки загорались в папиных глазах, и, обняв ее, он долго смотрел ей в лицо, как будто они не виделись по крайней мере год.

По пятницам мама проводила первую половину дня в салоне красоты, где ей обрабатывали и укладывали волосы и делали маникюр, а потом долго принимала ванну с ароматическими маслами. Я забиралась в ее комнату и ждала, пока она появится в облегающем negligé. Потом она обычно садилась перед трюмо и тщательно наносила косметику. Стремясь научиться, я вбирала в себя все, что она делала, превращаясь из просто хорошенькой женщины в восхитительно красивое создание, казавшееся почти нереальным. Самым удивительным во всем этом было то, что отец искренне верил, будто она вообще не пользуется косметикой. Он считал, что такая поразительная красота дана ей от природы.

Слово «любовь» постоянно произносилось у нас дома.

– Ты любишь меня? Потому что я люблю тебя. Ты скучала по мне? Ты рада, что я дома? Ты думала обо мне, когда меня не было?

– Каждую ночь.

– Если ты не скажешь, что ворочалась с боку на бок, мечтая, чтобы я был рядом, прижимал тебя к себе, мне, пожалуй, остается только умереть.

Мама прекрасно знала, как отвечать на такие вопросы, – взглядом, еле слышным шепотом и поцелуями.

Однажды мы с Кристофером ворвались в дом через парадную дверь вместе с холодным зимним ветром.

– Снимите обувь в передней, – крикнула из гостиной мама. Она сидела перед камином и вязала маленький белый свитер, по размеру подходящий для куклы.

Я тут же решила, что это подарок на Рождество, предназначенный для одной из моих кукол.

– И снимите домашние шлепанцы, когда зайдете сюда, – добавила она.

Мы оставили ботинки, теплые пальто и капюшоны сушиться в

передней и побежали в одних носках в гостиную, на роскошный белый ковер. Комната была выдержана в приглушенных пастельных тонах, чтобы оттенить яркую красоту мамы. Нас редко пускали сюда. Гостиная предназначалась для семейных вечеринок, для мамы, и мы никогда не чувствовали себя уютно на абрикосовом с позолотой диване или бархатных креслах. Мы предпочитали папину комнату со стенами, украшенными темными панелями, и жестким диваном, где мы любили кувыряться и бороться, не боясь ничего повредить.

– На улице такой мороз, мама, – выпалила я одним духом и плюхнулась к ее ногам, протягивая свои ноги к огню. – Но ехать домой на велосипедах было просто чудесно. На всех деревьях сосульки блестят, как алмазы, а на кустах как будто хрустальные призмы. Все превратилось в какую-то сказку. Я ни за что не соглашусь жить на юге, где никогда не идет снег.

Кристофер не распространялся о погоде и красотах зимней природы. Он был старше меня на два года и пять месяцев и, как я теперь понимаю, намного проницательнее и умнее.

Он сидел в той же позе, что и я, протянув ноги к огню, но лицо его было обращено к маме, а брови обеспокоенно сошлись на переносице. Я тоже взглянула на нее, пытаюсь определить, что так взволновало моего брата. Мама быстро и умело вязала, время от времени заглядывая в инструкцию.

– Мама, ты хорошо себя чувствуешь? – спросил он.

– Да, конечно, – ответила она, ласково улыбаясь.

– Мне кажется, ты выглядишь усталой.

Она отложила вязание.

– Сегодня я была у доктора, – сказала она, наклоняясь, чтобы потрепать Кристофера по холодной розовой щеке.

– Мама! – воскликнул он встревоженно. – Ты что, больна?

Она слегка усмехнулась и провела тонкими длинными пальцами по его взъерошенным льняным кудрям.

– Кристофер Доллангенджер, я полагаю, ты догадываешься. Я видела, как ты смотришь на меня и в голове у тебя явно шевелятся какие-то подозрения.

Она поймала за руки сначала его, потом меня и прижала наши руки к своему животу.

– Вы чувствуете что-нибудь? – поинтересовалась она с тем же выражением тайного удовлетворения на лице.

Кристофер быстро отдернул руку и залился краской, но я оставила

свою на месте, ожидая объяснения.

– А ты что чувствуешь, Кэти?

Моя рука ощущала, что внутри мамы происходит что-то странное, как будто слабые, едва слышные удары сотрясают ее тело. Я подняла голову и уставилась на нее. До сих пор помню, как она тогда выглядела. Как Мадонна Рафаэля.

– Наверное, обед перемещается с места на место или газы скопились.

Ее голубые глаза заискрились смехом.

– Попробуй угадать еще раз.

Теперь в ее голосе появились нотки серьезности, и она призналась:

– Дорогие мои, у меня будет ребенок в начале мая. Вообще-то, когда я сегодня была у доктора, он сказал, что слышал биение двух сердец. А это значит, что у меня будут близнецы или тройняшки. Ваш отец, даже он еще не знает об этом. Поэтому постарайтесь не говорить ему, пока у меня самой не появится удобный случай.

Ошеломленная, я взглянула на Кристофера, чтобы выяснить, как он воспринял сказанное. Он казался смущенным и расстроенным. Я снова посмотрела на освещенное языками пламени лицо мамы и, не помня себя, бросилась в свою комнату, упала вниз лицом на кровать и горько, навзрыд, заплакала.

Дети! Двое или больше! Я сама чувствовала себя маленьким ребенком. Я и слышать ничего не хотела о каких-то новых, вечно визжащих и плачущих детях, которые появятся, чтобы занять мое место. Я всхлипывала и била кулаками по подушке, стремясь причинить вред чему-то или кому-то. Потом я села на кровати и стала думать о побеге из дома.

Кто-то тихо постучал в мою дверь.

– Кэти, – сказала мама, – можно мне войти? Я хотела бы поговорить с тобой обо всем этом.

– Уходи! – завопила я. – Я уже ненавижу твоих младенцев!

Да, я знала, что ожидает меня: участь ребенка, затертого где-то между младшими и старшими и напрочь позабытого родителями. Не будет больше подарков по пятницам. Папа будет думать о маме, о Кристофере и об этих отвратительных близнецах, на которых сосредоточится все внимание.

Мой отец зашел ко мне в тот вечер, как только приехал домой. Дверь была не заперта: я предполагала, что он захочет меня видеть. Я украдкой взглянула на него, потому что очень его любила. У него был расстроенный вид, и он принес с собой большую коробку, завернутую в серебряную фольгу и перевязанную красным атласным бантом.

– Как поживаешь, моя Кэти? – мягко спросил он, пока я продолжала поглядывать на него из-под руки. – Ты не выбежала встречать меня, когда я пришел. Ты не сказала мне «привет!». Ты даже не посмотрела на меня. Кэти, я очень обиделся, что ты не дала мне себя обнять и не поцеловала меня.

Я ничего не сказала, лишь перевернулась на спину и зло посмотрела на него. Как будто он не знал, что я должна оставаться его любимицей всю оставшуюся жизнь! Зачем им с мамой надо было заказывать каких-то новых детей? Разве двоих недостаточно? Папа вздохнул, потом подошел и уселся на краю кровати.

– Знаешь что? Сегодня ты первый раз в жизни смотришь на меня таким взглядом. Это первая пятница, когда ты не бежишь стремглав, чтобы броситься ко мне в объятия. Можешь мне не верить, но я действительно возвращаюсь к жизни только тогда, когда прихожу домой перед выходными.

Я не сдавалась и еще больше надула губы. Отныне я ему не нужна. У него есть сын да теперь еще и целая куча писклявых младенцев на руках. Я наверняка потеряюсь среди этой толпы.

– Знаешь что еще? – произнес он медленно, глядя мне прямо в глаза. – Раньше я верил, может быть наивно, что, если бы однажды я явился домой в пятницу без всяких подарков для тебя или твоего брата... я верил, что вы все равно броситесь мне навстречу. Я верил, что вы любите меня, а не подарки. Я ошибочно считал, что я хороший отец, что мне удалось завоевать вашу любовь и что вы знаете: для вас всегда останется много-много места в моем сердце, даже если у нас с мамой будет дюжина детей.

Он сделал паузу, вздохнул и нахмурился:

– Я думал, моя Кэти знает об этом и догадывается, что она значит для меня. Ведь ты у нас первая девочка.

Я бросила на него обиженный, недовольный взгляд и произнесла, запинаясь:

– Но если у мамы родится еще девочка, ты будешь говорить все это ей, а не мне!

– Неужели?

– Да, да! – зарыдала я, готовая кричать от переполнявшей меня ревности. – Ты будешь любить ее больше, потому что она будет маленькая и хорошенькая.

– Наверное, я буду любить ее так же, как и тебя, но не больше.

Он протянул ко мне руки, и я больше не могла сопротивляться. Он обнял меня, и я прижалась к нему так сильно, как могла.

– Тсс, тише, – успокаивал он меня. – Не плачь, не надо так ревновать. Мы ни в коем случае не будем любить тебя меньше. И, кроме того, Кэти, настоящие дети гораздо интереснее кукол. У твоей мамы будет столько забот с ними, что она собирается просить тебя помочь ей. Когда я буду вдали от дома, я буду лучше себя чувствовать, зная, что моя маленькая дочка помогает всем нам жить легче.

Он поцеловал мою залитую слезами щеку.

– Теперь открой эту коробку и скажи мне, что ты думаешь о ее содержимом.

Перед тем как развернуть подарок, я покрыла его лицо дюжиной поцелуев и обняла его с медвежьей силой, чтобы возместить свои недовольные взгляды. В красивой коробке находилась музыкальная шкатулка, сделанная в Англии. Когда играла музыка, балерина, одетая в розовое, поворачивалась перед зеркалом.

– Это шкатулка для хранения драгоценностей, – объяснил отец, надевая на мой палец изящное золотое колечко с красным камнем, который он назвал гранатом. – Как только я увидел шкатулку, я понял, что к ней должно прилагаться это кольцо. И сейчас я дарю его тебе и клянусь, что всегда буду любить мою Кэти чуть-чуть сильнее других дочерей, пока она об этом никому не скажет. Не плачь больше, Кэти, ведь твой отец всегда говорил, что для всего есть свои причины и у всякой проблемы есть решение, и теперь я стараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы улучшить наше положение.

В тот солнечный майский вторник папа был дома. Он уже две недели слонялся по дому, ожидая появления этих детей. Мама была раздражительной, плохо себя чувствовала, и в нашей кухне хозяйничала миссис Берта Симпсон, она готовила еду, глядя на меня и Кристофера с притворной улыбкой. Она была нашей самой надежной нянькой. Миссис Симпсон жила по соседству, и она всегда говорила, что мама и папа больше похожи на брата и сестру, чем на мужа и жену. Она была из тех суровых ворчливых людей, которые редко говорят о других что-то хорошее. К тому же она готовила капусту. Я ненавидела капусту.

Перед обедом отец вбежал в столовую, чтобы сообщить нам с братом, что он собирается отвезти маму в больницу.

– Вы только не волнуйтесь, все будет в порядке. Слушайте миссис Симпсон, делайте уроки, и через несколько часов вы узнаете, кто у вас появился: братики, сестрички или и то и другое.

Он вернулся лишь на следующее утро, небритый, усталый, в помятом

костюме, но со счастливой улыбкой на лице.

– Угадайте, мальчишки или девчонки?

– Мальчишки, – выпалил Кристофер, давно мечтавший о товарищах для спорта и игр.

Я тоже хотела, чтобы родились мальчишки. Тогда, может быть, внимание отца не переместится с меня на младшую дочь.

– Мальчик и девочка! – с гордостью проговорил отец. – Самые хорошенькие малышки, какие только существовали когда-нибудь на свете. Одевайтесь, и я отведу вас, сами убедитесь.

Я неохотно отправилась с ним, но и в больнице с нежеланием позволила ему поднять себя на руки, чтобы я смогла заглянуть в окно палаты и увидеть двух младенцев, которых держала на руках медсестра. Они были такими крошечными! Их головы были не больше яблока. Маленькие кулачки молотили воздух. Один визжал, как будто его кололи булавками.

– Ах, – вздохнул папа, прижимая меня к себе и целуя в щеку. – Господь так добр ко мне! Он наградил меня еще одним сынком и дочерью, такими же чудесными, как и первые.

Я думала, что возненавижу их обоих, особенно крикливую девочку, которую родители называли Кэрри: она вопила и плакала гораздо громче тихого малыша по имени Кори. Ведь как следует выспаться ночью стало практически невозможно – они находились в соседней со мной комнате. И все же, когда они начали расти и на их лицах стали появляться улыбки, а глаза стали радостно зажигаться при виде меня, особенно если я брала их на руки, теплое материнское чувство заменило во мне неприязнь.

Первым делом после школы я бежала к ним, чтобы увидеть их, поиграть с ними, сменить им пеленки и бутылочки с детским питанием и поддержать их у себя на плече. Они были намного интереснее кукол.

Вскоре я убедилась, что в родительском сердце действительно может найтись место больше чем для двоих детей, так же как в моем сердце нашлось место для близнецов, даже для Кэрри, которая становилась не менее красивой, чем я, а может быть, и более. Папа шутил, что они растут быстро, как сорняки, хотя мама иногда и поглядывала на них с тревогой, замечая, что все же они растут медленнее нас с Кристофером. Ее врач, с которым она консультировалась, объяснил, что близнецы и впрямь зачастую растут не так интенсивно, как обыкновенные дети.

– Вот видишь, – сказал Кристофер, – врачи все знают.

Папа поднял глаза от газеты и улыбнулся:

– Узнаю своего сына-доктора. К сожалению, Крис, на самом деле всего не знает ни один человек.

Папа единственный называл моего старшего брата Крисом.

Наша фамилия казалась мне смешной, а научиться правильно писать ее было чертовски трудно. Доллангенджер. Из-за того что у всех членов семьи были светлые льняные волосы и светлая кожа лица (кроме папы с его постоянным загаром), Джим Джонстон, наш лучший друг, придумал для нас прозвище «дрезденские куколки». Он считал, что мы выглядим в точности как фарфоровые фигурки, украшающие всевозможные полки и каминь. Вскоре так нас называли все, кто жил по соседству.

Конечно, сказать «дрезденские куколки» намного легче, чем «семейство Доллангенджер».

Когда близнецам исполнилось по четыре года, Кристоферу – четырнадцать, а мне – двенадцать, мы стали с нетерпением ожидать наступления совершенно особенной пятницы – тридцать шестого дня рождения папы. Мы загодя готовили для него сюрприз. Мама выглядела как сказочная принцесса с ее свежeweмытыми и уложенными волосами. Ее ногти сверкали жемчужным блеском, длинное вечернее платье было нежнейшего цвета морской волны, и когда мама скользила взад и вперед, накрывая праздничный стол, на ее шее покачивалась нитка жемчуга. Подарки были сложены грудой на буфете. Вечеринка планировалась скромная, для семьи и узкого круга друзей.

– Кэти, – обратилась ко мне мама, – не могла бы ты снова искупать близнецов? Я мыла их перед сном, но они, когда встали, сразу же побежали в песочницу, и теперь им снова нужна ванна.

Я не возражала. Мама выглядела слишком нарядной, чтобы заниматься мытьем двух вывозившихся в грязи четырехлеток, которые будут постоянно плескаться на нее водой.

– Когда закончишь с ними, вы с Кристофером тоже вымойтесь. Ты, Кэти, не забудь надеть свое чудесное розовое платье и завиться. И, Кристофер, пожалуйста, никаких джинсов. Я хочу, чтобы ты надел парадную рубашку с галстуком и голубой спортивный пиджак с кремовыми брюками.

– А, черт возьми, мама, я ненавижу все эти наряды, – заныл он, стаскивая кроссовки и недовольно хмурясь.

– Делай, что я говорю, Кристофер, ради отца. Ты знаешь, как много он для тебя делает, так что постарайся, чтобы он сегодня гордился сыном.

Крис, все еще недовольно ворча, удалился, а я побежала на задний

двор за близнецами, которые немедленно начали вопить.

– Мы сегодня уже мылись! Этого вполне достаточно! – визжала Кэрри. – Мы уже чистые! Прекрати! Мы не любим мыло! Мы не любим мыть голову! Не смей снова делать это с нами, Кэти, или мы все расскажем маме!

– Ха! – сказала я. – А кто, по-вашему, прислал меня за вами, маленькие паршивцы? Как вы могли так испачкаться, я просто представить себе не могу!

Как только теплая вода коснулась их кожи, а на поверхности закачались их резиновые утки и пароходы и они смогли обрызгать меня с ног до головы, близнецы успокоились и позволили вымыть себя мылом и шампунем и одеть в их лучшие праздничные костюмы. В конце концов, они собирались на вечеринку, была пятница, папа должен был приехать домой, и ради этого можно было немного пострадать.

Сначала я одела Кори в чудесный костюмчик с шортами. Как ни странно, он всегда выглядел чище своей сестры-близняшки. Мне никак не удавалось причесать его единственный упрямый вихор. Он всегда торчал вправо, как хвостик у хорошенького поросенка, и, представьте себе, Кэрри очень хотела, чтобы у нее был такой же.

Когда я одела обоих и они стали похожи на оживших кукол, я передала их Кристоферу, строго-настрого наказав не спускать с малышей глаз. Теперь была моя очередь одеваться.

Близнецы скулили и жаловались, пока я второпях принимала ванну, мыла голову и накручивала волосы на толстые бигуди. Изредка я выглядывала из ванной наружу и видела, как Кристофер отчаянно пытается развлечь их чтением «Матушки Гусыни».

– Ух ты! – сказал Кристофер, когда я появилась перед ним в розовом платье с пышными рукавами. – Ты выглядишь совсем не так плохо.

– Совсем не так плохо? И это все, что ты можешь мне сказать?

– Да, для моей сестры. – Он взглянул на часы, захлопнул крышку, взял близнецов за руки и воскликнул: – Папа будет здесь в любую минуту. Поторапливайся, Кэти!

Назначенное время – пять часов – давно минуло, и, хотя мы ждали уже достаточно долго, папин зеленый «кадиллак» все не появлялся на извилистой дорожке, ведущей к дому. Приглашенные гости старались поддерживать непринужденный разговор. Мама, не вытерпев, встала и принялась мерить шагами комнату. Обычно папа открывал входную дверь в четыре часа, а иногда и раньше.

Семь часов. Мы все ждали и ждали. Восхитительный ужин, приготовленный мамой, начал подгорать от постоянного нахождения в духовке на медленном огне. В семь часов мы обыкновенно отправляли близнецов спать, и сейчас они все больше капризничали, сонные и проголодавшиеся одновременно, каждую секунду требуя ответа на вопрос, когда приедет папа.

Их белые костюмчики уже не выглядели такими девственно-чистыми. Завитые волнистыми локонами волосы Кэрри постепенно растрепались и выглядели так, будто она долго стояла на ветру. У Кори потек нос, и он постоянно вытирал его тыльной стороной ладони, пока я не заметила этого и не вытерла его верхнюю губу салфеткой.

– Ну, Коррина, – пошутил Джим Джонстон, – похоже, Крис нашел кого-то на стороне.

Его жена неодобрительно посмотрела на него, услышав эту неуместную шутку.

У меня заурчало в животе, и я почувствовала, как мне передается волнение мамы. Она продолжала ходить взад и вперед, время от времени подходя к широкому окну гостиной и глядя на дорогу.

– О, – воскликнула я, заметив, как по аллее к нашему дому приближается машина, – может быть, это наконец папа!

Но машина, подъехавшая к нашему дому, была белая, а не зеленая. На ее крыше мы заметили сигнальную сирену, а на двери была надпись: «Полиция штата».

Мама издала сдавленный крик, когда двое полицейских в синей униформе подошли к нашей парадной двери и позвонили в звонок. Она застыла как вкопанная, схватившись рукой за горло и уставившись перед собой ничего не видящим взглядом. Глядя на нее, я ощутила, как меня охватывает непреодолимый ужас.

Джим Джонстон взял дело в свои руки и открыл дверь, пропуская внутрь двоих полицейских, которые, безошибочно определив, что в доме отмечают чей-то день рождения, почувствовали себя неудобно. Вид праздничного стола, подарков на буфете и свисающих с потолка воздушных шаров явно привел их в замешательство.

– Миссис Кристофер Гарленд Доллангенджер? – спросил старший из двух офицеров, переводя взгляд с одной из присутствующих женщин на другую.

Мама с явным усилием еле заметно кивнула. Мы с Кристофером подошли к ней ближе. Близнецы возились на полу с игрушечными машинками, и было заметно, что их нисколько не заинтересовало

неожиданное прибытие полиции.

Один из служителей порядка, тот, что с добрым лицом, сделал шаг к маме, покраснев до корней волос.

– Миссис Доллангенджер, – начал он так монотонно, что я еще больше перепугалась, – нам очень жаль, но на шоссе Гринфилд-хайвей произошла авария.

– О... – тяжело вздохнула мама, протягивая руки ко мне и к Кристоферу.

Я чувствовала, как она дрожит, и эта дрожь передалась мне. Не отрываясь, я смотрела на медные пуговицы на кителе полицейского и больше ничего вокруг себя не видела.

– К сожалению, ваш муж попал в эту аварию, миссис Доллангенджер.

Мама еще раз судорожно вздохнула, зашаталась и упала бы, если бы мы с Крисом не поддержали ее.

– Мы уже произвели допрос водителей – участников происшествия, и, насколько нам известно, ваш муж был не виноват, миссис Доллангенджер, – продолжал вещать монотонный голос. – В соответствии с показаниями свидетелей водитель голубого «форда», ехавшего навстречу, постоянно заезжал за пределы разграничительной линии и, видимо, был в состоянии опьянения. Он лоб в лоб врезался в машину вашего мужа. У нас создалось впечатление, что ваш муж пытался предотвратить несчастный случай, поскольку он маневрировал, чтобы избежать лобового столкновения, но из другого автомобиля или грузовика выпала деталь, что помешало ему завершить защитный маневр, который спас бы ему жизнь. Итак, машина вашего мужа, которая была намного тяжелее, перевернулась несколько раз, но даже в этих обстоятельствах у него был бы шанс выжить, если бы следующий за ним грузовик не ударил в его машину сзади. «Кадиллак» снова перевернулся и загорелся.

Я никогда не видела, чтобы в наполненной людьми комнате так быстро воцарилась тишина. Даже близнецы оторвались от игры и уставились на полицейских.

– Мой муж... – прошептала мама таким слабым голосом, что ее было едва слышно. – Но он... он... не погиб?

– Мэм, – ответил траурным голосом краснолицый полицейский, – мне причиняет ужасную боль то, что я вынужден приносить такие новости во время семейного торжества. – Он стушевался и неловко огляделся вокруг. – Мне очень жаль, мэм... все делали все возможное, чтобы достать его из машины, но, мэм, судя по тому, что сказал доктор, смерть наступила мгновенно.

Кто-то из сидящих на диване вскрикнул. Мама не издала ни звука. Она продолжала бессмысленно смотреть перед собой. Отчаяние мгновенно смыло все краски с ее лица, и теперь оно напоминало маску смерти. Я пристально смотрела на нее, пытаюсь взглядом сказать ей, что это не может быть правдой. Только не папа! Только не мой папа! Он не мог умереть! Не мог! Умирают старые, больные люди, но не тот, кто так нужен и так любим всеми.

Но лицо мамы внезапно посерело, взгляд потух, руки задвигались, словно выжимая невидимую скатерть, и с каждой секундой ее глаза все глубже проваливались в глазницы.

Я заплакала.

– Простите, мэм, но мы хотели бы передать вам кое-какие из его вещей, которые выпали из машины после первого удара. Мы сохранили все, что могли.

– Уходите! – закричала я на офицера. – Убирайтесь отсюда! Это не мой папа! Я знаю, что это не он! Он просто остановился, чтобы купить нам мороженого. Он может приехать в любую минуту! Уходите!

Я подбежала к одному из офицеров и стала бить его кулаком в грудь. Он попытался оттолкнуть меня. Кристофер сзади начал оттаскивать меня в сторону.

– Пожалуйста, – сказал полицейский, – кто-нибудь, поддержите ребенка.

Мама обхватила меня руками за плечи и прижала к себе. Люди растерянно бормотали что-то, а с кухни доносился запах подгоревшей еды. Я ждала, чтобы кто-то подошел ко мне и сказал, что Бог никогда не забирает к себе таких людей, как мой отец. Но никто этого не сделал. Только Крис подошел и обнял меня за талию, так что мы стояли втроем: мама, Кристофер и я.

Наконец мой брат отважился заговорить и странным, сиплым голосом произнес:

– Вы точно уверены, что это был наш отец? Если зеленый «кадиллак», как вы говорите, загорелся, то человек внутри, скорее всего, обгорел настолько, что трудно было установить, кем он был на самом деле.

Громкие, душераздирающие рыдания вырвались из груди мамы, хотя до этого она не проронила ни слезинки. Она поверила! Она поверила, что эти двое говорят правду!

Разодетые в пух и прах гости окружили нас и начали говорить обычные в таких случаях слова сожаления. Так происходит всегда, когда нужных слов не найти.

– Нам очень жаль, Коррина. Для нас это настоящий удар...
– Это так ужасно... Как ужасно, что это случилось с Крисом!
– Наши дни сочтены... Так уж заведено, со дня рождения все наши дни сочтены.

В конце концов толпа гостей начала убывать, как вода, просачивающаяся через бетонный пол. Папа умер. Мы больше никогда не увидим его живым, теперь он предстанет перед нами лежащим в гробу, в деревянном ящике, который потом зароят в землю и украсят сверху мраморным надгробием с его именем и датой рождения и смерти, той же самой датой, лишь год будет другой.

Я посмотрела вокруг, чтобы узнать, что происходит с близнецами, явно ничего не понявшими. К счастью, кто-то из гостей догадался увести их в кухню и готовил для них легкий ужин, чтобы затем уложить спать.

Я встретила взглядом с Кристофером и поняла, что он, как и я, захвачен и подавлен кошмарностью происходящего. На его бледном лице застыл испуг, он смотрел перед собой взглядом, исполненным глубокого горя, отчего его глаза потемнели.

Один из полицейских вышел из дома к своему автомобилю и возвратился с кипой вещей, которые он разложил на кофейном столике. Я замерла, глядя, как на свет божий появляется то, что отец обычно носил в карманах: бумажник из кожи ящерицы, подаренный ему мамой на Рождество, кожаный блокнот, наручные часы и обручальное кольцо. Побывав в огне, все вещи почернели и покрылись налетом сажи.

Последними появились раскрашенные в мягкие пастельные тона животные, предназначенные для Кори и Кэрри. Как сказал краснолицый полицейский, все они были найдены рассыпанными вдоль дороги. Синий плюшевый слон с розовыми бархатными ушами и бордовый конь с красным седлом и золотыми поводьями. О, это было как раз для Кэрри. Сердце мое сжалось, когда полицейский стал выкладывать папину одежду, которая вывалилась из чемоданов, когда открылся замок багажника. Я знала эти костюмы, эти рубашки, галстуки, носки. Один из галстуков я сама подарила отцу на его день рождения.

– Кто-то должен поехать с нами и опознать тело, – сказал полицейский.

Теперь я была уверена. Это была правда. Наш отец больше никогда не придет с подарками для всех нас, даже на свой собственный день рождения.

Осознав это, я стремглав бросилась из комнаты. Мне хотелось быть как можно дальше от разложенных на столе вещей: они разрывали мое

сердце и заставляли чувствовать боль, в сравнении с которой все, что я пережила до этого, не имело никакого значения. Я выбежала из дома на задний двор и там стала бить кулаками по стволу старого клена, пока не содрала в кровь руки, а потом бросилась на траву и горько заплакала. Из меня изливались океаны слез по папе, который на самом деле должен был быть жив. Я оплакивала всех нас, оставшихся без него, особенно близнецов, ведь они даже не смогли в полной мере почувствовать, какой чудесный отец у них был.

И когда мои слезы иссякли, а глаза распухли и покраснели, я услышала, как сзади легкими шагами приближается мама.

Она села на траву позади меня и взяла мою руку в свою. Молодой месяц – луна была в первой четверти – уже успел зайти, но небо было усыпано миллионами звезд, а в воздухе чувствовались весенняя свежесть и первые ароматы цветения.

– Кэти, – сказала она неожиданно, когда мне показалось, что тишина, повисшая между нами, никогда не кончится, – твой отец там, на небесах, сейчас он смотрит вниз, на тебя, и поэтому ты должна вести себя достойно.

– Он не умер, мама, – отчаянно запротестовала я.

– Ты слишком долго пробыла здесь во дворе и, наверное, не понимаешь, что уже десять часов. Кто-то должен был поехать и опознать тело отца. Хотя Джим Джонстон и предлагал сделать это, пытаюсь оградить тебя от новых переживаний, я должна была сама увидеть его. Понимаешь, мне тоже было трудно в это поверить. Твой отец действительно умер, Кэти. Кристофер сейчас лежит на кровати и плачет, а близнецы уже заснули. Они еще не знают в точности, что означает слово «умер».

Она обняла меня, положив мою голову к себе на плечо.

– Пойдем, – сказала она, вставая с земли и поднимая меня вместе с собой. – Ты слишком много времени провела здесь. Я думала, ты дома, вместе со всеми остальными. А дома все считали, что ты или у себя в комнате, или у меня. Нельзя оставаться наедине со своим горем. Всегда лучше быть с людьми и разделить печаль с ними, а не загонять ее внутрь.

Пока она говорила это, ее глаза оставались сухими, но где-то глубоко внутри она плакала и, может быть, даже кричала. Все говорило об этом, начиная с ее тона и кончая глубокой тоской в потемневших от горя глазах.

Со смертью отца темная тень упала на всю нашу жизнь. Я с упреком смотрела на маму и думала, что она заранее должна была подготовить нас к чему-нибудь подобному, потому что нам никогда не разрешалось держать домашних животных, которые могли умереть и тем самым приучить нас к

мысли о потерях, связанных со смертью. Кто-нибудь, какой-нибудь взрослый должен был предупредить нас, что молодые, красивые и полные сил люди тоже могут умереть. Но как я могла сказать что-нибудь в этом роде маме, выглядевшей так, будто судьба заставила ее пройти через все муки ада? Разве можно допустить такую откровенность с человеком, который не хочет ни есть, ни пить, ни причесываться, ни надевать те прекрасные платья, что наполняют его гардероб? Мало того, она как будто забыла и о нашем существовании. К счастью, сердобольные соседки приходили и забирали нас на время к себе или приносили еду, приготовленную ими. Наш дом неожиданно оказался набитым цветами, домашними запеканками, ветчиной, горячими булочками, пирожными и пирожками.

Люди, знавшие и любившие отца, приходили толпами. Я была удивлена, что он был так известен в нашем городке. Одновременно я возненавидела постоянные расспросы о том, как он умер, и выражения сожаления по поводу того, что кто-то умирает таким молодым, в то время как старые, бесполезные и беспомощные люди продолжают жить, являясь бременем для всего общества.

Из услышанных и подслушанных мной разговоров я вынесла идею, что смерть слепа и собирает свою жатву, не обращая внимания на любящих и любимых и не проявляя снисхождения.

Весенние дни подходили к концу. Наступало лето. Печаль, как ни старайся продлить или задержать ее в себе, постепенно отступала, и отец, такой живой, такой настоящий, такой любимый, постепенно превращался в смутный образ с неясными очертаниями.

Однажды я увидела маму такой грустной, словно она разучилась улыбаться.

– Мама, – сказала я, пытаюсь как-то поднять ей настроение, – я собираюсь делать вид, что папа еще жив, как будто он просто уехал в очередную деловую поездку. Что он собирается вернуться. Что он снова войдет в дверь и скажет свое обычное: «А ну-ка, быстрее поцелуйте меня, если вы меня еще любите». Давай попробуем, может, нам всем будет лучше, если мы представим себе, что он живет где-то, откуда мы не можем получить известий, и что он появится в любую минуту.

– Нет, Кэти, – вздохнула мама. – Ты должна примириться с правдой. Нельзя найти успокоение в фантазиях, понимаешь? Твой отец умер, и его душа отправилась на небо. В твоём возрасте ты уже должна понимать, что с небес еще никто не возвращался. А что касается нас, мы и без него будем делать все, что от нас зависит, и не будем убегать от реальности.

Она поднялась с кресла и начала искать в холодильнике продукты для завтрака.

– Мама, – начала я снова, как можно осторожнее, чтобы не рассердить ее, – разве мы сможем продолжать жить без него?

– Я сделаю все от меня зависящее, чтобы мы выжили, – ответила она невыразительно.

– Ты теперь будешь работать, как миссис Джонстон?

– Может быть, а может быть, и нет. Всякое может быть, Кэти. Жизнь полна сюрпризов, и иные из них неприятные, как ты смогла убедиться. Но помни, что Господь наградил тебя отцом, с которым ты прожила почти двенадцать лет и который считал тебя своей любимой маленькой девочкой.

– Потому что я похожа на тебя, – ответила я, все еще чувствуя в определенной степени ту зависть, которая посещала меня, когда я замечала, что стою для отца на втором месте после нее.

Мама бросила на меня взгляд, продолжая рыться в содержимом холодильника.

– Знаешь, что я тебе скажу, Кэти? Раньше я никогда не говорила тебе ничего подобного. Ты выглядишь очень похожей на меня в твоем возрасте, но на самом деле мы с тобой очень разные. Ты гораздо более целеустремленная и в чем-то агрессивная. Отец говорил, что ты очень напоминаешь ему его мать, которую он очень любил.

– Наверное, все любят своих матерей?

– Нет, – сказала она со странной гримасой, – есть матери, которых просто нельзя любить, потому что они не хотят, чтобы их любили.

Потом она достала из холодильника яйца и бекон и повернулась, чтобы заключить меня в объятия.

– Дорогая Кэти! Вы с отцом любили друг друга особенно сильно, и я думаю, что ты скучаешь по нему гораздо больше, чем Кристофер или близнецы.

Я всхлипнула у нее на плече:

– Я ненавижу Бога за то, что Он отобрал его у меня! Папа должен был дожить до старости. Его уже не будет, когда я начну танцевать в балете, а Кристофер станет врачом. Теперь, когда его нет, ничто не имеет значения.

– Иногда, – начала мама сдавленным голосом, – смерть не так страшна, как ты думаешь. Твой отец никогда не станет старым или больным. Он навсегда остался молодым, и ты запомнишь его таким: молодым, красивым и сильным. Не плачь больше, Кэти, потому что отец всегда говорил, что для всего есть свои причины и у всякой проблемы есть решение, и теперь я пытаюсь, все время пытаюсь найти наилучший выход.

Мы, четверо детей, были подавлены своей тяжелой потерей, разрушившей нашу прошлую жизнь. Мы часто играли на заднем дворе, стараясь забыться под яркими солнечными лучами, неспособные представить себе, как неожиданно и трагически обернется наша жизнь в скором будущем. В будущем, где слова «сад» и «задний двор» станут для нас синонимами небес, таких же далеких и недоступных.

Через некоторое время после папиных похорон мы с Крисом пытались занять близнецов игрой на заднем дворе. Они сидели в песочнице с совками, перекладывая песок с одной горки на другую и общаясь друг с другом на языке, понятном только им двоим. Кори и Кэрри не были абсолютно идентичными близнецами и скорее напоминали обыкновенных брата и сестру, и в то же время они образовывали своего рода единое целое – самодостаточное и удовлетворяющее обе его части. За стеной, которую они возвели вокруг себя, близнецы были владельцами собственного замка и полноправными хранителями собственного ларца с секретами. Им вполне хватало друг друга, все остальные были лишними.

Подошло время ужина, но нас никто не звал. Похоже, еду сегодня отменили. Напуганные такой перспективой, мы не стали дожидаться, пока мама позовет нас в дом, и, схватив близнецов за пухлые ручки в складочках, побежали сами. Мама сидела за отцовским письменным столом и писала письмо, которое, по всей видимости, давалось ей трудно, судя по груде смятых листов с черновыми набросками. Нахмурившись, она писала прописными буквами, время от времени останавливаясь и задумчиво глядя куда-то вдаль.

– Мама, – напомнила я ей, – уже почти шесть. Близнецы давно проголодались.

– Минутку, минутку, – ответила она, почти не обращая на нас внимания. – Я пишу вашим дедушке и бабушке, которые живут в Виргинии. Соседи принесли нам столько еды, что хватит на неделю. Ты можешь просто разогреть какую-нибудь запеканку, Кэти.

Так я впервые сама приготовила поесть: накрыла на стол, разогрела запеканку и разлила по стаканам молоко, и лишь тогда мама пришла в кухню и стала помогать мне.

Пожалуй, каждый день с тех пор, как отца не стало, мама писала какие-то письма, отлучалась куда-то, а мы оставались на попечении ближайших соседей. По вечерам она чаще всего сидела за письменным столом, раскрыв перед собой большую зеленую папку, где хранились кипы счетов.

Все изменилось дома: исчезло привычное ощущение порядка, и

казалось, ничто не идет как надо. Теперь мы с братом часто сами купали близнецов, одевали их в пижамы и укладывали спать. Потом Кристофер бежал в свою комнату заниматься, а я старалась быть с мамой. Я мечтала, чтобы ее глаза снова хоть на секунду засветились счастьем.

Несколько недель спустя от маминых родителей наконец пришел ответ. Мама сразу заплакала, даже не успев распечатать толстый глянцевоый конверт. Она медленно открыла его ножом для разрезания писем и дрожащими руками взяла три страницы, которые перечитала трижды. Пока она читала, по лицу ее медленно стекали слезы, размазывая макияж и оставляя длинные блестящие полосы.

Мама позвала нас в дом, как только достала почту из ящика, и теперь мы вчетвером сидели перед ней на диване. Я сидела и наблюдала, как ее хорошенькое лицо дрезденской фарфоровой куклы принимает твердое, исполненное холодной решимости выражение. У меня даже холодок пробежал по спине. Может быть, потому, что она неожиданно подняла глаза на нас и долго смотрела странным, задумчивым взглядом. Потом она опять посмотрела на три листа бумаги в своих все еще дрожащих руках и перевела взгляд за окно, как будто там надеялась увидеть ответ на вопрос, содержащийся в письме. Вообще она вела себя очень странно. В комнате стало необыкновенно тихо.

Жизнь в доме без отца и так была достаточно неудобной, а тут еще это письмо, трех страниц которого было достаточно, чтобы мама стала смотреть на нас таким неожиданно жестким взглядом. Что же все-таки произошло?

В конце концов она начала, кашлянув, чтобы прочистить горло. Ее голос неожиданно стал резким, совершенно непохожим на ее обычно нежные, теплые интонации.

– Ваша бабушка ответила мне, – сказала она этим пугающим, ледяным тоном. – После всех писем, что я написала ей, она, в общем, э-э... как вам сказать... В общем, она согласилась. Она позволит нам переехать и жить у нее.

Это были отличные новости – как раз то, что нам очень хотелось услышать. Но мама снова замолчала и уставилась на нас. Что же все-таки происходило с ней? Она словно забыла, что мы – ее четверо детей, а не просто чьи-то ребята, посаженные перед ней на диване в ряд, как птицы на веревке, где сушится белье.

– Кристофер, Кэти! В свои четырнадцать и двенадцать лет вы уже достаточно взрослые, чтобы понять и поддержать вашу мать в нашем отчаянном положении.

Сделав многозначительную паузу, она начала нервно перебирать бусы у себя на шее и тяжело вздохнула. Казалось, она вот-вот заплачет. Мне стало жаль нашу бедную маму, такую одинокую, лишенную всякой поддержки.

– Мама, – спросила я, – что-то не так?

– Все в порядке, дорогая, все в порядке. – Она попыталась изобразить улыбку. – Ваш отец, царство ему небесное, хотел дожить до глубокой старости и в ближайшее время собирался нажить приличное состояние. Он был одним из тех людей, которые умеют делать деньги, поэтому я никогда не сомневалась, что ему удастся осуществить свои планы, разумеется со временем. Никто не предполагал, что он оставит нас в тридцать шесть лет. Человеку свойственно верить, что с ним не случится ничего сверхъестественного, что несчастья происходят с другими. Никто из нас в глубине души не верит, что с ним может случиться нечто такое. Господи, ведь мы с вашим отцом надеялись состариться вместе. Мы думали, что умрем в один день, в достаточно преклонном возрасте, чтобы успеть понянчить внуков. Тогда ни одному из нас не пришлось бы скорбеть о том, кто умрет первым.

Она снова вздохнула.

– Должна сказать вам, что мы жили далеко не по нашим нынешним средствам, практически в кредит. То есть мы тратили деньги, которых у нас еще не было. Отец здесь ни при чем, в основном это была моя вина. Он прекрасно знал, что такое бедность. Да что там, вы, наверное, помните, как он ругал меня. Когда мы покупали дом, он сказал, что нам нужны только три спальни, но мне хотелось четыре. Даже четыре казалось мало. Посмотрите вокруг: мы взяли ссуду на этот дом сроком на тридцать лет. Ничто здесь не принадлежит нам: ни мебель, ни автомобили, ни оборудование в кухне, ни стиральные машины – ни за один предмет мы не расплатились.

Видимо, мы выглядели испуганно, потому что она замолчала и залилась краской, безотчетно оглядывая комнату, так прекрасно оттенявшую ее красоту. Изящные брови сдвинулись на переносице, и лицо стало озабоченным.

– Несмотря на то что отец пытался ограничить мои траты, он в основном и сам был не против. Он прощал мне многое, потому что любил меня, и в конце концов мне удалось убедить его, что предметы роскоши совершенно необходимы, и мы бросились тратить деньги. Мы всегда прощали друг другу наши слабости. Пожалуй, это была наша общая черта, одна из многих.

Воспоминания на минутку преобразили ее лицо, и к ней вернулось то тоскливо-покинутое выражение, какое часто появлялось у нее после смерти отца. Однако она быстро оправилась и продолжила все тем же чужим голосом:

– Теперь все эти красивые вещи от нас заберут. По условиям договора все это отойдет к ним. Так происходит, если ты не можешь расплатиться за сделанные покупки. К примеру, этот диван. Три года назад он стоил триста долларов. Нам осталось заплатить примерно сотню, но его все равно отберут. Мы потеряем все, что мы заплатили, и это будет законно. Мы потеряем не только этот дом вместе с мебелью, но даже машины – в общем, практически все, кроме нашей одежды и ваших игрушек. Надеюсь, они разрешат мне оставить обручальное кольцо, а другое, с бриллиантом, которое я получила при помолвке, я собираюсь спрятать. Поэтому, если кто-нибудь будет интересоваться, не вздумайте сказать, что у меня было еще одно.

Кто собирался отнять у нас все наше имущество, оставалось неясным. Тогда мне не пришло в голову спросить об этом. А потом... Потом это просто не имело значения.

Мы с Кристофером посмотрели друг на друга. Я безуспешно старалась понять происходящее, барахтаясь в море слов и боясь утонуть. Я чувствовала, что погружаюсь во взрослый мир, где существовали понятия «смерть» и «долг». Наверное, мой брат понял это, потому что с силой сжал мою руку в знак поддержки.

Видимо, обуревавшие меня чувства проступали на лице так же ясно, как вещи, выставленные в витрине. Настолько ясно, что даже Кристофер, мой всегдашний мучитель, попытался меня ободрить. Я хотела улыбнуться, чтобы доказать, что я тоже взрослая, но слабое, дрожащее существо внутри меня было повергнуто в ужас: «Они собираются забрать от нас все». Я не желала, чтобы другая маленькая девочка жила в моей комнате, оклеенной чудесными розово-салатными обоями, спала на моей кровати, играла с игрушками, которыми я так дорожила, – миниатюрными куколками в изящных коробках и музыкальной шкатулкой из чистого серебра с танцующей розовой балериной. Неужели и их надо будет отдать?

Мама внимательно наблюдала за тем, как мы с Крисом обменялись взглядами. Снова обратившись к нам, она попыталась отчасти придать голосу прежнюю нежность:

– Не надо отчаиваться. Все не так плохо, как это прозвучало. Простите, если я причинила вам боль. Мне следовало помнить, какие вы еще маленькие. Я приберегла хорошие новости напоследок. Теперь – внимание,

задержите дыхание. Вы, наверное, не поверите тому, что я сейчас скажу, но мои родители очень богаты. Не с нашей точки зрения представителей среднего класса и даже не так, как люди, занимающие более высокое положение, а очень, очень, очень богаты! Богаты до отвращения, настолько, что это даже кажется немного греховным. Они живут в огромном, прекрасном доме в Виргинии, вы никогда не видели ничего подобного. Я-то родилась и выросла в этом доме и уверена, что, когда вы увидите его, наш коттедж покажется вам хижинкой. И разве я уже не успела упомянуть, что теперь мы будем жить с ними – моими отцом и матерью?

Она предлагала нам это утешение, неуверенно и слегка подобострастно улыбаясь. Эта соломинка не спасла меня от пучины страхов и сомнений, в которую погрузили ее слова и поведение. Мне совсем не нравилось, как она виновато отводила глаза, когда я смотрела на нее. Она наверняка что-то скрывала.

Но она была мамой.

И папы с нами не было.

Я подхватила Кэрри и посадила ее на колени, крепко прижимая к себе ее маленькое теплое тело. Я пригладила влажную прядь ее золотых волос, упавшую на лоб. Бедняжка потупила глаза и надула похожие на розовый бутон губки.

Взглянув на Кори, прислонившегося к Кристоферу, я сказала:

– Близнецы устали, мама. Их пора кормить ужином.

– У нас еще достаточно времени, – нетерпеливо заявила она. – Нам нужно все спланировать и упаковать одежду, потому что уже сегодня мы должны успеть на поезд. Все ваши носильные вещи надо уместить в два чемодана. Поэтому я рекомендую вам взять с собой любимые вещи и только те игрушки, с которыми вы просто не можете расстаться. И не больше одной игры. Я куплю вам, сколько вы захотите, когда мы приедем. Ты, Кэти, выберешь игрушки и одежду, которая больше всего нравится близнецам. Постарайся отбирать как можно меньше. Мы не сможем взять с собой больше четырех чемоданов. Еще два нужны для моих вещей.

Боже праведный! Итак, все это было взаправду. Мы действительно уезжали, оставляя почти все. Мы четверо могли забрать лишь то, что поместится в два чемодана. Одна только моя кукла Тряпичная Энн занимала полчемодана. И в то же время я не могла оставить ее, мою любимую куклу, которую папа подарил мне еще в три года! Я поневоле всхлипнула.

Пораженные, мы сидели на диване, уставившись на маму. Ей стало ужасно неловко, и, вскочив с места, она начала мерить шагами комнату.

– Я ведь уже говорила, что мои родители очень состоятельные люди.

Она попыталась снова бросить на нас с Кристофером ободряющий взгляд, но быстро отвернулась, пряча лицо.

– Мама, – сказал Кристофер, – что-то не так?

Я удивилась, что он задал ей этот вопрос. И так было ясно, что все не так.

Она ходила из стороны в сторону, и ее длинные изящные ноги время от времени появлялись из прорези в блестящем черном халате. Даже в трауре, одетая во все черное, она была красива, ее не портили и тени под обеспокоенными глазами. Она была так прекрасна, и я так любила ее; о, как я любила ее тогда!

– Правда, есть одна маленькая деталь, о которой я должна поставить вас в известность до того, как вы встретите моего отца – вашего дедушку. Много лет назад, когда мне было восемнадцать, я совершила серьезный проступок, который очень рассердил дедушку, и мама его тоже не одобрила, но она и так ничего не оставила бы мне, поэтому она не считается. Но дедушка из-за того, что я сделала, вычеркнул меня из завещания, и поэтому теперь мне ничего не перейдет по наследству. Ваш папа всегда остроумно называл это «лишиться расположения». Он всегда пытался представить все в лучшем свете и часто говорил, что это не имеет значения.

Лишиться расположения? Что это значит? Я не могла вообразить, что такого плохого совершила мама, чтобы ее отец отвернулся от нее и во всем ей отказал.

– Да, мама, я тебя прекрасно понимаю, – внезапно выдохнул Кристофер. – Ты сделала нечто, вызвавшее неодобрение твоего отца, и тогда, хотя ты и была первоначально включена в его завещание, он, вместо того чтобы как следует обдумать этот шаг, попросил своего юриста вычеркнуть тебя, и теперь ты не унаследуешь его земных богатств, когда он благополучно отойдет в мир иной.

Он ухмыльнулся, довольный, что знает больше моего. У Криса всегда был готов ответ на любой вопрос. Дома он всегда сидел, уткнувшись носом в книгу, хотя на улице был такой же дурной и гадкий, как все мальчишки по соседству. Дома он даже не смотрел телевизор, а немедленно, как червь, зарывался в книги.

Естественно, он был прав.

– Да, Кристофер. Ничто из богатства, накопленного твоим дедушкой, не перейдет ко мне, когда он умрет, или через меня к вам. Поэтому мне пришлось отослать столько писем, пока мать наконец не ответила мне. –

Она снова улыбнулась, на этот раз с горькой иронией. – Но поскольку теперь я единственная оставшаяся наследница, я надеюсь опять завоевать его расположение. Видите ли, у меня было два старших брата, но оба погибли от несчастных случаев, и теперь я осталась одна.

Она перестала ходить по комнате и остановилась. Неожиданно, полуприкрыв рукой рот, она добавила неестественным голосом:

– Наверное, будет лучше, если я вам еще кое-что объясню. Ваша настоящая фамилия не Доллангенджер, а Фоксворт. Фоксворт – очень важная фамилия в Виргинии.

– Мама, – удивленно воскликнула я, – разве разрешается менять фамилию и писать другую, фальшивую, в наших свидетельствах о рождении?

– Ради бога, Кэти, – нетерпеливо ответила она, – разумеется, закон разрешает менять фамилию. Видишь ли, фамилия Доллангенджер тоже до некоторой степени имеет к нам отношение. Твой папа говорил, что это фамилия его далеких предков, и считал ее забавной, и потом, она хорошо выполняла свое предназначение.

– Какое предназначение? – спросила я. – Зачем было папе менять такую легкую в написании фамилию, как Фоксворт, на такую длинную и трудную, как Доллангенджер?

– Кэти, я устала, – сказала мама, падая в кресло. – Мне ведь так много нужно сделать, так много уладить юридических деталей. Очень скоро сами все поймете, я объясню вам. Клянусь быть абсолютно честной, но сейчас, пожалуйста, дайте мне перевести дух.

Ах, что это был за день! Сначала мы узнали, что какие-то таинственные «они» придут, чтобы забрать от нас все, включая дом. Потом оказалось, что и наша фамилия на самом деле не наша.

Близнецы уже почти спали, свернувшись у нас на коленях. Они все равно были слишком малы, чтобы что-то понять из разговора. Даже я в свои двенадцать лет, почти женщина, не понимала, почему мама не выглядела особенно радостной, направляясь к родителям, которых не видела пятнадцать лет. И потом, эти таинственные дедушка и бабушка, о которых мы до смерти отца и понятия не имели. Лишь сегодня мы услышали, что у нас было два дяди, погибших в результате несчастного случая. Только сейчас меня осенила мысль, что наши родители жили нелюдимой жизнью еще задолго до нашего рождения и что мы, в конце концов, были не в центре мироздания, как мне казалось раньше.

– Мама, – осторожно заговорил Кристофер, – твой огромный дом в Виргинии – это, конечно, прекрасно, но нам очень нравится здесь. Здесь

наши друзья, здесь нас все знают, все любят, и лично я предпочел бы остаться здесь. Разве ты не можешь разыскать папиного адвоката и попросить его, чтобы он помог нам остаться и сохранить наш дом и мебель?

– Да, мама, пожалуйста, давай останемся, – добавила я.

Мама снова резко поднялась и заходила по комнате. Потом она опустилась перед нами на колени, так что ее глаза оказались на одном уровне с нашими.

– А теперь послушайте, – велела она, взяв нас за руки и прижимая их к своей груди. – Я много думала о том, удастся ли нам остаться здесь и если да, то как. Но это невозможно, совершенно невозможно, потому что у нас нет денег, чтобы платить по счетам, приходящим каждый месяц, а у меня нет профессии, которая позволила бы мне работать и содержать четырех детей и саму себя. Посмотрите на меня, – сказала она, выбрасывая вперед свои руки, которые в этот момент показались нам ранимыми, беспомощными и красивыми. – Знаете, кто я? Просто хорошенькое, бесполезное украшение. Украшение, которое всегда верило, что найдется человек, который будет заботиться о нем. Я ничего не умею. Я даже не умею печатать. Я не знаю арифметики. Я не знаю, как вышивать красивые узоры нитками или шерстью. Такие люди не способны заработать деньги. А без денег нельзя прожить, мои дорогие. Не любовь движет миром, а именно они, деньги. А у моего отца их столько, что он не знает, что с ними делать. И теперь у него единственный живой наследник – я. Когда-то он заботился обо мне гораздо больше, чем о моих братьях, и, наверное, теперь будет нетрудно снова завоевать его привязанность. Ему шестьдесят шесть лет, и он умирает от болезни сердца. Судя по тому, что моя мать написала на отдельном листке, которого отец не видел, он не проживет дольше двух-трех месяцев. Поэтому у меня будет достаточно времени, чтобы очаровать его и заставить снова полюбить меня. А когда он умрет, все его состояние будет моим. Моим! Нашим! Мы навсегда освободимся от денежных тягот. Мы сможем поехать куда захотим, делать все, что нам вздумается, путешествовать, покупать все, что угодно. Я говорю не о миллионе или двух, а о многих-многих миллионах – может быть, даже миллиардах. Когда у людей столько денег, они не знают их численного выражения. Они вкладывают их повсюду, и им принадлежат разные вещи, такие как банки, авиакомпания, отели, универмаги, пароходства. Вы не можете себе вообразить, какая империя находится под контролем вашего дедушки, даже сейчас, когда его дни сочтены. Он настоящий гений в области делания денег. Все, к чему он прикасается, превращается в золото.

Ее голубые глаза засверкали. Солнце светило через окна фасада, и его лучи алмазным блеском ложились на ее волосы. Казалось, что она уже владеет неоценимым богатством. Мама, мама, но почему все это открылось только после смерти отца?

– Кристофер, Кэти, вы слушаете, вы пытаетесь использовать свое воображение? Понимаете, на что способен человек с таким огромным количеством денег? Мир со всем, что ни есть в нем, будет вашим! У вас будет власть, влияние, уважение. Поверьте, очень скоро ко мне вернется расположение моего отца. Ему достаточно будет посмотреть на меня, и он поймет, что все эти пятнадцать лет мы были нелепо, бессмысленно отделены друг от друга. Он стар, слаб и все время находится в комнате на первом этаже, за библиотекой, и за ним днем и ночью ухаживают медсестры, а слуги прислуживают ему на каждом шагу. Но лишь собственная плоть и кровь становится действительно важной для человека в таком состоянии, а я – все, что у него осталось. В первый вечер я подготовлю его к встрече с его четырьмя внуками и внучками, а потом я приведу вас, и он будет заворожен, очарован этим зрелищем: четверо красивых детей, само совершенство, он просто не сможет не полюбить вас, каждого из вас. Честное слово, все будет так, как я сказала. Я сделаю все, что отец потребует от меня. Клянусь жизнью, клянусь всем, что для меня свято и дорого, – вами, которых я родила, потому что так сильно любила вашего отца: очень скоро я буду наследницей неправдоподобно большого состояния, и через меня любая ваша мечта сможет немедленно осуществиться.

Я сидела, раскрыв рот, – так поразительна была ее страстность. Взглянув на Кристофера, я поняла, что он тоже смотрит на нее в изумлении. Близнецы были в мягкой полудреме и вряд ли слышали все, что она говорила.

Итак, мы собирались переехать в дом, огромный и богатый, как дворец.

В этом величественном дворце нас должны были представить царю Мидасу, который скоро отойдет в мир иной, а тогда мы получим все его деньги, и мир будет у наших ног. Мы будем неправдоподобно богаты. Я стану чем-то вроде принцессы! Но почему я не чувствовала себя счастливой?

– Кэти, – сказал Кристофер, улыбаясь своей лучистой, счастливой улыбкой, – ты все равно сможешь стать балериной. Я не думаю, что талант можно купить за деньги, так же как деньги никогда не сделают из богатого

бездельника хорошего доктора. Но до того, как придет время становиться собранными и целеустремленными, почему бы не побывать на празднике жизни?

Я не могла взять с собой серебряную музыкальную шкатулку с розовой балериной. Она считалась дорогой и была внесена в «их» списки как ценный предмет.

Нельзя было снять со стены застекленные коробки с объемными картинками или потихоньку взять одну из миниатюрных кукол. Я не могла увезти ничего из того, что дарил мне папа, кроме маленького колечка с полудрагоценным камнем, сделанным в форме сердца, которое постоянно было у меня на руке.

И, как сказал Кристофер, когда мы разбогатеем, наша жизнь превратится в один нескончаемый праздник, одну длинную-предлинную вечеринку. Так живут все богатые люди: они постоянно веселятся, после того как закончат считать деньги и составят план развлечений на будущее.

Развлечения, игры, вечеринки, невообразимое богатство, дом, похожий на дворец с множеством слуг, живущих в постройке над гаражом, где стоит по меньшей мере девять дорогих автомобилей... Кто бы мог подумать, что моя мама выросла в такой семье? Почему она постоянно спорила с папой, пытавшимся ограничить ее траты, если она могла просто написать домой и попросить, пусть униженно?

Я медленно прошла через прихожую в свою комнату и остановилась перед серебряной шкатулкой, где балерина делала арабески, когда крышка открывалась. При этом она любовалась на свое отражение в зеркале. Я услышала, как шкатулка прозвенела мелодию: «Кружись, балерина, кружись...» Я могла бы ее украсть, если бы у меня было куда ее спрятать.

Прощай, моя розовая комната! Прощай, моя маленькая белая кровать с прошитым швейцарским одеялом, под которым я болела корью, свинкой, ветрянкой.

Прощай, папа, теперь я не смогу представить, как ты сидишь на краю кровати, взяв меня за руку, или приносишь мне из ванной стакан воды. На самом деле мне совсем не хочется уезжать, папа, я бы лучше осталась здесь, где все напоминает о тебе.

— Кэти, — мама стояла в дверях, — сейчас не время плакать. Комната есть комната. За свою жизнь ты успеешь пожить во многих, поэтому поторопись, собери свои вещи и вещи близнецов, пока я тоже собираюсь.

Внутренний голос нашептывал мне, что за свою жизнь я

действительно успею сменить тысячу комнат, и... я поверила.

Путь к богатству

Пока мама упаковывала свои вещи, мы с Кристофером побросали свои в чемоданы, добавив несколько игрушек и одну настольную игру. В ранних вечерних сумерках такси отвезло нас на станцию. Мы ускользнули украдкой, не попрощавшись ни с одним из друзей, и поэтому мне было больно. Мама настаивала, чтобы все было именно так. Я не могла понять почему. Наши велосипеды остались в гараже вместе со всем, что нельзя было увезти.

Поезд мчался через темную звездную ночь к далекому горному поместью в Виргинии. Мимо проносились спящие городки и небольшие селения, рассыпанные в темноте фермы со светящимися прямоугольниками окон, которые одни только и говорили об их существовании.

Мы с братом не хотели засыпать, стараясь не пропустить ни одного из тех видов, что открывались из окна, и, боже праведный, сколько нам надо было обсудить! В основном разговор касался того величественного и богатого дома, в великолепных апартаментах которого нам предстояло жить. Мы будем есть на золотой посуде, а подавать будет лакей, одетый в ливрею. Я полагаю, что у меня будет собственная горничная, чтобы заботиться о моей одежде, готовить ванну, причесывать мне волосы, опрометью бросаться ко мне по первому зову. Впрочем, я не буду суровой. Я буду ласковой, проницательной госпожой, о какой мечтает любая служанка, до тех пор, пока она не разобьет что-нибудь. Тогда я обернусь настоящей фурией с ужасными вспышками гнева и выскажу ей все накопившиеся претензии.

Оглядываясь на ту ночь в поезде, я понимаю, что именно тогда я начала взрослеть и философствовать. Приобретая что-то, мы одновременно что-то теряем, поэтому, думала я, надо привыкать к новому положению вещей и пытаться взять от него возможно больше.

Пока мы с братом размышляли о том, как мы будем тратить будущее состояние, в наше маленькое купе протиснулся крупный, лысеющий мужчина-кондуктор и, с восхищением оглядев нашу маму с головы до ног, вежливо сказал:

– Миссис Паттерсон, через пятнадцать минут поезд прибывает на вашу станцию.

Почему теперь она стала называться «миссис Паттерсон»? Я была удивлена и озадачена. Я бросила вопросительный взгляд на Кристофера и

поняла, что он тоже сбит с толку.

Проснувшись и явно чувствуя себя не в своей тарелке, мама широко открыла глаза. Ее взгляд переметнулся с кондуктора на нас, а потом она со страхом посмотрела на спящих близнецов. На глазах у нее появились слезы, она вытащила из сумки салфетку и стала тщательно вытирать в уголках глаз. Потом последовал вздох, такой тяжелый и такой печальный, что мое сердце тревожно забилося.

– Да, спасибо, – сказала она кондуктору, который продолжал с восхищением смотреть на нее. – Не волнуйтесь, мы готовы выйти.

– Мэм, – ответил тот, озабоченно глядя на карманные часы, – сейчас три часа ночи. Вы уверены, что вас есть кому встретить?

Он перевел взволнованный взгляд на меня и Кристофера, а потом на спящих близнецов.

– Все в порядке, – уверила его мама.

– Учтите, там очень темно, мэм!

– Послушайте, я могу дойти домой с закрытыми глазами.

Но похоже, доброго дедушку-кондуктора не удовлетворил такой ответ.

– Леди, до Шарлотсвилла час езды на машине. Мы высаживаем вас и ваших детей практически в никуда. В пределах видимости от станции нет даже ни одного дома.

Чтобы прекратить дальнейшие расспросы, мама ответила, стараясь придать голосу как можно более холодный оттенок:

– Нас встретят.

Было забавно, что она может внезапно стать такой высокомерной, а затем оставить свой пренебрежительный тон так же быстро, как снять шляпу.

Мы прибыли на место назначения. Вокруг было пустынно, и никто нас не встречал.

Кондуктор был прав, предупреждая нас: вокруг было темно и не светилося ни одного огонька, указывающего на какое-нибудь жилище. Посреди ночи, одни, вдали от каких-либо признаков цивилизации, мы стояли и махали руками вслед кондуктору, который, стоя на ступеньках, тоже махал нам, держась одной рукой за поручень. Судя по выражению его лица, он был расстроен, что ему пришлось оставить на платформе миссис Паттерсон и целый выводок сонных детей, в ожидании кого-то, кто должен приехать за ними на машине. Я посмотрела вокруг и увидела только ржавый жестяной навес на четырех деревянных столбиках и расшатанную зеленую скамейку.

Итак, это была наша станция.

Мы, не садясь, продолжали стоять и смотреть, пока поезд не исчез в темноте, грустно свистнув нам на прощание, как бы желая удачи.

Нас окружали поля и луга. Из густого леса позади станции доносились страшные звуки. Я вздрогнула и обернулась, вызвав смех Кристофера.

– Это просто сова! Ты что, думала, это привидение?

– Хватит, никаких призраков! – резко бросила мама. – И не обязательно говорить шепотом. Вокруг фермы, в основном молочные. Посмотрите, на полях растет овес и пшеница, кое-где есть ячмень. Фермеры поставляют свежие продукты состоятельным людям, которые живут на холмах.

Вокруг было множество холмов, похожих на вспучивающееся тут и там заплатанное одеяло. Склоны их заросли деревьями, которые разбивали каждый холм на своеобразные секции. Я быстро придумала для них название – «часовые ночи». Но мама тут же объяснила их практическое применение: оказывается, деревья задерживали снежные оползни. Упоминание о снеге несказанно обрадовало Кристофера: он любил все зимние виды спорта и не думал, что в таком южном штате, как Виргиния, будет достаточно снега.

– О, не волнуйся, снег здесь идет, – сказала мама, – да еще как! Эти холмы открывают горную цепь Блю-Ридж, и поэтому здесь делается очень, очень холодно – так же, как в Гладстоне. Но летом здесь будет значительно теплее, особенно днем. Ночью будет достаточно холодно, чтобы укрываться по меньшей мере одним одеялом. Сейчас, если бы солнце уже взошло, вам предстал бы, наверное, самый красивый уголок во всем мире. Однако нам надо торопиться. До дома идти еще очень далеко, а мы должны быть там, пока не рассвело и не проснулись слуги.

Как странно.

– Почему? – спросила я. – И почему кондуктор называл тебя миссис Паттерсон?

– Кэти, сейчас у меня нет времени на объяснения. Надо идти как можно быстрее.

Она подхватила два самых тяжелых чемодана и неожиданно резким тоном приказала нам следовать за собой.

Мы с Кристофером были вынуждены тащить близнецов, которые никак не могли проснуться.

– Мама, – воскликнула я, когда мы прошли несколько шагов, – кондуктор забыл передать нам твои чемоданы!

– Ничего страшного, Кэти, – сказала она, с трудом переводя дыхание, как будто ее ноша была настолько тяжелой, что отнимала все силы. – Я

попросила его доставить их в Шарлотсвилл и положить в ячейку камеры хранения, чтобы я могла забрать их завтра утром.

– Это еще зачем? – недоверчиво поинтересовался Кристофер.

– Ну, во-первых, я безусловно не могу тащить сразу четыре чемодана, не правда ли? Во-вторых, я хочу получить возможность поговорить с отцом до того, как он узнает о вас. И потом, я думаю, мой приезд среди ночи, после того как я пятнадцать лет не переступала порог дома, и без того покажется достаточно странным.

Наверное, это были разумные доводы, потому что близнецов приходилось нести на руках и мы вряд ли могли справиться с большой поклажей. Мы снова тронулись в путь, продвигаясь вслед за мамой по едва различимым тропкам между камней и деревьев. Колючий кустарник цеплялся за нашу одежду. Казалось, дорога никогда не кончится. Мы с Кристофером устали и все больше и больше раздражались; нести близнецов было все тяжелее, руки уже начинали болеть. Приключение начинало надоедать нам. Мы жаловались, ворчали по поводу и без повода, едва переставляя ноги. Больше всего нам хотелось присесть и отдохнуть, а еще лучше – оказаться в Гладстоне, в своих кроватях, в окружении знакомых вещей. Большой старый дом со слугами, бабушкой и дедушкой, которых мы никогда не видели, совсем перестал представляться привлекательным.

– Разбудите близнецов! – бросила мама через плечо, явно недовольная нашими постоянными жалобами. – Поставьте их на ноги, пусть идут сами, хотя бы они того или нет.

Спрятав лицо за меховым воротником жакета, она едва слышно добавила что-то вроде:

– Господи, пусть ходят по твердой земле, пока это возможно.

По моей спине пробежал тревожный холодок. Посмотрев на старшего брата, чтобы выяснить, расслышал ли он эту последнюю фразу, я увидела, что он улыбается. Я улыбнулась в ответ.

Завтра, когда мама приедет на такси в положенное время и поговорит с больным дедушкой, ей достаточно будет улыбнуться и произнести несколько слов, чтобы очаровать его. Он протянет руки для объятий и простит ей то, из-за чего она «лишилась расположения».

Со слов мамы ее отец представлялся мне сварливым и очень-очень старым – тогда шестьдесят шесть лет казались мне глубокой старостью. Человек, стоящий на пороге смерти, не может держать старые обиды, особенно на своего единственного оставшегося ребенка, дочь, которую он когда-то так любил. Он не может не простить ее, чтобы с сознанием

собственной правоты, спокойно, умиротворенно сойти в могилу. После того как она заворочит его своими чарами, она приведет нас из спальни, и мы сделаем все, чтобы показать себя с лучшей, приятнейшей стороны. Он увидит, что мы не плохие и отнюдь не уродливые. Не говоря уже о близнецах: никто не может не полюбить их, если у него есть сердце. Я сама видела, как люди в магазинах останавливались, чтобы потрепать их по головке и сказать нашей маме, какие хорошенькие у нее двойняшки. А потом, потом дедушка узнает, какой умный наш Кристофер! Ведь он учится на круглые пятерки! Что самое интересное, ему даже не приходится сидеть над книгами, как мне. Все дается ему очень легко. Ему достаточно просмотреть страницу пару раз, и вся информация немедленно откладывается у него в голове, причем надолго, если не навсегда. Я очень завидовала его способностям.

Я тоже была одаренной девочкой, не в такой степени, как Кристофер, но все же.

С детства я отличалась проницательностью и норовила заглянуть за блестящий фасад, чтобы обнаружить пятнышко на обратной стороне. Собрав вместе то немногое, что нам удалось услышать о нашем дедушке, я уже успела составить о нем более или менее цельное представление и определить, что он был из тех, кто долго не прощает, – судя по тому, что он отвергал некогда столь любимую дочь целых пятнадцать лет. И все же, со всей своей твердостью, как может он противостоять маминому обаянию? Вряд ли это было возможно. Я часто была свидетелем споров по поводу семейного бюджета и поражалась, как ей удастся заставить папу забыть о тратах и их последствиях. Он всегда бывал побежден. Достаточно было одного поцелуя, одного крепкого объятия или любого другого проявления ласки и нежности – и он соглашался, что так или иначе они смогут заплатить за очередную дорогую покупку.

– Кэти, – сказал Кристофер, – по-моему, ты чем-то очень озабочена. Если бы Бог не создал людей так, что они в конце концов стареют, слабеют и умирают, он никогда не позволил бы им иметь детей.

Почувствовав на себе его взгляд, я догадалась, что он читает мои мысли, и вспыхнула.

Он ободряюще улыбнулся. Он был неунывающим оптимистом и в отличие от меня не впадал в меланхолию, сомнения и тяжелые раздумья.

Мы последовали совету мамы и разбудили близнецов, велев им встать на ноги и сделать над собой усилие, чтобы идти самим. Обильно расточая стоны и жалобы, они поплелись вслед за нами.

– Не хочу идти туда! – рыдала обыкновенно очень слезливая Кэрри.

Кори только пищал.

– Я не хочу идти по темному лесу! – продолжала вопить Кэрри, пытаюсь освободить свою руку, которую я крепко сжимала. – Я иду домой! Пустите меня, Кэти, пустите меня!

Всхлипывания Кори становились все громче и громче.

Я хотела было снова взять Кэрри на руки, но поняла, что уже не смогу сделать это: руки слишком сильно болели.

Потом Кристофер отпустил Кори и побежал вперед, чтобы помочь маме с ее двумя тяжелыми чемоданами. Теперь за мной в темноте волочились два воющих близнеца.

Воздух был прохладным и пронзительно свежим.

Хотя мама назвала эту местность холмистой, огромные темные формы, просматривавшиеся вдалеке, скорее напоминали горы. Я подняла глаза на небо. Оно напоминало глубокую миску бархатистого темно-синего цвета, перевернутую вверх дном и украшенную напоминающими снежинки кристаллами звезд. А может, это мои замерзшие слезы, которые мне предстоит выплакать в будущем? Почему-то мне показалось, что со своей высоты они смотрят на меня с сожалением, и я чувствовала себя подавленным, совершенно ничего не значащим существом размером с муравья. Небо было слишком близким, слишком большим и красивым и наполняло меня странными предчувствиями. Одновременно я сознавала, что при других обстоятельствах я просто влюбилась бы в окружающий меня пейзаж.

Наконец мы приблизились к скоплению больших фешенебельных домов, расположившихся на склоне холма.

Никем не замеченные, мы подошли к самому большому, выглядевшему намного величественнее всех остальных. Мама приглушенным голосом сообщила нам, что дом ее предков называется Фоксворт-холл и что ему уже двести лет!

– Здесь есть какое-нибудь озеро, где можно плавать и кататься на коньках зимой? – спросил Кристофер. Он уже успел внимательно осмотреть эту сторону холма. – Пожалуй, для лыж это не лучшее место, слишком много деревьев и скалистых выступов.

– Да, – ответила мама, – примерно в четверти мили отсюда есть небольшое озеро.

И она жестом указала направление.

Мы обошли кругом громаду дома, ступая почти на цыпочках. Когда мы оказались у черного входа, нас впустила пожилая женщина.

Скорее всего, она ждала нас, потому что нам даже не пришлось

стучать. Мы тихонько прокрались внутрь, как ночные воры. При этом женщина не произнесла ни слова приветствия. Может, это одна из служанок? Я опять была озадачена.

Мы немедленно оказались внутри темного дома, и женщина повела нас по узким низким ступеням.

– Но уверена ли ты, что они достаточно умны? Может быть, у них есть скрытые от глаз отклонения?

– Ничего подобного! – обиженно воскликнула мама. – Мои дети полноценны умственно и физически, и ты это прекрасно видишь!

Сверкнув глазами на женщину в сером, она опустилась на колени и начала раздевать Кэрри, которая уже клевала носом. Потом она перешла к Кори и расстегнула его голубую курточку. Кристофер между тем положил один из чемоданов на большую кровать, одну из стоявших в комнате. Он открыл его и достал два желтых комплекта из рубашек и штанишек – пижамы для близнецов.

Помогая Кори раздеться и надеть пижаму, я незаметно разглядывала высокую крупную женщину, которая, по всей видимости, была нашей бабушкой. Осматривая ее лицо в поисках морщин или тяжелых складок на подбородке, я пришла к выводу, что она не такая старая, как мне показалось вначале. Ее волосы имели голубоватый стальной оттенок и, крепко-накрепко стянутые сзади, делали разрез глаз продолговатым. В нем было что-то кошачье. Было заметно, что каждая прядь волос небольшими клинышками подтягивает вверх отчаянно сопротивляющуюся кожу: пока я смотрела, один волос даже выбился, освободившись от заколок.

Ее нос напоминал орлиный клюв, плечи были очень широкими, а рот был как будто прорезан кривым острым ножом. В ее облике не было ничего мягкого или уступчивого, даже груди под платьем смотрелись как железобетонные. Чувствовалось, что с ней шутки плохи, и вряд ли можно было надеяться на отношения, подобные нашим отношениям с папой или мамой.

Мне она совсем не понравилась.

Мне захотелось домой. Губы у меня неожиданно задрожали. Господи, вот бы папа снова был с нами! Как могла эта женщина произвести на свет такое доброе и нежное создание, как наша мама? От кого мама унаследовала свою красоту и жизнерадостность?

Я снова почувствовала дрожь и с трудом сдержала слезы, готовые хлынуть из глаз. Мама заранее готовила нас к встрече с нелюбящим и безразличным к нашей судьбе дедушкой, но бабушка, которая сама подготовила наш приезд, оказалась самым сильным и горьким

разочарованием. Я отчаянно заморгала, чтобы Кристофер не заметил моих слез и не высмеял их потом. Я немного успокоилась, когда увидела, как мама с мягкой улыбкой укладывает в кровать уже одетого Кори, а вслед за ним, в ту же кровать, и Кэрри. Они были такими милыми, когда лежали рядом: маленькие розовощекие куколочки. Мама склонилась над ними, крепко поцеловала обоих, нежно смахнув со лба вьющиеся пряди волос, и тщательно укрыла их одеялом.

– Спокойной ночи, мои крошки, – прошептала она хорошо знакомым мне любящим голосом.

Близнецы ничего не слышали. Они уже крепко спали.

Однако, непоколебимая, как дерево, пустившее глубокие корни, наша бабушка с явным недовольством взглянула сначала на близнецов, а потом в нашу с Кристофером сторону: мы невольно жались друг к другу, тем более что нас шатало от усталости. Ее каменно-серые глаза сверкнули с явным неодобрением. В отличие от меня мама поняла ее хмурый пронзительный взгляд и вспыхнула, когда бабушка произнесла:

– Твои старшие дети не могут спать в одной постели!

– Но они всего лишь дети, – вспыхнула мама. – Похоже, ты совсем не изменилась. У тебя осталась эта отвратительная подозрительность. Кристофер и Кэти невинны!

– Невинны? – прошептала та, и ее взгляд стал острым как бритва. – Мы с отцом думали так же о тебе и твоём дяде!

Я с удивлением смотрела на них широко открытыми глазами. Крис выглядел потерянным и беззащитным, неожиданно превратившись из почти юноши в семи-восьмилетнего ребенка. Он понимал не больше моего.

– Если ты так думаешь, предоставь им отдельные комнаты и отдельные кровати! Мне кажется, в этом доме их вполне достаточно.

– Это невозможно, – сказала бабушка своим холодным неприязненным голосом. – Это единственная спальня с отдельной ванной, расположенная таким образом, что мой муж не услышит шагов над головой или как они смывают в туалете. Если мы рассредоточим их по всему этажу, до него донесутся их голоса или какой-нибудь шум. Кроме того, их могут слышать слуги. Я все очень тщательно продумала. Это единственная безопасная комната.

Безопасная комната? Итак, мы должны были тесниться в одной-единственной комнате. В огромном, богатом доме с двадцатью, тридцатью, сорока комнатами мы будем занимать только одну? Хотя, с другой стороны, я бы не согласилась остаться одна в комнате в этом огромном здании, выстроенном для мамонтов.

– Положи девочек в одну кровать, а мальчиков в другую, – приказала бабушка.

Мама осторожно переложила Кори на свободную двуспальную кровать, устанавливая порядок, которому затем суждено было утвердиться раз и навсегда: мальчики спят у двери в ванную, мы с Кэрри – в кровати у окна.

Пожилая женщина перевела взгляд с меня на Кристофера и обратно.

– А теперь слушайте меня, – начала она тоном сержанта, проводящего занятия с солдатами. – Вы, старшие дети, будете следить за тем, чтобы ваши младшие брат и сестра вели себя тихо, и вы двое будете ответственны за нарушение правил, которые я вам сейчас изложу. Учтите, что, если дедушка слишком рано узнает о вашем существовании, он вышвырнет вас всех вон без единого предупреждения, строго наказав вас за то, что вы есть на свете! Вы будете содержать эту комнату и ванную в идеальной чистоте и порядке – так, как будто здесь никто никогда не жил. Вы будете вести себя тихо: не орать, не плакать, не бегать вокруг, чтобы внизу не трясся потолок. Когда мы с вашей матерью оставим вас сегодня ночью, я закрою за собой дверь на замок. Потому что я не желаю, чтобы вы бродили из комнаты в комнату, а тем более в другие части дома. Пока ваш дедушка жив, вы будете жить здесь, но вас как бы не существует.

О боже! Я быстро взглянула на маму, ища поддержки. Этого не может быть! Она просто хочет напугать нас. Я придвинулась ближе к Кристоферу, крепко прижалась к нему, меня бросило в холодный пот, и я вся дрожала. Бабушка немедленно нахмурилась, и я быстро отступила в сторону. Мама стояла отвернувшись, с опущенной головой. Плечи ее вздрагивали, как будто она плакала.

Меня охватила паника, и я, наверное, закричала бы, если бы мама в этот момент не обернулась. Присев на край кровати, она протянула нам с Кристофером руки. Благодарные за ее руки, привлекающие нас к себе, чтобы нежно потрепать по спине, пригладить наши растрепанные ветром волосы, мы бросились к ней.

– Все в порядке, – прошептала она. – Верьте мне: вы останетесь здесь на одну ночь, а потом мой отец с радостью примет вас в своем доме, и вы сможете распоряжаться им и садом, как своими собственными.

Затем она обернулась к своей матери, казавшейся сейчас особенно строгой, высокой, готовой запретить все на свете.

– Мама, ты должна пожалеть моих детей. Ведь в них есть и твоя кровь! Учти и ты это. Они очень хорошие, но все же они нормальные дети, они не могут не играть, не шуметь, и для этого им нужно место. Неужели ты

ожидаешь, что они будут говорить шепотом? Нет необходимости запираť дверь комнаты – достаточно запереть другую, в конце коридора. И почему они не могут использовать все северное крыло? Насколько я понимаю, это самая старая часть дома и тебе она, в общем-то, безразлична.

– Коррина, здесь я принимаю решения. Ты думаешь, слуги не обратят внимания на то, что целое крыло дома закрыто, и не поинтересуются, зачем это сделано? Они знают, что дверь в эту комнату всегда заперта, и это не вызывает у них удивления. Отсюда открывается дверь на лестницу, ведущую на чердак, и я не хочу, чтобы слуги совали нос куда не следует. Рано утром я буду приносить детям пищу и молоко – до того, как горничные и повар появятся в кухне. В северное крыло люди заходят только в последнюю пятницу каждого месяца, когда проходит генеральная уборка. В этот день дети будут прятаться на чердаке, пока горничные не закончат. До того как слуги придут убирать комнату, я сама буду проверять, остались ли какие-нибудь следы их пребывания в комнате.

Мама не сдавалась:

– Это невозможно! Они не могут не выдать себя, пойми это. Прошу тебя, запри дверь в конце коридора!

Бабушка заскрежетала зубами.

– Коррина, дай мне время! Со временем я придумаю повод закрыть все крыло целиком так, чтобы его даже не убирали. Но я должна действовать осторожно, не вызывая подозрений. Слуги не любят меня и сразу побегут к твоему отцу в надежде на поощрение. Неужели это непонятно? Закрытие этой части дома не должно совпасть с твоим приездом, Коррина.

Мама кивнула, соглашаясь. Они с бабушкой все обсуждали и обсуждали детали своего заговора, а между тем мы с Кристофером все больше хотели спать. День казался бесконечным. Я мечтала забраться в кровать вместе с Кэрри и впасть в сладкое забытье, где не существовало проблем.

Неожиданно, когда я думала, что о нас уже забыли, мама заметила, как мы устали. И нам позволили раздеться и залезть в кровать.

Мама подошла ко мне, усталая и озабоченная, с темными кругами под глазами, и крепко поцеловала меня в лоб. В уголках ее глаз мерцали слезы и, смывая тушь, темными ручейками стекали по лицу. Почему она снова плачет?

– Засыпайте, – сказала она хрипло, – засыпайте и не волнуйтесь. Не обращайтесь внимания на то, что вам пришлось услышать. Как только отец простит меня и забудет то, что я сделала, он примет вас в свои объятия. Ведь вы единственные внуки, которых он сможет увидеть, пока жив.

– Мама, – нахмурилась я, чувствуя непонятную тоску, – почему ты все время плачешь?

Она неловко смахнула слезы и попыталась улыбнуться:

– Кэти, наверное, мне потребуется больше чем один день, чтобы снова завоевать расположение моего отца. Это может занять два дня или больше.

– Больше?

– Возможно, неделю, но это крайний срок, наверняка все произойдет гораздо быстрее. Я не знаю точно, но это не должно растянуться надолго. Можете положиться на меня. – Своей мягкой рукой она пригладила мои волосы. – Кэти, радость моя, твой папа очень любил тебя, и я тебя люблю.

С этими словами она перешла к Кристоферу, чтобы приласкать его на прощание, но что она шептала ему, я уже не слышала. У двери она обернулась и пожелала нам как следует выспаться.

– Увидимся завтра, я приду к вам, как только смогу. Вы знаете мои планы. Мне придется прогуляться до станции, сесть на поезд до Шарлотсвилла, где меня ждут мои два чемодана, и рано утром я должна буду приехать сюда на такси, а когда это будет возможно, я постараюсь проникнуть сюда и увидаться с вами.

Уходя, бабушка бесцеремонно протолкнула маму в дверь впереди себя, но мама все же успела оглянуться через плечо и умоляюще взглянуть на нас, проговорив напоследок:

– Пожалуйста, ведите себя хорошо, не шумите. Слушайтесь бабушку, выполняйте ее указания и не заставляйте ее наказывать вас. И еще постарайтесь сделать так, чтобы близнецы тоже слушались, не плакали и не очень по мне скучали. Пусть это будет игрой, по крайней мере для них. Попробуйте развлечь их, а я привезу вам всем игрушки и настольные игры. Завтра я приеду, но все это время я буду думать о вас, любить вас и молиться за вас.

Мы пообещали, что будем паиньками, будем сидеть тихо, как мыши, и с ангельской кротостью выполнять все требования бабушки. Мы заверили ее, что сделаем все, чтобы она не сердилась на нас и близнецов.

– Спокойной ночи, мама! – сказали мы с Кристофером в один голос, пока она в нерешительности стояла в дверях. Большие, жесткие бабушкины руки лежали у нее на плечах. – Не волнуйся за нас, все будет в порядке. Мы знаем, чем занять близнецов и как развлечь самих себя. Мы уже не маленькие.

Все это говорил в основном мой брат.

– Я увижу вас завтра ранним утром, – сказала от себя бабушка, выталкивая маму в коридор и запирая дверь.

Мы остались одни, и нам стало немного страшно. Что, если начнется пожар? Пожар? Теперь я всю ночь буду думать о пожаре и о том, как убежать, если он начнется.

Запертые здесь, мы не сможем ни до кого докричаться, даже если очень захотим. Кто услышит нас в этой вечно закрытой комнате, куда люди приходят не чаще чем раз в месяц, в последнюю пятницу?

Слава богу, нас поместили сюда временно, всего на одну ночь. А потом, завтра, мама помирится со своим умирающим отцом.

Но пока мы оставались одни. Запертые снаружи. Гигантский дом вокруг нас казался чудовищем, держащим нас в острых зубах. Если мы пошевелимся, будем шептать или тяжело дышать, оно нас проглотит и переварит.

Я с нетерпением ждала прихода сна. Бесконечная, гнетущая тишина становилась невыносимой. Первый раз в жизни я не заснула, как только голова коснулась подушки. Кристофер первым нарушил тишину, и мы начали шепотом обсуждать наше положение.

– Все не так плохо, – начал он, поблескивая в полумраке светлыми глазами. – Думаю, бабушка не такая страшная, как кажется. Не верится, чтобы она была такой!

– То есть тебе она тоже не показалась доброй старушкой?

Он усмехнулся:

– Да, доброй-предоброй. Как удав боа.

– Она такая огромная! Как ты думаешь, сколько она ростом?

– Господи, даже не знаю. Может быть, шесть футов. И весом фунтов двести.

– Какое там! Семь футов и пятьсот фунтов весом.

– Кэти, когда ты научишься не преувеличивать? Перестань делать из мухи слона. Посмотри на ситуацию реально. Мы просто заперты в одной из комнат большого дома. Мы проведем здесь одну ночь, пока мама не вернется.

– Кристофер, ты слышал, что она сказала о каком-то дяде? Ты понял, что она имела в виду?

– Нет, но мама нам все объяснит. Теперь помолись и засыпай. В конце концов, это все, что мы можем сделать.

Я встала с кровати, опустила на колени и сложила ладони под подбородком. Крепко закрыв глаза, я долго и страстно молилась, чтобы Господь помог маме быть обаятельной и обезоруживающе прекрасной.

– И, Господи, сделай так, чтобы дедушка не был таким же злым и неприязненным, как его жена.

После этого, усталая и обуреваемая множеством эмоций, я прыгнула в кровать и, крепко обняв Кэрри, провалилась в сон.

Бабушкин дом

Рассвет тускло забрезжил за тяжелыми шторами. Нам запретили их открывать.

Кристофер проснулся первым и сел на кровати, зевая, потягиваясь и улыбаясь мне.

– Привет, взъерошенная! – сказал он.

Его собственные волосы были такими же растрепанными, как у меня, если не хуже. Не знаю, почему Бог распорядился так, что у Кристофера и Кори были очень курчавые волосы, а у нас с Кэрри – только немного волнистые. Будучи мальчишкой, мой брат отчаянно пытался распрямить свои кудри, а я, глядя на него, думала, как было бы хорошо, если бы они оказались на моей голове.

Приподнявшись, я оглядела комнату размером примерно шестнадцать на шестнадцать футов. Она была просторной, но из-за всей этой мебели: двух двуспальных кроватей, высокого массивного комода на ножках, обычного комода с зеркалом, двух мягких кресел, туалетного столика между окнами со своим отдельным стульчиком, стола из красного дерева, к которому прилагались четыре дополнительных стула, – из-за всего этого она казалась маленькой и доверху забитой барахлом. Между двумя большими кроватями находился еще один столик с настольной лампой. Всего в комнате было четыре лампы. Пол под всей этой темной громоздкой мебелью был застелен линялым восточным ковром с золотым орнаментом по краям. Когда-то красивый, сейчас он выглядел старым и изношенным. Стены были оклеены бумажными обоями кремового цвета с белым рисунком. Покрывала на кроватях были золотистого цвета и сделаны из какого-то тяжелого материала вроде простеганного атласа.

На стенах висели три картины. Боже праведный, от одного взгляда на них захватывало дыхание! Гротескные демоны преследовали обнаженных людей в подземных пещерах огненно-красного цвета. Неправдоподобно страшные чудовища терзали остальные заблудшие души. Все еще шевелящиеся конечности торчали из оскаленных пастей с длинными, острыми, сверкающими клыками.

– То, что ты сейчас рассматриваешь, – это ад, каким его кое-кто представляет. Ставлю десять против одного, наша ангелоподобная бабушка сама повесила эти репродукции, чтобы напомнить нам, что нас ждет, если мы слушаемся. Похоже на картины Гойи, – добавил Крис.

Мой брат действительно знал все. Кроме его главной мечты – стать врачом, он лелеял еще одну – стать художником. Он исключительно хорошо рисовал, писал акварелью, масляными красками и так далее. Ему хорошо удавалось практически все, кроме уборки и ухода за собой.

Как только я попыталась встать и пройти в ванную, Кристофер вскочил с кровати и, естественно, опередил меня. Ну почему нас с Кэрри разместили так далеко от ванной? В нетерпении я села на край кровати, болтая ногами, и стала ждать, когда он выйдет.

Кэрри и Кори беспокойно заворочались и одновременно проснулись. Они сели и начали зевать, глядя друг на друга, как в зеркало, тереть глаза и сонно озираясь по сторонам. Потом Кэрри решительно произнесла:

– Мне здесь не нравится!

Это было неудивительно. Кэрри родилась с определенным мнением обо всем на свете. Еще не начав говорить (а заговорила она в девять месяцев), она точно знала, что она любит, а чего терпеть не может. Для нее не существовало золотой середины: все было или прекрасным, или непереносимо отвратительным. Когда она была довольна, ее голос звучал сладко, как у маленькой птички, щебечущей утром. Правда, щебетание прекращалось, только когда Кэрри ложилась спать. В остальное время она постоянно разговаривала – с куклами, чайными чашками, плюшевыми медведями и другими предметами. Все, что не двигалось с места и не отвечало на вопросы, становилось ее собеседником. В конце концов я просто перестала обращать внимание на ее болтовню, слушая вполуха и не слыша.

Кори был совершенно другим. Пока Кэрри болтала с вещами, он сидел и внимательно слушал. Я вспомнила, как миссис Симпсон сказала о Кори: «В тихом омуте черти водятся». Я не совсем поняла, что она имела в виду, но молчаливые люди действительно источают таинственность, и ты невольно начинаешь гадать, что скрыто под невозмутимой поверхностью.

– Кэти, – повторила маленькая сестренка, повернув ко мне почти младенческое личико, – ты слышала, что я сказала? Мне здесь не нравится.

Услышав это, Кори выбрался из своей кровати, прыгнул на нашу и прижался к сестренке-близняшке, широко открыв испуганные глаза. В своей обычной серьезной манере он задал вопрос:

– Как мы сюда попали?

– Приехали прошлой ночью на поезде. Разве ты не помнишь?

– Нет, не помню.

– Потом мы шли через лес при лунном свете. Было очень красиво.

– Где солнце? Сейчас все еще ночь?

Солнце пряталось за шторами. Но я знала, что, стоит мне сказать об этом Кори, он обязательно захочет открыть их и выглянуть наружу. А стоит ему выглянуть, он немедленно захочет выйти. Я не знала, что ему ответить.

В это время заскрежетал дверной замок, и мне не пришлось выпутываться из этого положения. Наша бабушка внесла в комнату большой поднос с едой, закрытый широким белым полотенцем. Очень коротко и небрежно она пояснила, что не может постоянно бегать вверх и вниз по лестницам с тяжелыми подносами. Только один раз в день. Если она начнет ходить слишком часто, слуги могут обратить внимание.

– Наверное, со следующего раза я буду пользоваться корзинкой для пикника, – сказала она, поставив поднос на маленький столик.

Обернувшись ко мне, как будто я отвечала за раздачу пищи, она объявила:

– Ты будешь следить за тем, чтобы этого хватило на весь день. Раздели это на три раза. Бекон, яйца и овсяные хлопья – на завтрак. Сэндвичи и горячий суп в термосе – на обед, а жареный цыпленок, картофельный салат и зеленые бобы – на ужин. На десерт можете съесть фрукты. В конце дня, если вы не будете шуметь и будете вести себя хорошо, я принесу вам мороженое и печенье или торт. Никаких конфет. Нельзя допустить, чтобы у вас портились зубы. Пока ваш дедушка не умрет, мы не сможем отвести вас к дантисту.

Кристофер вышел из ванной, полностью одетый, и удивленно уставился на бабушку, которая могла так спокойно, без тени сожаления, говорить о смерти своего мужа. Впечатление было такое, как будто она говорила о золотой рыбке где-нибудь в Китае, умирающей у себя в аквариуме.

– И не забывайте каждый раз чистить зубы после еды, – продолжала она, – аккуратно причесываться и полностью одеваться в чистую одежду. Я терпеть не могу замарашек с грязными руками и сопливыми носами.

Пока она это говорила, у Кори из носа текли сопли. Я тайком вытирала их салфеткой. Бедный Кори, он почти все время страдал сенной лихорадкой, а бабушка ненавидела сопливых детей.

– И ведите себя скромно в ванной! – сказала она, глядя особенно напряженно на меня, а затем на Кристофера, который стоял, опираясь на дверной косяк у входа в ванную. – Мальчикам и девочкам нельзя пользоваться ванной вместе.

Я почувствовала, как горячая кровь приливает к моим щекам. За кого она нас принимает?

Затем мы услышали фразу, которая впоследствии звучала вновь и

вновь, как с испорченной пластинки:

– И помните, дети, Бог видит все! Он увидит все нехорошее, что вы делаете за моей спиной. И если я не накажу вас, то Бог обязательно накажет!

Из кармана платья она достала листок бумаги.

– Находясь у меня в доме, вы должны следовать этим правилам.

Она положила листок на стол и сообщила, что мы должны прочитать и запомнить правила. Она уже развернулась, собираясь уходить, но потом направились к гардеробной, которую мы еще не успели осмотреть.

– Дети! За этой дверью в дальней стенке гардеробной есть маленький вход на чердак. Там достаточно места, чтобы побегать и в меру пошуметь. Но вам не разрешается подниматься туда до десяти часов. До этого времени горничные занимаются уборкой на втором этаже, и они могут услышать шум над головой. Всегда помните, что вас могут услышать внизу, если вы будете слишком шуметь. После десяти слугам запрещено появляться на втором этаже. Кто-то из них занялся воровством. Пока вора не поймут с поличным, я постоянно наблюдаю за уборкой спальных комнат. В этом доме действуют свои правила, и мы сами осуществляем наказание провинившихся. Вчера я уже говорила вам, что в последнюю пятницу каждого месяца вы будете уходить на чердак очень рано и тихо сидеть, не разговаривая и не топая ногами, поняли?

Она по очереди взглянула на каждого из нас, словно желая запечатлеть свои слова у нас в памяти злым, жестоким взглядом. Мы с Кристофером кивнули. Близнецы молча глядели на нее во все глаза замороженным, почти боготворящим ее взглядом. Затем она проинформировала нас, что по этим дням будет проверять нашу комнату и ванную, чтобы мы ничего не оставили, уходя.

Закончив, она удалилась и снова заперла за собой дверь.

Мы смогли отдышаться.

Сосредоточившись, я попыталась превратить все это в шутку:

– Кристофер Долл, я назначаю тебя отцом.

Он засмеялся и с иронией подхватил:

– Ну а как же иначе? В качестве мужчины и главы семьи хочу довести до вашего сведения, что мне следует прислуживать на каждом шагу, как если бы я был королем. Жена, находясь в моем подчинении, накрывает на стол, накладывает еду на тарелки, готовит все для своего хозяина и господина.

– Повтори, что ты сказал, брат мой.

– С этого момента я не брат, а твой властитель, и ты выполняешь мои

приказы, каковы бы они ни были.

– А если я их не выполню, как ты поступишь, хозяин и властитель?

– Мне не нравится твой тон! Ты должна обращаться ко мне уважительно.

– Ла-ди-да и хо-хо-хо! Я начну обращаться к тебе уважительно, когда ты завоюешь мое уважение. А это случится, когда ты вырастешь высотой в двенадцать футов, луна появится в полдень, а метель принесет благородного рыцаря на единороге в белоснежных сияющих доспехах и с зеленой драконовой головой на кончике копья!

Сказав это, я удовлетворенно посмотрела на его обескураженное лицо, поймала Кэрри за руку и высокомерно направилась в ванную. Мы стали умываться, одеваться и причесываться, не обращая внимания на бедного Кори, отчаянно просившегося к нам:

– Пожалуйста, Кэти! Позволь мне зайти! Я не буду смотреть!

В конце концов нам надоело торчать в ванной, мы вышли и – невероятно, но факт – увидели Кристофера и Кори полностью одетыми. Кори уже не нужен был туалет.

– Что случилось? – спросила я. – Только не вздумай сказать мне, что ты сделал это в кровати.

Кори молча указал мне на большую синюю вазу, в которой не стояли цветы.

Кристофер, довольный собой, прислонился к комоду, сложив руки на груди.

– Этот пример научит тебя никогда не игнорировать мужчину в нужде. Мы не так пассивны, как вы, женщины. В сложных ситуациях мы используем все, что под рукой.

Перед тем как позволить всем приступить к завтраку, я вылила содержимое синей вазы и как следует сполоснула ее. В самом деле, было бы неплохо держать ее у кровати Кори на всякий случай.

Мы расселись за круглым столиком для игры в карты, стоящим у окна. Чтобы близнецы видели, что они едят, мы посадили их на сложенные по две подушки. Все четыре лампы были зажжены, но, несмотря на это, было неприятно завтракать в сумерках.

– Веселей, не делай пресное лицо, – сказал мой непредсказуемый старший брат. – Я пошутил. Тебе не надо быть моей рабыней. Мне просто нравятся перлы, которые ты выдаешь, если тебя спровоцировать. Признаю, что Бог наделил вас, женщин, исключительным многословием, зато мы, мужчины, получили прекрасный инструмент для выведения шлаков на открытом воздухе.

И, чтобы доказать, что он не собирается становиться несносным тираном, он помог мне разлить молоко, обнаружив, как и я некоторое время назад, что держать почти галлоновый термос и не пролить его содержимое – дело не из легких.

Кэрри взглянула на яичницу с беконом и сразу же начала ныть:

– Мы не любим яиц с беконом. Нам нравятся холодные овсяные хлопья! Мы не будем есть эту жирную, горячую, гадкую еду-у-у! Мы любим холодные овсяные хлопья! – вопила она. – Холодные овсяные хлопья с изюмом!

– А теперь слушайте меня, – сказал их новый, уменьшенный отец. – Вы будете есть то, что перед вами, и не жаловаться, и сейчас же перестаньте плакать и скулить! Понятно? Кроме того, все уже давно не горячее, а холодное. Можете соскрести жир, он все равно твердый.

Не успели мы и глазом моргнуть, как Кристофер проглотил свою порцию холодной жирной пищи плюс поджаренный хлеб без масла. Близнецы по неизвестной мне причине съели завтрак, ни разу не пожаловавшись. У меня было неприятное предчувствие, что в дальнейшем с ними не все будет так гладко. Сейчас на них произвела впечатление решительность, проявленная их старшим братом, но потом...

Завтрак был окончен, и я аккуратно сложила тарелки обратно на поднос. Только тогда я вспомнила, что мы забыли помолиться. Мы быстро собрались вокруг стола, сложили руки и склонили головы.

– Господи, прости нас за то, что мы не попросили у тебя позволения начать трапезу. Пожалуйста, не говори об этом бабушке. Мы клянемся сделать все как положено в следующий раз. Аминь!

Закончив, я передала Крису свод бабушкиных правил, тщательно выписанных печатными буквами, как будто мы не могли понять обычного почерка.

Чтобы близнецы, вчера пребывавшие в полудреме, осознали, что их ждет, мой брат начал читать правила, которые нельзя нарушать, а не то!..

Предварительно он сложил губы в подобие бабушкиной гримасы. Трудно было поверить, что его идеальной формы рот может выглядеть таким злобным, но каким-то образом ему удалось передать ее суровость.

– «Пункт первый, – начал он холодно и без выражения. – Вы всегда должны быть полностью одеты».

При этом он сделал ударение на слове «всегда», так что пункт показался совершенно невыполнимым.

– «Пункт второй: вы никогда не должны произносить имя Господне всуе и каждый раз перед едой должны произносить молитву. И поскольку я

не могу постоянно наблюдать за вами, помните, что Он видит и слышит все.

Пункт третий: вам запрещается открывать шторы или выглядывать в щель между ними.

Пункт четвертый: вы никогда не будете заговаривать со мной первыми.

Пункт пятый: вы будете содержать эту комнату в порядке и чистоте. Кровати должны быть постоянно убраны.

Пункт шестой: вы не должны сидеть без дела. Каждый день вы будете посвящать пять часов учебе, а остальное время использовать для развития своих способностей достойным образом. Если у вас имеются навыки, способности или таланты, вы будете совершенствоваться в них, а если нет, то вы будете читать Библию. Если вы не можете читать, то вам предписывается сидеть, напряженно смотреть на Библию и пытаться, предаваясь чистым помыслам, постигнуть пути Господни.

Пункт седьмой: вы должны чистить зубы каждый день после завтрака и перед отходом ко сну.

Пункт восьмой: если я замечу, что мальчики и девочки пользуются ванной одновременно, я, ни минуты не колеблясь, без всякой жалости спущу шкуру с ваших спин».

Мое сердце перевернулось вверх ногами. Что же это за бабушка?

– «Пункт девятый: вы, все четверо, должны соблюдать скромность и благоразумие во всем и всегда: в поведении, в речи, в мыслях.

Пункт десятый: вы не должны трогать свои половые органы или играть с ними, воспрещается смотреть на них в зеркало и думать о них, даже когда вы их моете».

Нимало не смутившись, с веселым блеском в глазах, Кристофер продолжал читать, изображая бабушку:

– «Пункт одиннадцатый: вам не разрешается позволять недобрым, греховным или похотливым мыслям укореняться в вашей голове. Вы должны сохранять свои помыслы чистыми и избегать думать о вещах, которые наносят вред вашей морали.

Пункт двенадцатый: вы обязаны воздерживаться от взглядов на представителей противоположного пола, кроме тех случаев, когда это абсолютно необходимо.

Пункт тринадцатый: те из вас, кто может читать, а я надеюсь, что по крайней мере двое могут, будут по очереди читать вслух отрывки из Библии, как минимум по одной странице в день, чтобы младшие дети приобщились к учению нашего Господа.

Пункт четырнадцатый: вы будете купаться каждый день и тщательно

мыть ванну после купания, поддерживая ванную комнату в том состоянии, в каком вы ее нашли, без единого пятнышка.

Пункт пятнадцатый: все, включая близнецов, обязаны выучивать хотя бы по одной цитате из Библии в день. И быть способными по моей просьбе повторить ту цитату, которую я выберу, когда начну следить за тем, какие отрывки вы читаете.

Пункт шестнадцатый: вы не должны оставлять ни единой крошки из той пищи, которую я вам приношу, или выбрасывать что-либо. Тратить добрую пищу без нужды греховно, когда стольким в мире ее недостает.

Пункт семнадцатый: запрещается ходить по спальне в ночной одежде, даже если вы направляетесь из постели в ванную комнату или обратно. Вы всегда должны надевать халат поверх вашей ночной пижамы или поверх нижнего белья в том случае, если вам нужно неожиданно покинуть ванную, чтобы ею воспользовался другой ребенок. Я требую, чтобы все, кто живет под этой крышей, были скромны и благоразумны во всем и всегда.

Пункт восемнадцатый: когда я вхожу в комнату, вы должны стоять смирно, вытянув руки по швам и не сжимая кулаки с целью показать молчаливое сопротивление. Вам также запрещается смотреть мне в глаза, оказывать мне знаки привязанности или пытаться завоевать мою дружбу, жалость или сострадание. Все это невозможно. Ни ваш дедушка, ни я не можем позволить себе испытывать какие-то чувства к тому, что нечисто».

О боже! Эти слова жалили в самое сердце! Даже Кристофер запнулся, и по его лицу промелькнула тень отчаяния, но быстро сменилась усмешкой, когда наши глаза встретились. Он пощекотал Кэрри, и она засмеялась, потом ущипнул Кори за нос, и тот тоже развеселился.

– Кристофер, – встревоженно сказала я, – нашей маме никогда не удастся завоевать любовь своего отца! И очень маловероятно, что он захочет посмотреть на нас! Но почему? Что мы сделали? Нас не было, когда наша мама «лишилась расположения», сделав что-то столь ужасное, что он лишил ее наследства! Почему они ненавидят нас?

– Успокойся, – сказал Кристофер, еще раз пробегая глазами список. – Не принимай это слишком близко к сердцу. Она ненормальная, больная. Вряд ли такой умный человек, как наш дедушка, может разделять идиотские взгляды своей жены. Иначе как бы он заработал миллионы долларов?

– Может, он не заработал их, а унаследовал?

– Ну да, мама говорила, что он унаследовал кое-что, однако он увеличил свое состояние в сотни раз, поэтому у него наверняка есть мозги в голове. Но ему не повезло, и он получил в жены эту чокнутую.

Он ухмыльнулся и продолжил читать:

– «Пункт девятнадцатый: когда я буду приходить в эту комнату с молоком и пищей для вас, вы не будете смотреть на меня, говорить со мной или неуважительно думать обо мне или вашем дедушке, потому что над нами есть Бог и Он читает ваши мысли. Мой муж – очень целеустремленный человек. Никому не удавалось превзойти его в чем-то. Его обслуживает армия докторов, сиделок и техников. Специальные машины подключаются в случае, если его органы не работают, поэтому не думайте, что этого железного человека может провести какое-то ничтожество!»

О ужас! Мужчина из стали в дополнение к такой же женщине. Наверное, у него такие же серые, непроницаемые глаза. Пример наших мамы с папой доказал, что похожие люди прекрасно сосуществуют.

– «Пункт двадцатый, – читал Кристофер. – Вам не разрешается прыгать, кричать или разговаривать громким голосом, чтобы слуги внизу не услышали вас. Вы никогда не будете носить туфли на твердой подошве, только спортивные тапочки.

Пункт двадцать первый: вы должны экономить туалетную бумагу и мыло. Вы будете сами прочищать пробки в канализации, когда унитаз засорится. Если вы выведете его из строя, он будет оставаться в таком же состоянии, пока вы не покинете этот дом. В этом случае вы будете пользоваться ночными горшками, которые найдете на чердаке. Ваша мать будет опустошать их за вас.

Пункт двадцать второй: как мальчики, так и девочки будут сами стирать свою одежду в ванне. Ваша мать позаботится о постельном белье и полотенцах. Наматрасники будут меняться один раз в неделю, и если ребенок испачкает их, я прикажу вашей матери использовать прорезиненные, а ребенок, которого не приучили ходить в туалет, будет строго наказан».

Я вздохнула и обняла Кори, который затрясся и прижался ко мне, услышав последние слова.

– Ш-ш-ш! Не бойся! Она никогда не узнает о том, что ты сделал. Мы защитим тебя. Мы найдем способ скрыть твои ошибки, если ты будешь их делать.

Крис продолжал:

– Тут есть заключение, и это не требование, а предупреждение. Вот что она написала: «Вы не ошибетесь, если сделаете вывод, что в случае необходимости я буду добавлять к этому списку новые правила. Не думайте, что сможете обмануть или провести меня либо сыграть какую-

нибудь шутку на мой счет, потому что, если вы осмелитесь, на вашей коже и в вашем сознании останутся шрамы на всю жизнь и ваша гордость будет побеждена и уничтожена. И с этого момента я запрещаю произносить в моем присутствии имя вашего отца или ссылаться на него каким-то образом. Со своей стороны, я буду стараться не смотреть на ребенка, который больше всего напоминает его».

На этом список заканчивался. Я бросила на Кристофера вопросительный взгляд. Сделал ли он из последнего абзаца тот же вывод, что и я? Похоже, по какой-то причине наш отец был виновен в том, что нашу маму лишили наследства и так возненавидели.

Понял ли он также, что мы будем оставаться здесь взаперти очень и очень долго?

О боже, боже, боже! Я не смогу вынести и неделю.

Мы не были порождением дьявола, но, безусловно, не были и ангелами! И мы были нужны друг другу. Нам было необходимо смотреть друг на друга, касаться друг друга.

– Кэти, – спокойно сказал мой брат, хитро улыбаясь уголками губ.

Близнецы не сводили с нас глаз, попеременно глядя то на него, то на меня, ежесекундно готовые разделить нашу радость или панику.

– Неужели мы такие уродливые и настолько лишены обаяния, что старуха, совершенно явно ненавидящая нашу маму, как и отца, по причине нам неизвестной, будет вечно настроена против нас? Она же притворяется, обманывает. Она не имеет в виду того, о чем пишет.

Он указал на список, из которого уже успел сложить самолетик и запустить в сторону комода.

– Неужели мы должны верить этой старой женщине, которая явно не в своем уме и которую надо изолировать от людей? Или все-таки мы должны верить женщине, которая любит нас, которую мы знаем и которой доверяем? Наша мама позаботится о нас. Она знает, что делает, здесь на нее можно положиться.

Конечно, он был прав. Мы должны полностью доверять маме и полагаться на нее, а не на эту сумасшедшую с ее идиотскими идеями, глазами, похожими на ружейные дула, и кривым ртом, будто прорезанным ножом.

Очень скоро дедушка сдастся, простит маму, и мы спустимся к нему в нашей лучшей одежде, со счастливыми улыбками. И, увидев нас, он поймет, что мы не безобразны, не глупы, а, напротив, достаточно нормальны, чтобы немного нравиться. Или быть любимыми. Кто знает, может, когда-нибудь у него в сердце найдется место для любви к внукам.

Чердак

Десять утра.

Мы сложили остатки еды в самом холодном месте, какое нам удалось найти, – под комодом. Слуги уже наверняка закончили убирать кровати и наводить порядок на верхних этажах в других частях дома. В следующий раз они поднимутся туда через двадцать четыре часа.

Мы устали от комнаты, в которой были заперты, и горели желанием исследовать остальную часть наших ограниченных владений. Взяв за руки близнецов, мы с внутренним трепетом направились к гардеробной, где до сих пор лежали чемоданы с нашей одеждой. Мы не собирались распаковывать их: когда у нас будут вместительные апартаменты, слуги сделают это в наше отсутствие, как обычно бывает в фильмах. Мы все еще верили, что в следующую субботу, когда слуги придут убирать нашу комнату, нас здесь уже не будет, нас освободят.

Мой старший брат первым начал подниматься по узким ступеням темной лестницы, держа за руку младшего, чтобы тот не споткнулся и не упал. Мы с Кэрри, вцепившейся в мою руку, следовали по пятам за ними. Проход был таким узким, что мы все время касались стен плечами.

Наконец мы достигли цели.

Конечно, до этого мы видели чердаки, кто их не видел? Но не такие, как этот.

Мы стояли как вкопанные и ошеломленно оглядывались вокруг. Огромный, сумрачный, пыльный, этот чердак тянулся на целые мили! Противоположная стена находилась так далеко, что ее трудно было разглядеть. Воздух был тяжелым и неприятно пах разложением, старыми, гниющими вещами, уже мертвыми и не преданными земле. Витавшие в нем облака пыли делали все очертания зыбкими и колеблющимися. Казалось, все предметы на чердаке двигались, жили собственной жизнью, особенно в отдаленных темных углах.

Спереди и сзади было по четыре слуховых окна. По бокам, насколько мы могли видеть, окон не было, правда, некоторые пристройки нельзя было рассмотреть из-за удаленности, а мы боялись двинуться вперед сквозь жару и духоту этого места.

Однако постепенно, шаг за шагом, мы стали продвигаться вперед, удаляясь от лестничного колодца.

Пол был сделан из широких досок, мягких и трухлявых. Каждый раз,

осторожно ступая на них, мы видели, как какие-то маленькие создания разбегаются у нас из-под ног. На чердаке было достаточно мебели, чтобы обставить несколько домов. Темной, массивной мебели. А ночных горшков и кувшинов в больших мисках было, наверное, двадцать или тридцать штук. Чуть подальше стояла круглая деревянная емкость, напоминающая ванну, обитая по краям железом. Интересно, как в ней мылись?

Все, что представляло какую-то ценность, было закрыто чехлами, серыми от пыли. Эти чехлы вызывали у меня небольшую дрожь – такими странными, жуткими казались они, похожие на призраки вещей, бесконечно перешептывающиеся между собой. Я не хотела слышать, о чем они шептались.

Вдоль одной стены во всю ее длину выстроились несколько дюжин старых, перетянутых кожаными ремнями сундуков, покрытых наклейками с иностранными названиями. Наверное, каждый из них объехал вокруг света не один раз. Сундуки были очень большими и вполне подошли бы в качестве гробов.

Гигантские шкафы-арсеналы молчаливо подпирали противоположную стену. Проверив их, мы обнаружили в каждой массу старинной одежды. В одном была военная форма конфедератов и союзных войск – двух воюющих сторон в Гражданской войне. Мы с Крисом стали активно обсуждать, как это могло случиться. Близнецы стояли, прижавшись к нам и глядя вокруг большими, испуганными глазами.

– Ты думаешь, наши предки никак не могли определить, на чьей стороне сражаться в Гражданской войне, Кристофер?

– Правильнее сказать, войне между штатами.

– Думаешь, кто-то из них был шпионом?

– Откуда я знаю?

Загадки, загадки – везде и повсюду. Видимо, брат шел на брата – неплохое открытие из семейной истории. Было бы интересно найти их дневники.

– Посмотри-ка, – сказал Кристофер, доставая мужской шерстяной костюм кремового цвета с коричневыми бархатными лацканами, отделанный по краям более темным коричневым атласом.

Он встряхнул костюм. Отвратительные крылатые создания полетели из него во все стороны, несмотря на запах средства против моли. Мы с Кэрри резко отскочили.

– Не будьте младенцами! – сказал Крис, нимало не испуганный. – Моль, которую вы видели, не приносит никакого вреда. Дыры в одежде проедают личинки.

Но мне было все равно. Насекомые есть насекомые, взрослые или дети, не важно. Трудно сказать, почему его так заинтересовал этот проклятый костюм. Зачем нужно было вытаскивать его, чтобы выяснить, как застегивалась в те времена ширинка – на молнию или на пуговицы?

– Господи, – сказал он, – как, наверное, трудно было каждый раз расстегивать эти пуговицы!

Таково было его мнение.

На мой же взгляд, в старые времена люди знали толк в одежде. Как я мечтала походить в отделанной оборками сорочке поверх панталон, с дюжиной изящных юбок на проволочных обручах, украшенных снизу доверху оторочками, кружевами, вышивкой, воздушными лентами из бархата и атласа, а довершил бы это ослепительно-красивое убранство кружевной зонтик от солнца, чтобы оттенить мои золотые кудри и защитить от солнца мою нежную гладкую кожу. И еще я буду носить с собой веер, чтобы элегантно обмахиваться им, и мои веки при этом будут трепетать, очаровывая всех подряд. О, какая я тогда буду красавица!

Подавленные огромностью чердака, близнецы долго молчали, но тут Кэрри не выдержала и издала вопль, оторвавший меня от сладких раздумий. Я снова оказалась в реальности, которая мне совсем не нравилась.

– Здесь очень жа-а-арко, Кэти!

– Да, так и есть.

– Мне здесь не нравится!

Я взглянула на Кори – прижавшись ко мне, он с восхищением смотрел вверх и по сторонам, – взяла его и Кэрри за руки, и мы отправились дальше исследовать, что еще мог предложить нам этот чердак. А предложить он мог довольно много.

Тысячи старых книг, сложенных в стопки, потемневшие от времени grossбухи, письменные столы для офисов, два прекрасных пианино, радио, фонографы, картонные коробки, наполненные никому не нужными принадлежностями давно ушедших поколений. Платья всех видов и размеров, птичьи клетки и подставки для них, лопаты, грабли, фотографии в рамках с изображением бледных и болезненно выглядящих людей, видимо наших умерших родственников. У некоторых были темные волосы, у некоторых – светлые. Глаза были самыми разными: пронзительными, жестокими, твердыми, печальными, полными горечи, томными, безнадежными, пустыми, но, клянусь, как я ни старалась, я не могла найти ни одной пары счастливых глаз. Некоторые улыбались, но большинство – нет. Меня особенно привлекло изображение девушки лет восемнадцати,

она улыбалась едва заметной, загадочной улыбкой, напоминающей улыбку Моны Лизы, только эта девушка была более красивой. Ее пышный бюст очень впечатляюще выпирал над гофрированным лифом. Кристофер уверенно указал на одно из платьев и объявил:

– Ее!

Я взглянула в ту сторону.

– Смотри, – продолжал он восторгаться, – вот это действительно фигура в форме песочных часов! Посмотри: осиная талия, широкие бедра, пышная грудь. С такими пропорциями, Кэти, можно без труда сделать состояние!

– На самом деле, – сказала я с отвращением, – ты просто ничего не знаешь. Это не естественная фигура. Она носит корсет, который так стянут на талии, что сверху и снизу все выпирает, как из тубика. Именно из-за корсетов женщины так часто падали в обморок и посылали за нюхательной солью.

– Как можно послать за нюхательной солью, если ты в обмороке? – спросил он с сарказмом. – И, кроме того, сверху, хоть с корсетом, хоть без корсета, не может выпирать то, чего там нет. – Он снова оглядел изящную молодую женщину. – Знаешь, она чем-то похожа на маму. Если бы она по-другому укладывала волосы и носила современную одежду, она была бы ее точной копией.

Ну уж! Наверное, нашей маме не пришло бы в голову страдать от стягивающей грудь железной клетки, чтобы кому-то понравиться!

– Но эта девушка просто хорошенькая, – заключил Кристофер. – Наша мама настоящая красавица.

В огромном помещении было так тихо, что слышалось биение сердца. Пожалуй, было бы интересно исследовать все сундуки, заглянуть во все коробки, примерить по очереди все эти гниющие изощренные одеяния и фантазировать, фантазировать, фантазировать! Но было так жарко, душно, пыльно! Мои легкие уже доверху наполнились грязным, пыльным воздухом чердака.

Кроме того, по углам и с потолочных брусьев тут и там свисала паутина, а по стенам и полу ползали гадкие насекомые. Я пока не видела ни одной крысы или мыши, но подумала, что они тут точно есть. Однажды по телевизору мы смотрели фильм о человеке, который сошел с ума и повесился на перекладине на чердаке. В другом фильме муж засунул жену в сундук с замками, обитый медью, как раз в такой, что мы здесь видели, а потом захлопнул крышку и оставил ее там умирать. Я снова опасно взглянула на сундуки, подумав о том, какие секреты, о которых не должны

были знать слуги, те скрывали.

Мой брат смотрел на меня проницательным, любопытным взглядом. Я попыталась скрыть свои чувства, но он уже все понял. Он подошел ближе и, поймав мою руку, сказал голосом, очень похожим на папин:

– Все будет в порядке, Кэти. Для всего этого наверняка найдутся простые объяснения.

Я медленно обернулась, удивленная тем, что он успокаивает, а не дразнит меня.

– Ты ведь тоже считаешь, что бабушка ненавидит нас. Почему? И почему дедушка тоже должен ненавидеть нас? Что мы им сделали?

Он пожал плечами, озадаченный не меньше моего. Все еще держась за руки, мы повернулись, чтобы снова окинуть взглядом чердак. Даже наши непривычные глаза могли различить те места, где к старому дому добавлялись новые секции. Толстые квадратные колонны разделяли чердак на части. Я подумала, что, походяив взад и вперед по чердаку, можно найти место, где будет больше свежего воздуха и легче дышать.

Близнецы уже начали чихать и кашлять. Они с укором смотрели на нас, недовольные тем, что мы заставляем их находиться в таком месте.

– Послушай, – сказал Кристофер, когда близнецы начали громко жаловаться, – мы можем приоткрыть окна на несколько дюймов, чтобы впустить сюда немного свежего воздуха. Снизу этого никто не заметит.

Он отпустил мою руку и побежал вперед, перепрыгивая через коробки, сундуки, мебель и явно выделяваясь, а я стояла замерев и держала за руки малышей, испуганных видом места, в которое их привели.

– Посмотри, что я нашел! – позвал меня Кристофер, когда я уже потеряла его из виду. В его голосе слышалось возбуждение. – Сейчас вы получите возможность оценить мое открытие.

Мы побежали к нему, готовые увидеть нечто веселое, интересное, потрясающее, но то, что он нам показал, оказалось комнатой – настоящей комнатой с гипсовыми стенами. Ее никогда не красили, но у нее был настоящий потолок, а не просто брусья.

Она выглядела как классная комната с пятью партами, лицом к которым стоял большой письменный стол. По стенам висели школьные доски, под ними были книжные полки, заставленные пыльными старыми фолиантами с линялыми корешками, и наш постоянный искатель знаний немедленно начал осматривать их, произнося вслух заглавия.

Меня привлекли маленькие парты с нацарапанными на них именами и датами, вроде «Джонатан, 11 лет, 1864», или «Аделаида, 9 лет, 1879».

Боже, каким старым был этот дом! Эти люди давно уже превратились в

пыль в своих могилах, но они оставили свои имена, чтобы дать нам знать, что когда-то их тоже посылали сюда, наверх. Но зачем их отправляли учиться на чердаке? Они наверняка были желанными детьми, в отличие от нас, презираемых нашими бабушкой и дедушкой. Вероятно, для них окна были широко открыты. И для них слуги носили наверх уголь или дрова, чтобы топить небольшие печи, расположенные по углам комнаты.

Старая лошадь-качалка с недостающим янтарным глазом покачивалась рядом, и ее спутанный желтый хвост источал печаль. Но этого белого с черным пони оказалось вполне достаточно, чтобы исторгнуть из Кори радостный вопль. Он немедленно взобрался в облезлое красное седло и закричал: «Но, лошадка!» И пони, на которого не садились столько лет, поскакал вперед со стуком и скрипом, протестуя всеми своими ржавыми соединениями.

– Я тоже хочу поскакать! – воскликнула Кэрри. – Где лошадка для меня?

Я быстро подбежала к ней и, подхватив на руки, усадила позади Кори. Она обхватила его руками, и они стали качаться, заливаясь смехом, заставляя разваливающуюся лошадь скакать все быстрее и быстрее. Было даже странно, что она не ломается.

Теперь у меня появилась возможность взглянуть на книги, которые так очаровали Кристофера. Я безбоязненно протянула руку и взяла одну из книг, не обращая внимания на заглавие. Стоило мне перелистнуть страницу, как целые легионы плоских многоногих букашек побежали из книги в разные стороны. Я уронила книгу и беспомощно уставилась на рассыпанные страницы. Я ненавидела всех этих мелких тварей – прежде всего пауков, да и червей тоже. Те, что посыпались со страниц книги, напоминали и тех и других.

Моя девчоночья реакция вызвала у Криса приступ истерического смеха. Успокоившись, он заявил, что я веду себя как дурочка, и назвал мою пугливость преувеличенной. Близнецы с удивлением воззрились на меня со своего необъезженного мустанга. Мне пришлось совладать со своими чувствами, даже сделать вид, что настоящие матери не взвизгивают при виде нескольких букашек.

– Кэти, тебе уже двенадцать лет, пора хоть немного повзрослеть. Ни один нормальный человек не будет вопить, увидев несколько книжных червей. Такие существа – часть нашей жизни. Человек – царь природы, верховный правитель всего. И это совсем неплохая комната. Масса места, много больших окон, множество книг и даже несколько игрушек для близнецов.

Да уж! Ржавая красная тележка со сломанной ручкой и без одного колеса – прекрасно. Сломанная зеленая яхта – просто замечательно! И тем не менее Кристофер оглядывал это место с выражением явного довольства, – место, где люди прятали своих детей, чтобы не видеть их, не слышать их и даже не думать о них. Он считал, что оно таит в себе скрытые возможности.

Безусловно, можно было очистить темные углы, населенные страхами, опрыскать все вокруг аэрозолем от насекомых, чтобы вывести эти ужасные создания, на которых мы постоянно наступали. Но нельзя было наступить на дедушку и бабушку. Как превратить этот чердак в цветущий рай, а не тюрьму вроде той, что внизу?

Я подбежала к одному из окон и взобралась на коробку, чтобы достать до высокого подоконника. Мне вдруг отчаянно захотелось увидеть землю, посмотреть, насколько высоко мы находимся и сколько костей переломаем, если нам придет в голову выпрыгнуть. Я отчаянно хотела увидеть деревья, траву, где растут цветы, где светит солнце, летают птицы, где была настоящая жизнь. Но я увидела только серую шиферную крышу, расстилающуюся под окнами и полностью закрывающую вид. За ней виднелись верхушки деревьев, а за ними – горная цепь, затянутая пеленой голубоватого тумана.

Кристофер забрался на подоконник и встал рядом со мной. Его плечи касались моих и слегка дрожали, так же как и его голос, когда он произнес:

– Мы все-таки сможем увидеть небо и солнце, а ночью – луну и звезды, а наверху будут летать птицы и самолеты. Мы можем развлекать себя этим зрелищем, пока мы здесь.

Он замолчал и, наверное, подумал о ночи нашего приезда, – неужели это было всего лишь прошлой ночью?

– Держу пари, что, если мы широко откроем окно, туда залетит сова. Я всегда хотел держать дома сову.

– Господи, с какой стати она тебе понадобилась?

– Совы могут поворачивать голову на сто восемьдесят градусов. А ты так можешь?

– Я не хочу.

– Даже если бы и захотела, то все равно не смогла бы.

– Ну и ты не сможешь! – вспыхнула я, заставляя его примириться с реальностью, к чему он так часто призывал меня.

Такая умная птица, как сова, не захочет провести с нами взаперти даже час.

– Я хочу котенка, – промолвила Кэрри, поднимая руки, чтобы мы

помогли ей забраться на подоконник.

– Я хочу щенка, – присоединился к ней Кори.

Но тут же, забыв о домашних животных, он начал повторять:

– На улицу, на улицу. Кори хочет на улицу. Кори хочет поиграть в саду. Кори хочет на качели!

Кэрри разделяла эту точку зрения. Она тоже хотела на воздух, в сад и на качели. С ее трубным голосом самца-лося она выражала свои желания гораздо настойчивее Кори.

Они вдвоем прижали нас с Кристофером к стене, требуя, чтобы их выпустили наружу, наружу, наружу!

– Почему мы не можем выйти? – вопила Кэрри, колотя меня кулачками в грудь. – Нам здесь не нра-а-вится! Где мама? Где солнце? Куда делись цветы? Почему так жарко?

– Послушайте, – сказал Кристофер, хватая ее за беспрерывно молотящие кулачки, чтобы она не превратила меня в лепешку, – представьте себе, что вы на улице. Вы вполне можете качаться на качелях здесь, точно так же, как и в саду. Кэти, давай поищем какую-нибудь веревку.

Мы начали поиски и вскоре нашли веревку в старом сундуке, где, помимо нее, лежала куча всякого хлама. Очевидно, Фоксворты ничего не выбрасывали, а хранили весь свой мусор на чердаке. Наверное, они боялись, что когда-нибудь обеднеют и им внезапно понадобится все то, от чего они так беспечно избавлялись.

Мой старший брат с большим усердием приступил к изготовлению качелей для обоих близнецов: иначе, естественно, было нельзя, кто-то мог остаться обделенным. Из досок, оторванных от крышки сундука, он сделал сиденья, с которых найденной где-то шкуркой удалил занозы. Пока он занимался этим, я нашла старую приставную лестницу без нескольких ступеней, что не помешало Кристоферу быстро взобраться по ней на потолочный брус высоко над нашими головами. Я смотрела, как он карабкается туда и как выбирается на широкий брус, постоянно рискуя жизнью. Он встал, чтобы продемонстрировать умение поддерживать равновесие, и неожиданно на секунду качнулся в сторону. Он тут же выровнялся, расставив руки в стороны, но у меня сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Я ужаснулась, увидев, какому риску он себя подвергает лишь для того, чтобы показать свое мастерство. Вокруг не было ни одного взрослого, способного урезонить его. Если бы я велела ему спуститься вниз, он бы только рассмеялся и натворил еще больше глупостей. Поэтому я промолчала и закрыла глаза, пытаясь не думать, что

будет, если он упадет, ударится о пол и сломает руки либо, самое страшное, спину или шею. Я знала, что он смелый, но вот он уже крепко привязал веревки, так почему бы ему не спуститься, чтобы мое сердце перестало учащенно биться?

Изготовление качелей заняло у Кристофера уйму времени, потом он рисковал жизнью, чтобы повесить их. А когда он спустился вниз и близнецы начали качаться, приведя в движение пыльный воздух, удовлетворение не продлилось и трех минут.

Потом все началось сначала. Кэрри была первой:

– Уведите нас отсюда! Мне не нравятся эти качели! Нам здесь не нравится! Здесь пло-о-хо!

Не успели смолкнуть ее вопли, как Кори подхватил:

– На улицу, на улицу, хочу на улицу!

И разумеется, Кэрри заголосила с новой силой.

Терпение... Я должна была терпеть, должна была контролировать себя целиком и полностью и не вопить только из-за того, что я хотела выйти наружу не меньше их.

– Прекратите это безобразие! – потребовал Кристофер. – Мы играем в игру, а у всех игр есть правила. Главное правило состоит в том, чтобы оставаться в помещении и вести себя как можно тише. Крики и визг запрещены.

Взглянув на их заплаканные лица, он смягчил свой тон:

– Представьте себе, что это сад под чистым голубым небом, над головой шумит листва деревьев и ярко светит солнце. А когда мы спустимся вниз, представьте себе, что наша комната – это дом с множеством комнат. – Он обезоруживающе улыбнулся. – Когда мы будем богаты, как Рокфеллеры, нам больше не понадобится ни этот чердак, ни комната внизу. Мы будем жить, как принцы и принцессы.

– Ты думаешь, у Фоксвортов столько же денег, сколько у Рокфеллеров? – недоверчиво спросила я.

Ничего себе! У нас будет все, что мы пожелаем! И все же, все же что-то не давало мне покоя. Эта бабушка и то, как она обращалась с нами, как будто мы не имели права жить на свете. И эти ужасные слова, которые она сказала: «Вы будете жить здесь, но вас как бы не существует».

Мы еще немного пошарили по чердаку, нехотя осматривая разные вещи, пока у кого-то не забурчало в животе. Я взглянула на часы. Два часа дня. Мой брат посмотрел на меня, а я – на близнецов. Наверное, в животе бурчало у кого-то из них, ведь они так мало ели, хотя их пищеварительные системы были автоматически настроены на завтрак в семь часов, обед в

двенадцать и ужин в пять. В семь часов они ложились спать, немного перекусив перед этим.

– Время обеда! – радостно объявила я.

Мы плотной кучкой спустились обратно в ненавистную сумеречную комнату. Если бы только можно было приоткрыть шторы, если бы только...

Наверное, я высказала эту мысль вслух, потому что Кристофер заметил, что, даже будь шторы широко открытыми, солнце все равно не светило бы в окна, потому что они выходят на север.

– Нет, вы только посмотрите на этих трубочистов в зеркало! Совсем как персонажи из «Мэри Поппинс»!

Это сравнение развеселило близнецов и озарило улыбкой их грязные личики. Они обожали, когда их сравнивали с героями книжек с картинками.

С ранних лет нас приучали садиться за стол безупречно чистыми, и, поскольку Бог смотрел за нами во все глаза, мы решили соблюдать все правила, чтобы не гневить Его. Мы решили, что Бог не обидится, если мы посадим Кори и Кэрри в одну ванну, так как они вышли из одного чрева. Кристофер занялся Кори, а я вымыла шампунем голову Кэрри, потом искупала ее, одела и причесала ее шелковые волосы до блеска, а потом завila их на пальце, так что они ниспадали хорошенькими спиральными локонами. В довершение всего я завязала на ее голове зеленую атласную ленту.

И вряд ли кому-то причиняло вред то, что Кристофер разговаривал со мной, пока я мылась. Мы еще не были взрослыми – пока. В конце концов, это не означало пользоваться ванной вместе. Мама с папой не видели ничего плохого в обнаженной коже, но, когда я мыла лицо, суровый, непреклонный образ бабушки встал у меня перед глазами. Она-то, безусловно, видела в этом плохое.

– Мы не можем больше позволить себе делать это, – сказала я Кристоферу. – Бабушка может поймать нас, и она посчитает это греховным.

Видимо, что-то в выражении моего лица заставило его подойти к ванне и обнять меня. Как он понял, что мне нужно поплакать у кого-то на плече? Именно это я и сделала.

– Кэти, – успокаивал он меня, пока я всхлипывала, уткнувшись в его плечо, – лучше подумай о будущем и о том, что мы сможем купить, когда разбогатеем. Я всегда хотел стать невероятно богатым и немного побыть плейбоем – только немного, потому что папа всегда говорил, что надо приносить какую-то пользу остальным людям, и я этого хочу. Но пока я не поступил в колледж, а потом в школу медицины, я смог бы улучшить момент и немного подурочиться, прежде чем займусь серьезным делом.

– А, понимаю, ты хочешь делать то, чего не сможет себе позволить бедный парень. Что ж, если таково твое желание – пожалуйста. А я хочу лошадь. Я всю жизнь хотела иметь пони, но там, где мы жили, никогда не было достаточно места, а сейчас я, конечно, слишком большая для пони. Поэтому это должна быть лошадь. И разумеется, все это время я буду пробивать себе путь к славе и богатству, как ведущая мировая прима-балерина. Ты ведь знаешь, что танцоры должны все время есть, иначе они превратятся в кожу и кости, поэтому я намереваюсь съедать каждый день по галлону мороженого, а какой-нибудь день я выберу специально, чтобы питаться одним сыром, всеми видами сыра на специальных крекерах. Потом, я хочу много новой одежды, новый наряд на каждый день в году. Я буду выбрасывать их, поносив один раз, буду сидеть и есть сыр с крекерами, а сверху намазывать мороженым. И все время буду танцевать, чтобы сжечь жир.

Пока я говорила, Крис поглаживал мою мокрую спину, а когда я обернулась, чтобы взглянуть на него, он выглядел печальным и задумчивым.

– Понимаешь, Кэти, все это время, пока мы здесь заперты, нам будет не так плохо, как ты, наверное, думаешь. У нас не останется времени для огорчений, потому что мы будем постоянно думать о том, как потратить свои деньги. Давай попросим маму принести нам набор шахмат. Я всегда мечтал научиться играть в шахматы. И еще мы можем читать. Мама не даст нам соскучиться. Она привезет нам новые игры и придумает для нас новые занятия. Эта неделя пролетит незаметно. – Он улыбнулся мне сияющей улыбкой. – И пожалуйста, перестань называть меня Кристофером! Я больше не хочу, чтобы меня путали с папой, так что теперь я просто Крис, хорошо?

– Хорошо, Крис, – сказала я, – но что, по-твоему, сделает бабушка, если поймает нас здесь вместе?

– Устроит нам сущий ад и бог знает что еще.

Когда я вылезла из ванны и начала вытираться, то приказала ему не смотреть. Впрочем, он и не смотрел. Мы прекрасно знали, что скрывается под одеждой друг у друга, потому что видели друг друга голыми, сколько я себя помню. С моей точки зрения, мое тело было лучше. Изящнее.

В чистой одежде и приятно пахнущие, мы принялись за сэндвичи с ветчиной, едва теплый овощной суп из маленького термоса и молоко. Обед без печенья казался каким-то незавершенным.

Крис все время украдкой поглядывал на часы. Вполне возможно, что нам придется ждать маму еще очень долго. Обед закончился, и близнецы

стали беспокойно ходить взад и вперед. Они капризничали и выражали неудовольствие, пиная все, что попадалось им под ноги. Время от времени они хмуро посматривали на нас с Крисом. Крис направился к гардеробной, собираясь найти какую-нибудь книгу в классной комнате на чердаке, и я хотела было идти за ним.

– Нет!! – завизжала Кэрри. – Не ходи на чердак!! Там плохо!!! Здесь тоже плохо! Везде плохо! Не хочу, чтобы ты была моей мамой, Кэти! Где моя настоящая мама? Куда она ушла? Скажи ей, чтобы она вернулась и отпустила нас поиграть в песочнице!

Она подскочила к двери и повернула ручку, а когда поняла, что дверь не открывается, завопила нечеловеческим голосом. Неистово молотя кулачками в твердую дубовую панель, она стала истошно звать маму и просить, чтобы та увела ее из этой темной комнаты.

Я подбежала и обхватила ее руками, но она продолжала кричать и пинать дверь. Это было все равно что держать дикую кошку. Крис схватил Кори, который побежал на помощь сестре. Все, что мы могли сделать, – это положить их на большие кровати, достать книжки и предложить им вздремнуть. Заплаканные и все еще сопротивляющиеся, близнецы сверкали на нас глазами.

– Что, уже ночь? – спрашивала Кэрри, охрипшая от многочисленных бесплодных воплей о свободе и призывов к матери, которая все не приходила и не приходила. – Я так хочу к маме. Почему она не идет?

– «Кролик Питер», – сказала я, выбрав любимую книжку Кори с цветными иллюстрациями на каждой странице, что само по себе делало «Кролика Питера» хорошей книгой.

В плохих книгах не было картинок. Любимой книгой Кэрри были «Три поросенка», но Крису пришлось бы читать ее как папа: кряхтя, сопя и изображая низкий голос волка. Я не была уверена в том, что он сможет.

– Пожалуйста, позвольте Крису сходить на чердак и найти для себя какую-нибудь книгу. Пока его нет, я почитаю вам «Кролика Питера». Давайте посмотрим, удастся ли Питеру залезть в огород к фермеру и поесть морковки и капусты. А если вы заснете, пока я буду читать, то увидите продолжение во сне.

Прошло около пяти минут, и близнецы заснули. Кори прижал книгу к груди, чтобы облегчить переход кролика Питера в свой сон.

Меня охватило теплое, нежное чувство к этим малышам, которым была нужна настоящая, взрослая мать, а не двенадцатилетняя девчонка. На сердце у меня было беспокойно. Мне казалось, что я чувствую себя такой же, как когда мне было десять лет. Если я и должна была вскоре

повзрослеть, то эта взрослость пока никак не проявлялась, и я совсем не чувствовала себя самостоятельной.

Слава богу, мы не пробудем взаперти очень долго, а то что я буду делать, если они заболели? Что будет, если произойдет несчастный случай, кто-нибудь упадет, сломает кости? Если я буду стучать в дверь, придет ли эта проклятая бабушка на помощь?

Пока я предавалась этим невеселым размышлениям, Крис собирал на чердаке коллекцию пыльных, изъеденных жучками книг, чтобы принести их в комнату. Вообще-то, у нас с собой были шашки, и я с большим удовольствием сыграла бы в них, чем сидеть, уткнувшись носом в старую книгу.

– Вот, возьми, – протянул он мне старый том, заверив, что отряхнул его от всех букашек, чтобы не вызвать у меня новую истерику. – Давай оставим шашки на потом, пока близнецы не проснулись. Сама знаешь, как ты нервничаешь, когда проигрываешь.

Устроившись в удобном кресле и закинув ноги на закругленный подлокотник, он открыл «Тома Сойера». Я улеглась на свободную кровать и начала читать о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. И хотите верьте, хотите нет, в этот день для меня открылась дверь в мир, о существовании которого я и не подозревала: прекрасный мир, где рыцарство было в расцвете, любовь была романтической, а прекрасные дамы возносились на пьедестал и становились объектами благоговейного поклонения. В этот день начался мой роман со Средневековьем, которому суждено было длиться всегда, ведь, в конце концов, все балеты основаны на волшебных сказках. А все сказки – на средневековом фольклоре.

Я была из тех детей, что ищут чудеса вокруг себя. Я очень хотела верить в ведьм, волшебников, людоедов, великанов и магические заклинания и не желала, чтобы какие-нибудь научные исследования лишили мир волшебства. Я еще не догадывалась, что мне придется жить в мрачном замке, находящемся во власти ведьмы и людоеда. Я не знала, что современные злые волшебники с успехом используют деньги вместо заклинания.

День за шторами клонился к закату, и мы снова сели за стол. В нашем распоряжении были жареная курица (холодная), картофельный салат (теплый) и зеленые бобы (холодные и жирные). Мы с Крисом съели почти все, невзирая на непривлекательный вид пищи, а близнецы только поковырялись в своих порциях, постоянно жалуясь, что все невкусное. Мне показалось, что, если бы Кэрри говорила поменьше, Кори съел бы больше.

– Апельсины не выглядят подозрительно, – сказал Крис, протягивая мне один, чтобы очистить, – и не должны быть горячими. Вообще, апельсины – это жидкое солнце.

На этот раз его слова пришлись очень кстати. Теперь близнецы могли хоть что-то съесть с удовольствием: жидкий солнечный свет.

Наступил вечер, ничем не отличающийся от дня. Мы включили все четыре лампы и маленький ночник в виде розы, который мама взяла для близнецов, не любивших темноты.

Когда они проснулись, мы одели их в чистое, причесали, вымыли им лица, и теперь, сидя на полу, занятые головоломкой, они выглядели хорошенькими и привлекательными. Головоломки были старые, и они точно знали, какую часть соединять с какой, поэтому в основном шло соревнование на скорость: кто первый соберет больше фрагментов.

Вскоре, однако, игра им наскучила, и мы посадили обоих на одну кровать и начали развлекать их разными историями, придумывая их на ходу. Но и это близнецам быстро надоело, хотя мы были готовы продолжать, чтобы посмотреть, у кого лучше работает воображение. Следующими пошли в ход маленькие грузовики и легковые машины, извлеченные из чемоданов. Близнецы начали возить их по полу из Нью-Йорка в Сан-Франциско по маршруту, огибавшему кровати и проходившему между ножками стола, и снова испачкались. Когда мы совсем устали от них, Крис предложил сыграть в шашки, а близнецам посоветовал перевозить апельсиновую кожуру во Флориду, которая находилась в мусорном ведре.

– Ты можешь играть красными, – объявил он. – В отличие от тебя я не верю, что черный – несчастливый цвет.

Я обиженно нахмурилась. Кажется, целая вечность прошла между рассветом и сумерками, и эта вечность меня необратимо изменила.

– Я не хочу играть в шашки! – мерзким голосом ответила я.

Бросившись на кровать, я прекратила бороться с собой, и мои мысли устремились по бесконечному тоннелю страхов, подозрений и мучительных сомнений. Хотелось знать, сказала ли мама всю правду. И пока мы, все четверо, ждали ее появления, не было ни одного бедствия, о каком бы я не подумала. В основном это был пожар. Призраки и всевозможные чудовища жили на чердаке. Но в этой запертой комнате угроза исходила прежде всего от огня.

Время шло медленно. Крис в своем кресле продолжал посматривать на часы. Близнецы доползли до Флориды, избавились от апельсиновой кожуры и теперь не знали, что им делать. Не было океанов, чтобы их

пересекать, потому что не было лодок. Почему мы не взяли игрушечный кораблик?

Я с неприязнью взглянула на картины с изображением адских мук и лишний раз поразила уму и жестокости бабушки. Было просто несправедливо, что Господь так пристально наблюдал за четырьмя детьми, когда у тысяч других во всем мире дела обстояли намного хуже. На месте Бога с Его всевидящим взглядом я бы не стала тратить время на оставшихся без отца детей, закрытых в спальне. Я бы обратила внимание на что-нибудь более интересное. Кроме того, папа был там, на небесах, и должен был попросить Бога заботиться о нас и закрывать глаза на некоторые наши ошибки.

Несмотря на мои возражения, Крис отложил книгу и принес коробку с большим количеством фигур для сорока разных игр.

– Что с тобой? – спросил он и начал расставлять на доске красные и черные кружки. – Почему ты притихла и почему выглядишь такой испуганной? Боишься, что я опять выиграю?

Боже, я просто не могла думать об играх. Я рассказала ему о своих страхах перед пожаром и о пришедшей мне в голову идее разорвать простыни и связать их в подобие лестницы, чтобы добраться до земли, – так делали герои многих старых фильмов. Если бы начался пожар, например сегодня ночью, мы смогли бы разбить окно и спастись, привязав близнецов себе на спину.

Я ни разу не видела, чтобы голубые глаза Криса смотрели на меня с таким восхищением.

– Ну ты даешь! Фантастическая идея, Кэти! Мы поступим именно так, хотя, мне кажется, пожара и не будет. Честное слово, я рад, что ты не будешь вести себя как плакса-вакса. То, что ты думаешь о будущем и планируешь непредвиденные ситуации, показывает, как ты взрослеешь, и это мне нравится.

Боже мой, через двенадцать лет непрерывных усилий я наконец добилась его одобрения и уважения, достигнув цели, которую считала недостижимой. Было приятно узнать, что мы можем ладить друг с другом, долго находясь вместе. Мы обменялись улыбками в знак того, что вместе мы постараемся выжить и дождаться конца недели. Возникшее между нами чувство товарищества создавало некую надежность, своего рода луч света в темном царстве.

Однако нашим ожиданиям суждено было разбиться вдребезги. В комнату вошла мама, она двигалась как-то странно, а на ее лице застыло непонятное выражение. Мы так долго ждали ее возвращения, но почему-то

оно совсем не вызвало ожидаемой радости. Наверное, из-за бабушки, которая следовала за ней по пятам с непреклонно-твердым злобным взглядом серых глаз и от вида которой наш энтузиазм быстро улетучился.

Я закрыла рот рукой. Случилось что-то ужасное. Я это знала! Я это точно знала!

Мы с Крисом сидели на кровати, смяв покрывало, и играли в шашки, время от времени посматривая друг на друга.

Одно правило нарушено... Нет, два: смотреть друг на друга запрещено и кровати должны быть в идеальном состоянии.

Близнецы рассыпали по всему полу части головоломки, их машинки и кубики валялись повсюду, поэтому комнату тоже нельзя было назвать аккуратно прибранной.

Итак, уже три правила.

Кроме того, мальчики и девочки вместе были в ванной.

Наверное, мы нарушили еще какое-нибудь правило, ведь было ясно, что, чем бы мы ни занимались, Бог и бабушка постоянно поддерживают между собой тайную связь.

Гнев Всевышнего

Итак, в этот вечер мама вошла в нашу комнату, едва переступая ногами, вся скованная, словно каждое движение причиняло ей боль. Ее красивое лицо было бледным и осунувшимся, а опухшие глаза покраснели. В ее тридцать три года кому-то удалось так унижить ее, что она избегала на нас смотреть. Она выглядела подавленной, побежденной, одинокой и стояла посреди комнаты, как жестоко наказанный ребенок. Не обратив на это внимания, близнецы побежали ей навстречу. Весело обхватив ее ноги, они смеялись и кричали:

– Мама, мама! Где ты была?

Мы с Крисом осторожно подошли и попытались обнять ее. Казалось, ее не было с нами десять воскресений, а не одну только среду, но она была символом нашей надежды, нашей действительности, своеобразной линией связи с окружающим миром.

Может быть, мы слишком пылко ее целовали? Может быть, наши жадные, страстные объятия откликнулись в ее сердце болью и она снова почувствовала груз ответственности? По ее щекам медленно покатались крупные слезы. Наверное, она плакала из жалости к нам. Мы сели на одну из больших кроватей, стараясь уместиться поближе к ней. Она взяла близнецов к себе на колени, а мы с Кристофером свернулись калачиком по бокам. Осмотрев нас, она похвалила нашу сияющую чистоту и улыбнулась, увидев, что я повязала Кэрри зеленый бантик, чтобы он подошел по цвету к зеленым полосам на ее платье. Хриплым голосом, как будто она простужена или в горле у нее засела знаменитая лягушка из басни, она произнесла:

– А теперь расскажите мне честно, как вы провели сегодняшний день?

Кори недовольно надулся, всем своим видом желая показать, что провел сегодняшний день плохо. Кэрри озвучила его ответ:

– Кэти и Крис плохие! – завопила она голосом, совсем не похожим на птичьи трели. – Они нас никуда не пускали весь день! Нам не понравилось это большое грязное место, которое они нам хвалили. Мама, тут плохо!

Встревоженная, мама стала успокаивать Кэрри, говоря близнецам, что обстоятельства изменились и теперь они должны слушаться старших брата и сестру наравне с родителями.

– Нет! Нет! – завопило покрасневшее воплощение ярости. – Мы ненавидим это место! Мы хотим в сад! Здесь темно! Нам не нужны Крис и

Кэти! Мама, нам нужна ты! Забери нас отсюда, забери нас домой!

Кэрри набрасывалась на меня, маму и Кристофера, крича, как сильно она хочет домой, а мама сидела на кровати, совершенно не пытаясь защитить себя и даже как будто ничего не слыша, – видимо, она не знала, как справиться с этой ситуацией, где задает тон пятилетний ребенок. Чем более отстраненной казалась мама, тем сильнее вопила Кэрри. Я закрыла уши.

– Коррина! – скомандовала бабушка. – Сию секунду заставь этого ребенка замолчать!

Глядя на ее каменное лицо, я понимала, что она точно знает, как это сделать, и немедленно. Однако на коленях у мамы сидел еще один малыш и широко открытыми глазами смотрел на высокую фигуру бабушки – существа, угрожавшего его сестре-двойняшке, которая, спрыгнув с маминых колен, остановилась перед бабушкой. Широко расставив ноги, Кэрри отвела назад голову, раскрыла розовый ротик и заголосила по-настоящему! Все предыдущее показалось жалким мяуканьем котенка, теперь наступила кульминация. Похоже было, что она берегла голос, как оперная примадонна для финала главной арии. Теперь это был уже не котенок, а разъяренная тигрица!

То, что произошло потом, повергло меня в ужас и изумление.

Бабушка взяла Кэрри за волосы и оторвала от пола. Этого было достаточно, чтобы Кори спрыгнул с колен мамы. Быстрый, как кошка, он устремился к бабушке и, не успев я и глазом моргнуть, укусил ее за ногу. Я внутренне сжалась, представляя ее реакцию. Посмотрев сверху вниз, бабушка стряхнула Кори, как надоедливую собачонку, но все же выпустила волосы Кэрри из руки. Девочка свалилась на пол, быстро вскочила на ноги и попыталась лягнуть бабушку ногой, но промахнулась.

Не желая отставать от своей двойняшки, Кори поднял ножку в белой туфельке, старательно прицелился и со всей силы пнул бабушку по ноге.

А Кэрри откатилась в угол, сжалась там и завопила, как пожарная сирена.

Да, эту сцену действительно стоило запомнить и воспроизвести на бумаге.

Пока что Кори не произнес ни слова и вообще не издал ни звука, что было для него характерно. Но никто не смел угрожать или причинять боль его сестре, даже если этот «никто» был ростом почти шесть футов и весил около двухсот фунтов. А Кори был очень маленьким для своего возраста.

Если Кори не нравилось происходящее с Кэрри или потенциальная угроза ему самому, то бабушке определенно не нравилось то, что

происходило с нею. Она посмотрела на повернутое к ней маленькое, гневное, решительное лицо. Она рассчитывала, что под ее взглядом оно съезжится, с него исчезнет мрачная решимость, а из глаз – вызов, но Кори упрямо стоял перед ней, ожидая, когда она предпримет ответные меры. Ее бескровные губы сжались в тонкую кривую карандашную линию.

Рука поднялась вверх – огромная, тяжелая, со вспыхивающими на ней бриллиантовыми кольцами.

Кори не шелохнулся. Его единственной реакцией на эту совершенно очевидную угрозу был еще более хмурый взгляд. Он сжал кулаки и встал в стойку, как профессиональный боксер.

Боже, неужели он хочет драться с ней и надеется победить?

Я слышала, как мама зовет Кори осипшим голосом, почти шепотом.

Определив дальнейшие действия, бабушка размахнулась и нанесла по лицу Кори такой сильный удар, что малыш покатился прочь. Быстро оправившись, он поднялся, собираясь снова атаковать эту злобную человеческую гору. Но тут им овладели сомнения, и он стушевался, сразу став маленьким и жалким. Здравый смысл возобладал над яростью. Почти на четвереньках он забрался в угол, где засела, нахохлившись, Кэрри, прижался к ней и, обхватив ее руками, присоединил свои завывания к ее воплям.

Крис рядом со мной шевелил губами, произнося нечто вроде молитвы.

– Коррина, они твои дети, заставь их замолчать. Сию минуту.

Но этих златокудрых близнецов, похожих на лютики, было практически невозможно успокоить. Доводы не доходили до их ушей. Сейчас они руководствовались только собственным страхом и, как механические игрушки, работали, пока не кончится завод.

Когда папа был жив, он знал, как действовать в таких ситуациях: он брал близнецов под мышки, по одному с каждой стороны, относил малышей в их комнату и строго-настрого приказывал замолчать – или, пока они не замолчат, они будут сидеть одни, без телевизора, без игрушек, без всего. Лишенные аудитории, они замолкали через несколько минут после того, как папа закрывал за собой дверь. Быстро утихомирившись, они с ангельским видом забирались на колени к папе и тихо просили прощения.

Но папы не было. И в нашем распоряжении не имелось отдельной спальни, где близнецы могли поостыть. Эта комната была нашим единственным жилищем, и здесь двойняшки держали в заложниках своих обескураженных слушателей. Они вопили, пока их лица не стали из розовых красными, а потом багровыми. От слез их глаза сделались стеклянистыми и расфокусированными. Да, это было шоу экстра-класса –

безрассудное шоу.

Очевидно, какое-то время наша бабушка находилась под впечатлением от спектакля. Однако быстро преодолела минутную нерешительность, чем бы она ни была вызвана. Бабушка целеустремленно направилась к съезжившимся в углу близнецам и, наклонившись, подняла обоих за шиворот. Невзирая на их отчаянные крики и попытки лягнуть или ударить свою мучительницу, близнецы были на вытянутых руках отнесены к маме. Затем бабушка отпустила их, и они грохнулись на пол, словно ненужный хлам. Громким, твердым голосом, заглушая их крики, она безапелляционно заявила:

– Я буду стегать вас плетью, пока ваша кожа не начнет кровоточить, если вы сейчас же, немедленно, не перестанете орать!

Холодный, почти нечеловеческий голос и угроза, от которой у всех мороз пробежал по коже, убедили близнецов и меня в серьезности ее обещания. Испуганные и пораженные, близнецы замолчали и устали на нее, открыв рот. Они знали, что такое кровь и как больно бывает, когда она идет. Страшно было видеть такую жестокость по отношению к малышам, как будто этой женщине было все равно, если они повредят свои хрупкие кости и на их нежном теле появятся кровавые рубцы. Она стояла, возвышаясь над ними, над всеми нами, подобно башне. Свирепо взглянув на нашу маму, она произнесла:

– Коррина, я не допущу, чтобы эти отвратительные сцены повторялись! Совершенно очевидно, что твои дети были испорчены вседозволенностью и им срочно нужно преподать урок дисциплины и послушания. Ни один ребенок, живущий в этом доме, не должен повышать голос, отказываться от повиновения старшим или вести себя вызывающе. Слушай меня! Они будут говорить, только когда с ними заговорят старшие. Они будут вскакивать по стойке «смирно», когда я заговариваю с ними. А теперь сними блузку, дочь, и покажи, что бывает в этом доме с теми, кто не повинуется!

При этих словах мама встала. Ее лицо покрылось восковой бледностью, а все тело сжалось, как будто хотело стать меньше.

– Нет, – выдохнула она, – в этом сейчас нет необходимости. Смотри, близнецы уже замолчали, они уже слушаются.

Лицо пожилой женщины сделалось мрачным.

– Коррина, неужели ты посмеешь послушаться меня? Когда я велю тебе что-либо сделать, ты должна делать это безоговорочно. И немедленно! Посмотри, кого ты вырастила! Слабовольные, испорченные, непослушные дети, все четверо. Они думают, что своим визгом могут добиться чего

удовно. Здесь это не действует. Кроме того, они должны усвоить, что у меня нет жалости к тем, кто не повинуется и нарушает мои правила. Ты должна знать это, Коррина. Разве я когда-нибудь жалела тебя? Даже до того, как ты предала нас, разве я позволяла твоему хорошенькому личику и вкрадчивым манерам остановить уже занесенную руку? О, я помню время, когда твой отец любил тебя и вставал на твою сторону. Но это время прошло. Ты показала ему, что ты именно то, чем я тебя всегда считала, – подлая, лживая дрянь!

Она обратила свой твердокаменный взгляд на нас с Крисом.

– Да, я с готовностью признаю, что ты и твой дядя произвели на свет чрезвычайно красивых детей. Но помимо этого, они представляют собой мягкотелые, бесполезные ничтожества! – Она снова злобно оглядела маму, как будто именно от нее мы унаследовали все эти недостатки. Но она еще не закончила. – Коррина, твоим детям явно нужен наглядный урок. Когда они увидят, что случилось с их матерью, они перестанут сомневаться, что то же самое может произойти и с ними.

Моя мама выпрямилась и замерла, храбро глядя в глаза огромной, ширококостной женщине, которая была выше ее дюйма на четыре и на много фунтов тяжелее.

– Если ты будешь так жестока к моим детям, – начала мама дрожащим голосом, – я сегодня же увезу их из этого дома и вы никогда больше не увидите ни меня, ни их.

Она проговорила это с явным вызовом, подняв свое красивое лицо и напряженно глядя на ту, которая по иронии судьбы оказалась ее матерью.

Слабая улыбка, холодная и сдержанная, была ответом на ее вызов. Даже не улыбка, а презрительная усмешка.

– Забери их, забери их немедленно, Коррина, и убирайся сама. Думаешь, я расстроюсь, если больше не увижу ни одного из вас?

Мы сидели и наблюдали за этим поединком голубых глаз дрезденской куколки, принадлежавших нашей маме, и холодных, стальных глаз бабушки. Внутренне я готова была кричать от радости. Мама хочет забрать нас отсюда! Мы уезжаем! Прощай, комната! Прощайте, чердак и миллионы, которые мне все равно совершенно не нужны!

Но вместо того чтобы направиться к гардеробной за нашими чемоданами, мама в нерешительности стояла, не сходя с места, как будто что-то красивое и благородное в ее душе рухнуло. Ее глаза опустились в знак поражения, а голова склонилась вниз, чтобы скрыть выражение лица.

Охваченная дрожью, я смотрела, как бабушкина усмешка превращается в широкую и жестокую победную улыбку. «Мама! Мама!

Мама! – кричала моя душа. – Не позволяй ей делать это с собой!»

– А теперь, Коррина, сними блузку.

Бледная как смерть, мама медленно повернулась к нам спиной, и было видно, как по ее позвоночнику пробежала сильная дрожь. Она с трудом расстегнула пуговицы своей белой кофточки и осторожно спустила ее с плеч, обнажая спину.

Под блузкой не было лифчика, и мы тут же поняли почему. Крис замер, затаив дыхание. Кэрри и Кори тоже уставились на маму, и моих ушей достигли их всхлипывания. Теперь я понимала, почему мама, обычно такая грациозная, так скованно вошла в комнату с глазами, красными от рыданий.

Ее спина была исполосована длинными ярко-красными следами, опускавшимися от самой шеи до пояса, где их закрывала юбка. Некоторые рубцы припухли и покрылись корочкой запекшейся крови. Вряд ли хоть один дюйм кожи остался неповрежденным между этими ужасными следами от плети.

Холодным, бесчувственным тоном, не принимая в расчет ни наши чувства, ни чувства мамы, бабушка назидательно произнесла:

– Посмотрите хорошенько, дети. И знайте, что эти следы идут вниз до самых ступней. Тридцать два удара плетью за каждый год ее жизни. И еще пятнадцать за те годы, что она прожила в грехе с вашим отцом. Ваш дедушка назначил ей это наказание, но исполнила его я. Преступления вашей матери были против Бога и тех моральных принципов, по которым живет наше общество. Она вступила в порочный брак, и это было святотатством. Этот брак был мерзостью в глазах нашего Господа. И как будто этого было недостаточно, они завели детей – четверых! Детей, являющихся порождением дьявола! Порочных с момента зачатия!

Мои глаза вылезли из орбит при виде этих страшных рубцов на нежном теле, с которым наш отец обращался с любовью и благоговением. Я барахталась в водовороте неопределенности, было больно, и я перестала понимать, кто я и что я и имею ли я право жить на земле, зарезервированное Господом Богом лишь для тех, кто родился с Его разрешения и благословения. Мы потеряли отца, дом, друзей и все имущество. С этого вечера я перестала верить, что Бог – беспристрастный судья, и поэтому в какой-то степени я потеряла и Бога.

Если бы у меня в руках оказалась плетка, я бы ударила эту женщину, которая беспардонно отняла у нас столь многое. Я смотрела на череду кровавых рубцов на маминой спине и, наверное, никогда не чувствовала такой ярости и ненависти, как сейчас.

Я ненавидела ее не только за то, что она сделала с мамой, но и за

мерзкие слова, слетавшие с ее злобного языка.

Потом эта отвратительная женщина посмотрела на меня, как будто прочитав мои мысли. Я вызывающе подняла на нее глаза в надежде, что она почувствует: с этого момента я отрицаю всякое кровное родство не только с ней, но и с этим стариком внизу. Никогда больше я не почувствую к нему никакой жалости.

Наверное, мои глаза стали прозрачным стеклом, через которое она увидела, как планы мести зреют в моем мозгу и как я торжественно клянусь привести их в исполнение. Наверное, она увидела что-то шевелящееся в моем сознании, потому что она адресовала следующие слова исключительно мне, хотя и использовала существительное «дети»:

– Итак, дети, вы видите, что этот дом может решительно и беспощадно обходиться с теми, кто не подчиняется и нарушает правила. Мы можем делиться пищей, водой и крышей над головой, но никогда – добротой, сочувствием или любовью. Невозможно чувствовать что-либо, кроме отторжения, по отношению к тому, что не чисто. Следуйте моим правилам, и вы не почувствуете на себе моей плети и не будете лишены необходимого. Попробуйте послушаться меня, и вы скоро узнаете, что я могу с вами сделать и чего я могу вас лишить.

Она по очереди взглянула на каждого из нас.

Да, она хотела уничтожить нас в тот вечер, пока мы были такими маленькими, невинными, доверчивыми и знали только самую лучшую сторону жизни. Она хотела, чтобы наши души завяли, а сами мы засохли и сморщились, чтобы искоренилась наша гордость.

Но она нас не знала.

Никто и никогда не мог заставить меня ненавидеть отца и мать. Никто не имел власти над моей жизнью и смертью, пока я жива и могу бороться!

Я бросила взгляд на Криса. Он тоже напряженно смотрел на нее, оглядывая с головы до ног и, видимо, решая, какой ущерб он может нанести. Но ему было всего четырнадцать лет. Ему нужно было вырасти и стать взрослым мужчиной, чтобы драться с такими громадинами. Однако его руки все равно сжались в кулаки, которые он усилием воли прижимал к бокам. Его губы сжались в линию, такую же тонкую и твердую, как и у бабушки. Его глаза стали холодными и твердыми, как кусочки голубого льда.

Он любил маму больше всех. Он возносил ее на пьедестал, как само совершенство, считая ее самой милой, ласковой и отзывчивой из всех женщин, живущих на земле. Он часто говорил мне, что, когда вырастет, найдет себе жену, похожую на маму. Но все, что он мог сделать, – это

яростно смотреть. Он был слишком мал.

Бабушка в последний раз задержала на нас долгий, презрительный взгляд, потом швырнула ключ маме в руки и ушла.

Один вопрос возвышался теперь до небес в нашем сознании, затмевая все остальное.

Почему? Почему мы оказались в этом доме?

Он не был ни безопасной гаванью, ни убежищем, ни святым местом. Мама не могла не знать, что произойдет, и все-таки привела нас сюда глубокой ночью. Почему?

Мамин рассказ

После ухода бабушки мы не знали, что делать, что говорить, что чувствовать. Мы сидели жалкие и несчастные. Мое сердце бешено колотилось, когда я смотрела, как мама натягивает на плечи блузку, застегивает ее и заправляет в юбку. После этого она обернулась и попыталась ободрить нас слабой улыбкой. К сожалению, я готова была даже в таком подобии улыбки найти соломинку, за которую можно ухватиться. Крис опустил голову и смотрел в пол. Было видно, какие мучения он испытывает, уж очень старательно он водил носком по узору восточного ковра.

– Послушайте, – сказала мама с вымученной бодростью, – это просто ивовые прутья. Было совсем не так больно. Моя гордость пострадала гораздо больше, чем плоть. Когда твои родители секут тебя как раба или животное, это действительно унижительно. Но не переживайте, что такое может повториться. Этого больше не случится, поверьте. Я могла бы перенести в сто раз больше ударов, чем получила, чтобы прожить еще пятнадцать лет с вашим отцом и с вами. Мы были счастливы. Хотя мне очень больно, что она заставила меня показать вам это.

Мама села на кровать и протянула к нам руки, чтобы обнять нас и успокоить. Посадив близнецов к себе на колени, она похлопала по кровати, указывая, чтобы мы сели рядом, и начала говорить. Слова давались ей трудно, и нам было не легче слушать их.

– Я хочу, чтобы вы слушали очень внимательно и запомнили каждое мое слово.

Сделав паузу, она осмотрела комнату и задержала взгляд на кремовых стенах, как будто видела сквозь них и могла заглянуть во все комнаты этого гигантского дома.

– Это странный дом, а люди, которые здесь живут, еще более странные, – естественно, не слуги, а мои родители. Я должна была сразу предупредить вас, что они фанатично религиозны. Верить в Бога – это хорошо, это правильно. Но когда вера основана на цитатах из Ветхого Завета, которые человек выискивает, чтобы интерпретировать, какая из цитат лучше всего соответствует его потребностям, – это лицемерие, и это как раз то, чем занимаются мои родители. Да, мой отец умирает, но каждое воскресенье его везут в церковь: или в кресле на колесах, если он чувствует себя достаточно хорошо, или на носилках, если ему хуже, и он отдает

десятую часть своего дохода – а это, естественно, очень значительные деньги – на нужды церкви. Поэтому ему там все очень рады. На его деньги была построена церковь, он купил для нее витражи, он контролирует пастора и влияет на содержание его проповедей. Он хочет вымостить свой путь на небеса золотом, и если бы святого Петра можно было подкупить, он обязательно получил бы право на вход. В церкви с ним обращаются как с богом или живым святым, поэтому после службы он возвращается домой и чувствует, что имеет право делать все, что пожелает, потому что он выполнил свой долг, внес плату и заработал спасение души. Когда мы росли здесь вместе с моими старшими братьями, нас буквально заставляли ходить в церковь, даже если мы болели и должны были бы оставаться в постели. Религия стояла у нас комом в горле. «Будьте добродетельны, будьте добродетельны, будьте добродетельны» – вот все, что мы слышали. Каждый день маленькие удовольствия, позволенные для нормальных людей, объявлялись для нас греховными. Нам с братьями не разрешали плавать, потому что это означало носить купальный костюм и выставлять напоказ большую часть своего тела. Нам запрещали играть в карты и любые другие азартные игры. Нам запрещали танцевать, потому что это означало близкое соприкосновение с противоположным полом. Нам предписывалось контролировать свои мысли, чтобы они не касались греховных предметов, потому что, как считали наши родители, мысли так же греховны, как и поступки. Перечислять то, что нам было запрещено делать, можно до бесконечности, казалось, все веселое и интересное было для нас греховным. А как известно, в молодом человеке все начинает протестовать, когда ему слишком много запрещают, и тогда пробуждается желание делать все наоборот. Мои родители, пытаясь сделать из нас святых, ангелов во плоти, преуспели только в одном – сделали нас гораздо хуже, чем мы выросли бы без их излишней строгости.

Я слушала, широко открыв глаза. Крис и близнецы тоже сидели замороженные.

– Потом, однажды, к нам приехал жить красивый мужчина. Его отец был моим дедушкой и умер, когда сыну было всего три года. Его мать звали Алисия, и, когда она вышла замуж за моего дедушку, ей было шестнадцать лет, а ему – пятьдесят пять. Поэтому, в принципе, она должна была прожить очень долго, чтобы увидеть сына взрослым человеком. К сожалению, Алисия умерла очень молодой. Моего дедушку звали Гарленд Кристофер Фоксворт, и, когда он умер, половина его состояния должна была отойти к младшему сыну. Но Малькольм, мой отец, получил право распоряжаться состоянием своего отца, назначив себя администратором,

поскольку трехлетний мальчик, разумеется, не имел права голоса, а Алисия была его лишена. Когда мой отец захватил все под свой контроль, он выкинул Алисию и ее маленького сына. Они уехали в Ричмонд к родителям Алисии, и там она жила, пока не вышла замуж во второй раз. Она счастливо прожила несколько лет с молодым человеком, которого любила с детства, а потом он тоже умер. Дважды побывав замужем, дважды овдовев и оставшись одна с маленьким сыном, она вдобавок лишилась и поддержки родителей, которые тоже умерли. А потом, однажды, она обнаружила у себя в груди уплотнение и через несколько лет умерла от рака. И вот тогда ее сын, Гаральд Кристофер Фоксворт Четвертый, приехал жить сюда. Мы всегда называли его просто Крис.

Немного поколебавшись, она спросила:

– Вы знаете, о ком я говорю? Угадали, кто был этот молодой человек?

Я вздрогнула. Итак, вот кто такой этот загадочный дядя.

– Папа... ты имеешь в виду папу, – прошептала я.

– Да, – сказала она и глубоко вздохнула.

Нагнувшись вперед, я посмотрела на моего старшего брата. Он сидел совершенно неподвижно, с блестящими глазами и странным выражением лица.

Мама продолжала:

– Ваш отец приходился мне дядей, но он был всего на три года старше меня. Помню, как я увидела его впервые. Я знала, что к нам приезжает мой молодой дядя, и хотела произвести хорошее впечатление, поэтому весь день я готовилась, завila волосы, приняла ванну и надела платье, которое, на мой тогдашний взгляд, было самым красивым и лучше всего мне подходило. Мне было четырнадцать лет, а в этом возрасте девушка впервые начинает ощущать свою власть над мужчинами. К тому же я знала, что мальчики считают меня красивой, и, наверное, в тот момент я окончательно созрела для того, чтобы влюбиться. Вашему отцу было семнадцать. Была поздняя весна, и он стоял посреди холла с двумя чемоданами и в стоптанных ботинках. Его одежда также выглядела изношенной, и он из нее явно вырос. Рядом с ним стояли мои родители, а он вертел головой из стороны в сторону, пораженный богатством дома, в который приехал. Я никогда не обращала внимания на то, что окружало меня. Я принимала это как должное и, пока не вышла замуж и не лишилась всей этой роскоши, вряд ли понимала, что росла в исключительных условиях. Видите ли, мой отец, что называется, «собирает». Он покупает все, что считается уникальными произведениями искусства, не потому, что ценит это искусство, но просто потому, что ему нравится чувство обладания. Он,

наверное, хотел бы владеть всем, если бы это было возможно, особенно красивыми вещами. Я чувствовала, что я часть его коллекции objets d'art^[1], и он собирался оставить меня себе, чтобы другие не смогли наслаждаться его собственностью.

Мамино лицо залилось краской, и она смотрела куда-то вдаль, видимо, назад, в тот удивительный день, когда ее молодой дядя ворвался в ее жизнь, чтобы произвести в ней такие изменения.

– Ваш отец приехал тогда к нам такой невинный, такой чувствительный и доверчивый, знающий только настоящую привязанность, истинную любовь и – бедность. Из четырехкомнатного коттеджа он приехал в огромный, величественный дом, ослепивший его своим великолепием и вселивший новые надежды. Он думал, что повстречал миг удачи и попал в настоящий рай на земле. На моих отца и мать он смотрел с нескрываемой благодарностью. Боже, мне до сих пор больно и жалко вспоминать его благодарность. Половина всего, на что он смотрел с таким восхищением, должна была по всем правилам принадлежать ему. Мои родители сделали все, чтобы он чувствовал себя бедным родственником. Я увидела, как он стоит, освещенный бьющими в окно косыми лучами солнца, и остановилась посреди лестницы, не в силах ступить дальше. Его золотые волосы были окружены серебристым сиянием. Он был красивым – не просто симпатичным, а именно красивым, надеюсь, вы понимаете, что это разные вещи. Он обладал настоящей красотой, которая излучалась изнутри. Наверное, он услышал мои шаги, потому что поднял голову, и его голубые глаза засияли: о, я помню, как они засияли, а потом, когда нас представили, его взгляд потух. Так же как и я, он был разочарован, узнав, что я его племянница. Потому что в тот самый день, когда мы обменялись взглядами, он – стоя в холле, а я – на лестнице, в наших сердцах затеплился огонек, который все разрастался и разрастался до тех пор, пока мы уже были не в состоянии скрывать его.

Увидев, что Крис смущенно прячет лицо, а я беспокойно ерзаю, мама сказала:

– Я не буду заставлять вас выслушивать историю нашей любви. Просто скажу, что это была любовь с первого взгляда. Так иногда происходит. Может быть, он был готов влюбиться, как и я, и судьба распорядилась так, что мы встретились, а может быть, нам обоим не хватало тепла и внимания. Моих старших братьев тогда уже не было – они погибли от несчастных случаев; и у меня было очень мало друзей, потому что никто не был «достаточно хорош» для дочери Малькольма Фоксворта. Я была его наградой, его радостью; если он и рассчитывал отдать меня

какому-нибудь мужчине, то за очень, очень добрую цену. Поэтому мы с вашим отцом тайком встречались в саду и часами сидели, просто разговаривая, иногда качаясь на качелях вместе или по очереди, толкая друг друга. Стоя на взлетающей все выше и выше доске, мы забывали о времени и окружающем нас мире. Он рассказывал мне все свои секреты, а я ему – свои. Вскоре как-то само собой получилось, что мы признались друг другу в любви, и, правильно это было или нет, мы поняли, что должны пожениться. И мы должны были бежать из этого дома, вырваться из-под власти моих родителей, пока они не превратили нас в себе подобных, потому что именно эту цель они преследовали, принимая вашего отца и пытаясь изменить его, чтобы искупить то зло, которое, в их понимании, совершила его мать, вступив в брак с человеком намного старше себя. Они действительно дали ему все. Они относились к нему как к собственному сыну, потому что он в какой-то мере заменял им двух погибших сыновей. Они послали его учиться в Йель, и он добился отличных результатов. Ты именно от него унаследовал свой ум, Кристофер. Он закончил университет за три года, но не мог использовать свою степень магистра, потому что на дипломе значилась его настоящая фамилия, а мы должны были скрывать ее. Первые годы совместной жизни были особенно трудными для нас, потому что он не мог использовать свое высшее образование.

Она замолчала и задумчиво посмотрела на нас с Крисом. Поцеловав светлые макушки близнецов, она озабоченно нахмурилась.

– Кэти, Кристофер, от вас я жду понимания. Близнецы слишком маленькие. Вы пытаетесь понять меня?

– Да, да, – закивали мы одновременно.

Она говорила на понятном мне языке, языке музыки и балета, романтической любви, прекрасных лиц и живописных ландшафтов. Кто сказал, что такое бывает лишь в сказках?

Любовь с первого взгляда. О, это должно произойти и со мной, я просто знала, что это случится и он будет таким же красивым, как папа, излучающим красоту и волнующим мое сердце. Человек должен влюбляться – иначе он увянет и умрет.

– Теперь слушайте внимательно, – сказала она тихо, стараясь придать своим словам больше весомости. – Я должна сделать все от меня зависящее, чтобы снова понравиться отцу и чтобы он простил меня за то, что я вышла замуж за его единокровного брата. Как только мне исполнилось восемнадцать лет, мы с вашим отцом сбежали, а через две недели вернулись и рассказали все родителям. С отцом чуть не случился удар. В ярости он изгнал нас обоих из дома и заявил, что больше не хочет

нас видеть. И поэтому я и ваш отец, мы оба лишились наследства. Я полагаю, он собирался оставить ему некоторую сумму. Основная часть должна была остаться мне, ведь у моей матери тоже есть состояние, независимое от отцовского. Вообще, надо сказать, что отец женился на ней в основном именно из-за денег, хотя в молодости она была, что называется, интересной женщиной, не то чтобы красавицей, но в ней было какое-то властное, царственное благородство.

«Нет, – с горечью подумала я, – эта женщина родилась безобразной!»

– Итак, я собираюсь приложить все усилия, чтобы снова понравиться отцу и убедить его простить мой побег и замужество. А чтобы сделать это, я намерена играть роль послушной, смиренной, наставленной на путь истинный дочери. Иногда человек слишком вживается в роль, которую он играет, и поэтому, пока я еще остаюсь самой собой, я хочу все вам объяснить, по возможности честно. Сразу признаюсь, что я не отличаюсь ни сильной волей, ни особой независимостью. Я была сильной, только когда за мной стоял ваш отец, но теперь его нет. Внизу, на первом этаже, в маленькой комнате за гигантской библиотекой, живет человек, подобных которому вы никогда не встречали. Вы видели мою мать и теперь более или менее понимаете, что она из себя представляет, но отца вы еще не видели. И я не хочу, чтобы это произошло, пока он не простит меня и не признает факт, что у меня четверо детей, отцом которых является его единокровный брат, намного младше его самого. Ему будет трудно воспринять это. Но я не думаю, что ему будет слишком трудно простить меня, потому что ваш отец мертв, а на мертвых нельзя держать зла.

Не знаю почему, но мне стало страшно.

– Чтобы мой отец снова вписал меня в завещание, я буду выполнять все его требования.

– Что он может хотеть от тебя, кроме послушания и демонстрации уважения? – спросил серьезным, взрослым тоном Крис, как будто он прекрасно понимал, что к чему.

Мама посмотрела на него взглядом, полным сострадания, и потрепала его по щеке. Он был уменьшенной копией мужа, которого она недавно похоронила. Неудивительно, что в глазах у нее стояли слезы.

– Я не знаю, чего он захочет, мой милый, но я сделаю все, что он пожелает. Так или иначе, он должен включить меня в завещание. Но давайте пока забудем об этом. Я смотрела на ваши лица, пока вы слушали меня. Я не хочу, чтобы вы думали, что ваша бабушка сказала правду. То, что сделали мы с отцом, не противоречит морали. Мы обвенчались в церкви, как и любая другая молодая пара. В этом не было ничего

«святотатственного». И вы не порождение дьявола – ваш папа назвал бы это вздором. Моя мать хочет, чтобы вы считали себя недостойными, пытаюсь наказать меня и вас. Законы создают люди, а не Бог. В других частях света гораздо более близкие родственники женятся и производят на свет детей, и это считается совершенно нормальным, хотя я и не могу полностью оправдать того, что мы сделали, потому что все мы в конечном счете должны подчиняться законам нашего общества. А оно полагает, что мужчины и женщины, связанные узами кровного родства, не должны жениться, потому что, если это произойдет, у их детей могут быть умственные или физические недостатки. Но кто может сказать, что он свободен от недостатков?

Смеясь сквозь слезы, она прижала нас к себе.

– Ваш дедушка предрекал, что наши дети родятся горбатыми, с рогами, с раздвоенными хвостами и с копытами на ногах. Он проклинал нас как ненормальный, обещая нам, что наши дети будут уродами, потому что он хотел, чтобы на нас легло проклятие. Разве его ужасные предсказания сбылись? – воскликнула она, приходя в возбуждение. – Нет, – ответила она самой себе. – Мы с вашим отцом действительно немного волновались, когда я была беременна в первый раз. Он всю ночь мерил шагами больничный коридор, почти до рассвета, когда пришла медсестра и сказала ему, что у него родился сын, безупречный во всех отношениях. Он, конечно, должен был бежать в палату и убедиться в этом сам. Надо было видеть его радостное лицо, когда он появился на пороге моей комнаты с охапкой роз и слезами на глазах, когда он целовал меня. Он так гордился тобой, Кристофер, так гордился. Он раздал персоналу две коробки сигар, выбежал и вернулся с подарком для тебя: мячом для американского футбола, игрушечными бейсбольной битой и перчаткой кэтчера. Когда у тебя начали прорезаться зубы, ты грыз перчатку и стучал ею по стенкам своей кровати, если хотел, чтобы тебя вынули. Следующей была ты, Кэти, и ты, дорогая, была такой же прекрасной, как и твой брат. Ты ведь знаешь, как папа любил тебя, свою танцовщицу Кэти, которая покорит мир и заставит зал зачарованно смотреть, когда она будет выходить на сцену. Помнишь свое первое балетное выступление, когда тебе было четыре года? Ты в первый раз надела розовую пачку и сделала несколько ошибок, и все зрители смеялись, а ты все равно гордо хлопала в ладоши. А папа подарил тебе дюжину роз, помнишь? Он не желал замечать ошибок. В его глазах ты была само совершенство. А через семь лет Господь снова благословил нас, родились близнецы. Теперь у нас было два мальчика и две девочки, и мы искушали судьбу четыре раза – и победили! Четыре ребенка, о которых

можно только мечтать. Так что, если бы Бог хотел наказать нас, у него было четыре возможности сделать так, чтобы у нас родились дети с умственными или физическими недостатками. Вместо этого он подарил нам вас. Поэтому никогда не давайте своей бабушке или кому бы то ни было убедить себя, что вы недостойны или в чем-то ущербны в глазах Господа. Если кто-то и совершил грех, то не вы, а ваши родители. Вы остаетесь теми же ребятами, которым завидовали сверстники в Гладстоне и которых называли дрезденскими куколками. Чаще вспоминайте нашу жизнь в Гладстоне и держитесь за эти воспоминания. Верьте в себя, в меня и в своего отца – в память о нем. Сейчас, когда его нет с нами, он все равно заслуживает любви и уважения. Он всегда стремился быть хорошим отцом. Не думаю, что есть мужчины, способные приложить к этому столько усилий, сколько приложил он.

Она широко улыбнулась сквозь стоящие у нее в глазах слезы.

– Скажите мне теперь, кто вы такие?

– Дрезденские куклы! – хором воскликнули мы с Кристофером.

– Будете вы теперь верить бабушке, когда она называет вас порождением дьявола?

– Нет! Никогда, никогда!

И все же, и все же... я чувствовала, что мне еще придется поломать голову кое над чем из того, что говорили и она, и бабушка. Хотелось верить, что Бог доволен нами, доволен тем, что мы из себя представляем. Я не могла не верить, должна была верить. нужно соглашаться, кивать головой и говорить «да», а не сидеть, безмолвно уставившись на маму, как близнецы. Нельзя, невозможно быть такой подозрительной, нельзя!

Крис неожиданно заговорил громким, убедительным голосом:

– Да, мама, я верю всему, что ты сказала, потому что, если бы Бог не одобрял вашего союза с отцом, он наказал бы вас через ваших детей. Думаю, Бог не так ограничен и подвержен предрассудкам, как наши дедушка и бабушка. Как может эта женщина говорить такие гнусности, когда у нее есть глаза и она видит, что мы не уродливые, не безобразные и уж тем более не умственно отсталые?

Слезы облегчения хлынули из маминых глаз, как река, прорвавшая плотину. Прижав к себе Кристофера, она поцеловала его в макушку. Потом, не обращая внимания на остальных, она обхватила его лицо ладонями и, глядя прямо в глаза, зашептала:

– Спасибо, спасибо за то, что ты понимаешь меня, сынок. Спасибо тебе, что ты не винишь своих родителей за то, что они сделали.

– Я люблю тебя, мама. Я всегда пойму тебя, что бы ты ни делала.

– Да, – пробормотала она, – ты поймешь, я знаю, что ты меня поймешь.

Неловко взглянув на меня, она заметила, как я пытаюсь взвешивать и анализировать ее слова.

– Любовь не всегда приходит по твоему желанию. Иногда это случается против твоей воли. – Склонившись, она взяла моего брата за руки и приняла к ним. – Мой отец боготворил меня. Он не хотел со мной расставаться. Он не желал, чтобы я выходила замуж. Я помню, когда мне было двенадцать лет, он обещал оставить мне все свое состояние, если я не покину его до самой смерти.

Внезапно она вскинула голову и посмотрела на меня, очевидно увидев в моих глазах сомнение и немой вопрос. Ее взгляд сделался глубоким и задумчивым.

– Возьмитесь за руки, – энергично приказала она, расправляя плечи и отпуская одну руку Криса. – Повторяйте за мной: «Мы идеальные дети. Умственно, физически, эмоционально мы полноценны и угодны Богу во всех отношениях. Мы имеем право жить, любить и наслаждаться жизнью, как все остальные дети на земле».

Улыбнувшись мне, она протянула освободившуюся руку и предложила Кэрри и Кори встать в эту семейную цепочку.

– Здесь вам очень пригодятся небольшие ритуалы, чтобы помочь пережить одиночество, – своеобразные вехи, отмечающие путь и не дающие сбиться с курса. Я хотела бы оставить вам несколько таких памяток. Когда я смотрю на тебя, Кэти, я вижу себя в твои годы. Люби меня, Кэти, верь мне, пожалуйста.

Запинаясь, мы выполнили ее указание и повторили это заклинание, которое с тех пор должно было приходить к нам на помощь, когда нас будут одолевать сомнения. Когда мы закончили, мама улыбнулась в знак одобрения, пытаясь вселить в нас надежду и уверенность.

– Знаете, – сказала она обрадованно, – я прожила сегодняшний день в постоянных мыслях о вас, все время думая о нашем будущем. Я решила, что мы не можем продолжать жить здесь, всецело находясь во власти моих матери и отца. Моя мать – жестокая, бессердечная женщина, которая по какому-то странному стечению обстоятельств родила меня, но никогда не любила. Всю свою любовь она отдала сыновьям. Получив ее письмо, я безрассудно надеялась, что она будет обращаться с вами иначе, чем обращалась со мной. Я думала, что ее характер смягчился с годами и, увидев вас, она поведет себя как все бабушки – примет внуков с распростертыми объятиями и будет рада, что на старости лет она может

посвятить себя детям. Я так верила, что стоит ей посмотреть на вас...

Она запнулась, и на глазах у нее опять выступили слезы. Всем своим видом она давала понять, что, с ее точки зрения, ни один человек в здравом уме и трезвой памяти не может не любить ее детей.

– Я еще могу понять ее неприязнь к Кристоферу, – продолжала она, крепко прижав брата к себе и целуя его в щеки, – ведь он так похож на своего отца... В тебе, Кэти, она, должно быть, видит меня, а меня она никогда не любила, наверное, еще и потому, что ревновала ко мне отца. Но я и в мыслях не допускала, что она будет так жестока к любому из вас и тем более к моим маленьким двойняшкам. Я сама себе внушила, что с возрастом люди меняются и осознают свои ошибки, но теперь вижу, как сильно я ошибалась. – И она смахнула с лица слезы. – Поэтому завтра я еду в ближайший большой город и поступаю в школу бизнеса, где меня научат работать секретарем. Я научусь печатать, стенографировать, вести бухгалтерский учет и систематизировать документы, – научусь всему, что должна знать хорошая секретарша. Когда я выучусь и получу свидетельство, я смогу подыскать хорошую работу с приличным жалованьем. И тогда у меня будет достаточно денег, чтобы забрать вас отсюда. Мы найдем квартиру где-нибудь поблизости, чтобы я могла навещать отца. Так что скоро мы будем снова жить под одной крышей, нашей собственной крышей, и станем настоящей семьей.

– О, мама, – радостно воскликнул Крис, – я знал, что ты найдешь выход! Я знал, что ты не позволишь запереть нас здесь надолго.

Он наклонил голову и с удовлетворением посмотрел на меня, как будто он никогда и не сомневался в том, что уж кто-кто, а его мама способна разрешить любую проблему, какой бы сложной она ни была.

– Верьте мне, – сказала мама, улыбаясь в знак того, что уверенность вернулась к ней, и снова поцеловала Кристофера.

Какой-то гранью своего «я» я вдруг захотела быть похожей на моего брата Кристофера и принимать все сказанное мамой за некую священную клятву. Но мои мысли предательски возвращались к ее словам о собственной безвольности и несамостоятельности, о том, что ей недостает поддержки со стороны папы.

– Сколько времени понадобится, чтобы выучиться на секретаршу? – подавленно спросила я.

Быстро, слишком быстро она ответила:

– Совсем недолго. Около месяца. Но если это займет больше времени, вы должны проявить терпение и понять, что я не очень сообразительна в таких вопросах, и это не моя вина, – закончила она торопливо, как будто

видела, что я считаю ее поведение неестественным. – Когда ты рождаешься в богатой семье и получаешь образование в закрытом пансионе, где учатся только дочери исключительно богатых и влиятельных людей, а затем в специальной школе, где тебя учат этикету, преподают небольшой набор классических предметов, а в основном готовят к романтическим взаимоотношениям с молодыми людьми, выходу в свет и развлечению гостей в качестве образцовой хозяйки дома... Меня не учили ничему практическому. Я не могла представить, что когда-нибудь мне понадобятся деловые навыки. Я считала, что обо мне всю жизнь будет заботиться муж, а если не муж, то отец. В своего будущего мужа я влюбилась с первого взгляда и точно знала, что мы поженимся, как только мне исполнится восемнадцать лет.

В эту минуту она, сама того не подозревая, преподавала мне урок, который я запомнила на всю жизнь. Никогда я не поставлю себя в такую зависимость от мужчины, что не смогу сама проложить себе дорогу в жизни, какие бы жестокие удары судьбы на меня ни обрушились! Но больше всего я чувствовала себя обозленной, неловкой, виноватой, одновременно понимая, что во всем виновата она и что теперь у нее нет ни малейшего представления о том, что нас всех ожидает.

– Я ухожу, – сказала она, вставая.

Близнецы разразились плачем.

– Мама, не уходи! Не оставляй нас! – кричали они, обхватив руками ее колени.

– Я приду завтра, рано утром, перед тем как ехать в эту бизнес-школу. Правда, Кэти, – добавила она, глядя прямо на меня, – я обещаю, что буду стараться. Я хочу увести вас отсюда не меньше, чем вы сами.

Уже в дверях она сказала, что то, что мы видели ее спину, наверное, к лучшему, потому что мы теперь поняли, как бессердечна ее мать.

– Ради бога, не нарушайте ее правила. Скромно ведите себя в ванной. Поймите, она может поступить так бесчеловечно не только со мной, но и с моими детьми.

Она раскрыла руки для объятий, и мы побежали к ней, забыв о рубцах на ее спине.

– Я так люблю вас, – всхлипнула она. – Положитесь на меня. Я приложу все усилия, клянусь. Я чувствую себя здесь такой же узницей, как и вы, точно так же пойманной в тиски обстоятельств. Постарайтесь думать о хорошем, когда будете ложиться спать, и помните, что, как бы ни было плохо, все не так плохо, как кажется. Вы знаете, что я умею вызывать симпатию, и мой отец меня когда-то очень любил. Поэтому ему будет

нетрудно снова полюбить меня, не правда ли?

Да-да, это уж точно. В душе всегда остается след от сильной любви, и она легко разгорается снова. Я знала это, я влюблялась уже шесть раз.

– Когда вы выключите свет и уляжетесь спать, то в темноте этой комнаты помните, что завтра, после того как я запишусь в эту школу, я пойду покупать вам новые игрушки и настольные игры, чтобы помочь вам скоротать время. А потом, очень скоро, я сделаю так, что отец снова полюбит меня и простит мне все старые обиды.

– Мама, – спросила я, – а у тебя хватит денег на все эти покупки?

– Да, конечно, – быстро ответила она, – у меня достаточно денег. Мои родители очень гордые люди, и они не допустят, чтобы в глазах их друзей и соседей я выглядела неопрятной и неухоженной. Они обеспечат и меня, и вас, вот увидите. А я буду использовать каждую свободную минуту и откладывать каждый лишний доллар, чтобы приблизить день, когда мы сможем уехать отсюда и жить сами по себе, в отдельном доме.

Сказав это на прощание, она послала нам воздушный поцелуй, а потом закрыла за собой дверь и повернула ключ в замке.

Еще одна ночь взаперти.

Теперь мы знали намного больше, может быть, даже слишком много.

После маминого ухода мы с Крисом легли спать. Перед тем как свернуться калачиком на своей кровати, спиной к Кори, он ободряюще улыбнулся мне. Закрывая глаза, он пробормотал:

– Спокойной ночи, Кэти. Пусть тебя не кусают клопы.

Кристофер заснул, и я прильнула к маленькому теплому тельцу Кэрри, так что она лежала у меня в руках, а я уткнулась головой в ее мягкие волосы.

Немного повертевшись, я успокоилась, уставившись перед собой и всем телом чувствуя абсолютную, обволакивающую тишину этого огромного спящего дома. Ни шороха, ни движения, ни скрипа, ни телефонных звонков – ничего не было слышно. Я не улавливала ни звуков включаемого и выключаемого кухонного оборудования, ни собачьего лая. Не слышно было и машин, проезжающих внизу, свет фар которых мог бы проникнуть через тяжелые шторы.

Трусливые мысли начали возникать у меня в голове, убеждая, что мы – запертое, никому на свете не нужное порождение дьявола. Они окружили меня со всех сторон, стремясь сделать так, чтобы я почувствовала себя жалкой и никчемной. Надо было найти способ справиться с ними. Мама! Она любит нас, мы ей нужны, она сделает все, чтобы стать секретаршей у какого-нибудь удачливого бизнесмена. Обязательно! Я была уверена, что

она это сделает. Она не пойдет на поводу у своих родителей, которые хотят, чтобы она отвернулась от нас. Обязательно, обязательно.

– Боже, – молилась я, – помоги маме научиться быстрее.

В комнате было ужасно жарко и душно. Я слышала, как снаружи ветер шуршит листьями деревьев, но он был недостаточно сильным, чтобы залететь сюда и сделать комнату попрохладней, просто давал знать, что там, за окном, свежий воздух и если мы широко откроем окна, то им наполнится и эта комната. Я так хотела оказаться снаружи! Разве мама не говорила, что ночи в горах холодные даже летом?

Стояло лето, и в комнате было далеко не прохладно при закрытых окнах.

В розовой полутьме Крис шепотом позвал меня по имени:

– Кэти, о чем ты думаешь?

– О ветре. Воеет, как волк.

– Так и знал, что ты пребываешь в хорошем настроении. Или я не я, или тебе надо принимать таблетки от меланхолии.

– Могу тебя еще повеселить: шепот ветра напоминает голоса умерших, которые пытаются сказать нам о чем-то.

Он заскрипел зубами:

– А теперь, Кэтрин Долл, – (сценический псевдоним, который я собиралась когда-нибудь использовать), – слушай меня внимательно. Я приказываю тебе не предаваться своим жалким страхам. С этой минуты мы будем принимать каждый час таким, какой он есть, не переставая думать о следующем часе, и я уверен, что в нашем положении это значительно легче, чем вести счет на дни и недели. Старайся больше думать о музыке, пении и танцах. По-моему, ты говорила, что никогда не грустишь, если в голове у тебя звучит какая-нибудь мелодия.

– А о чем будешь думать ты?

– Если бы я не хотел спать, то рассказал бы тебе о своих мыслях на десять увесистых томов. Так или иначе, ты знаешь мою мечту. Наверное, сейчас, перед сном, я буду думать, на какие игры мы сможем потратить наше время.

Широко зевнув, он вытянулся на кровати и в который раз улыбнулся мне:

– Что ты думаешь по поводу всех этих разговоров про уродцев с копытами, хвостами и рогами, которые получают от брака близких родственников?

– А ты, будущий доктор и искатель всех и всяческих знаний, можешь сказать, возможно ли это с научной точки зрения?

– Не-а, – уверенно ответил он, как будто хорошо знал предмет. – Если бы это было так, мир наполнился бы дьяволоподобными монстрами, хотя, откровенно говоря, я был бы не прочь взглянуть на дьявола хоть одним глазком.

– Я иногда вижу чертей во сне.

– Ха! – усмехнулся Крис. – Опять ты со своими снами. Скажи лучше, как тебе понравились близнецы? Честное слово, я горжусь ими, ведь они не побоялись бросить вызов нашей великанше-бабушке. Черт возьми, они действительно смелые ребята. Правда, я все время боялся, что она сделает с ними что-то ужасное.

– Ты считаешь, что она не сделала ничего ужасного? Она подняла Кэрри за волосы. Малышке наверняка было больно. А Кори она толкнула с такой силой, что тот покатился, и это тоже было больно. Чего еще ты хочешь?

– Все могло бы быть намного хуже.

– Я думаю, она просто сумасшедшая.

– Может быть, может быть, – сонно пробормотал он.

– Ведь близнецы такие маленькие. Кори просто защищал Кэрри, ты ведь знаешь, как они привязаны друг к другу. – Я немного поколебалась, прежде чем перейти к тому, что меня так волновало. – Крис, ты думаешь, наши папа и мама правильно сделали, что полюбили друг друга? Они могли как-то остановить это?

– Не знаю. Давай не будем говорить об этом. Я чувствую себя как-то неловко.

– Я тоже. По крайней мере, теперь ясно, почему у нас у всех голубые глаза и светлые волосы.

– Ага, – зевнул он, – точно. Дрезденские куколки. Это мы.

– Ты был прав. Я всегда хотела играть в игры весь день напролет. Ты только подумай: если мама принесет нам новый, улучшенный вариант «Монополии», мы сможем закончить игру.

До этого нам никогда не удавалось доиграть до конца.

– И еще, Крис. Серебряные балетные туфли будут мои.

– Хорошо, – пробормотал он. – А я возьму шлем или гоночную машину.

– Шлем, пожалуйста.

– Хорошо. Извини, я забыл. Близнецов мы научим быть банкирами и считать деньги.

– Сначала нам придется просто научить их считать.

– Это ничего. Фоксворты понимают толк в деньгах с рождения.

– Но мы не Фоксворты!
– А кто же?
– Доллангенджеры! Вот кто!
– Ладно, пусть будет по-твоему. – И он снова пожелал мне спокойной ночи.

Я снова опустилась на колени у кровати и молитвенно сложила руки под подбородком. Очень тихо я начала молитву:

– Сейчас, когда ложусь я спать, прошу я Господа опять...

Но почему-то я не смогла произнести эти слова о том, чтобы Бог позаботился о моей душе, если я умру во сне. Пропустив эту часть, я попросила благословения для мамы, Криса, близнецов и для папы, где бы он ни находился там, на небесах.

Потом я снова забралась в кровать и стала думать о торте, печенье и мороженом, которые бабушка почти пообещала нам вчера вечером, если мы будем хорошо себя вести.

А мы вели себя хорошо.

По крайней мере, пока Кэрри не напала на нее. С другой стороны, она все равно пришла без всякого десерта.

Откуда она знала, что мы вдруг поведем себя так недостойно?

– О чем ты теперь размышляешь? – спросил Крис сонным голосом.

Я думала, что он давно заснул и не смотрит на меня.

– Да так, ни о чем. О мороженом и прочих сладостях, которые наша бабушка обещала нам за хорошее поведение.

– Завтра будет еще один шанс, так что не думай, что все кончено. И потом, завтра близнецы наверняка забудут о своем желании выйти наружу. У них не очень долгая память.

Да, действительно. Они уже забыли папу, а он погиб всего-навсего в апреле. Как быстро из их памяти выветрился образ отца, который любил их больше жизни!

А я не могла отказаться от воспоминаний о нем – не могла и не хотела, хотя уже достаточно смутно помнила, как он выглядел. Я просто чувствовала его.

Минуты как часы

Дни шли и шли. Без всяких изменений. Что бы вы делали со своим временем, если бы оно было у вас в таком избытке? На что бы вы обратили внимание, если уже видели все вокруг тысячу раз? Какое направление приняли бы ваши мысли, когда все ваши мечты и стремления разбились о непреодолимые проблемы? Можно было вообразить, как ты выбегаешь наружу в лес и слышишь шорох сухих листьев под ногами. Можно было представить себя купающейся в озере неподалеку от дома Фоксвортов или в прохладном горном ручье. К сожалению, я понимала, что все эти мечты похожи на паутину, рвущуюся на части при слабом прикосновении, и не могла не осознавать той мрачной реальности, в которую окунули нас последние события. Где же счастье? Ждет нас впереди или осталось позади? По крайней мере, оно было не здесь, в этой секунде, минуте, часе. Единственным, что давало нам силы, была надежда.

Крис говорил, что тратить время зря – преступление. Время – это самое ценное, что у нас есть. Ни один человек еще не обладал достаточным временем, чтобы узнать все, что он хотел. Мир вокруг нас был охвачен суетой, восклицая: «Торопитесь, торопитесь, торопитесь!»

У нас была масса времени, миллион книг для чтения, часы, когда мы могли дать волю воображению. Творческий гений рождается в момент бездеятельности, мечтая о невозможном и впоследствии воплощая это невозможное в жизнь.

Мама, как и обещала, навещала нас с новыми играми и игрушками, чтобы занять наше время. Мы с Крисом были в восторге от «Монополии», «Скрэбла», китайских шашек, обыкновенных шашек, а потом, когда она принесла двойную колоду карт для игры в бридж, мы стали настоящими асами!

С близнецами все было хуже, они еще не доросли до игр со сложными правилами. Ничто не могло удержать их внимания: ни множество крошечных машинок, купленных для них мамой, ни самосвалы, ни электрическая железная дорога, которую Крис соединил так, что поезд проходил под кроватью, под трюмо, в сторону тумбочки и под комодом. Мы все время рисковали на что-нибудь наступить. Одно можно было сказать определенно: они ненавидели чердак и боялись его.

Мы всегда вставали рано. Будильника не было, у нас были только наручные часы. Но какая-то независящая от моей воли биологическая

система заставляла меня вставать, даже если я этого совсем не хотела.

Очередь на пользование ванной менялась через день: один день первыми были мальчики, один – девочки. Перед приходом бабушки мы должны были быть полностью одетыми. А не то...

Она входила в нашу всегда сумеречную комнату, а мы стояли по стойке «смирно», ожидая, когда она поставит корзину для пикника и удалится. Она редко заговаривала с нами и обычно спрашивала, молились ли мы перед тем, как сесть за стол, и перед сном и читали ли страницу из Библии.

– Знаете, – сказал в один из ее приходов Крис, – мы читаем не по страницам, а целыми главами. И если вы думаете, что это для нас наказание, то забудьте. Это очень увлекательное чтение. Там можно найти больше похоти и насилия, чем в любом фильме, а о грехе в Библии говорится больше, чем в любой книге, какие я до сих пор читал.

– Заткнись, мальчишка, – огрызнулась она. – Я спрашивала не тебя, а твою сестру.

И она приказала мне прочитать выученную цитату. Мы часто подшучивали над ней, потому что, если как следует поискать, в Библии можно найти цитаты на все случаи жизни.

В тот раз я ответила:

– «Для чего вы заплатили злом за добро?» Бытие, глава сорок четыре, стих четыре.

Она оскалилась, развернулась и вышла. Через несколько дней она бросила Крису, не глядя в его сторону:

– Приведи мне цитату из книги Иова. И не пытайся делать вид, что ты читаешь Библию, когда я прекрасно знаю, что это не так.

Крис был во всеоружии.

– Иов, глава двадцать восемь, стих двенадцать: «Но где премудрость обретается и где место разума?» Иов, глава двадцать восемь, стих двадцать восемь: «И сказал человеку: „вот, страх Господень есть истинная премудрость, и удаление от зла – разум“». Иов, глава тридцать один, стих тридцать пять: «Вот мое желание, чтобы Вседержитель отвечал мне, и чтобы защитник мой составил запись». Иов, глава тридцать два, стих девять: «Не многолетние только мудры, и не старики разумеют правду».

И он продолжал бы до бесконечности, но бабушка залилась краской от бессильной ярости. Больше она никогда не просила его приводить цитаты, а потом перестала экзаменовать и меня, потому что я тоже старалась находить что-нибудь двусмысленное.

Мама появлялась каждый вечер около шести, всегда второпях и задыхаясь. Она приходила с грудой подарков, новыми играми и книгами.

Потом она опрометью неслась в свои апартаменты принимать ванну и переодеваться для какого-нибудь званого обеда с обязательными слугами, подающими на стол, и, судя по тому, что она успевала впопыхах рассказать, с ними часто обедали гости.

– Очень многие вопросы решаются за обедом или ужином, – поведала она.

Лучше всего было, когда ей удавалось унести со стола изысканные канапе и прочие деликатесы. Но конфет никогда не было, чтобы мы не портили зубы.

Лишь по субботам и воскресеньям ей удавалось побыть с нами подольше и пообедать за нашим низким столиком. Однажды она похлопала себя по животу:

– Смотрите, как я растолстела. Ведь мне приходится обедать с моим отцом, потом говорить, что я хочу вздремнуть, и снова садиться за стол с вами.

В такие минуты мы были особенно счастливы, потому что они напоминали доброе старое время, когда папа был еще жив.

В одно из воскресений мама вошла в комнату, пахнувшая свежестью, с квартой ванильного мороженого и шоколадным тортом из пекарни неподалеку. Мороженое почти растаяло и скорее напоминало суп, но мы все равно съели его. Мы упрашивали маму остаться ночевать с нами и спать на кровати между мной и Кэрри, чтобы, проснувшись утром, все еще видеть ее. Но она оглядела заваленную игрушками спальню и покачала головой:

– Простите меня, но я не могу. Действительно не могу. Горничные удивятся, что я не спала на своей кровати, и, кроме того, троим в одной постели будет слишком тесно.

– Мама, – спросила я тогда, – долго нам еще ждать? Мы здесь уже две недели, а кажется, что целых два года. Когда наконец дедушка простит тебя за то, что ты вышла замуж за папу? Когда ты скажешь ему о нас?

– Мой отец разрешил мне пользоваться одной из машин, – ответила она, как мне показалось, уклончиво. – Поэтому я думаю, что он собирается простить меня, иначе он не позволил бы мне спать под одной крышей, питаться с его стола и ездить на его машине. Но пока у меня не хватает решимости признаться, что я прячу от него четверых детей. Мне необходимо очень точно рассчитать, когда и при каких обстоятельствах сделать такое признание. Вам придется потерпеть.

– Что он сделает, если узнает? – спросила я, не обращая внимания на нахмурившегося Криса, который уже не раз говорил мне, что, если я не

перестану задавать вопросы, мама будет приходить к нам все реже и реже, и что мы тогда будем делать?

– Не знаю, как он поступит, – боязливо прошептала она. – Обещай мне, Кэти, что ты сделаешь все, чтобы слуги вас не услышали. Он жестокий, бессердечный человек, и он обладает огромной властью. Дайте мне время, и я скажу ему все, когда он будет готов это услышать.

Она ушла около семи часов, и вскоре после этого мы легли спать. Мы рано ложились, потому что рано вставали. И чем дольше ты спишь, тем короче кажутся дни. Сразу после десяти мы тащили близнецов на чердак. Исследования гигантского чердака были лучшим способом убить время. Там было два пианино, и Кори часто взбирался на круглую табуретку, высоту которой можно было регулировать, и вертелся на ней. Время от времени он ударял по желтым клавишам, поднимал голову и внимательно вслушивался. Пианино было расстроено, и от его звуков болела голова.

– Неправильно звучит, – сказал он однажды. – Почему звук неправильный?

– Его нужно настроить, – отвечал Крис, не раз пытавшийся сделать это.

В конце концов он только порвал струны. На этом попытки извлечь что-либо из двух пианино закончились. Кроме них, на чердаке было пять патефонов, каждый с небольшой белой фигуркой собаки, очаровательно поднимающей мордочку, как бы вслушиваясь в звуки музыки. Правда, работал лишь один. Мы часто заводили его, и по чердаку разносилась странная, диковинная музыка со старых пластинок. В нашем распоряжении было несколько стопок пластинок с записями Энрико Карузо, но, к сожалению, они пришли в негодность, сложенные одна на другую даже без картонных конвертов. Сев полукругом, мы слушали их несколько раз. Мы с Крисом знали, что он был одним из величайших певцов-мужчин, и теперь у нас была возможность оценить его искусство. Его голос был таким высоким, что казался фальшивым. Непонятно, что в нем было такого великого. Правда, по какой-то странной причине Кори он очень нравился.

Потом у патефона постепенно кончался завод, и голос Карузо превращался в стон. Тогда один из нас со всех ног бросался к патефону и заводил до отказа, так что голос Карузо становился похожим на скороговорку утенка Дональда. Близнецы хохотали. Естественно, ведь это был их тайный язык.

Кори целыми днями сидел на чердаке и слушал пластинки. Кэрри, наоборот, вечно слонялась в поисках новых занятий, не зная, чем бы еще себя развлечь.

– Я ненавижу это огромное, гадкое место! – вопила она в триллионный раз. – Заберите меня отсю-у-уда! Немедленно! Сейчас же! Заберите меня, или я буду пинать стены! Я буду! Я могу! Не думайте, я могу!

Подбежав к стене, она начала колотить в нее руками и ногами и умудрилась содрать в кровь свои маленькие кулачки, прежде чем ее удалось оттащить.

Мне было жаль и ее, и Кори. Мы все были не прочь разрушить эти стены и бежать куда глаза глядят. Правда, в случае с Кэрри стены могли скорее рухнуть от ее трубных воплей, как упали стены Иерихона.

Для нас стало настоящим облегчением, когда она, преодолев страхи, научилась сама находить дорогу вниз, в комнату, где могла поиграть с куклами, маленькой плитой и чайными чашечками (у нее была даже кукольная гладильная доска с утюгом, который, правда, не нагревался).

Впервые близнецы могли провести несколько часов друг без друга, и Крис говорил, что это хорошо. Кори был в восторге от патефонной музыки на чердаке, а Кэрри внизу болтала со своими куклами и «вещами».

Еще одним способом проведения времени было бесконечное купание и мытье головы шампунем. В конце концов мы, наверное, превратились в самых чистых детей на свете. Мы дремали после обеда, который пытались растянуть как можно дольше. Мы с Крисом устраивали соревнования, кто быстрее очистит яблоки, не отрывая ножа, чтобы кожура сходила спиралью; чистили апельсины, стараясь полностью удалить белую мякоть, которую терпеть не могли близнецы; раскладывали сырные крекеры на четыре равные части по коробочкам.

Нашей самой опасной и увлекательной игрой было передразнивать бабушку, всегда боясь, что вот сейчас она войдет в дверь и застанет одного из нас переодетым в какую-нибудь паршивую серую скатерть с чердака, изображающую ее вечную униформу из серой тафты.

– Дети, – говорил Кристофер, стоя у двери с невидимой корзиной для пикника. – Надеюсь, вы вели себя скромно, почтительно, одним словом, подобающим образом? Ваша комната в вопиющем беспорядке. Девочка, ты, в том углу, поправь наволочку на подушке, или я раздроблю тебе череп одним взглядом!

– Пощади, бабушка! – восклицала я, падая на колени и подползая к «бабушкиным» ногам, молитвенно сложив руки. – Я смертельно устала, ведь я отскребывала налет со стен на чердаке. Я должна была отдохнуть!

– Отдохнуть?! – рычала «бабушка», платье которой было вот-вот готово упасть. – Нет отдыха для развращенных, испорченных и недостойных. Они работают до самой смерти, а потом в аду их

подвешивают над жаровней на вечные времена!

И она начинала зловеще двигать руками над покрывалом, отчего близнецы пугались и вскрикивали. После этого, скрываясь за взметнувшейся вверх скатертью, «бабушка» таинственно исчезла, а на ее месте стоял Крис и широко улыбался.

В эти первые недели секунды казались нам часами, несмотря на все наши попытки отвлечься и не думать о времени, а перепробовали мы бессчетное количество занятий. Наши сомнения и страхи, надежды и бесплодные ожидания постоянно держали нас в напряжении. Желанный миг свободы все не приходил и не приходил.

Теперь близнецы бежали ко мне со своими занозами и царапинами от гнилых досок на чердаке. Я аккуратно вынимала занозы пинцетом, а Крис прикладывал антисептик и заклеивал ранки пластырем, который они очень любили. Небольшая ранка на пальце была достаточной причиной для того, чтобы я утешала их всеми возможными способами, укачивала, укладывала в постель и на прощание щекотала, чтобы они развеселились. Маленькие ручки то и дело норовили обнять меня. Я была любима, очень любима. И очень нужна.

Наши двойняшки больше походили на трехлетних, чем пятилетних детей. Не речью, а скорее поведением: тем, как они терли глаза маленькими кулачками, надували губы, когда им в чем-то отказывали, или задерживали дыхание и наливались краской от недовольства, вынуждая давать им то, что они просят. Я сдавалась гораздо легче, чем Крис, всегда говоривший, что они не задохнутся, как бы ни старались. Но все равно видеть их лица побагровевшими было страшновато.

– В следующий раз я просто буду игнорировать их, – сказал мне как-то Крис. – И хочу, чтобы ты делала то же самое, даже если для этого придется закрыться в ванной. И поверь, с ними ничегошеньки не случится.

В конце концов они вынудили меня именно к этому, и ничего страшного не произошло. Это был последний раз, когда они применили подобное средство, чтобы не есть непонравившееся им блюдо, а надо сказать, что не нравилось им очень многое.

Как и все маленькие девочки, Кэрри была очень гибкой и любила делать мостик. Кроме того, ей очень нравилось прыгать по комнате, задирая юбку и показывая панталончики с оборкой из ленты – единственный вид панталон, который она соглашалась носить. В дополнение к оборкам они были украшены розами – вышитыми или сделанными из цветных ленточек. Приходилось по десять раз на дню повторять ей, какая она хорошенькая.

Кори, естественно, носил шорты, как Кристофер, и очень этим гордился: в его памяти еще живо стояли подгузники, которые он надевал не так давно, особенно когда у него пошаливал мочевой пузырь. У Кэрри была другая проблема: у нее начинался понос, стоило ей поесть любых фруктов, кроме цитрусовых. Я возненавидела дни, когда на десерт у нас были фрукты, особенно виноград, персики и яблоки – все имели одинаковое действие. Честное слово, как только в дверях появлялись фрукты, я бледнела, представляя очередную стирку трусиков с ленточными оборками. Чтобы избежать этого, нужно было, угадав нужный момент, хватать Кэрри под мышки и стремглав бежать с ней в туалет. И если я не успевала или, скорее, Кэрри успевала, по комнате разносился гомерический смех Криса. Он всегда держал под рукой пресловутую голубую вазу, поскольку Кори тоже был не из терпеливых и горе, если ванная была занята его сестрой. Он не однажды мочил свои шорты и, опозоренный, прятал лицо, прижимаясь к моим коленям. (Кэрри никогда не стыдилась, видимо считая, что все происходит из-за моей медлительности.)

– Кэти, когда мы выйдем отсюда? – прошептал мне как-то Кори после одного из «происшествий».

– Как только мама скажет.

– Почему она не говорит?

– Там, внизу, живет один старый человек, который не знает о нас. Мы должны ждать, когда он снова полюбит маму и примет нас.

– Кто этот старик?

– Наш дедушка.

– Он что, вроде нашей бабушки?

– Боюсь, что да.

– А почему он нас не любит?

– Он не любит нас, потому что... потому что у него плохо со здравым смыслом. Я думаю, у него что-то не в порядке с головой, а не только с сердцем.

– А мама все еще любит нас?

Этот последний вопрос не давал мне спать всю ночь.

Прошли недели, и однажды в воскресенье мама не приходила к нам весь день. Было мучительно сознавать, что она где-то рядом, в этом самом доме, что сегодня у нее на курсах выходной.

Я ничком лежала на полу, читая книгу «Неизвестный Иуда», Крис рылся на чердаке в поисках нового чтива, а близнецы возились на полу с игрушечными машинками.

Время шло медленно, и день уже клонился к вечеру, когда дверь наконец распахнулась и мама впорхнула в комнату в теннисных туфлях, белых шортах, белой матроске с красной и синей отделкой на воротнике и вышитым якорем. Ее лицо покрылось розовым загаром. Она выглядела энергичной, здоровой и непередаваемо счастливой – прямая противоположность тому вялому и почти болезненному виду, который мы приобрели в этой душной комнате.

Одежда для катания на яхте.

Ага, теперь понятно, чем она занималась. Я с неприязнью посмотрела на нее, чувствуя, как моя кожа тоскует по солнечным лучам, и с завистью перевела взгляд на ее ноги, тоже загорелые и здоровые. Ее волосы были немного растрепаны ветром, что делало ее еще в десять раз более красивой, земной и сексуальной. А ведь она была почти старой, скоро ей исполнится сорок.

Сегодня она наверняка провела самый приятный день с тех пор, как умер папа. Был уже вечер, пять часов.

В семь часов внизу начнется ужин. Это означает, что на нас у нее осталось очень мало времени, и скоро она спустится к себе, примет ванну и переоденется во что-нибудь более подходящее для ужина.

Отложив в сторону книгу, я развернулась и села. Было больно, и очень хотелось сказать ей что-нибудь обидное.

– Где ты была? – спросила я противным тоном.

Какое право имела она развлекаться, когда мы оставались запертыми и были лишены тех развлечений, что полагались нам по возрасту? Я потеряла свое двенадцатое лето, Крис – четырнадцатое, а близнецы – пятое.

Мой обвиняющий тон пригасил ее лучезарную улыбку. Она побледнела, губы задрожали, и, наверное, она на минуту пожалела, что оставила нам большой настенный календарь, чтобы мы знали, когда наступят выходные. Сетка была заполнена красными крестиками, отмечавшими прошедшие дни нашего заключения, наши жаркие, одинокие, полные напряжения и горечи дни.

Мама опустила в кресло, положив ногу на ногу, и стала рассеянно обмахиваться журналом.

– Извините, что заставила вас ждать. Хотела зайти к вам сегодня утром, но пришлось все внимание уделять отцу, да и на вторую половину дня у меня были планы, но я изменила их, чтобы встретиться с вами до ужина. – Она не выглядела вспотевшей, но тем не менее подняла руку и начала обмахивать журналом под мышкой. – Я каталась на яхте, Кэти, – сказала она. – Мои братья учили меня ходить под парусом, еще когда мне

было девять лет, а потом, когда ваш отец переехал к моим родителям, я давала ему уроки. Мы проводили на озере много времени. Когда ты на судне под парусами, возникает ощущение полета. Это так прекрасно! – добавила она нерешительно, видимо осознав, что веселилась за наш счет.

– Под парусами? – почти провизжала я. – Ты должна была быть внизу и рассказывать дедушке о нас. Сколько еще ты собираешься держать нас здесь взаперти? До скончания веков?

Она нервно оглядела комнату и сделала движение, чтобы встать с кресла, которое сохранялось специально для нее, как своеобразный трон. Наверное, она ушла бы из комнаты, если бы не Крис, спустившийся с чердака со стопкой энциклопедий, таких старых, что в них не было ничего о телевидении и реактивных самолетах.

– Кэти, не кричи на мать, – сурово сказал он. – Привет, мама. Ну и ну, как здорово ты выглядишь! Мне нравится этот матросский костюм.

Он положил книги на туалетный столик, который использовал как письменный стол, и направился к маме, чтобы обнять ее. Я чувствовала, что меня предали – сначала мама, а потом брат. Лето почти прошло, а мы ни разу не устраивали пикник, не плавали, не ходили в лес, близко не подходили к лодке и не надевали купальный костюм, даже для купания в бассейне на заднем дворе.

– Мама, – воскликнула я, вскакивая на ноги, готовая бороться за свободу. – По-моему, самое время сказать о нас твоему отцу! Мне надоело проводить все время в этой комнате и играть на чердаке! Я хочу, чтобы близнецы наконец увидели солнечный свет и свежий воздух, и сама хочу на волю не меньше! Если дедушка простит тебя за то, что ты вышла замуж за отца, то почему бы ему не принять нас? Неужели мы такие страшные, безобразные, глупые, что он не хочет иметь таких родственников?

Она отстранила от себя Криса, устало опустила в кресло, из которого только что встала, и закрыла ладонями лицо. Интуитивно я поняла, что она собирается открыть нам глаза на что-то, что до сих пор скрывала. Позвав Кори и Кэрри, я посадила их по бокам от себя и обняла. Крис, хотя я и думала, что он останется рядом с мамой, подошел к кровати и сел рядом с Кори. Мы снова сидели рядком, как птенцы на веревке для сушки белья, боящиеся, что сильный порыв ветра сдует нас и мы разлетимся в стороны.

– Кэти, Кристофер, – начала мама, все еще глядя в пол и нервно сжимая руки на коленях. – Я не была с вами до конца откровенной.

Как будто я уже не догадалась.

– Ты останешься с нами ужинать? – спросила я, неосознанно пытаюсь

отложить момент истины.

– Спасибо за приглашение. Я очень хотела бы, но у меня другие планы на вечер.

А ведь это был наш день, наша очередь проводить с ней время. Вчера она пробыла у нас всего полчаса.

– Письмо, – проговорила она, поднимая голову, и тени окрасили ее синие глаза в зеленый цвет, – письмо, которое прислала мне моя мать, когда мы были еще в Гладстоне. В нем она приглашала нас сюда. Я не сказала вам о том, что мой отец сделал внизу небольшую приписку.

– Продолжай, мама, – сказала я. – Не бойся, мы готовы услышать все, что ты скажешь.

Наша мама была уравновешенной женщиной, спокойной и собранной. Но одно ее выдавало – руки. По ним всегда можно было судить о ее состоянии. Одна рука начала капризно, против ее воли, нашаривать невидимую нитку жемчуга на шее, которую она привыкла крутить в затруднительных ситуациях. Но на ней не было никаких украшений, и поэтому пальцы без конца впустую двигались в районе шеи. Пальцы другой руки, лежащей на колене, беспрерывно шевелились, как будто счищая друг с друга какую-то грязь.

– Ваша бабушка написала письмо и поставила свою подпись, но дедушка добавил несколько слов от себя. – Она помолчала, закрыла на несколько секунд глаза, а потом снова открыла их и посмотрела прямо на нас. – Он написал, что рад смерти отца, что порочные и недостойные всегда получают по заслугам. Он написал, что его утешает лишь то, что от нашего союза не появилось дьяволова отродья.

Когда-то я обязательно поинтересовалась бы, что это такое. Теперь я знала: дьяволово отродье – то же самое, что и порождение Сатаны, плохое, с гнилым нутром, порочное от рождения.

Сидя на кровати и обнимая близнецов, я посмотрела на Криса, который был, наверное, очень похож на папу в его возрасте, и перед глазами неожиданно возник образ моего отца в белом теннисном костюме, высокого, с гордой осанкой, золотистыми волосами и бронзовой кожей. Зло должно быть темным, сторбленным и маленьким, оно не могло принять форму человека, стоявшего перед моим внутренним взором, – стройного, улыбающегося своими небесно-голубыми глазами, никогда не лгавшими.

– Тогда моя мать написала еще одну страницу, которую мой отец не видел, где предложила спрятать вас, – закончила мама неуверенным, слабым голосом и залилась краской.

– А папу называли порочным и недостойным только из-за того, что он

женится на своей племяннице? – спросил Крис тем же спокойным, сдержанным тоном, которым говорила мама. – Это единственный его проступок?

– Да! – воскликнула она, довольная, что он, ее любимец, понял. – За всю свою жизнь ваш отец совершил единственный непростительный проступок – влюбился в меня. Закон запрещает браки между родными дядей и племянницей, даже если они связаны кровными узами лишь наполовину. Пожалуйста, не вините нас. Я уже рассказывала, как это случилось. Из всех нас ваш отец был самым лучшим!

Она запнулась, готовая разрыдаться, глядя на нас с нескрываемой мольбой, и я уже знала, знала, что последует за этим.

– Видя в чужом глазу соринку, многие не замечают в своем бревна, – быстро продолжала она, стараясь объяснить нам свои замыслы. – Ваш дедушка из таких. Он может найти недостатки и у ангела. Он один из тех, кто хочет видеть всех членов своей семьи безупречными, сам таковым не являясь. Но попробуйте сказать ему это, и он размажет вас по стенке. – Она проглотила комок в горле, готовясь перейти к следующей фразе. – Кристофер, я думала, что, когда мы окажемся здесь, я расскажу ему, что ты был лучшим учеником в классе; что, когда он увидит Кэти и узнает о ее танцевальных способностях, этого будет достаточно, чтобы завоевать его расположение, не говоря уже о близнецах, на которых достаточно взглянуть, чтобы полюбить их, а кто знает, какими способностями они наделены от рождения... Я наивно считала, будто он легко сдастся и признает, что ошибся, назвав нашу женитьбу греховной. Теперь я понимаю, как это было глупо.

– Мама, – сказала я еле слышно, сама близкая к тому, чтобы заплакать, – ты говоришь так, как будто ты вообще не собираешься рассказывать ему о нас. Он никогда нас не полюбит, какими бы хорошенькими ни были близнецы, каким бы умным ни был Крис и как бы хорошо я ни танцевала. Для него все это не имеет никакого значения. Ведь он будет ненавидеть нас и считать порождением дьявола, несмотря ни на что, да?

Поднявшись с кресла, она подошла к нам и упала на колени, попытавшись обнять всех четверых сразу.

– Разве я не говорила вам раньше, что ему осталось жить совсем недолго? Он начинает задыхаться от любого незначительного усилия. А если он не умрет в ближайшее время, я найду способ сказать ему о вас. Клянусь вам, я это сделаю, только потерпите. Постарайтесь понять меня. Я возьму все, чего вы сейчас лишены, возьму тысячекратно! – Ее полные

слез глаза умоляли. – Пожалуйста, пожалуйста, ради меня, ради вашей любви ко мне, а моей – к вам, потерпите еще! Это не будет, не может продолжаться долго, и я сделаю все возможное, чтобы скрасить ваше ожидание. И подумайте о богатствах, которые мы скоро получим!

– Все в порядке, мама, – сказал Крис, обнимая ее почти так же, как это делал отец. – Ты просишь не так уж много, особенно если учесть, что ставка так велика.

– Да, – с готовностью подтвердила мама, – еще немного терпения, немного времени, принесенного в жертву, и все хорошее, привлекательное в этом мире будет вашим.

Что мне оставалось сказать? Как я могла возразить? Мы уже провели здесь больше трех недель, и что значили еще несколько дней, или пара недель, или даже еще один месяц?

У края радуги нас ожидал горшок с золотом. Но радуга была из тонкой, как паутина, газовой ткани, а золото весило тонну и от сотворения мира до наших дней руководило людьми во всех их поступках.

Пусть растет сад

Теперь мы знали всю правду.

Мы останемся в этой комнате, пока дедушка не умрет. Однажды ночью, когда я была особенно подавленной и грустной, мне вдруг пришло в голову, что мама всегда знала: ее отец не из тех, кто способен кому-то что-то простить.

– Но, – сказал вечный оптимист Кристофер, – он может умереть в любой момент. Так всегда бывает при сердечных болезнях. Какой-нибудь кровавой сгусток попадет ему в легкие или в сердце, и бедный дедушка погаснет, как свечка, когда на нее подуешь.

Крис и я теперь часто говорили жестокие и кощунственные вещи, но в сердце это отзывалось болью, и мы знали, что отпускаем неуважительные шуточки, чтобы хоть отчасти успокоить свое кровоточащее самолюбие.

– Послушай, – сказал он как-то, – поскольку нам придется побыть здесь немного дольше, надо стремиться занять и себя, и близнецов, придумывать какие-то развлечения. А если мы приложим все наши усилия, то вполне можем додуматься до чего-нибудь необыкновенного и фантастического.

Когда в вашем распоряжении чердак, доверху забитый всевозможным хламом, и гигантские шкафы, наполненные гнилыми и вонючими, но все-таки роскошными костюмами, вполне естественно, что у вас возникает желание поставить пьесу. А поскольку когда-нибудь в будущем я собиралась выходить на большую сцену, я назначила себя продюсером, режиссером, хореографом и исполнительницей главной женской роли. Крис, конечно, исполнял мужские, а близнецы могли играть какие-нибудь второстепенные.

Но они не хотели участвовать в нашем спектакле. Они хотели быть зрителями, которые сидят, смотрят и аплодируют.

Идея сама по себе неплохая, ведь на самом деле, что за спектакль без зрителей! Жаль, что у них не было денег, чтобы продавать им билеты.

– Назовем это генеральной репетицией, – сказал Крис. – А поскольку ты здесь главная и, кажется, знаешь все о театре, ты напишешь сценарий.

Ха! Как будто мне был нужен сценарий! Ведь теперь у меня появилась возможность сыграть Скарлетт О'Хара. У нас были обручи для кринолинов и туго затягивающиеся корсеты, подходящий костюм для Криса и прекрасные кружевные зонтики с несколькими дырами. Шкафы и сундуки

предоставляли большой выбор, и я получила замечательный костюм, целиком извлеченный из одного шкафа, а нижние юбки мы нашли в сундуке.

Я сделала прическу в виде ниспадающих спиральных прядей, а поверх нее надела потерявшую форму старую шляпу из итальянской соломки, украшенную выцветшими шелковыми цветами и зеленой атласной лентой, которая по краям стала коричневой. Мое платье с множеством оборок, одетое поверх железных обручей, было из какой-то тонкой полупрозрачной ткани. По всей видимости, когда-то оно было розовым, но сейчас его цвет было трудно определить.

Ретт Батлер был наряжен в кремовые брюки и коричневый бархатный жакет с жемчужными пуговицами, под ним был атласный жилет, ткань которого была украшена поблекшим от времени узором из красных роз.

– Пойдем, Скарлетт, – сказал он мне. – Мы должны бежать из Атланты, пока не пришел Шерман и не поджег город.

Крис привязал веревки, на которые мы повесили одеяла, служившие задником сцены, и наша аудитория из двух человек в нетерпении топала ногами, желая видеть, как горит Атланта. Я проследовала за Реттом на «сцену» и была готова дразнить и говорить колкости, флиртовать и околдовывать, чтобы разжечь в нем огонь, а потом броситься в объятия светловолосого Эшли Уилкса, но тут носок моей не по размеру большой и странно выглядящей старой туфли зацепился за рваную оборку, и я без всякого изящества растянулась на полу, продемонстрировав грязные панталоны с кружевами, превратившимися в драные лохмотья. Аудитория аплодировала мне стоя, посчитав падение запланированным.

– Пьеса окончена! – объявила я и начала срывать с себя пропахшую нафталином одежду.

– Пойдемте есть! – закричала Кэрри, готовая на все, чтобы увести нас с ненавистного ей чердака.

Кори надул нижнюю губу и осмотрелся.

– Как хорошо было бы, если бы у нас был сад, – сказал он так печально, что у меня заныло сердце. – Я не люблю качаться, когда цветы не раскачиваются вместе со мной.

Его льняные волосы отросли настолько, что касались ворота рубашки и завивались небольшими колечками, а у Кэрри волосы свисали до середины спины и напоминали каскады морских волн. Сегодня близнецы были в голубом – этот цвет мы носили по понедельникам. У нас был свой цвет на каждый день недели. Желтый был для воскресенья, а красный – для субботы.

Желание Кори заставило Кристофера задуматься. Он медленно и с явным одобрением оглядел чердак.

– Надо признать, этот чердак – довольно мрачное и тоскливое место, – задумчиво произнес он, – но почему бы нам не найти созидательное применение для своих творческих задатков и не превратить эту отвратительную гусеницу в великолепную бабочку? – И мой брат улыбнулся нам так убедительно, так подкупающе, что я немедленно поверила в его замысел.

Действительно, было бы здорово попытаться украсить это малопривлекательное место и подарить близнецам сияющий всеми цветами искусственный сад, где они могли бы, качаясь на качелях, наслаждаться окружающим видом. Конечно, нам не удастся украсить весь чердак, мы бы этого никогда не закончили, так он был огромен, и, кроме того, дедушка может умереть в любую минуту, а тогда мы уйдем, чтобы больше сюда не возвращаться.

В этот вечер мы не могли дожидаться прихода мамы, а когда она наконец пришла, мы с воодушевлением рассказали ей о своих планах украшения чердака и превращения его в радостный сад, которого близнецы перестанут бояться. На миг на ее лице появилось странное выражение, но тут же исчезло.

– Ну, что же, – сказала она с улыбкой, – если вы хотите украсить чердак, надо сначала привести его в порядок. И я сделаю, что смогу, чтобы помочь вам.

Мама тайком принесла нам швабры, щетки для пола и целые коробки чистящего средства. Вместе с нами она без усталости ползала на коленях, отскребая грязь с чердачного пола из всех углов и под мебелью. Было удивительно, что она это умела: ведь когда мы жили в Гладстоне, всю тяжелую, нудную работу, от которой у мамы могли покраснеть руки и сломаться ногти, делала приходящая два раза в неделю домработница. Но, несмотря на это, мама, одетая в старые линялые джинсы и старую рубашку, с волосами, собранными в узел и заколотыми булавкой на затылке, была с нами. Я восхищалась ею. Работа была тяжелая, изматывающая, всем было жарко, но мама не проявляла никаких признаков усталости, а, наоборот, смеялась и весело болтала с нами.

Через неделю большая часть чердака стала настолько чистой, насколько это вообще было возможно. Потом мама принесла нам аэрозоль от насекомых, чтобы уничтожить тех букашек, что попрятались в щели во время нашей уборки. Мы выметалидохлых пауков и всевозможных козявок целыми ведрами. Мы выбросили их из заднего окна, и они скатились вниз

по крыше и лежали у края, пока их не смыло дождем. Птицы устроили настоящий пир, и мы часами смотрели на них, усевшись на подоконнике. Мы не видели крыс или мышей, только их помет. Наверное, они выжидали, пока суматоха уляжется, чтобы выползти из своих потаенных нор и щелей.

Теперь, когда чердак сиял чистотой, мама принесла нам комнатные растения и островерхий амариллис, который должен был зацвести к Рождеству. Я нахмурилась, когда она сказала об этом, ведь к тому времени нас здесь уже не должно было быть.

– Мы возьмем цветок с собой, – сказала мама, потрепав меня по затылку, – вместе со всеми остальными растениями, поэтому не расстраивайтесь. Мы не оставим на чердаке ничего растущего, чему нужен солнечный свет.

Мы поставили растения в классной комнате, потому что ее окна выходили на восток. Когда мы, счастливые и довольные, спустились вниз по узкой лестнице, мама приняла душ в нашей ванной и обессиленно свалилась в кресло. Близнецы тут же забрались к ней на колени, а я накрыла стол для обеда. Это был исключительно хороший день, потому что сегодня она оставалась с нами до ужина и лишь тогда со вздохом поднялась и сказала, что ей все-таки пора. Ее отец постоянно требовал от нее подробного отчета о том, куда она ходила каждую субботу и почему ее так долго не было.

– Ты еще зайдешь к нам перед сном? – спросил Крис.

– Сегодня я иду в кино, – сказала она, – но перед уходом постараюсь проскользнуть к вам. У меня есть несколько коробочек с изюмом, который пригодится вам, если вы захотите перекусить между завтраком, обедом и ужином. Я забыла захватить их с собой.

Близнецы любили изюм до умопомрачения, и я обрадовалась, что они его получат.

– Ты собираешься в кино одна? – спросила я.

– Нет, мы идем с подругой, с которой вместе выросли. Она живет неподалеку отсюда. – Подойдя к окну, мама попросила Криса выключить свет и указала, в каком направлении живут ее лучшие друзья. – У Елены два брата, оба не женаты, один из них учится на юриста в Гарвардской школе юриспруденции, а другой – профессиональный теннисист.

– Мама! – воскликнула я. – У тебя что, роман с одним из этих братьев? Она засмеялась и опустила занавески.

– Включи свет, Крис. Нет, Кэти, у меня ни с кем нет романа. Правду сказать, я бы лучше легла спать, я очень устала. Кроме того, я не поклонник мюзиклов. Я бы с удовольствием провела время с моими детьми, но Елена

постоянно настаивает, чтобы я выходила, а если я отказываюсь, она интересуется почему. Я не хочу, чтобы люди любопытствовали, почему я провожу дома все выходные. Поэтому иногда я катаюсь на яхте и хожу в кино, как сегодня.

Даже чуть-чуть приукрасить и облагородить чердак казалось практически невозможным, не говоря уже о том, чтобы сделать из него цветущий сад. Я знала, что нам предстоит тяжелая работа и концентрация всех наших творческих возможностей, но мой проклятый брат был убежден, что мы сделаем все так быстро, что и опомниться не успеем. Вскоре ему удалось заставить маму купиться на его идеи, так что теперь каждый день, возвращаясь из школы секретарей, она приносила нам кучи книжек-раскрасок, из которых можно было по пунктиру вырезать цветы. Кроме того, она покупала нам наборы акварельных красок, много кистей, целые коробки пастельных мелков, массу цветной бумаги для аппликаций, большие банки с клеем и ножницы с тупыми концами.

– Научите близнецов раскрашивать и вырезать цветы, – инструктировала она нас. – Пусть они участвуют в вашем начинании. С этого момента я назначаю вас воспитателями и наставниками.

Приезжая из города, до которого поезд шел отсюда примерно час, она излучала здоровье и благополучие. Ее кожа была свежей и розовой от чистого воздуха, а одежда такой красивой, что при одном взгляде на нее у меня захватывало дыхание. У мамы были туфли всех цветов и оттенков, и день за днем она накапливала все новые и новые украшения, которые она называла «дешевкой», но мне эти камни до странности напоминали бриллианты, особенно судя по тому, как они блестели. Однажды она без сил упала в «свое» кресло, усталая, но счастливая, и стала рассказывать о своем дне.

– Так хочется, чтобы у этих учебных печатных машинок были буквы на клавишах. Мне никак не запомнить больше одного ряда, и поэтому постоянно приходится бросать взгляд на таблицу на стене, а это замедляет работу. Кроме того, мне никак не запомнить клавиши нижнего ряда. Пока что я печатаю со скоростью двадцать слов в минуту, а это не очень хорошо. А эти стенографические значки... – Она вздохнула, намекая, что они тоже даются ей нелегко. – Что ж, я надеюсь, что все равно выучусь, ведь, в конце концов, если это получается у других женщин, то должно и у меня.

– Тебе нравятся твои учителя, мама? – поинтересовался Крис.

Она по-детски захихикала, прежде чем ответить:

– Сначала я расскажу об учителе машинописи. Ее зовут мисс Хелена Брейди. По форме она очень напоминает вашу бабушку – такая же громадина. Но бюст у нее намного больше, самый замечательный бюст из всех, что мне когда-нибудь приходилось видеть. Бретельки лифчика постоянно сползают у нее с плеча, а если они не сползают, то сползают бретельки комбинации, поэтому она все время засовывает руку под платье, чтобы натянуть их, и все мужчины в классе хихикают.

– Разве мужчины тоже учатся печатать? – удивилась я.

– Да, у нас есть несколько молодых людей. Некоторые из них журналисты или писатели, у других свои причины учиться печатать. Мисс Брейди разведена и постоянно поглядывает на одного из этих мужчин. Она заигрывает с ним, а он пытается ее игнорировать. Она старше его по крайней мере на десять лет. Так вот, этот мужчина поглядывает на меня. Но не начинайте меня подозревать, особенно ты, Кэти. Он слишком маленький для меня. Я не могу выйти замуж за человека, который не может взять меня на руки и внести в свой дом. В данном случае я сама могу носить его на руках, его рост примерно пять футов и два дюйма.

Мы все вместе долго смеялись, потому что наш папа был на целый фут выше и легко поднимал маму. Мы наблюдали, как он это делает, особенно по вечерам в пятницу, когда он приезжал домой и они так странно смотрели друг на друга.

– Мама, ведь ты не собираешься снова выходить замуж, правда? – спросил вдруг Крис сдавленным голосом.

Она быстро обняла его:

– Нет, дорогой мой, конечно нет. Я любила твоего отца больше жизни. Только необыкновенный человек может занять его место, а пока что я не встретила никого, кто мог бы хоть отдаленно сравниться с ним.

Играть в воспитателей было очень интересно, вернее, было бы, если бы ученический состав проявлял хоть немного желания. Но как только мы заканчивали завтракать, мыли посуду и складывали остатки еды в холодное место, а слуги после десяти часов уходили со второго этажа, нам с Крисом приходилось силой тащить рыдающих близнецов в классную комнату на чердаке. Там мы сидели за партами и устраивали страшный беспорядок, вырезая цветы из цветной бумаги и раскрашивая их мелками в полосочку и в кружочек. У нас с Крисом цветы получались лучше всего, – то, что делали близнецы, выглядело скорее как цветные кляксы.

– Совершенное искусство, – определил Крис.

Потом мы наклеивали наши гигантские цветы на скучные, серые

стены. Крис снова забрался на старую лестницу без нескольких ступенек, чтобы привязать к потолочным брусам длинные вертикальные веревочки, к которым мы также прикрепили искусственные растения. Они постоянно колебались и трепетали от сквозняков, гуляющих по чердаку.

Мама время от времени поднималась на чердак, чтобы взглянуть, как продвигается работа, и удовлетворенно улыбалась.

– Да, у вас просто превосходно все выходит, – сказала она однажды.

Чердак действительно становился приятным местом. Мама задумчиво подошла к маргариткам, как будто решая, что еще нам принести. На следующий день у нас появилась большая плоская коробочка со стеклянными блестками и бусинками, чтобы добавить блеска и очарования нашему саду. Мы работали как каторжники, подходя к любому замыслу с необыкновенной тщательностью и старанием. Близнецы до некоторой степени заразились нашим энтузиазмом и перестали вопить, царапаться и махать руками при одном упоминании о чердаке. А чердак между тем медленно, но верно превращался в цветущий сад. И чем больше он менялся, тем с большей целеустремленностью мы продолжали украшать каждый сантиметр его бесконечных стен.

Мама осматривала наши достижения каждый день после школы секретарей.

– Мама, – восхищенно зашебетала как-то раз Кэрри, стоило лишь маме ступить на порог, – мы делаем наши цветы целыми днями, и иногда Кэти даже не ведет нас вниз обедать.

– Кэти, ты не должна настолько увлекаться украшением чердака, чтобы забывать о еде.

– Но, мама, ведь мы делаем все это для них, чтобы им было не страшно.

Она засмеялась и обняла меня.

– О боже, какая ты настойчивая, да и твой брат тоже. Вы унаследовали это от отца. Во всяком случае, не от меня, это точно. Я сдаюсь слишком быстро.

– Мама, – спросила я с внезапной тревогой, – как у тебя с печатанием? Ты еще ходишь в школу секретарей?

– Да, конечно, я делаю успехи.

Она снова улыбнулась и откинулась в кресле, с восхищением рассматривая браслет на поднятой руке. Я хотела спросить ее, зачем она носит на запястьях столько украшений, но она заговорила первая:

– Для вашего сада вам нужны животные.

– Но, мама, если мы не можем сделать розы, то как мы сможем хотя бы

нарисовать животных?

Слегка улыбнувшись, она провела холодным пальцем по моей переносице.

– О, Кэти, ты настоящий Фома неверующий. Ты не веришь ничему, сомневаешься во всем, хотя и должна знать, что на самом деле можно сделать все, что захочешь, надо только очень сильно захотеть. Хочу поделиться с тобой одним секретом, известным мне уже некоторое время: в этом мире, где все так сложно, всегда найдется книга, объясняющая, как просто все на самом деле.

В этом мне суждено было убедиться.

Мама приносила к нам самоучители целыми дюжинами. В первом из них говорилось, что все сложные формы сводятся к простым: сферам, цилиндрам, конусам, прямоугольникам и кубам. Стул был просто кубом, об этом я раньше не догадывалась. Рождественская елка – конусом или перевернутым кульком, чего я тоже не знала. Люди представляли собой сочетания трех основных форм: сферы – головы, цилиндров и параллелепипедов, заменяющих руки, ноги, шею, верхнюю и нижнюю части торса, и треугольников вместо ног. И хотите верьте, хотите нет, но, используя этот основополагающий метод с небольшими дополнениями, мы скоро получили кроликов, белок, птичек и других маленьких дружелюбных созданий – всех мы сделали собственными руками.

Конечно, они выглядели странновато, но эти странности делали их еще привлекательнее. Крис раскрашивал животных в духе реализма. Я разрисовывала своих белыми кружочками и украшала аппликациями из шерстяной ткани, а курам-несушкам приделывала карманы на шнурках. В магазине товаров для шитья мама купила нам цветные нитки, пуговицы, фетр, стеклярус и другие мелочи для отделки. Когда она передавала мне коробку, она могла прочесть в моих глазах всю ту любовь, которую я чувствовала к ней в тот момент. Ее забота служила доказательством того, что она действительно думает о нас не переставая, даже когда находится вне нашего маленького мирка, что ее мысли заняты не только покупкой новой одежды, косметики и ювелирных украшений.

Однажды дождливым вечером Кори подбежал ко мне с улиткой из оранжевой бумаги, над которой он трудился целое утро и полдня. Немного перекусив своими любимыми сэндвичами с желе и арахисовым маслом, он с нетерпением продолжал работать, чтобы, как он объяснил, «закончить эти штучки, торчащие из головы».

Гордо отступив назад, он внимательно следил за малейшим выражением, появлявшимся у меня на лице, пока я рассматривала этот

шедевр. По правде говоря, его изделие больше всего напоминало неправильной формы надувной мяч с торчащими из него маленькими дрожащими щупальцами.

– Ну что, хорошая улитка? – спросил он, обеспокоенно нахмурившись при виде моего замешательства.

– Да-да, – быстро сказала я, – чудесная, прекрасная улитка.

– Она совсем не похожа на апельсин, правда?

– Нет, конечно нет, у апельсинов не бывает таких спиральных изгибов или кривых щупалец.

Крис подошел поближе, чтобы рассмотреть жалкое создание у меня в руках.

– Называть это щупальцами неправильно, – заметил он. – Улитка относится к семейству моллюсков, отличающихся тем, что у них мягкое тело и нет позвоночника, а эти маленькие приспособления называются антеннами, они связаны с ее мозгом. У улитки трубчатые органы пищеварения, заканчивающиеся ртом, а двигается она при помощи ноги с присоской.

– Кристофер, – холодно отрезала я, – когда мы с Кори захотим побольше узнать о трубчатых внутренностях улитки, мы известим тебя телеграммой, поэтому, пожалуйста, сиди и жди ее где-нибудь в уголке.

– Так вы собираетесь прожить всю жизнь в невежестве?

– Да, – ответила я, – в том, что касается улиток!

И мы с Кори отправились смотреть, как Кэрри мастерит что-то из фиолетовой бумаги. Она клеила наобум, в отличие от Кори, который предпочитал тщательное планирование и подгонку. Взяв в руку ножницы, Кэрри беспощадно проткнула свое фиолетовое произведение в одном месте. Рядом с дыркой она приклеила кусок красной бумаги. Когда изделие было готово, она назвала его червяком. Червяк напоминал удава, играющего мускулами при сокращении и сверкающего своим единственным, но очень зловещим красным глазом и ресницами, похожими на паучьи ноги.

– Его зовут Карли, – сказала Кэрри, передавая мне четырехфутового «червяка».

(Когда чему-то нужно было дать имя, мы подбирали его так, чтобы оно начиналось с буквы «К», как и наши, чтобы включить это нечто в наш круг.)

На стене чердака, посреди нашего прекрасного сада из бумажных цветов, мы приклеили рядом бьющуюся в эпилептическом припадке улитку и червяка-людоеда. Они были прекрасной парой. Крис написал красными

буквами на большом листе бумаги: «ВСЕ ЖИВОТНЫЕ, БОЙТЕСЬ ЗЕМЛЯНОГО ЧЕРВЯ!»

Чувствуя, что улитка Кори находится в затруднительном положении, я добавила свой знак: «НЕТ ЛИ В ДОМЕ ДОКТОРА?»

Мама оглядела наши достижения со смехом, широко улыбаясь, довольная, что мы весело провели время.

– Конечно, в доме есть доктор, – сказала она, склонившись и поцеловав Криса в щеку. – Мой сын всегда знал, как помочь больному животному. Я восхищена твоей улиткой, Кори. Она выглядит так... так чувствительно!

– Тебе нравится мой Карли? – сгорая от нетерпения, спросила Кэрри. – Я очень старалась. Я истратила на него всю фиолетовую бумагу, хотела, чтобы он был побольше.

– Да-да, это очень красивый червяк, просто замечательный! – ответила мама, посадив близнецов на колени и осыпая их поцелуями, что она иногда забывала делать. – Мне особенно нравятся эти черные ресницы вокруг глаза – очень эффектно.

Вся сцена выглядела такой уютной и домашней. Мама с близнецами сидела в кресле, а Крис примостился на подлокотнике, и его лицо почти касалось маминого. Я не могла не проявить своей всегдашней вредности и все испортила.

– Сколько слов в минуту ты теперь печатаешь?

– Уже больше.

– Насколько больше?

– Я стараюсь, как могу, честное слово, Кэти. Я ведь уже говорила, что печатаю вслепую.

– Как насчет стенографии? С какой скоростью ты записываешь?

– Я делаю все, что могу. Вы должны проявить терпение. Нельзя выучиться всему сразу.

Терпение. Я представила терпение серым, как небо, затянутое облаками. Надежда казалась мне желтой, как солнце, которое показывалось в нашем окне на несколько коротких часов по утрам. Потом оно поднималось высоко в небо и исчезало из вида, оставляя нас несчастными и одинокими, безнадежно вглядывающимися в голубое небо.

Когда становишься взрослым и тебя со всех сторон окружают взрослые дела и заботы, часто забываешь о том, каким долгим кажется день в детстве. Казалось, за семь недель мы прожили четыре года. Наступила очередная пятница – ужасный день, когда нам приходилось вставать на

рассвете и в спешке пытаться освободить комнату и ванную от всяких следов своего присутствия. Я сняла с кровати простыни и свернула в большой комок вместе с одеялами и наволочками, а потом постелила покрывало прямо поверх матраса, в соответствии с указаниями бабушки. Перед сном Крис разобрал железную дорогу. Мы как сумасшедшие носились по комнате, чтобы не оставить нигде ни пылинки, ни пятнышка. Потом пришла бабушка и принесла корзинку с едой, чтобы мы могли позавтракать на чердаке. Я тщательно стерла отпечатки пальцев с мебели, и красное дерево сияло, как новенькое. Увидев это, она мрачно нахмурилась, и могу поклясться, что она осыпала все пылью, извлеченной из пылесоса, чтобы снова сделать поверхность матовой.

В семь часов мы уже были в классной комнате на чердаке и ели овсяные хлопья с изюмом и молоком. Снизу слабо доносились звуки, производимые служанками, убирающимися в комнате. Неслышно, на цыпочках, мы подошли к лестничному колодцу и столпились, прислушиваясь к звукам, боясь, что нас могут обнаружить каждую секунду.

Было очень странно слушать, как горничные ходят взад и вперед, а бабушка отдает им приказы, подпирая своим крупным телом дверь гардеробной, и заставляет вытирать зеркала лимонным порошком и вытрясать перины. Неужели они не замечали ничего странного, никаких изменений? Неужели не оставалось даже никакого запаха, особенно если учесть, что Кори часто писался в кровати? Все это выглядело так, как будто мы и впрямь не существовали, не жили и даже запахи наши были воображаемые, иллюзорные. Мы обхватили друг друга руками, прижавшись крепко-крепко.

Горничные не пытались войти в гардеробную, даже не приближались к ее высокой и узкой двери. Они не видели нас, не слышали нас и не удивлялись, что бабушка ни на секунду не покидает комнату, пока они чистят ванну, унитаз, скребут до блеска кафельный пол ванной.

Эта пятница странно подействовала на нас, потому что в собственных глазах мы как будто съежились и долго не могли сказать друг другу ни слова. Ничто не доставляло нам удовольствия – ни игры, ни книги. В молчании мы вырезали из бумаги наши тюльпаны и маргаритки и ждали, пока мама придет и принесет с собой новую надежду.

И все-таки, когда ты молод, практически ребенок, надежда глубоко укореняется в тебе, пронизывая все существо от головы до кончиков пальцев. Поэтому, возвратясь на чердак, в наш сад, мы все равно находили в себе силы смеяться и радоваться или делать вид. В конце концов, мы оставляли свой след в этом мире. Мы превращали нечто скучное и

безобразное в красивое и интересное.

Близнецы побежали вглубь чердака, сорвавшись с места, как бабочки, порхающие среди колыхающихся бумажных цветов. Посадив их на качели, мы раскачали доски так сильно, что на чердаке поднялась настоящая буря и головки наших цветов закачались еще сильнее. Мы прятались за картонными деревьями не выше Криса и сидели на грибах из папье-маше с пухлыми цветными подушками вместо шляпок, которые, по правде говоря, были намного лучше настоящих – если только ты не любишь их есть.

– Как здорово! – кричала Кэрри, вертясь вокруг себя на качелях, кокетливо приподнимая короткую юбочку с кружевами и показывая отделанные шнурками штанишки, подаренные вчера мамой.

Кэрри и Кори всегда ложились спать в новой одежде, по крайней мере в первый день носки. (Ужасно было просыпаться и обнаруживать, что твоя голова лежит на подошве кроссовка.)

– Я тоже буду балериной, – радостно закричала Кэрри, продолжая вертеться на качелях, пока не свалилась.

Кори, естественно, рванул к сестре, чтобы проверить, не ушиблась ли она. Увидев на колене кровоточащую царапину, Кэрри в слезах завопила:

– Не хочу быть балериной, раз это так больно.

Я не осмелилась сказать ей, что это на самом деле больно.

Когда-то я могла вдыхать запахи настоящего сада, ходить по настоящему лесу, и я всегда чувствовала его мистическую ауру, как будто что-то таинственное и волшебное ожидает за следующим поворотом. Чтобы наполнить наш сад волшебными чарами, мы с Крисом нарисовали на полу белым мелом кольцо из маргариток. Внутри кольца запрещались злые слова и поступки и плохие помыслы. Там мы могли сидеть, скрестив ноги по-турецки, и при свете единственной свечи рассказывать друг другу длинные и захватывающие сказки о добрых феях, которые помогали маленьким детям, и злых ведьмах, которые всегда оказывались побеждены.

Однажды Кори, часто задававший неудобные вопросы, спросил:

– Куда делась вся трава?

– Бог забрал ее на небо, – уверенно сказала Кэрри, избавляя меня от необходимости придумывать ответ.

– Зачем?

– Для папы. Папа очень любит косить газоны.

Мои глаза встретились с глазами Кристофера, и мы одновременно подумали о том, что близнецы уже совсем не помнят папу.

Кори поднял свои пока едва заметные брови и спросил:

– Куда делись все большие деревья?

– Туда же, – ответила Кэрри. – Папа их очень любит.

На этот раз мне пришлось быстро отвести глаза. Я не любила им врать, толкувая, что все это лишь игра, бесконечная игра, которую они выносили гораздо более стойко, чем Крис или я. И ни разу я не слышала от них вопроса, почему мы играем в эту игру.

Бабушка никогда не поднималась на чердак, чтобы поинтересоваться нашими делами, хотя очень часто тихо приоткрывала дверь нашей комнаты в надежде, что мы не услышим звук открываемого замка. Она заглядывала в щель, пытаясь застать нас за чем-нибудь запретным и греховным.

На чердаке мы могли делать все, что хотели, не боясь наказания, если, конечно, сам Господь Бог не возьмет в руки кнут. Бабушка, покидая нас, не уставала напоминать, что Он внимательно следит за нашим поведением, даже когда этого не делает она. Я напомнила себе поинтересоваться у мамы и в конце концов задала ей этот вопрос:

– Почему бабушка не заходит на чердак, чтобы проверить, что мы там делаем? Почему она только спрашивает и волей-неволей ей приходится верить всему, что мы говорим?

Мама поникла в своем кресле. Она выглядела усталой и опустошенной. Однако на ней был новый костюм из шерстяной ткани, явно очень дорогой. Она побывала у парикмахера и изменила прическу. Она ответила мне с отсутствующим видом, как будто ее мысли были сосредоточены на чем-то гораздо более важном и привлекательном:

– О, разве я не говорила тебе? Твоя бабушка страдает клаустрофобией. Это эмоциональное расстройство, из-за которого ей кажется, что ей трудно дышать в маленьких, закрытых помещениях. Видишь ли, когда она была маленькой, родители часто в наказание запирали ее в шкафу.

О господи! Трудно было представить себе, что эта крупная пожилая женщина была когда-то настолько маленькой, что ее можно было наказывать. Мне стало почти жалко маленькую девочку, которой она когда-то была, хотя одновременно с этим я сознавала, что она была рада видеть нас взаперти. Это читалось в ее глазах каждый раз, когда она смотрела в нашу сторону, – мрачное удовлетворение оттого, что она так ловко упрятала нас в свою тюрьму. Все равно было замечательно, что судьба наделила ее этой фобией, и мы с Крисом готовы были покрыть поцелуями стены узкого коридора, ведущего на чердак.

Мы с Крисом часто вслух размышляли о том, как вся эта массивная мебель оказалась там. Конечно, ее не могли пронести по лестнице через гардеробную, ведь проход был всего около фута шириной. И хотя мы

упорно пытались найти другой, большой вход, наши усилия были тщетными. Может быть, он скрывался за одним из гигантских шкафов, но сдвинуть их с места нам было не под силу. Крис допускал, что самую крупную мебель могли поднять сюда лебедкой и пронести через одно из больших окон.

Каждый день наша ведьма-бабушка приходила к нам и, пронзительно глядя на нас своими сверлящими глазами и злобно скривив губы, задавала все те же старые вопросы:

– Чем вы тут занимались? Что вы делаете на чердаке? Вы молились перед едой? Вы не забыли встать перед сном на колени и попросить у Бога прощение за тот грех, который совершили ваши родители? Учите ли вы младших Слову Божию? Не пользуетесь ли вы ванной вместе, девочки и мальчики? – При последних словах ее глаза вспыхивали особенно злобно. – Всегда ли вы скромны? Закрываете ли вы интимные части своего тела? Дотрагиваетесь ли вы до своего тела, когда в этом нет необходимости?

Боже! Какой грязной казалась нам после ее слов собственная кожа! Однажды Крис не выдержал и рассмеялся, когда она закрыла за собой дверь:

– Наверное, она приклеивает к себе все нижнее белье!

– Что ты! Она прибивает его гвоздями, – сказала я.

– А ты заметила, как она любит серый цвет?

Заметила ли я? Этого было трудно не заметить. Иногда на сером фоне можно было увидеть изящную красную или голубую полоску, или слабо проступающие клеточки, или елочку, но ткань была одна – тафта, и на шее платья всегда застегивалось брошкой с бриллиантом, на самом-самом горле. Иногда, впрочем, этот ансамбль дополнялся кружевным воротничком ручной работы. Мама как-то объясняла нам, что эту похожую на доспехи униформу шьет одна вдова в соседней деревне.

– Эта женщина – лучшая подруга моей матери. А серое она постоянно носит потому, что материю дешевле покупать рулонами, а у нашего дедушки есть ткацкая фабрика где-то в Джорджии, которая делает подобные ткани.

Оказывается, богатые бывают такими скрягами!

Однажды в сентябре я опрометью бежала по ступенькам лестницы в ванную комнату и чуть не разбилась в лепешку, столкнувшись с бабушкой. Она схватила меня за плечи и посмотрела прямо в лицо.

– Смотри перед собой, девчонка! – прорычала она. – Куда ты так торопишься?

Через тонкую блузку я чувствовала, как ее пальцы сжимают меня

стальными тисками. Слава богу, она заговорила первой, и я успела собраться с мыслями.

– Крис рисует очень красивый пейзаж, – тяжело дыша, объяснила я, – и мне надо было сбегать за водой, пока не высох фон. Очень важно, чтобы цвета остались чистыми.

– Почему бы ему самому не сходить за водой? Почему ты прислуживаешь ему?

– Он рисует и спросил меня, не могу ли я принести свежей воды. Я все равно ничего не делала, а близнецы обязательно расплескали бы воду по дороге.

– Дура! Никогда не прислуживай мужчинам! Заставь мужчину выполнять твои приказы! И не ври мне. Чем вы там на самом деле занимаетесь?

– Честно, это правда! Мы уже давно украшаем чердак, чтобы близнецам не было так страшно, и Крис очень хороший художник.

Она презрительно усмехнулась:

– Ты-то откуда знаешь?

– Он очень одаренный, бабушка, все его учителя говорили об этом.

– Он просил тебя позировать ему без одежды?

Я была потрясена.

– Нет, конечно нет!

– Тогда почему ты вся трясешься?

– Я... я боюсь... боюсь вас, – решила я наконец. – Вы каждый день приходите к нам и спрашиваете, не делали ли мы чего-то греховного и богопротивного, и я, честное слово, не понимаю, что вы имеете в виду. Как можно не делать чего-то, вернее, избежать того, если не знаешь, что это такое?

Она осмотрела меня с головы до босых ног и саркастически улыбнулась.

– Спроси у своего старшего брата, он наверняка знает, что я имею в виду. Мужская половина всегда знает это с рождения. Они рождаются нечистыми.

Я в ужасе заморгала глазами. Крис не был ни «нечистым», ни просто плохим. Он часто дразнил меня, но в этом не было ничего «грязного». Я пыталась объяснить ей это, но она и слушать не желала.

Какое-то время спустя она вошла в комнату, держа в руках глиняный горшок с желтыми хризантемами.

– Вот настоящие цветы для вашего искусственного сада, – сказала она своим всегдашним, лишенным всякого намека на чувства голосом.

Это было так не похоже на тот образ злой колдуньи, к которому мы привыкли, что у меня дух захватило. Неужели она собирается изменить свое отношение к нам? Может, она полюбит нас? Я начала рассыпаться в благодарностях и, возможно, немного переусердствовала, потому что она круто повернулась и вышла из комнаты, как будто в раздражении.

Кэрри прибежала снизу и зарылась лицом в желтые лепестки.

– Как хорошо! – воскликнула она. – Можно, я возьму их себе, Кэти?

Конечно, я разрешила ей. Горшок был с благоговением поставлен у одного из выходящих на восток окон, чтобы солнце светило на него каждое утро. Смотреть из этого окна было не на что, кроме холмов и далеких гор с поросшими лесом склонами, затянутых голубоватым туманом. Цветы оставались с нами на ночь, чтобы близнецы могли видеть что-то живое, просыпаясь утром.

Когда я думаю о молодости, мне представляются эти затянутые дымкой склоны гор, холмы и выстроившиеся на склонах деревья. В такие минуты мне кажется, что мои ноздри снова вдыхают сухой и пыльный воздух, каким мы дышали каждый день. Я снова вижу перед собой мрачные тени по углам чердака и вспоминаю точно такие же мрачные мысли, от которых невозможно было избавиться. Они все время вертелись вокруг проклятых вопросов: «Зачем?», «Когда?», «Сколько еще осталось?»

Любовь... я слишком верила в нее.

Правда... я все еще верила, что слышу ее из любимых уст, которым так доверяла.

Вера... она была тесно связана с двумя первыми. Трудно было сказать, где начиналось одно и кончалось другое и откуда я знала, что любовь – самое слепое из всех чувств.

Прошло больше двух месяцев, а дедушка все еще был жив.

Мы стояли, сидели, лежали на подоконниках мансардных окон нашего чердака. Мы печально наблюдали, как темно-зеленые вершины деревьев в одну ночь меняют окраску на яркие золотые, оранжевые и коричневые цвета осени. Изменения в природе задевали какие-то непонятные струны в моей душе. Я думала, это происходило со всеми нами, даже близнецы не оставались равнодушными, глядя, как уходит лето. Нам оставалось лишь смотреть.

Мои мысли сделали безумную попытку вырваться на волю в поисках ветра, который мог бы растрепать мои волосы и обжечь мою кожу колючим морозным воздухом, чтобы я снова почувствовала, что я есть на свете. Как я завидовала всем детям, там, на свободе: они бегали по увядающей траве и

разбрасывали ногами сухие шуршащие листья – как я когда-то, в общем-то, не так давно!

Почему я не понимала раньше, что, когда я вот так бесцельно, вольно бежала по земле, я переживала минуты счастья? Почему я все время думала, что счастье где-то впереди, в будущем, когда я вырасту и смогу сама принимать решения, идти своим путем, быть самой собой? Почему я считала, что быть ребенком недостаточно? Почему, почему я была так уверена, что только взрослые бывают счастливыми?

– Ты сегодня какая-то грустная, – сказал Крис, подойдя ко мне в сопровождении Кэрри и Кори.

В последнее время Кэрри стала моей маленькой тенью, постоянно следующей за мной, куда бы я ни шла, копирующей мои движения и даже пытающейся думать и чувствовать, как я. Точно так же у Криса была своя тень – Кори. Мы настолько сблизились за эти дни, что еще немного – и стали бы четверкой сиамских близнецов.

– Не хочешь отвечать? Почему ты такая грустная? Деревья сегодня очень красивые, правда? Летом я думаю, что люблю это время года больше всего, но осенью я предпочитаю осень, зимой – зиму, а когда приходит весна, она тоже становится моей любимицей.

Да, это был мой Кристофер Долл. Ему всегда было достаточно того, что есть здесь и сейчас, и он был удовлетворен этим «здесь и сейчас», каковы бы ни были обстоятельства.

– Знаешь, я думала о старой мисс Бертрам и ее скучной лекции о Бостонском чаепитии. Из-за нее история казалась мне скучной, а люди, о которых она рассказывала, – ненастоящими. Но все равно, сейчас я была бы не против попасть на один из ее скучных уроков.

– Ага, – согласился он, – я знаю, что ты имеешь в виду. Я тоже думал, что школа – сплошное занудство, а история – скучный предмет, особенно американская история, если исключить индейцев и освоение Дикого Запада. Но по крайней мере, в школе мы занимались тем же, что и остальные ребята нашего возраста. Сейчас мы только напрасно теряем время, ничего не делая. Нам нужно готовиться к выходу отсюда. Поэтому мы должны четко определить себе цели и постоянно стремиться к ним, а иначе у нас ничего не выйдет. Я постараюсь внушить себе, что если я не стану доктором, то не смогу быть никем другим и никакие деньги мне не помогут.

Он произнес все это так уверенно! Я, честно говоря, хотя и мечтала стать прима-балериной, вполне удовлетворилась бы чем-нибудь другим. Крис нахмурился, как будто прочел мои мысли. Он обратил на меня взгляд

своих небесно-голубых глаз и начал критиковать меня за то, что я ни разу не занималась балетными упражнениями за время нашего существования на чердаке.

– Завтра я собираюсь укрепить на стене поручень в той части чердака, которую мы уже закончили, и ты, Кэти, будешь заниматься по пять-шесть часов в день, как в настоящем балетном классе.

– Ни за что! Никто не имеет права мне указывать! И потом, нельзя отрабатывать балетные приемы, если у тебя нет соответствующего костюма.

– Какая глупость!

– Да, глупость! Потому что я сама глупая! Все мозги достались тебе, Кристофер!

И я в слезах побежала прочь с чердака, не обращая внимания на его бумажную флору и фауну. Вниз, вниз, вниз по крутым ступенькам, быстрее, быстрее, пусть судьба сделает так, что я упаду. Сломаю ногу, шею, умру и буду лежать в гробу. Пусть всем будет меня жалко, пусть они плачут и жалеют погибшую во мне балерину.

Бросившись на кровать, я зарыдала в подушку. Вокруг не было ничего настоящего – одни мечты, сны и надежды. Я никогда, никогда не выйду отсюда, стану старой и безобразной, никогда уже не увижу людей внешнего мира. Этот старик внизу, возможно, доживет до ста десяти лет! Все эти врачи будут вечно поддерживать в нем жизнь, а я даже не смогу отпраздновать Хеллоуин, не будет ни шуток с переодеваниями, ни конфет, ни вечеринок. Мне было так жаль себя, что я поклялась: кто-то должен будет заплатить, обязательно должен будет заплатить за все это!

В своих грязно-белых кроссовках они подошли ко мне, двое братьев и младшая сестра, и каждый хотел утешить меня чем-нибудь: Кэрри принесла красные мелки, а Кори книжку «Кролик Питер». Крис, однако, просто сидел и смотрел на меня. Никогда я еще не чувствовала себя такой маленькой и жалкой.

Однажды поздно вечером мама принесла с собой большую коробку и попросила меня открыть ее. Там, среди белого упаковочного материала, лежали балетные костюмы: ярко-розовый и лазурно-голубой, каждый из подходящих друг другу по цвету трико, тапочек и тюлевой пачки. Внутри лежала маленькая карточка с надписью «от Кристофера». Кроме того, в коробке были пластинки с балетной музыкой. Я обхватила маму руками и заплакала от счастья, а потом обняла брата. Слезы, блестевшие у меня в глазах, не были слезами отчаяния и безысходности. Теперь у меня в жизни снова появились цель и смысл.

– Я очень хотела купить тебе белый костюм, – сказала мама, все еще обнимая меня. – Он был необыкновенно красивый, но великоват по размеру, к нему еще прилагается шапочка с белыми перьями – для «Лебединого озера». Я заказала для тебя такой костюм. Думаю, трех должно хватить, чтобы вселить в тебя вдохновение.

О да, несомненно! Когда Крис надежно прибил поручень к стене чердака, я занималась часами без остановки, в сопровождении музыки. За поручнем не было большого зеркала, как в тех балетных классах, что я посещала ранее, но я все время представляла его, а потом мои мысли уносились вдаль, и мне казалось, что я – Анна Павлова и танцую перед замороженной десятитысячной аудиторией, а потом зрители несколько раз аплодисментами вызывают меня на сцену, и я все время ухожу с охапками букетов из красных роз. Через какое-то время у меня появились все балеты Чайковского и новый проигрыватель, который при помощи нескольких удлинителей, тянувшихся по лестнице, я подключала к розетке в нашей комнате.

Танцуя под аккомпанемент прекрасной музыки, я переставала быть собой, моментально забывала, что жизнь проходит, а у нас все остается без изменений. Какое все это имело значение? Лучше было делать пируэты и представлять, что сильные руки партнера поддерживают меня в самых сложных позициях. Я падала, поднималась и снова танцевала до тех пор, пока я не теряла дыхание и не начинала чувствовать ноющую боль во всем теле, а трико и волосы не становились мокрыми от пота. Тогда я ложилась на пол, чтобы отдышаться, а затем поднималась и начинала отрабатывать плие. Иногда я пробовала танцевать партию принцессы Авроры из «Спящей красавицы», а иногда партию принца, высоко подпрыгивая и ударяя ногами одна о другую.

Как-то раз, изображая предсмертные конвульсии умирающего лебедя, я подняла взгляд и увидела стоящего в тени Криса. Он смотрел на меня со странным выражением на лице. Приближался его пятнадцатый день рождения. Как случилось, что он стал больше похож на мужчину, чем на мальчика? Этот странный взгляд подсказывал мне, что мой брат уже на пороге взрослости.

На одних пуантах я проделала несколько маленьких, едва заметных шажков, которые должны создавать впечатление, что танцор скользит по суше, и поэтому поэтично названы «ниткой жемчуга». Таким образом я приблизилась к Крису и протянула к нему руки.

– Пойдем, ты будешь моим danseur^[2]. Может быть, мне удастся чему-нибудь тебя научить.

Он смущенно улыбнулся, явно тронутый моим предложением, но, покачав головой, отказался:

– Нет, балет не для меня. Но я хотел бы научиться танцевать вальс под музыку Штрауса.

Я рассмеялась. У нас была единственная пластинка с вальсами, и все они были написаны Штраусом, причем пластинка была очень старая. Я сняла с проигрывателя «Лебединое озеро» и поставила «Голубой Дунай».

Крис оказался очень неловким. Он неуверенно держал меня, как будто стесняясь. Он наступал на мои розовые балетные тапочки. Но я была тронута тем, как он старался делать простые шаги, и не могла объяснить ему, что все его таланты кроются в голове и тонких нервных руках художника. По крайней мере, на ноги они точно не распространялись. Все-таки было что-то трогательное и нежное в этом вальсе, простом и романтическом, так не похожем на атлетические балетные вальсы, от которых задыхаешься и обливаешься потом.

Когда на пороге наконец появилась мама с бесподобным белым костюмом для «Лебединого озера»: с отделанным белыми перьями лифом, плотно прилегающей к голове шапочкой, туфлями и трико, через которое просвечивала кожа, – я испустила радостный вопль.

О боже, наверное, в тот момент я подумала, что любовь, счастье и надежда снизошли на наш чердак в образе огромной, покрытой атласом и перевязанной фиолетовой лентой коробки, принесенные человеком, которому я была действительно небезразлична, но по подсказке другого такого же человека.

Танцуй, балерина, танцуй.
И делай свой пируэт
С сердцем своим в унисон.
Партию нужно закончить,
Об этом не забывай,
Дойди до конца, танцор.
Ты сказала ему, что любовь обождет
И слава тебе важней,
Но любовь ушла, не угнаться за ней,
Ничто ее не вернет...

Через некоторое время Крис мог танцевать вальс и фокстрот. Учиться чарльстону он отказался:

– Не путай меня с собой, я не собираюсь учиться всем танцам, потому что в мои планы не входит появляться на сцене перед публикой. Все, что мне нужно, – это уметь танцевать с девушкой на танцплощадке и не выглядеть при этом ослом.

Я танцевала с рождения. Не было ни одного танца, которому бы я не могла или не хотела быстро научиться.

– Крис, пойми, ты не можешь всю жизнь танцевать вальс или фокстрот. Каждый год приносит изменения. Танцы меняются, как мода на одежду. Ты должен не отставать от времени, быть в курсе. Давай потанцуем джаз, чтобы ты размял свои скрипучие суставы, а то они у тебя скоро перестанут сгибаться, потому что ты постоянно сидишь и читаешь.

Я прекратила вальсировать, подбежала к проигрывателю и поставила новую пластинку «Собачья жизнь».

Подняв руки, я принялась вращать бедрами.

– Танцуй рок-н-ролл, Крис, ты должен этому научиться. Вслушайся в ритм, расслабься, покачивай бедрами, как Элвис. Давай-давай! Держи глаза полужакрытыми, и ты будешь выглядеть ленивым и сексапильным, и не забудь надуть губы, а то ни одна девушка тебя не полюбит.

– Ну и пускай не полюбит.

Он произнес это без всякого выражения, с загробной серьезностью. Никто не мог заставить моего брата делать что-то противоречащее его собственному представлению о себе, и, честно говоря, я любила его именно таким: сильным, решительным, стремящимся быть самим собой, даже если это давно вышло из моды. Мой сэр Кристофер, рыцарь благородства.

У себя на чердаке мы управляли природой, как боги, и меняли времена года по собственному желанию. Убрав цветы, мы повесили на их место осенние листья, коричневые, алые и золотые. Если мы проживем здесь до снегопада, то заменим снежинки бумажными поделками собственного изготовления, заблаговременно вырезанными нами на всякий случай. Из белой, серой и черной бумаги мы сделали стаи диких гусей и уток и выстроили их клином, направленным на юг. Делать птиц было легко: продолговатый овал вместо туловища, шар вместо головы. Они напоминали мне слезинки. С крыльями.

Когда Крис не сидел, уткнувшись носом в книгу, он писал акварельные пейзажи с покрытыми снегом холмами и замерзшими озерами, на которых маячили фигурки людей, катающихся на коньках. Иногда на картинах появлялись занесенные снегом домики, красные и желтые, с клубящимися из труб дымками, а на заднем плане поднимался едва угадывающийся в

туманной дымке шпиль церкви. Закончив один из таких пейзажей, он нарисовал поверх него оконную раму, и, повесив картину на стену, мы получили отличный вид.

Когда-то Крис был задиристым, вечно недовольным старшим братом. Но мы изменились, пытаюсь переделать маленький чердачный мир вокруг нас. Мы часами лежали на старом, грязном матрасе с неприятным запахом и говорили не умолкая, строя планы на будущее, когда мы будем свободны и богаты, как царь Мидас. Мы собирались путешествовать по всему миру. Крис сказал, что он встретит и полюбит самую красивую, сексуальную женщину, которая одновременно будет талантливой, проникательной, обаятельной, остроумной и необыкновенно приятной в общении, она будет образцовой домашней хозяйкой, самой верной и преданной из жен, лучшей матерью, о какой только можно мечтать, и она никогда не будет ворчать, жаловаться, плакать, ставить его слова под сомнение или впадать в черную меланхолию, если он совершит непростительные ошибки, играя на бирже, и потеряет все их общее состояние. Она поймет, что он старался как мог для блага семьи, и он вскоре снова заработает массу денег благодаря своему уму и способностям.

Выслушав все это, я невольно загрустила. Наверное, меня никогда не полюбит такой мужчина, как Крис. Сам того не желая, мой старший брат стал образцом, с которым я впредь буду сравнивать всех своих кавалеров.

– Крис, эта умная, обаятельная, остроумная, роскошная женщина... может у нее быть хоть один маленький недостаток?

– Зачем? – недоуменно спросил он.

– Возьмем, к примеру, нашу маму. У нее, наверное, есть все эти достоинства, кроме, пожалуй... острого ума.

– Мама совсем не глупа! – решительно встал Крис на ее защиту. – Просто она выросла в такой среде! Ребенком ее унижали, и она чувствовала себя неполноценной, потому что была девочкой.

Что касается меня, я не определила пока, какой мужчина подойдет мне после того, как я решу пожить размеренной жизнью, пробыв несколько лет прима-балериной; но этот мужчина должен быть равным Крису или моему отцу. Я хотела, чтобы он был красивым, это я знала точно, потому что хотела иметь красивых детей. И я хотела, чтобы он был умным, иначе я не смогу уважать его. Прежде чем я приму из его рук обручальное кольцо с бриллиантом, я сыграю с ним в пару-тройку настольных игр, и если я буду все время выигрывать, то, покачив головой, посоветую ему отнести кольцо обратно в ювелирный магазин.

Пока мы строили планы, оказалось, что филодендроны в горшках

зачахли, а плющ пожелтел. Мы бросились к цветам, начали с любовью гладить листья, ухаживать за ними, умоляя не болеть, выпрямиться и вытянуть к солнцу свои шейки. В конце концов, они получали прекрасный, бодрящий солнечный свет – по утрам, на восходе.

Прошло еще несколько недель, и Кори и Кэрри перестали проситься наружу. Кэрри больше не принималась стучать кулачками по дубовой двери, а Кори больше не пытался выбить ее пинком, забывая, что может серьезно повредить пальцы на ноге, обутой в легкие спортивные тапочки.

Теперь они покорно принимали то, о чем когда-то и слышать не хотели. На наш искусственный «сад» они смотрели как на настоящий, и это была единственная доступная им природа. И как ни грустно было нам наблюдать это, они стали понемногу забывать о существовании другого мира, кроме того, где мы были заперты.

Крис и я перенесли поближе к восточным окнам несколько старых матрасов, чтобы, открытые лучам, которые иначе не проникали через грязные оконные стекла, мы могли принимать воздушно-солнечные ванны. Детям, чтобы расти, нужен солнечный свет, как и всему остальному. Достаточно было посмотреть на наши чахнувшие растения, чтобы убедиться, как влияет на живые существа чердачный воздух.

Нимало не смущаясь, мы сняли с себя всю одежду и купались в солнечных лучах, пока солнце какое-то время светило прямо в окна. Мы видели, что наши тела отличаются, но не задумывались об этом и откровенно рассказали маме о том, что мы делали, чтобы не умереть, как цветы, от недостатка солнца. Она перевела взгляд с Криса на меня и слабо улыбнулась:

– Ничего страшного, но смотрите, чтобы бабушка не узнала. Вы прекрасно знаете, что она этого не одобрит.

Я знаю, что она смотрела тогда на нас с Крисом, чтобы установить нашу невинность или уловить признаки пробуждающейся сексуальности. То, что она увидела, видимо, давало ей уверенность в том, что мы еще только дети, но это было лишь поверхностное впечатление.

Близнецы любили раздеваться донага и возиться, как младенцы. Они смеялись, произнося слова вроде «попа» и «пися», и любили рассматривать место, из которого появляется «кака». Что касается другого органа, то они были удивлены, что эта часть тела у них так отличается.

– Почему, Крис? – спросила Кэрри, показывая на то, что было у нее, а потом на Кори.

Я углубилась в чтение «Грозового перевала», стараясь не обращать

внимания на этот несерьезный разговор.

Но Крис попытался дать откровенный и честный ответ:

– У мужских особей половые органы находятся наружи, а у женских убраны внутрь.

– Аккуратно убраны внутрь, – сказала я.

– Да, Кэти, я знаю, что тебе нравится твое «аккуратное» тело, так же как и мне мое «неаккуратное», поэтому давай удовлетворимся тем, что имеем. Нашим родителям нравилась наша нагота, так же как им нравились наши глаза и волосы. И, кстати говоря, у мужских особей птиц половые органы находятся внутри, так же как и у женских.

Заинтересованная, я спросила:

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю.

– Ты что, прочитал об этом в книге?

– А где же еще? Думаешь, я ловил птиц и исследовал их?

– Я не давала тебе такие книги.

– Я читаю, чтобы получить знания, а не для развлечения.

– Ты, наверное, будешь очень скучным, когда вырастешь, предупреждаю тебя. И потом, если у мужских птиц половые органы внутри, не делает ли это из них женских особей?

– Нет!

– Но, Крис, я не понимаю, почему они отличаются от нас?

– У них должно быть обтекаемое тело.

Это была очередная загадка, ответ на которую был только у него. Я была просто уверена, что у этого эрудита на все есть ответ.

– Хорошо, но почему тогда они считаются мужского пола? Оставим в покое их обтекаемость.

Он замялся, и его лицо так залилось краской, что побагровело. Я видела, что он подбирает наиболее деликатные слова.

– Птицы мужского пола могут быть возбуждены, и тогда то, что находится у них внутри, выходит наружу.

– А как они бывают... возбуждены?

– Замолчи и читай свою книгу и дай мне почитать мою.

Некоторые дни были слишком холодными для солнечных ванн. Иногда становилось так зябко, что даже в нашей самой теплой одежде мы замерзали, и нам приходилось бегать. Скоро на восходе солнца стало совсем холодно, и мы печально думали о том, как здорово было бы иметь окна на южной стороне. Но южные окна были закрыты ставнями.

– Это неважно, – сказала мама. – Все равно утреннее солнце – самое полезное.

Ее слова не обрадовали нас, потому что наши цветы умирали один за другим в этом самом полезном солнечном свете.

С начала ноября на чердаке наступили арктические морозы. Мы стучали зубами от холода, у нас начался насморк, и мы постоянно жаловались маме, говоря, что нам нужна печь с трубой, поскольку два камина в классной комнате были отсоединены от дымохода. Мама говорила, что попытается принести электрический или газовый обогреватель. Но она боялась, что, если подключать электрический прибор к розетке через такое количество удлинителей, может начаться пожар, а для газового тоже нужна труба.

Она принесла нам теплое нижнее белье, толстые лыжные куртки с капюшонами и яркие лыжные штаны с шерстяным начесом. Теперь мы надевали все это на себя, перед тем как идти на чердак, где мы могли свободно резвиться без зоркого ока нашей бабушки.

В нашей забитой вещами комнате было почти невозможно ходить, не спотыкаясь обо что-нибудь с острыми краями. Мы все были покрыты царапинами и синяками. На чердаке мы сходили с ума, бегая наперегонки, играя в прятки и устраивая небольшие, но очень темпераментные инсценировки. Иногда мы дрались, спорили, кричали, затем снова возвращались к нашим подвижным играм. Особенно полюбили мы прятки. Мы с Крисом пугали друг друга как могли, но для близнецов, и без того напуганных темными углами чердака, все несколько смягчалось. Кэрри как-то раз с полной уверенностью сказала мне, что она видела монстров, прятавшихся за большим скоплением мебели.

Однажды мы были в чердачном Заполярье и искали Кори.

– Я пойду вниз, – сказала Кэрри, недовольно надувая губки.

Мы знали, что ее упрямство переломить невозможно и убеждения в данном случае не имеют никакого смысла. Итак, она удалилась в своем ярко-красном лыжном костюме, а мы с Крисом продолжали охотиться за Кори. Обычно найти его было очень легко. Он всегда выбирал последнюю «пряталку» Кристофера. Поэтому мы были уверены, что, открыв дверь одного из массивных шкафов, увидим его сжавшимся в комок на полу и хихикающим над нами. Мы нарочно старались не подходить к этому шкафу особенно долго. В конце концов, однако, подошло время «найти» его. Но, как ни странно, заглянув в шкаф, мы обнаружили, что его там нет.

– Черт побери! – воскликнул Крис. – Он становится инновативным и

оригинальным.

Вот что происходит с людьми, когда они много читают. Они начинают говорить длинными словами. Я вытерла нос и снова огляделась. Если Кори действительно стал «инновативным», он мог найти миллион прекрасных мест, чтобы спрятаться на этом огромном чердаке. Может быть, нам придется искать его часами. Мне было холодно, я устала и все больше раздражалась, и эта игра, каждый день начинавшаяся по инициативе Криса, который хотел, чтобы мы больше двигались, мне до смерти надоела.

– Кори! – закричала я. – Вылезай, где ты там прячешься! Время обедать!

После этого он должен был появиться. Наши трапезы были уютными и домашними, собирая нас вместе. Они делили день на определенные части.

Но Кори не отвечал. Я зло взглянула на Криса.

– Сэндвичи с арахисовым маслом и виноградным желе! – добавила я.

Любимое блюдо Кори, при упоминании которого он должен был стремглав выбежать откуда бы то ни было. Но в ответ мы не услышали ни слова, ни звука, ничего.

Неожиданно я испугалась. Я не могла поверить, что Кори преодолел свой страх перед необъятным мрачным чердаком и серьезно взялся за игру в прятки. Неужели он решил играть по-настоящему, как мы с Крисом? О боже!

– Крис! – закричала я. – Мы должны немедленно найти его.

Ему передалась моя паника, и он начал бегать взад и вперед, выкрикивая имя Кори и приказывая ему выйти и прекратить прятаться. Мы вместе бегали по чердаку, постоянно повторяя наши призывы. Прятки уже давно должны были закончиться, наступило время обедать. Ответа не было, и я чувствовала, что почти превратилась в сосульку, несмотря на всю теплую одежду.

– О господи! – пробормотал, подбежав, Крис. – Подумай, а вдруг он спрятался в одном из этих сундуков и крышка случайно захлопнулась?

Тогда он просто задохнется. Он может умереть!

Как ненормальные, мы бросились искать, открывая по очереди крышки всех сундуков. В неописуемом ужасе и спешке мы вытряхивали наружу панталоны, рубашки, камзолы, нижние юбки, корсеты, костюмы. И все время я молила Бога не дать Кори умереть.

– Кэти, я нашел его! – крикнул наконец Крис.

Развернувшись, я увидела, как он поднимает обессиленного Кори из сундука, крышка которого, видимо, захлопнулась. Пошатываясь от пережитого шока и внезапного облегчения, я подошла и поцеловала Кори в

бледную щечку. Его большие глаза смотрели в никуда. Он был почти без сознания.

– Мама, – прошептал он. – Хочу к маме.

Но мама была во многих милях отсюда и училась печатанию и стенографии. Рядом была только безжалостная бабушка, да и ту мы не могли позвать, как бы велика ни была опасность.

– Быстрее беги наполни ванну горячей водой, – сказал Крис. – Но не слишком горячей, чтобы он не обжегся.

Он подхватил Кори на руки и побежал с ним к лестнице.

Я оказалась в комнате первой и бросилась в ванную. Оглянувшись, я увидела, как Крис положил Кори на кровать. Потом он склонился над ним, зажал ему ноздри и прижался ртом к посиневшим губам Кори. Мое сердце тревожно забилося. Неужели он умер? Не может быть, чтобы он не дышал!

Кэрри достаточно было бросить один взгляд на происходящее, чтобы понять, что ее близнец посинел и не движется, и она разразилась криком.

В ванной я открыла оба крана до отказа, и две мощные, как из брандспойта, струи ударили в ванну. Неужели Кори умрет?! В своих страшных снах я постоянно видела смерть, и эти сны иногда сбывались! Как всегда, когда я думала, что Бог повернулся к нам спиной, я всеми силами уцепилась за свою веру и начала молиться, требуя, настаивая, чтобы Бог не допустил смерти Кори:

– Пожалуйста, Господи, пожалуйста, пожалуйста!

Может быть, мои отчаянные молитвы сыграли не меньшую роль, чтобы вернуть Кори к жизни, чем искусственное дыхание, которое старательно делал ему Крис.

– Он дышит, – сказал Крис, бледный и дрожащий, неся Кори в ванну. – Теперь осталось только согреть его.

В несколько секунд мальчик был раздет и уложен в горячую ванну.

– Мама, – снова прошептал он. – Где мама?

Снова и снова он продолжал повторять это, и я готова была биться головой о стену, так дьявольски несправедливо все это было! Рядом с ним должна быть его мать, а не девчонка, не знающая, что делать. Я захотела убежать из этого дома, даже если бы мне пришлось просить милостыню на улицах!

Но я спокойно, сдерживая свои чувства и заслужив одобрительную улыбку Криса, сказала:

– Представь себе, что я – твоя мама. Я сделаю для тебя все, что сделала бы она, будь она здесь. Я подержу тебя на коленях, буду укачивать тебя перед сном и спою тебе колыбельную, как только ты поешь и выпьешь

немного молока.

Пока я говорила это, мы с Крисом встали на колени и принялись массировать его ножки и ручки. Когда кожа Кори наконец приобрела нормальную окраску, мы насухо вытерли его, одели в самую теплую пижаму, а потом я села с ним в старое кресло-качалку, принесенное Крисом с чердака, и покрывала поцелуями его изнуренное лицо, нашептывая на ухо всякие смешные глупости, отчего он засмеялся.

Если он мог смеяться, то мог и есть, и поэтому я осторожно покормила его кусочками сэндвича и дала несколько глотков едва теплого супа и молока. Пока я делала это, я чувствовала, что взрослею. За десять минут я прожила десять лет. Посмотрев на Криса, который присел, чтобы съесть свой обед, я увидела, что он тоже изменился. Теперь мы оба знали, что на чердаке нас подстерегают настоящие опасности, не считая медленного увядания от недостатка воздуха и солнечного света. Мы столкнулись с угрозой гораздо большей, чем мыши и пауки, которых мы так старательно уничтожали и которые так настойчиво не желали прощаться с жизнью.

Кристофер поднялся и с мрачным видом, направился на чердак. Я продолжала качать на коленях Кэрри и Кори, напевая колыбельную. Неожиданно с чердака донеслись страшные удары и грохот такой силы, что его с легкостью могли услышать слуги.

– Кэти, – тихо прошептал Кори, когда Кэрри, засыпая, начала клевать носом, – мне не нравится, что у нас больше нет мамы.

– У тебя есть мама. Это я.

– А ты такая же хорошая, как настоящая мама?

– Думаю, что да. Я очень люблю тебя, Кори, и поэтому я совсем как настоящая.

Кори внимательно поглядел на меня своими большими голубыми глазами, сомневаясь в моей искренности и опасаясь, что я просто хочу отвязаться от него. Потом он обхватил ручками мою шею и положил голову мне на плечо.

– Я так хочу спать, мама! Но не прекращай петь.

Я все еще укачивала их, когда Крис вернулся и удовлетворенно посмотрел на меня.

– Крышки больше не захлопнутся, – сказал он. – Я сбил все замки с сундуков. И со шкафов тоже.

Я кивнула.

Он сел на ближайшую кровать и долго смотрел, как медленно раскачивается кресло, рассеянно прислушиваясь к детской песенке, которую я продолжала напевать. Его лицо медленно покраснело, и он

показался мне чем-то смущенным.

– Я чувствую, что вы оставили меня одного, Кэти. Можно, я сяду в кресло-качалку, а вы все сверху?

Папа часто делал это. Мы все помещались у него на коленях, даже мама. Его руки были достаточно большими и сильными, чтобы обхватить нас всех. Это давало нам прекрасное, незабываемое, теплое чувство любви и покоя.

Когда мы согласились и сели в кресло, как предложил Крис, я бросила взгляд на наше отражение в зеркале напротив. Меня охватило жутковатое чувство, и все вокруг показалось мне каким-то нереальным. Мы выглядели как кукольные родители, как наши уменьшенные мама и папа.

– В Библии сказано, что всему свое время под солнцем, – прошептал Кристофер тихо, чтобы не будить близнецов. – Время рождаться, время сеять, время собирать урожай, время умирать и так далее. И сейчас для нас наступило время приносить жертвы. Потом у нас будет время жить и наслаждаться жизнью.

Я положила голову на его мальчишеское плечо, благодарная ему за оптимизм, за постоянное стремление поддержать, ободрить. Мне нравилось, что его сильные юношеские руки обнимают меня и от них исходит та же аура тепла и покоя, что и от рук отца.

Кроме того, он был прав. Придет счастливый день, когда мы выйдем из этой комнаты и спустимся вниз. Чтобы отправиться на похороны.

Праздники

На длинном стебле амариллиса появился бутон, напоминая, как живой календарь, что приближаются День благодарения и Рождество. Этот цветок был единственным оставшимся в живых и, естественно, превратился в самое дорогое из всего, что нам принадлежало: предмет постоянной заботы. Мы уносили его с чердака, чтобы он проводил ночи с нами, в теплой спальне. Кори, который всегда вставал раньше всех, каждое утро бежал к цветку, проверяя, пережил ли бутон еще одну ночь. Следом за ним прибегала Кэрри, чтобы бросить восхищенный взгляд на этот стойкий цветок, одержавший убедительную победу там, где другим пришлось сдаться. Потом они сверялись с календарем, где отмечали зеленым кружком дни, когда нужно было добавлять в землю специальные удобрения, трогали землю, чтобы знать, нуждается ли цветок в поливке. Они никогда не полагались на собственное мнение.

– Можно, мы польем мисс Амариллис? Как ты думаешь, она хочет пить? – спрашивали они у меня.

Все, что нам принадлежало, одушевленное или неодушевленное, должно было носить имя, и Амариллис не избежала этой участи, тем более что она, как-никак, была живым существом. Ни Кори, ни Кэрри никогда не пытались сами отнести цветок на чердак, где солнечный свет ненадолго задерживался в окнах: горшок был слишком тяжелым. В мои обязанности входило выносить Амариллис по утрам, а Крис приносил ее обратно. И каждый вечер мы по очереди вычеркивали прошедший день в календаре жирным красным крестом. Прошло уже сто дней.

За окном все время лил холодный дождь, и в стекла бились сильные порывы ветра. Иногда по утрам все застилала густая пелена тумана, из-за которой было не видно солнца. Ночью я просыпалась оттого, что сухие ветки деревьев скребли по стене дома, и лежала, затаив дыхание, чувствуя, что что-то неопишимо-страшное затаилось где-то совсем рядом, готовое навсегда поглотить меня.

В один из таких дождливых дней мама, тяжело дыша, вошла в комнату, неся с собой коробку с украшениями на День благодарения. Среди них была ярко-желтая скатерть на стол и оранжевые салфетки с красивой каемкой.

– Завтра мы ждем гостей на ранний обед, – объяснила она, бросая

коробку на кровать, которая стояла ближе к входной двери, и делая движение, чтобы повернуться и уйти. – Будут приготовлены две индейки – одна для нас, другая для прислуги. Но они будут готовы слишком поздно, и бабушка не сможет положить индейку в вашу корзину. Однако не беспокойтесь, я не оставлю моих детей без праздничного пиршества. Я найду способ незаметно принести вам немного горячего и понемногу от всех блюд, которые будут подавать на стол. Скорее всего, я торжественно объявлю, что сама буду прислуживать своему отцу, и, пока я буду готовить ему поднос, я попытаюсь сообразить что-нибудь и для вас. Ждите меня завтра около часу дня.

Быстро, как ветер, она прибежала и умчалась из нашей комнаты, оставив после себя радостные ожидания настоящего, большого пиршества на День благодарения.

– Что такое благодарение? – спросила Кэрри.

– Это когда ты молишься перед едой и говоришь Богу спасибо за посланную пищу, – ответил Кори.

В чем-то он был прав. И коли уж он добровольно взялся объяснить что-то сестре, мне не стоило лезть со своими поправками.

Пока близнецы, удобно устроившись на коленях у Криса в одном из вместительных кресел, выслушивали подробный рассказ об истории Дня благодарения, я взяла на себя роль хозяйки дома, довольная представившейся возможностью украсить комнату и накрыть праздничный стол. Наши карточки для гостей были сделаны в виде четырех маленьких индюшек, хвосты которых разворачивались веером, образуя своеобразный желто-оранжевый плюмаж из гофрированной бумаги. Я развернула их и написала на каждой карточке имя. Кроме того, в нашем распоряжении было несколько свечей, две из них были сделаны в форме тыквы, две изображали первых колонистов, две – их жен, и две – индейцев, но ничто не могло заставить меня зажечь такие красивые свечи и смотреть, как они превращаются в лужи стеарина. Вместо них я решила использовать обыкновенные, а эти, дорогие, сохранить на следующий праздник Благодарения, когда мы выйдем отсюда на свободу. На полке над нашим обеденным столом хранились ложки и вилки, которые я каждый раз после еды мыла в пластиковом тазике. Крис обыкновенно вытирал посуду и вставлял ее в специальные прорезиненные пазы на полке.

Я аккуратно разложила на столе приборы, вилки – слева, ножи – справа, лезвием к тарелкам, и рядом с ножами – ложки. Посуда была сделана из фарфора фирмы «Ленокс» с голубой каемкой и позолотой

достаточно высокой пробы, обозначенной внизу на каждой тарелке. Мама объяснила нам, что это старый обеденный сервиз, пропажи которого не заметят слуги, и еще у нас были хрустальные фужеры на тонких ножках. Накрыв стол, я не могла не бросить удовлетворенный взгляд на свое искусство и сделала несколько шагов назад. Нам не хватало только живых цветов. Мама, вероятно, забыла о них.

Время, назначенное ею, давно прошло, но она все не появлялась. Кэрри начала громко капризничать:

- Пора обедать, Кэти.
- Потерпи. Мама собирается принести нам праздничное горячее блюдо – индейку и гарнир. Это будет настоящий обед.

Мой авторитетный монолог домашней хозяйки возымел действие, по крайней мере на некоторое время, и я, устроившись поудобнее на кровати, принялась за чтение романа «Лорна Дун».

– Кэти, у меня уже сосет под ложечкой, – сказал Кори, возвращая меня в современность из семнадцатого века.

Крис был всецело поглощен «Записками о Шерлоке Холмсе», где разгадка, как всегда, крылась в самом конце каждого рассказа. Было бы прекрасно, если бы близнецы могли перебивать свой аппетит чтением, особенно если учесть вместимость их желудков – не больше двух унций.

- Съешь немного изюма, Кори.
- Там больше нету.
- Где там? Правильно сказать: «у нас больше нет изюма», или «изюма больше нет».
- Там больше нету, честное слово.
- Поешь арахисовых орехов.
- Их тоже нет. Правильно я сказал?
- Да, – вздохнула я. – Съешь крекер.
- Кэрри только что съела последний.
- Кэрри, почему ты не поделилась с братом?
- Он нисколько их не хотел.

Два часа. Теперь мы все окончательно проголодались. Наши желудки привыкли к пунктуальному приему пищи в двенадцать часов. Что могло так задержать маму? Может быть, она собиралась сначала поесть сама, а потом принести нам обед? Но она ничего такого не говорила.

Около трех часов мама наконец вбежала в комнату с громадным серебряным подносом, заставленным тарелками с крышками. На ней было платье из светло-голубого джерси, а волосы убраны с лица и перехвачены на затылке серебряной заколкой. Она была прекрасной, как богиня.

– Я знаю, вы проголодались, – немедленно начала извиняться она, – но отцу неожиданно пришло в голову есть вместе с нами в своем кресле на колесиках.

Она виновато улыбнулась.

– Ты очень красиво накрыла на стол, Кэти. Как раз так, как полагается. Извини, я забыла о цветах. У нас было десять гостей, и со всеми надо было поговорить. Каждый засыпал меня вопросами, преимущественно о том, где я так долго была, и потом, вы не можете себе представить, как трудно было проникнуть в кладовую дворецкого, пока Джон не смотрел в мою сторону. Честное слово, мне казалось, что у него глаза на затылке. Кажется, еще никогда мне не приходилось так скакать взад и вперед. Гости, наверное, подумали, что я очень невежлива или просто дурочка, но, несмотря ни на что, мне удалось заполнить ваши блюда и спрятать их, вернуться обратно к столу и перекусить, после чего я сделала вид, что мне нужно высморкаться, и пошла в другую комнату. Я несколько раз звонила самой себе с собственного отдельного телефона у меня в спальне, причем мне приходилось менять голос. Хотелось принести вам тыквенный пирог, но Джон уже нарезал его и разложил ломтики по отдельным блюдам, так что я ничего не могла поделать: он обязательно заметил бы пропажу.

Послав нам воздушный поцелуй и второпях изобразив улыбку, она исчезла в дверном проеме.

Да, мы действительно осложняли ей жизнь, да еще как!

Одновременно подбежав к столу, мы принялись за еду.

Крис небрежно наклонил голову и произнес молитву, которая вряд ли могла произвести на Господа большое впечатление в этот день, когда в его ушах должны звучать более торжественные фразы:

– Спасибо тебе, Господи, за не вовремя поданный праздничный обед. Аминь!

Я внутренне улыбнулась. Это было вполне в стиле Криса. После молитвы он начал изображать хозяина, раскладывая еду по тарелкам, которые мы по очереди передавали ему. Мистеру Капризу и мисс Разборчивости он положил по одному кусочку мяса и понемногу овощей, добавив к этому салат, выложенный в маленькой тарелочке в виде сложной геометрической фигуры. Средних размеров порция досталась мне, и, конечно, последняя, гигантская – самому гиганту мысли, которому необходимо было подпитывать свой титанический мозг.

С ненасытным видом он начал запихивать в рот огромное количество картофельного пюре, почти холодного. Вообще, все уже остывало, заливное размякло, а зелень, на которую оно было положено, завяла и

поникла.

– Не хочу есть холодное! – заныла Кэрри, буравя глазами содержимое своей тарелки с малюсенькими порциями каждого блюда, выложенными кругом вследствие пристрастия Криса к точности и строгим геометрическим формам.

Можно было подумать, что перед нашей мисс Разборчивостью стояла тарелка змей и червяков, судя по тому, как она сморщилась. Мистер Каприз тут же повторил эту гримасу отвращения.

Мне стало обидно за маму, которая приложила столько усилий, чтобы принести нам настоящий праздничный обед, и даже не смогла сама посидеть за праздничным столом, показав себя дурочкой перед гостями. И теперь эти двое не собирались ничего есть! После трех часов стонов и жалоб на голод! Ох, дети, дети!

Мой яйцеголовый брат полуприкрыл глаза, чтобы полнее прочувствовать удовольствие от разнообразной и изысканной пищи, резко отличающейся от дряни, набросанной в спешке в корзину для пикника перед шестью часами утра. Хотя справедливости ради нужно было заметить, что бабушка никогда не забывала о нас. Она, наверное, вставала до рассвета, чтобы попасть в кухню до того, как туда придет прислуга и шеф-повар.

Следующий поступок Криса поверг меня в шок. Как он мог проткнуть вилкой и запихать в рот такой огромный кусок? Что с ним произошло?

– Не смей так есть, Крис. Ты показываешь дурной пример сам знаешь кому.

– Они не смотрят на меня, – сказал он с полным ртом, – а я голоден. Я никогда еще так не хотел есть за всю свою жизнь, и к тому же все очень вкусно.

Вместо ответа я тщательно разрезала свою индейку на маленькие кусочки, чтобы преподать поросенку напротив меня урок хороших манер. Проглотив то, что было у меня во рту, я сказала:

– Мне жаль твою будущую жену. Она сможет прожить с тобой не больше года.

Он продолжал есть, не желая внимать ничему, кроме голоса собственного желудка.

– Кэти, не злись на Криса, – сказала Кэрри. – Нам все равно не нравится все холодное, и мы не будем есть свои порции.

– Моя жена будет боготворить меня и с радостью подбирать с пола мои грязные носки. А вы, Кори и Кэрри, любите холодные овсяные хлопья с изюмом, поэтому ешьте!

– Нам не нравится холодная индейка. И это... коричневое на картошке какое-то противное.

– Это «коричневое» называется соус, и на вкус он просто изумительный. А эскимосы вообще обожают холодную пищу.

– Кэти, эскимосы действительно любят есть все холодным?

– Не знаю, Кэрри, но думаю, что да, иначе они просто умерли бы с голоду. – Я никак не могла понять, какое отношение имеют эскимосы к Дню благодарения. – Крис, ты что, не мог придумать ничего лучше? При чем тут эскимосы?

– Эскимосы и индейцы. Индейцы – очень важная часть традиции, связанной с этим днем.

– О господи!

– Ты, конечно, знаешь, что Североамериканский континент был когда-то соединен с Азией, – сказал он, прожевывая очередной кусок. – Индейцы пришли из Азии, и некоторым из них так понравились снега и льды, что они остались жить на севере, а другие, с хорошей интуицией, пошли дальше на юг.

– Кэти, что это за желе со сгустками чего-то непонятного?

– Это клюквенный салат. Сгустки – это целые клюквины и орехи, а белое – это сметана.

Салат был на редкость вкусным, с ломтиками ананаса, добавленными к основным ингредиентам.

– Он невкусный!

– Кэрри, – сказал Крис, – мне надоели твои претензии. Ешь!

– Твой брат прав, Кэрри. Клюква очень вкусная и орехи тоже. Птички очень любят ягоды. Тебе ведь нравятся птички?

– Птицы не едят ягод. Они питаются дохлыми пауками и разными другими насекомыми. Мы видели, правда, Кори? Они подбирали их в канавах и глотали, даже не прожевывая! Мы не можем есть то же, что и они.

– Замолчи и ешь! – промычал с полным ртом Крис.

Перед нами стояла лучшая (хотя и остывшая) еда с тех пор, как мы поселились в этом отвратительном доме, а близнецы сидели, уставившись в тарелку, и не съели еще ни кусочка!

А Крис уничтожал все, на что падал его голодный взгляд, как свинья-медалистка на сельской ярмарке.

Близнецы наконец отважились попробовать пюре с грибным соусом. Пюре оказалось «с комочками», а соус – «противным». Они смели называть божественно вкусное блюдо «противным».

– Тогда ешьте сладкий картофель! – почти закричала на них я. –

Посмотрите, какой он хороший, мягкий, потому что его размяли, взбили и добавили к нему кусочки алтея, который вы так любите, да еще лимонный и апельсиновый сок для вкуса.

Слава богу, они не обратили внимания на «грубые» орехи.

Думаю, что, сидя друг против друга и размешивая ложками пюре, пока оно не превратилось в однородную массу, они все-таки сумели проглотить по три-четыре унции еды.

Пока Крис сетовал на отсутствие десерта – тыквенного или мятного пирога, я начала понемногу убирать со стола. И тут по неизвестной мне причине он взялся помогать мне! Я не верила своим глазам! Он обезоруживающе улыбнулся и даже поцеловал меня в щеку. Если, думала я, хорошая еда так меняет мужчин, я обязательно выучусь и буду готовить исключительно деликатесы. Он даже подобрал с пола свои носки, перед тем как помочь мне вымыть и высушить тарелки, стаканы и ложки с вилками.

Через десять минут после того, как мы с Крисом аккуратно расставили все на полке под столом и покрыли чистым полотенцем, близнецы в один голос заявили:

– Мы хотим есть! У нас болят животы!

Крис продолжал читать, сидя за своим письменным столом. Я оторвалась от «Лорны Дун», встала с кровати и, не говоря ни слова, выдала каждому по сэндвичу с джемом и арахисовым маслом из пресловутой корзины для пикников.

Пока они ели, откусывая от сэндвичей маленькие кусочки, я улеглась обратно на кровать и долго и озадаченно смотрела на них, силясь понять, как они могут есть такую дрянь. Быть матерью оказалось не так легко, как я думала, и далеко не так приятно.

– Не сиди на полу, Кори, простудишься. Сядь на кресло!

– Не люблю кресла, – ответил Кори и громко чихнул.

На следующий день выяснилось, что Кори действительно сильно простужен. Он был красным и горячим и постоянно жаловался, что у него все болит и ноют кости.

– Где мама, Кэти, где моя настоящая мама? – повторял он все время.

В конце концов мама появилась. Испуганная видом горящих щек Кори, она побежала за градусником и скоро с несчастным видом возвратилась. За ней следовала наша ненавистная бабушка.

С тонкой стеклянной трубочкой во рту Кори во все глаза глядел на маму, как на ангела, спустившегося с небес, чтобы прийти к нему на

помощь в трудную минуту. А я, сменная мать, была моментально забыта.

– Моя крошка, любимый, – ласково шептала она, осторожно поднимая малыша с кровати и садясь с ним в кресло-качалку. Затем она несколько раз поцеловала его в лоб. – Я здесь, мой родной. Я люблю тебя. Я сделаю так, чтобы у тебя ничего не болело. Только постарайся хорошо кушать, пей апельсиновый сок, как хороший мальчик, и ты быстро поправишься.

Положив его обратно в кровать, она склонилась над ним и заставила быстро проглотить аспирин и запить его водой. Ее голубые глаза застилали слезы, тонкие белые руки нервно подрагивали.

Потом я со странным чувством наблюдала, как ее глаза закрылись, а губы зашевелились, произнося беззвучную молитву.

Через два дня Кэрри лежала в постели рядом с Кори, с теми же симптомами: чиханием, кашлем и быстро ползущей вверх температурой. Столбик термометра поднимался так быстро, что это повергло меня в панику. Крис также выглядел напуганным.

Бледные и не обращающие ни на что внимания, наши двойняшки лежали на огромной кровати, вцепившись пальцами в края одеяла, которым они были закрыты до самого подбородка.

Они казались сделанными из фарфора, их лица были бледны какой-то восковой бледностью, а глаза запали глубоко внутрь и как будто становились все больше и больше. Под ними появились страшные темные тени, словно в близнецов вселился злой дух. Когда мама уходила, эти две пары глаз обращались в нашу с Кристофером сторону и умоляли сделать что-нибудь, чтобы помочь их страданиям.

Мама отпросилась на неделю из школы секретарей, чтобы проводить как можно больше времени с близнецами. Я ненавидела бабушку за то, что та считала своим долгом все время следовать за ней, когда бы она ни пришла к нам. Она постоянно совала нос в то, что ее не касалось, и раздавала направо и налево советы, хотя никто ее об этом не просил. Она уже заявила, что мы не существуем, не имеем права жить в Божьем мире, предназначенном лишь для чистых душой и телом вроде нее, так зачем было раздражать нас еще больше своими приходами и лишать нас возможности побыть наедине с собственной матерью?

Шорох ее отвратительных серых платьев, звук голоса, тяжелая поступь и вид огромных бледных рук, мягких и униженных бриллиантовыми кольцами, с темными пигментными пятнами... О боже, одно это вызывало у меня отвращение.

Мама постоянно прибегала к нам и выбивалась из сил, делая все, чтобы близнецы начали выздоравливать. Под глазами у нее тоже залегли

тени. Она почти не отходила от близнецов, то подавая им воду, чтобы запить аспирин, то пытаясь напоить их апельсиновым соком и накормить куриным бульоном.

Однажды утром она прибежала к нам с большим термосом сока, только что выжатого из свежих апельсинов.

– Это не то, что продают в банках, – объяснила она. – Здесь много витаминов С и А, а это очень помогает при простуде.

Она попросила нас с Крисом почаще поить этим соком близнецов. Мы поставили термос на чердачной лестнице, где зимой было холоднее, чем в самом холодильнике.

Но стоило маме взглянуть на градусник, поставленный Кэрри, как у нее буквально встали дыбом волосы и она впала в страшную панику.

– Боже, – воскликнула она в отчаянии, – тридцать девять и восемь! Ее надо срочно показать врачу, отвезти в больницу!

Я стояла перед трюмо, держась за него одной рукой и делая упражнения для ног. Теперь, когда на чердаке стало слишком холодно, мои балетные занятия переместились в комнату. Я бросила взгляд на бабушку, желая видеть, как она отреагирует на все это.

Бабушка не могла стерпеть такой истеричности и утраты самообладания:

– Не смей меня, Коррина! Все дети прекрасно переносят высокую температуру, когда болеют. Это ничего не значит, и тебе пора бы уже знать об этом. Обыкновенная простуда.

Крис поднял голову от книги, которую внимательно изучал. Он был уверен, что близнецы болеют гриппом, хотя и не мог понять, где они подхватили вирус.

Тем временем бабушка продолжала:

– Доктора! Что они могут знать о лечении простуды? Мы лечим ее не хуже их. Достаточно трех вещей: лежать в постели, много пить, принимать аспирин. Что еще? Мы делали все, что нужно. – Она бросила на меня негодующий взгляд. – Перестань болтать ногами, девчонка. Ты меня нервируешь. – И снова обратилась к нашей маме: – Моя мать говорила, что простуда начинается три дня, держится три дня и три дня уходит.

– А что, если у них грипп? – спросил Крис.

Бабушка отвернулась и проигнорировала его вопрос. Она ненавидела его лицо: оно слишком напоминало ей нашего отца.

– Терпеть не могу, когда люди, заранее зная, что не правы, сомневаются в словах тех, кто намного старше и мудрее их. Всем известно, что при простуде шесть дней уходит на начало и собственно болезнь и

через три дня человек выздоравливает. Так бывает всегда. Они выздоровеют.

Как и предсказывала бабушка, близнецы выздоровели, но не через девять дней, а через... девятнадцать. Мы вынуждены были лечить их постельным режимом, аспирином и жидкостями, хотя по предписаниям врача они поправились бы намного быстрее. Днем двойняшки лежали в одной кровати, но ночью спали по отдельности: Кэрри со мной, а Кори – со своим братом. Не знаю, почему мы от них не заразились.

Всю ночь мы вскакивали с кровати, то за водой, то за апельсиновым соком, охлаждавшимся на лестнице. Близнецы то просили печенья, то звали маму, то говорили, что им нечем дышать из-за насморка. Они беспокойно метались, ослабленные и измученные, встревоженные чем-то, чему не могли дать внятного объяснения, но что читалось в выражении их глаз, разрывающем мне сердце. Больные, они задавали вопросы, которые никогда не возникали у них раньше. Это казалось мне очень странным.

– Почему мы все время живем наверху?

– Нижние этажи исчезли, да?

– Там, наверное, прячется солнце, правда, Кэти?

– Мама еще любит нас?

– Почему стены расплываются?

– А разве они расплываются? – спросила я в ответ.

– Крис тоже расплывается.

– Крис устал.

– Ты устал, Крис?

– Вроде да. Вам тоже пора спать и прекратить задавать вопросы, и Кэти тоже устала. Мы хотим спать, но сначала хотим, чтобы вы тоже крепко уснули.

– Как это – крепко?

Крис вздохнул, поднял Кори с кровати и сел с ним в кресло-качалку, и вскоре мы с Кэрри присоединились, сев на колени к Крису. Мы раскачивались взад и вперед – и так до трех часов ночи. Иногда нам приходилось читать близнецам до четырех. Если они плакали и звали маму (а это происходило почти постоянно, с редкими интервалами), мы с Крисом превращались в мать и отца и делали что могли, чтобы успокоить их тихими колыбельными. Мы так много и часто укачивали их, что половицы расшатались и начали скрипеть, а это, конечно, мог услышать кто-нибудь внизу.

Всю ночь мы слушали звуки ветра с холмов. Он скрипел голыми ветвями деревьев, стучался в стены дома, нашептывал нам о смерти и

умирании, завывал в щелях и своими рыданиями и всхлипываниями давал нам понять, в какой опасности мы находимся.

Мы так много читали вслух и пели колыбельные, что охрипли и почти умирали от усталости. Каждый вечер мы молились о выздоровлении близнецов:

– Пожалуйста, Господи, сделай их такими, какими они были.

И вот наступил день, когда кашель начал стихать, а бессонные веки опустились, и близнецы забылись спокойным сном. Холодные костлявые руки смерти уже почти держали наших двойняшек и теперь с трудом начали отпускать их – так медленно, мучительно шло их выздоровление. Когда они «поправились», они уже не были хорошенькой розовощекой парочкой. Кори и раньше мало говорил, а теперь молчал еще больше. Кэрри, которую когда-то приводил в восторг звук собственной болтовни, стала такой же молчаливой, как Кори. Теперь, когда наступила тишина, которой мне когда-то так не хватало, мне хотелось вернуть это постоянное щебетание, обращенное к куклам, грузовикам, лодкам, подушкам, цветам, поездкам, туфлям, платьям, нижнему белью, игрушкам и настольным играм.

Я проверила язык Кэрри. Он выглядел белым и неестественно бледным. С ужасом я выпрямилась и оглядела маленькие головки, лежащие друг подле друга на подушке. Зачем я когда-то хотела, чтобы они повзрослели и вели себя соответственно возрасту? Эта долгая болезнь действительно принесла с собой взросление. Но какой ценой? Здоровый румянец исчез с их лиц. Вместо него появились темные круги под глазами. Жар и кашель прошли, но на лицах осталась печать странного равнодушия стариков или очень усталых людей, которым все равно, восходит солнце или заходит, чтобы больше никогда не подняться в небо. Они пугали меня. Их лица вселяли в меня мысли о смерти.

И все это время ветер не стихал ни на минуту.

Через какое-то время они встали с кровати и начали ходить. Ножки, когда-то такие пухленькие и розовые, постоянно прыгающие и скачущие по комнате и чердаку, похудели, ослабли и стали тонкими и бледными, как соломинки. Теперь близнецы ползали, а не носились, а смех заменила слабая улыбка.

Усталая, я упала вниз лицом на кровать и думала, думала, думала. Что можем сделать мы с Крисом, чтобы вернуть их непосредственное веселье и детское обаяние?

Ничего не приходило в голову, хотя мы с радостью пожертвовали бы собственным здоровьем, чтобы возвратить его им.

– Витамины! – заявила мама, когда мы поделились с ней своим

беспокойством. – Витамины – это как раз то, чего им не хватает, как, впрочем, и вам. С этого дня вы все будете принимать ежедневно по капсуле витаминов.

Сказав это, она подняла тонкую изящную руку и провела по своим пышным, густым, блестящим и отлично ухоженным волосам.

– Солнце и свежий воздух мы тоже будем принимать в капсулах? – спросила я, присев на край кровати и мрачно поглядывая на маму, отказывавшуюся видеть истинную причину состояния близнецов. – Неужели ты думаешь, что если мы будем каждый день глотать витамины, то это вернет нам тот нормальный, здоровый облик, который мы все имели, проводя большую часть времени на воздухе?

Сегодня мама была во всем розовом, что ей, несомненно, шло. Одежда подчеркивала здоровый румянец на ее щеках, и даже волосы, казалось, излучали розоватое сияние.

– Кэти, – ответила она, бросив в мою сторону покровительственно-укоряющий взгляд. Однако я заметила, что она опять не знает, куда деть руки. – Не понимаю, почему ты так настойчиво пытаешься досадить мне. Я делаю все, что могу, и тебе это известно. Если хочешь знать, витаминные капсулы заменяют собой солнце и свежий воздух. Именно для этого их и делают в таком количестве.

Ее безразличие задело меня еще больше. Я взглянула на Кристофера, который, низко наклонив голову, внимательно слушал все, не произнося ни слова.

– И сколько мы еще будем находиться в заключении?

– Недолго, Кэти, совсем недолго, поверь мне.

– Еще месяц?

– Возможно.

– А ты не можешь попробовать тайком вынести близнецов, чтобы, например, прокатить их на машине? Можно спланировать все так, что слуги ничего не заметят. Я думаю, это принесет громадную пользу. Нас с Крисом брать не обязательно.

Она повернулась и посмотрела на моего старшего брата, думая, что мы сговорились, но по его удивленному лицу было понятно, что он слышит об этом впервые.

– Нет! Конечно нет! Я не могу так рисковать! В этом доме работает восемь человек прислуги, и хотя все они живут в отдельной постройке, кто-то из них постоянно смотрит в окно и обязательно услышит, как я завожу машину. Они ужасно любопытны и наверняка захотят узнать, куда я еду.

– Тогда не могла бы ты принести нам свежих фруктов, особенно

бананов? Ты же знаешь, как близнецы любят бананы, а ведь они не видели их с тех пор, как мы здесь, – холодно сказала я.

– Завтра я принесу бананы. Ваш дедушка их терпеть не может.

– При чем здесь дедушка?

– Из-за этого бананы не покупаются.

– Ты едешь в школу секретарей каждый день, кроме выходных, и вполне можешь сделать остановку в магазине и купить бананов. И арахиса, и изюма. А близнецам время от времени не помешала бы воздушная кукуруза. Надеюсь, от кукурузы у них зубы не испортятся.

Она закивала, соглашаясь.

– А что ты хотела бы для себя?

– Свободу! Я хочу выйти отсюда. Мне надоело сидеть в запертой комнате. Я хочу, чтобы близнецы и Крис тоже увидели свободу, и как можно быстрее. Я хочу, чтобы ты сняла дом, купила дом, украла дом – мне все равно! Но заberi нас отсюда!

– Кэти, – снова взмолилась она. – Я ведь уже сказала: я стараюсь как могу. Разве я не приношу вам постоянно подарки? Чего вам еще не хватает, кроме бананов? Назовите!

– Ты обещала, что мы останемся здесь ненадолго, а это тянется уже несколько месяцев.

Она беспомощно развела руками:

– По-твоему, я должна убить своего отца?

Я утвердительно кивнула.

– Оставь ее в покое! – взорвался Крис, как только его богиня закрыла за собой дверь. – Она ради нас выбивается из сил! Не смей больше к ней придирааться! Удивительно, что она вообще продолжает ходить к нам, несмотря на то что ты немедленно насакиваешь на нее со своими бесконечными вопросами, как будто не веришь ни одному ее слову. Ты не представляешь, сколько ей приходится переносить. Думаешь, она рада, что ее дети заперты в комнате и играют на чердаке?

Трудно было с уверенностью сказать, что думает и чувствует такая женщина, как наша мама. Ее лицо всегда оставалось невозмутимоспокойным, хотя она часто выглядела усталой. Она всегда появлялась в новой и дорогой одежде, редко надевая одно и то же по два раза, но и нам она всегда дарила новую и дорогую одежду. Хотя, конечно, нам было все равно, что носить. Никто посторонний не видел нас, кроме бабушки, так что мы могли бы носить рваное тряпье, что, вне всякого сомнения, обрадовало бы ее гораздо больше.

Мы не ходили на чердак, если на улице шел снег или дождь. Даже в

ясные дни было очень ветрено. Ветер задувал в щели старого дома, постоянно издавая яростный вой и тяжкие стоны.

Однажды Кори проснулся среди ночи и позвал меня:

– Сделай так, чтобы ветер ушел, Кэти!

Я встала с кровати, где лежала вместе с Кэрри, которая крепко спала, свернувшись клубком под ворохом одеял, забралась в постель к Кори и крепко обняла его бедное, худое маленькое тельце. Ему так не доставало любви, не хватало настоящей материнской ласки... У него была только я. Он был таким маленьким, хрупким, и я боялась, что новый порыв ветра может унести его далеко-далеко. Я наклонилась, вдохнула сладкий запах его кудрявых льняных волос и поцеловала его так же, как часто делала, когда он был еще грудным младенцем и я впервые начала нянчить настоящих детей, а не кукол.

– Я не могу убрать ветер, Кори. Только Бог может сделать это.

– Тогда скажи Богу, что я не люблю ветер, – произнес он сонно. – Скажи ему, я боюсь, что ветер заберет меня.

Вместо ответа, я лишь крепче прижала его к себе, чтобы никогда, никогда не позволить ветру унести Кори. Никогда! Я знала, что он имеет в виду.

– Кэти, расскажи мне что-нибудь, чтобы я не думал о ветре.

И тогда я начала рассказывать ему о волшебном мире, где маленькие дети жили в маленьком, уютном домике с отцом и матерью, большими и сильными, достаточно сильными, чтобы отвести от детей все страхи и напасти. Это была семья из шести человек, и на заднем дворе у них был сад, где между стволами высоких деревьев висели качели и где росли настоящие цветы, которые засыпали осенью и снова просыпались весной. И еще у них была собака Клевер и кошка Пятнышко, и желтая птичка пела у них в золотой клетке целыми днями, и все они любили друг друга, и никого не секли и даже не шлепали, и двери в доме были всегда открыты, и шторы тоже.

– Спой мне песню, Кэти. Я люблю твои колыбельные.

Все еще обнимая его, я начала петь песенку. Стихи я сама сочинила на мелодию, которую Кори постоянно напевал себе под нос. Эта песенка должна была отогнать его страхи и мои тоже. Это было мое первое рифмованное стихотворение.

Я слышу, как ветер поет мне с холма,
Со мной говорит он, когда ночь так тиха.
Он шепчет, и я понимаю его,

И ночь открывает свое колдовство.

Я чувствую бриз, доносящийся с моря,
На крыльях своих он умчит мое горе,
Растреплет мне косы, поманит с собой,
Туда, где о скалы бьется прибой.

Когда-нибудь я заберусь на вершину,
И утро настанет, и солнце взойдет,
И кто-нибудь все объяснит для меня,
Если я проживу еще один год.

Закончив петь, я увидела, что малыш крепко уснул в моих объятиях и ровно дышит, чувствуя себя в безопасности. Крис лежал рядом. Он не спал и широко открытыми глазами смотрел в потолок. Он повернулся, и наши взгляды встретились. Его пятнадцатый день рождения был уже позади, со всеми полагающимися атрибутами – тортом и мороженым. Подарки он получал каждый день. Теперь у него был фотоаппарат «Полароид» и новые часы. Просто здорово! Как легко было его успокоить. Вернее, подкупить.

Разве он не видел, что наша мама уже не та, что раньше? Что она больше не приходит к нам каждый день? Неужели он был таким легковверным, что принимал за чистую монету все ее оправдания?

Наступил канун Рождества. Нашему пребыванию в Фоксворт-холле исполнилось пять месяцев, и мы ни разу не побывали на нижних этажах огромного дома, а тем более за его пределами. Мы придерживались правил: молились каждый раз перед тем, как сесть за стол, и перед сном, становясь на колени у кровати, скромно вели себя в ванной, что бы это ни означало, и мысли наши были чисты и невинны. Несмотря на все это, мне казалось, что день ото дня нас кормили все хуже и хуже.

Я убеждала себя, что ничего страшного, если мы не сможем сделать рождественские покупки, потому что придет другое Рождество, когда мы будем богаты, фантастически богаты, и сможем зайти в магазин и купить все, что нам приглянется. Как здорово мы будем выглядеть в элегантной дорогой одежде, с изысканными манерами и мягкой, проникновенной речью. Мир увидит нас и изумится, он сразу поймет, что мы совершенно особенные: богатые, любимые, окруженные заботой и вниманием дети.

Конечно, мы с Крисом понимали, что Санта-Клаус – сказочный

персонаж, но мы очень хотели, чтобы близнецы продолжали в него верить, продолжали находиться под влиянием обаяния этого веселого толстого старика, который, перелетая из одного конца планеты в другой, спешит доставить детям подарки – именно то, что они хотят, даже если они не уверены в том, что они хотят, пока не получают подарок. Во что превратится их детство без этого сладкого обмана? По крайней мере, для себя мне бы не хотелось такого детства.

Даже для сидящих взаперти канун праздника был наполнен веселой суетой и радостными приготовлениями. Даже для исполненных отчаяния, сомнений и недоверия. Крис и я начали втайне готовить подарки для мамы (хотя, по правде говоря, ей ничего не было нужно). И для близнецов – набивных плюшевых животных, которые были набиты ватой и старательно зашиты вручную. Я вышивала им черты мордочки, а потом, уединившись в ванной тайком от Криса, вязала для него шапочку из ярко-красной шерсти. Она росла в длину до бесконечности: наверное, мама плохо объяснила мне, как делать макушку.

Потом Крис неожиданно выдвинул совершенно идиотское предложение:

– Давай сделаем подарок и для бабушки. Я думаю, неправильно демонстративно игнорировать ее. В конце концов, она приносит нам еду и молоко, и кто знает, может, чего-нибудь в этом роде как раз и не хватает для того, чтобы завоевать ее симпатию. Подумай, как изменится наша жизнь, если она будет относиться к нам более терпеливо.

Я по глупости клюнула на эту дурацкую затею, и мы часами трудились над изготовлением подарка для ненавидящей нас старой ведьмы. За все это время она даже ни разу не назвала ни одного из нас по имени.

Натянув на рамку тонкое полотно, мы сделали аппликацию из цветных стеклышек и золотистых и коричневых лент. Мы снова и снова кропотливо переделывали неудавшиеся детали, чтобы работа выглядела в ее глазах безупречной. С ее аккуратностью и пунктуальностью она могла обратить внимание на любой недостаток, любую морщинку, и уж для нее-то мы стремились сделать все, на что были способны.

– Понимаешь, – снова объяснил Крис, – я верю, что у нас появится шанс привлечь ее на нашу сторону. Ведь в конце концов, она наша бабушка, и люди со временем меняются. Нельзя вечно оставаться одинокой. Пока мама пытается околдовать своего отца, мы должны подружиться с ее матерью. Да, она отказывается смотреть на меня, но на тебя-то она смотрит!

Не думаю, что она действительно смотрела на меня, скорее, бросала

странные взгляды на мои волосы: по неизвестной причине они ее чем-то привлекали.

– А помнишь, Кэти, как она подарила нам желтые хризантемы?

Он был прав. Одно это было соломинкой, за которую стоило ухватиться.

Ближе к вечеру, когда уже наступали сумерки, мама торжественно внесла в комнату настоящую живую елку в небольшой деревянной кадке. Она принадлежала к бальзамической разновидности и распространяла вокруг себя запах. Запах Рождества. Мамино шерстяное платье было из ярко-красного джерси. Оно облегло ее фигуру, подчеркивая все изгибы, которые я надеялась приобрести когда-нибудь в будущем. Мама радостно смеялась, и мы веселились вместе с ней. Она помогла нам повесить на елку миниатюрные украшения и гирлянду и выдала всем по чулку, чтобы повесить на спинку кровати для Санта-Клауса.

– Через год в это же время мы будем жить в собственном доме, – радостно пообещала она, и я поверила. – У нас будет масса денег, и мы сможем купить собственный великолепный дом, и все, что вы пожелаете, будет вашим. Незаметно для самих себя вы забудете эту комнату и чердак. И все эти дни, которые вы так самоотверженно пережили, забудутся, уйдут в прошлое, как будто их никогда и не было.

Она поцеловала всех по очереди и еще раз сказала, как она нас любит. Глядя ей вслед, мы на этот раз не чувствовали себя такими одинокими и покинутыми. Ее уверенность, ее счастливый вид наполнили наши мечты и сердца надеждой.

Ночью, когда мы спали, мама приходила еще раз. Проснувшись, я увидела все чулки доверху наполненными. Кроме того, подарками было заполнено все пространство под столом, на котором стояла елка, а на полу красовались многочисленные игрушки для близнецов – они были слишком большими и никуда не помещались.

Мы с Крисом обменялись взглядами. Он взял несколько серебряных колокольчиков, связанных вместе пластиковой лентой, и что есть силы зазвонил в них у себя над головой.

– С Рождеством! – выкрикнул он. – Вставайте, просыпайтесь! Кори, Кэрри, открывайте глаза, сони, и оглянитесь вокруг! Посмотрите, что принес Санта!

Они медленно, с трудом стряхнули с себя сон и с недоверием, поминутно протирая глаза, оглядели скопище новых игрушек, красивые обертки, на которых значились их имена, и полосатые чулки, наполненные

печеньем, орехами, конфетами, фруктами, жевательной резинкой, мятной карамелью и шоколадными Санта-Клаусами.

Настоящие конфеты – впервые за все это время! Леденцы, цветные леденцы наподобие тех, что раздают на вечеринках в церквях и школах, лучше всего разрушающие зубы. Именно по таким рождественским леденцам мы истосковались, именно их так часто видели во сне.

Кори сел на кровати, совершенно ошеломленный, и снова начал протирать кулаками глаза, не в силах произнести ни слова.

Но у Кэрри сразу возник вопрос:

– А как Санта нас нашел?

– О, у Санты волшебные глаза, – объяснил Крис, посадив Кэрри себе на плечо и протягивая руки, чтобы сделать то же самое с Кори. (У меня на глазах выступили слезы. Он делал это точно так же, как папа.) – Кроме того, он знал, что вы здесь. Я ему сообщил: просто сел за стол и написал очень длинное письмо, где указал наш адрес и подробно перечислил все, что мы хотим. Список получился в три фута длиной.

Очень смешно, подумала я. Список наших пожеланий был на самом деле простым и коротким. Мы хотели выйти отсюда. Нам нужна была свобода.

Я тоже села на кровати и огляделась, и сладко-горький комок застрял у меня в горле. Мама, вне всякого сомнения, старалась; по крайней мере, так все это выглядело. Действительно прикладывала все усилия. Только для того, чтобы купить все это, ей, наверное, понадобились месяцы.

Я почувствовала стыд и раскаяние за все мои гадкие, колючие фразы и мысли по ее поводу. Вот что получается, когда хочешь всего сразу, когда не хватает веры и терпения.

Крис повернулся и вопросительно посмотрел на меня:

– Ты собираешься вставать? Или будешь сидеть так весь день? Тебе что, больше не нравятся подарки?

Пока Кори и Кэрри срывали обертки с подарков, Крис галантно предложил мне руку:

– Наслаждайся своим единственным и неповторимым двенадцатым Рождеством. Пусть оно будет особенным, пусть отличается от всех прошедших и предстоящих.

И умоляюще посмотрел на меня своими голубыми глазами.

Он был одет в мятую красную пижаму в белую полоску, его золотые волосы торчали во все стороны. На мне была тоже красная льняная ночная рубашка, а волосы были еще более растрепанными. Я почувствовала прикосновение его теплой ладони и засмеялась.

Рождество есть Рождество, где бы ты ни был. В любых обстоятельствах этот день будет светлым и радостным. Мы распаковали все подарки и, набив рот конфетами, начали с энтузиазмом примерять новую одежду. «Санта» оставил нам записку с просьбой не показывать конфеты «сами знаете кому». Ведь конфеты все равно портят зубы. Даже на Рождество.

Я сидела на полу в восхитительном платье из зеленого бархата. Крис получил новый фланелевый халат – красный, в тон его пижаме. На близнецов я надела новые халатики ярко-синего цвета. Вряд ли в то раннее утро на свете можно было найти четверых более счастливых детей. Шоколад был дьявольски божественным и казался еще слаще оттого, что был запрещен. Я крепко зажмурилась и держала его во рту, пока не растает, чувствуя себя на небесах. Я заметила, что Крис делает то же самое, а близнецы, наоборот, ели шоколад, широко открыв глаза от удивления. Неужели они забыли вкус конфет? Наверняка, потому что на их лицах читалось изумление, смешанное с невыразимым блаженством. Услышав, как поворачивается дверной замок, мы быстро спрятали все конфеты под кровать.

Это была бабушка. Она тихо вошла в комнату, неся знаменитую корзину. Поставив ее на столик для настольных игр, она не пожелала нам счастливого Рождества, не сказала «доброе утро» и даже не улыбнулась, подчеркивая, что ни в этот день, ни в какой другой она не желает иметь с нами ничего общего.

С неохотой и страхом, но также и с большой надеждой я взяла в руки длинный сверток из красной фольги, подаренной нам когда-то мамой. Под этой красивой оберткой находился наш коллаж, над которым мы все вчетвером изрядно попотели. Он должен был изображать картину сада. В старых сундуках на чердаке, среди прочих тканей, хранился тонкий шелк, и сделанные из него фиолетовые бабочки порхали над яркими цветами из шерстяных лоскутков. Кэрри очень хотелось сделать фиолетовых бабочек с более светлыми красными пятнами, она обожала это сочетание цветов. Если где-то и существовала более красивая бабочка, то она была не настоящей, – это была желтая бабочка, сделанная Кори, с черными и зелеными пятнышками и маленькими глазками из красных стекол. Деревья были сделаны из коричневой ленты, на которую были искусно наклеены микроскопические камешки, чтобы поверхность напоминала настоящую кору, а на ветвях грациозно восседали разноцветные птицы, готовые в любую минуту сняться и закружиться между листьев. Для птиц мы с Крисом использовали куриные перья из подушек, раскрашенные

акварелью, а потом аккуратно высушенные и распрямленные.

Не побоюсь сказать, что в нашей работе были признаки настоящего артистизма и творческой изобретательности. Композиция была выдержанной, сбалансированной, и в то же время в ней прослеживались ритм, определенный стиль и обаяние, от которого у мамы, когда мы показали ей свое произведение, на глаза навернулись слезы. Ей даже пришлось отвернуться, чтобы мы тоже не заплакали. Да, этот коллаж был на тот момент нашим лучшим, наиболее законченным произведением.

Трепещущая, с трудом преодолевая нерешительность, я выжидала момент, чтобы подойти к ней, когда ее руки не будут заняты. Поскольку бабушка никогда не смотрела на Криса, а близнецы так боялись ее, что сжимались и готовы были сквозь землю провалиться от ужаса в ее присутствии, единственной, кому можно было подойти и вручить ей подарок, была я. Но ноги вдруг перестали мне подчиняться. Крис подтолкнул меня локтем.

– Давай, – прошептал он, – через минуту она уйдет отсюда.

Но меня как будто гвоздями прибили к полу. Сложив руки на груди крест-накрест, я прижимала к себе сверток. В нашем положении этот подарок скорее напоминал ритуальное жертвоприношение, ведь она была откровенно враждебна к нам и ждала случая, чтобы причинить боль – единственное, что она всегда готова была нам предложить.

В это рождественское утро ей удалось ранить нас, не произнеся ни слова и не пошевелив и мизинцем.

Сначала я собиралась поприветствовать ее как положено и сказать примерно следующее: «С праздником, бабушка! Мы хотели бы преподнести тебе небольшой подарок. Пожалуйста, не стоит нас благодарить, это не составило для нас никакого труда. Просто небольшая вещица, призванная показать, как мы благодарны тебе за пищу, которую ты приносишь нам каждый день, и крышу над головой, которую ты нам предоставила».

Нет, она подумает, что я издеваюсь. Лучше просто сказать что-нибудь вроде: «С Рождеством, бабушка! Надеемся, что тебе понравится наш подарок. Мы все трудились над ним, даже Кори и Кэрри, и ты можешь сохранить его, чтобы, когда мы уедем отсюда, ты помнила о нас и видела, что мы старались, очень старались быть хорошими».

Увидев, как я протягиваю ей сверток, она сначала ужасно удивилась.

Медленно подняв глаза и храбро посмотрев на нее, я показала ей наш подарок. Я не хотела, чтобы мой взгляд казался умоляющим. Я хотела, чтобы она приняла его и поблагодарила нас, пусть даже холодно. Я хотела,

чтобы сегодня, ложась спать, она думала о нас, о том, что мы не такие уж плохие. Я хотела, чтобы она прочувствовала и оценила всю проделанную нами работу и попыталась заново осмыслить свое отношение к нам.

Ее холодные, презрительные глаза равнодушно взглянули на продолговатую коробочку в красной обертке. На крышке была искусственная зелень и большой серебристый бант, к которому была прикреплена карточка с надписью: «Бабушке от Криса, Кэти, Кори и Кэрри».

Ее каменный взгляд задержался на карточке достаточно долго, чтобы прочесть надпись. Потом она подняла глаза и посмотрела в мои – умоляющие, просящие, ждущие от нее подтверждения того, что мы не порождение зла, чего я так боялась. Потом она перевела взгляд на коробку и молча отвернулась. Не сказав ни слова, она направилась к двери, громко хлопнула ею, выходя из комнаты, и закрыла ключом с другой стороны. Я осталась стоять посреди комнаты, все еще держа в руках продукт долгих часов работы, стремления достичь красоты и совершенства.

Идиоты! Вот кто мы были. Безднадежные глупцы!

Мы никогда не завоюем ее расположения! Она всегда будет считать нас исчадьем сатаны! И с ее точки зрения, мы действительно не существуем.

Мне было больно, трудно даже представить себе, как больно! Боль пронзила меня, как молния, с головы до пят, а сердце превратилось в пустую оболочку, застрявшую в моей охваченной болью груди. Сзади раздавалось тяжелое, учащенное дыхание Криса и всхлипывания близнецов.

Наверное, в этот момент я должна была доказать свою взрослость и быть сдержанной, как мама, у которой я старательно перенимала движения, мимику и манеру говорить. Я делала такие же движения руками и улыбалась такой же медленной, обезоруживающей улыбкой.

И что же я сделала, чтобы продемонстрировать свое умение держать себя в руках?

Я в сердцах бросила сверток на пол и разразилась ругательствами, которые никогда прежде не осмеливалась произносить. Потом я принялась топтать свертки ногами и услышала, как захрустела картонная коробочка. Вне себя от ярости, я вопила, прыгала обеими ногами на злосчастном свертке, доламывая красивую старую раму, которую мы нашли на чердаке, склеили и заново отполировали, пока она не стала выглядеть как новенькая. Я ненавидела Криса за то, что он убедил меня, будто мы можем завоевать симпатию этого каменного изваяния! Я ненавидела маму за то, что она

поставила нас в такое положение. Она должна была лучше знать собственную мать, она могла пойти работать продавщицей в обувном отделе универмага. Вне всякого сомнения, у нее была возможность найти другой выход.

Под моим неистовым натиском рамка превратилась в щепки. Наш труд пропал, пропал навсегда.

– Остановись! – закричал Крис. – Мы можем оставить ее себе!

Хотя он достаточно быстро подскочил ко мне, чтобы предотвратить полное разрушение, наше хрупкое произведение было безвозвратно потеряно. Я стояла, заливаясь слезами.

Потом, горько плача, я наклонилась и начала поднимать с пола шелковых бабочек, стоивших столько усилий Кэрри и Кори. Впоследствии эти бабочки остались у меня на всю жизнь.

Крис крепко обнимал меня руками, а я плакала, слушая, как он пытается по-отечески утешить меня.

– Все в порядке. Не важно, что она сделала. Мы были правы, а она – нет. Мы сделали шаг ей навстречу, а она нас отвергла.

Окруженные подарками, мы молча сидели на полу. Близнецы напряженно смотрели на нас, и в их больших глазах отражались сомнения и нерешительность. Они хотели поиграть с новыми игрушками – и не могли, потому что были нашим зеркальным отражением, в точности копируя не только наши действия, но и чувства. Их вид снова заставил мое сердце тоскливо сжаться. Мне было двенадцать лет. Когда-то нужно начинать вести себя в соответствии со своим возрастом, сдерживать свои чувства, не быть похожим на вот-вот готовую взорваться динамитную шашку.

Мама вошла в нашу комнату, излучая хорошее настроение, и поздравила нас с Рождеством. С собой она несла новые подарки, включая огромный кукольный дом, когда-то принадлежавший ей и ее отвратительной матери.

– Этот подарок не от Санта-Клауса, – сказала она, осторожно опуская дом на пол и тем самым занимая последнее оставшееся свободное пространство. – Это мой подарок Кори и Кэрри.

Она обняла близнецов, поцеловав их в щеки, и объяснила, что теперь они могут играть в семью и приглашать к себе гостей точно так же, как она, когда ей было пять лет.

Если она и заметила, что мы не особенно обрадованы новым подарком, то ничего не сказала. Смеясь и, как всегда, обезоруживающе

улыбаясь, она опустилась на колени и стала рассказывать нам, как она любила играть с этим домом.

– Это очень дорогая вещь, – сказала она, – и если продать ее знающему человеку, можно выручить огромную сумму денег. Одни лишь миниатюрные фарфоровые куколки с двигающимися конечностями фактически бесценны. Их лица раскрашены вручную. Все куклы по масштабу в точности соответствуют дому, так же как и мебель, картины – в общем, все, что в нем находится. Его сделал мастер в Англии. Каждый стул, стол, кровать, лампа, канделябр является точной копией антикварной вещи. Насколько я помню, изготовление дома заняло двенадцать лет. Посмотрите, как открываются и закрываются все двери, как будто они настоящие, – продолжала она, – и мало того, все ящики в столах и трюмо можно выдвигать и задвигать обратно. Письменный стол можно закрыть маленьким ключиком, и взгляните только: некоторые двери отодвигаются и уходят в стены. Такие двери называются «карманными». Я хотела бы, чтобы такие были в нашем доме. Не знаю, почему они вышли из моды. Посмотрите на лепнину на потолке, деревянные панели на стенах в комнате и библиотеке и миниатюрные книги на полках. Хотите верьте, хотите нет, но если бы у вас был микроскоп, вы смогли бы прочитать текст.

Ловкими, привычными пальцами она демонстрировала перед нами все прелести кукольного дома, который могли иметь только дети исключительно богатых людей.

Крис, конечно, сразу же достал одну из книг и поднес ее к глазам, чтобы убедиться, действительно ли шрифт такой мелкий, что его нельзя прочитать без микроскопа (был какой-то особенный вид микроскопа, который он мечтал иметь, а я мечтала подарить ему этот прибор).

Я не могла не изумляться мастерству и терпению, которое понадобилось тому, кто делал всю эту маленькую мебель. В центральном зале дома, построенного в елизаветинском стиле, стоял концертный рояль, покрытый шелковым чехлом с позолотой. На столе, в столовой, красовался букет миниатюрных цветов. На буфете стояла серебряная ваза с очень реалистичными восковыми фруктами. С потолка свешивались настоящие хрустальные канделябры, в них были вставлены настоящие свечи. Слуги стояли в кухне и готовили обед, на всех были фартуки. Лакей приветствовал гостей у парадного входа, одетый в белую ливрею, а в главном зале дамы в роскошных нарядах замерли вокруг бесстрастного джентльмена.

Наверху, в детской, было трое детей. Еще один, совсем маленький, лежал в колыбели. Его руки были вытянуты в разные стороны и, видимо,

могли свободно менять положение.

К задней части дома была сделана пристройка, в которой находилась превосходная карета, а в стойлах рядом были две лошади. Вот это да!

Кто бы мог подумать, что можно делать вещи такими маленькими! Трудно было оторвать глаза от тюлевых занавесок на окнах и вторых, более плотных штор. На обеденном столе была вся необходимая посуда и прочие аксессуары, а серванты в кухне были наполнены кастрюлями и сковородками размером не крупнее большой горошины.

– Кэти, – сказала мама, ласково кладя руку мне на плечо, – посмотри на этот маленький ковер из натурального шелка. Ковер в столовой, по-моему, китайский. – Снова и снова перечисляла она достоинства этой замечательной игрушки.

– Почему он выглядит таким новым, если ему уже столько лет? – спросила я.

По лицу мамы прошла темная тень.

– Когда дом принадлежал моей матери, он был запаян в огромную стеклянную коробку. Ей разрешали смотреть, но дотронуться до него она не могла. Когда он перешел по наследству мне, мой отец взял молоток и разбил стеклянную коробку, разрешив мне играть со всем, что было внутри, – но мне пришлось поклясться на Библии, что я ничего не сломаю.

– И ты поклялась и что-то сломала? – спросил Крис.

– Да, я поклялась, и да, я сломала кое-что, – ответила мама, наклонив голову, чтобы не смотреть нам в глаза. – Раньше здесь была еще одна кукла, красивый молодой человек, и у него оторвалась рука, когда я пыталась снять с него пальто. Меня выпороли не только за то, что я сломала куклу, но и за то, что я хотела взглянуть, что у него под одеждой.

Крис и я молча слушали ее рассказ, но Кэрри выскочила вперед и заинтересовалась маленькими куколками в изящных разноцветных костюмах. Особенно ей понравился ребенок в колыбели. Увидев интерес сестры, Кори тоже придвинулся, чтобы принять участие в рассматривании несметных сокровищ кукольного дома.

И тут мама обратила внимание на меня:

– Что с тобой, Кэти? Почему ты такая расстроенная? Тебе не нравятся подарки?

Я не могла ответить, и Крис пришел мне на помощь:

– Все из-за того, что бабушка отказалась принимать подарок, который мы для нее сделали.

Мама потрепала меня по плечу, избегая смотреть мне в глаза. Крис продолжал:

– Спасибо тебе за все, ты ни о чем не забыла напомнить Санта-Клаусу. Большое спасибо за кукольный дом. Думаю, что эта игрушка понравится близнецам больше всего.

Я взглянула на два трехколесных велосипеда, на которых близнецы могли кататься на чердаке и развивать свои слабые, исхудалые ноги. Рядом с ними стояли роликовые коньки, на которых мы с Крисом могли кататься только в чердачной классной комнате, где стены были покрыты дополнительной штукатуркой, а пол сделан из более плотных досок для лучшей звукоизоляции.

Мама поднялась с колен и, загадочно улыбнувшись, оставила комнату, пообещав вернуться через несколько секунд. Она снова появилась в дверях с лучшим из всех подарков – маленьким портативным телевизором.

– Мой отец подарил его мне для спальни, и я сразу поняла, кому он пригодится больше всего. Теперь у вас есть настоящее окно в мир.

Эти слова немедленно вселили в меня новую надежду, как будто у меня выросли крылья!

– Мама, – воскликнула я, – твой отец подарил тебе такую дорогую вещь? Значит, он снова любит тебя? Он простил тебе твой брак с папой? Когда мы сможем спуститься вниз?

Ее голубые глаза снова затуманились тревогой и беспокойством, и она уже более тускло ответила, что ее отец действительно изменил отношение к ней, простив ей «преступление в глазах Бога и общества». Ее следующая фраза, однако, заставила мое сердце радостно затрепетать.

– На следующей неделе адвокат моего отца впишет меня обратно в завещание. Отец собирается оставить мне все, даже этот дом будет моим после смерти моей матери. Он не планирует оставить мне ее часть состояния, потому что эти деньги принадлежат ей, она унаследовала их от своих родителей.

Деньги... Они меня нисколько не заботили. Единственным моим желанием было вырваться отсюда! Неожиданно я почувствовала себя необыкновенно счастливой – настолько, что повисла на шее у мамы и расцеловала ее в обе щеки. Боже мой, этот день оказался самым лучшим с тех пор, как мы вошли в этот дом... Тут я вспомнила, что мама не сказала, сможем ли мы спуститься вниз. Но все равно это был шаг на пути к свободе.

Мама села на кровать и улынулась нам одними губами. Глаза остались серьезными. Она рассмеялась несколькими шуткам, сказанным мной и Крисом, но смех был резким и как будто не принадлежал ей.

– Да, Кэти, я стала послушной, прилежной дочерью, какой хотел меня

видеть твой дедушка. Он говорит – я повинуюсь. Он приказывает – я вскакиваю по стойке «смирно». В конце концов я сумела удовлетворить его. – Она неожиданно замолчала и посмотрела на бледный свет, просачивающийся через шторы. – Удовлетворить настолько, что сегодня он устраивает прием, чтобы заново представить меня своим друзьям и местному обществу. Это должно быть грандиозное событие, потому что мои родители привыкли развлекаться на широкую ногу. Они не пьют спиртного, но не возражают, если его пьют при них те, кто не боится ада. Поэтому на приеме будет алкоголь и, кроме того, будет небольшой танцевальный оркестр.

Прием! Рождественский прием! С танцевальным оркестром! Да еще и со спиртным! И маму наконец напишут в завещание. Будет ли еще подобный счастливый день в нашей жизни?

– Можно нам посмотреть? – почти одновременно закричали мы с Крисом. – Мы будем сидеть тихо, как мышки.

– Пожалуйста, мама, мы так давно не видели людей и никогда не были на рождественских вечеринках.

Мы умоляли ее так долго, что в конце концов она сдалась. Взяв нас с Кристофером за плечи, она отвела нас в угол, где близнецы не могли подслушать, и прошептала:

– Есть одно место, где вы вдвоем сможете спрятаться и наблюдать, но брать с собой близнецов будет слишком рискованно. Во-первых, они слишком маленькие, чтобы положиться на них, и вы прекрасно знаете, что они не могут усидеть на месте более двух секунд, а Кэрри может забыться и крикнуть что-нибудь от удовольствия и привлечь всеобщее внимание. Поэтому дайте мне честное слово, что не скажете им.

Мы обещали. Конечно, мы никогда не сказали бы им и без всякого честного слова. Мы любили наших малышей и не стали бы ранить их чувства.

После того как мама ушла, мы спели несколько рождественских песенок, и день в общем и целом прошел достаточно хорошо, хотя в корзине для пикника мы не обнаружили ничего особенного: сэндвичи с ветчиной, очень нелюбимые близнецами, и холодные, с кусочками льда, ломтики индейки. Остатки обеда, приготовленного на День благодарения.

Вечер наступил быстро. Я сидела и задумчиво смотрела, как Кэрри и Кори играют с кукольным домиком, его фарфоровыми жителями и бесценной миниатюрной мебелью.

Забавно, сколько всего могли поведать эти искусственные люди о своих бывших хозяевах. Сначала они принадлежали одной маленькой

девочке, которая не могла к ним притронуться и которой разрешалось только смотреть на них через стекло. А потом другая маленькая девочка стала хозяйкой их дома, и стекло было разбито, чтобы она могла прикасаться к предметам внутри – под страхом наказания в случае, если что-то сломает.

Внезапно я с внутренней дрожью подумала о том, что произойдет, если Кэрри или Кори сломают какую-нибудь из этих бесценных безделушек и каково будет их наказание.

Я положила в рот кусочек шоколада и постаралась подсластить горечь своих мыслей, сосредоточившись на его вкусе.

Рождественский прием

Верная своему слову, мама проскользнула в нашу комнату вскоре после того, как близнецы крепко уснули. Она была так красива, что я затаила дыхание от восхищения, к которому примешивалась зависть. Ее длинное вечернее платье состояло из тонкой шифоновой юбки зеленого цвета и более темного бархатного корсажа с глубоким декольте. Под ниспадающими, подобно волнам, шифоновыми складками поблескивали тонкие подвязки. В ушах у мамы были длинные сверкающие серьги с бриллиантами и изумрудами. Запах ее духов напоминал благоуханный сад в лунную ночь где-нибудь на Востоке. Неудивительно, что Крис смотрел на нее, не отводя глаз. Я печально вздохнула: «Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы я когда-нибудь выглядела как она. Пусть у меня будут такие же изгибы и выпуклости, которые восхищают мужчин».

При каждом шаге разделенные разрезом половины юбки взлетали вверх, как крылья. Мама вывела нас из нашего забитого вещами, мрачного обиталища – впервые за все время, что мы в нем жили. Мы на цыпочках шли по широким темным коридорам северной части дома, и поблескивание серебряных бальных туфель мамы указывало нам путь.

– Есть одно место, где я пряталась, когда была маленькой и смотрела на взрослые вечеринки, так чтобы родители меня не заметили. Вам двоим там будет тесновато, но это единственная возможность увидеть все, оставаясь незамеченными. Обещайте мне еще раз, что будете сидеть тихо, как мышки, а если вам захочется спать, постарайтесь незаметно проскользнуть в комнату.

Потом она еще раз попросила нас не увлекаться и не смотреть больше часа, потому что близнецы могут испугаться, если проснутся одни. Тогда есть опасность, что в поисках нас они выйдут в коридор, и один только Бог знает, что произойдет.

Мы затаились внутри массивной тумбы, темной и продолговатой, с дверцами внизу. Было неудобно и очень душно, но зато через заднюю стенку, выполненную из прозрачного материала, мы хорошо видели все, что происходило внизу.

Мама тихо удалилась.

Под нами был огромный, слоновьих размеров зал, ярко освещенный свечами, горящими в ячейках неправдоподобно большой люстры из золота и хрусталя. Потолок был таким высоким, что его не было видно. Ни разу в

жизни мне не приходилось видеть такого количества одновременно зажженных свечей. Их запах и мерцание тысяч язычков пламени, преломляющееся в хрустальных призмах, рассеивающих и отражающих лучи света, делали всю сцену похожей на сон или, скорее, кадр из фильма, удивительно яркий, светлый и насыщенный, как сцена бала, где Золушка встречается с принцем.

Сотни богато одетых людей передвигались по всему помещению, смеясь и разговаривая. В углу стояла рождественская елка, от которой невозможно было оторвать глаз. Она тоже была гигантской, наверное, больше двадцати футов в высоту, и сияла золотистыми огнями и разноцветными украшениями.

Многочисленные слуги в черно-красных ливреях ходили взад и вперед с серебряными подносами, на которых лежали изысканные лакомства. Иногда они ставили подносы на длинные столы, на одном из которых был установлен большой хрустальный фонтан. Из него била струя янтарной жидкости и падала в серебряный бассейн. Мужчины и женщины подходили к фонтану с бокалами на длинных тонких ножках и наполняли их сверкающей жидкостью. Невдалеке стояли еще две серебряные чаши с пуншем, в них можно было искупать средних размеров ребенка. Это было красиво, величественно, захватывающе. Было приятно сознавать, что за стенами нашей темницы бьет ключом веселая, счастливая жизнь.

– Кэти, – прошептал мне на ухо Крис, – я готов отдать душу дьяволу за один глоток из этого хрустального фонтана.

Он читал мои мысли.

Никогда еще я не чувствовала такого голода, жажды и собственной отверженности. И в то же время мы были зачарованы и ослеплены всем этим великолепием, наглядной демонстрацией того, на что способны большие деньги. Пол, на котором танцевали пары, был выложен узорным паркетом, наощенным до такой степени, что отражал свет люстр, как зеркало. На стенах висели громадные зеркала в золотых рамках, отражая в себе танцующих. Трудно было отличить настоящих людей от их зеркальных двойников. На стульях и диванах, стоящих вдоль стен, сияла позолота, а обивка была сделана из красного бархата или белой парчи. Вне всякого сомнения, они были французскими – эпохи Людовика XIV или XV. Боже, какая изысканность!

Мы с Крисом разглядывали кружащиеся в танце пары, особенно если оба партнера были молодыми и красивыми, и отпускали замечания по поводу их одежды и причесок, пытаясь угадать, в каких отношениях они друг с другом. Но больше всего наши взгляды были, конечно, прикованы к

маме, которая находилась в центре внимания всего зала. Чаще всего она танцевала с высоким и симпатичным темноволосым мужчиной с большими усами. Именно он принес ей фужер на подставке и тарелку с закусками, и они сели отдохнуть на бархатную кушетку, как мне показалось, слишком близко друг к другу. Я быстро отвела от них взгляд и стала рассматривать трех поваров, все еще готовивших нечто напоминающее блины, а также маленькие колбаски с начинкой. Аромат достиг наших ноздрей, и наши слюнные железы усиленно заработали.

Наши трапезы были скучны и монотонны: сэндвичи, супы и вечная жареная курица с картофельным салатом. Внизу, под нами, полчища истинных гурманов вкушали деликатесы. Им пищу подавали горячей, а нашу трудно было назвать даже теплой. Молоко мы держали на ступеньках лестницы, ведущей на чердак, чтобы оно не скисло, и иногда находили на нем корочку льда. Если мы ставили туда и нашу корзинку, то к ней подкрадывались мыши и оставляли на продуктах следы своих зубов.

Время от времени мама исчезала вместе с этим мужчиной. Куда они уходили и что делали? Может, они целовались? Может, мама была влюблена? Даже со своего места, находящегося достаточно далеко, я видела, что мужчина явно увлечен мамой. Он не мог оторвать глаз от ее лица или удержаться от того, чтобы не прикасаться к ней. А когда они танцевали под медленную музыку, он прижимался к ней щекой. Когда танец заканчивался, он продолжал обнимать ее за плечи или талию и однажды даже позволил себе дотронуться до ее груди!

Я думала, что на сей раз она не оставит это безнаказанным и вмажет ему по смазливому лицу; я бы обязательно это сделала. Но она лишь засмеялась и слегка оттолкнула его, произнеся что-то. По всей видимости, попросила не делать этого на публике. А он улыбнулся, взял ее руку и поднес к своим губам, посмотрев ей в глаза долгим и значительным взглядом, или, по крайней мере, мне так показалось.

– Крис, ты видишь маму с этим человеком?

– Конечно вижу. Он такой же высокий, как папа.

– Ты видел, что он только что сделал?

– Они едят и пьют, разговаривают, смеются и танцуют, как и все остальные. Кэти, ты только представь себе, ведь, когда мама унаследует все эти деньги, мы сможем устраивать на Рождество такие же приемы, и на наши дни рождения тоже. Да что там, возможно, у нас будут те же самые гости, которых мы видим сейчас. А кроме того, мы пошлем приглашения нашим друзьям из Гладстона. Вот они удивятся!

В этот момент мама и ее кавалер встали с кушетки и ушли. Мы

перевели взгляд на вторую по привлекательности женщину и пожалели ее, потому что как она могла сравниться с нашей мамой?

Потом в зале появилась наша бабушка, не улыбаясь и глядя прямо перед собой. Ее платье на этот раз не было серым – одного этого было достаточно, чтобы у нас глаза на лоб полезли. Ее длинное вечернее платье было из рубиново-красного бархата, плотно облегающее спереди и более свободное сзади. Волосы были собраны в высокую прическу и тщательно завиты, рубины и бриллианты сверкали на шее, в ушах и на пальцах. Кто, глядя на нее, мог подумать, что эта внушительная, эффектная женщина была нашей злобной бабушкой, чей ненавидящий взгляд мы чувствовали на себе каждый день?

Шепотом обмениваясь мнениями, мы с неохотой признали, что она выглядит великолепно:

- Она эффектна!
- Да, впечатляет. Похожа на амазонку, правда крупновата.
- Злую амазонку.
- Да, такую женщину-воина, готовую сражаться с врагами даже своим взглядом. Пожалуй, другого оружия ей и не понадобится.

И тут мы увидели его. Нашего загадочного дедушку.

У меня перехватило дыхание, когда, взглянув вниз, я увидела, как он похож на отца, если бы тот прожил достаточно долго, чтобы состариться и одряхлеть. Он сидел в кресле на колесах с огромным количеством никелированных деталей и был одет в смокинг и накрахмаленную белую рубашку с черной оторочкой. Его редющие светлые волосы были во многих местах седыми и отливали серебром, но на лице морщин не было заметно. Изумленные и заинтересованные, мы не могли оторвать от него взгляд.

Он выглядел хрупким и в то же время неестественно красивым для мужчины шестидесяти семи лет, да к тому же без пяти минут покойника. Неожиданно, к нашему испугу, он поднял голову и посмотрел вверх, прямо на нас. На короткий, ужасный миг нам показалось, что он знает о нашем присутствии за тонкой перегородкой над его головой. На его губах играла слабая улыбка. О боже, что она могла означать?

Все же он не выглядел таким бессердечным, как наша бабушка. Неужели он и впрямь был тем жестоким, холодным тираном, которым нам всегда представлялся? Судя по добрым, нежным улыбкам, обращенным ко всем, кто подходил приветствовать его, пожать руку или по-приятельски похлопать по плечу, это был обыкновенный старик в кресле на колесах, не выглядящий особенно больным. Но этот человек приказал высечь нашу

маму и смотрел, как наказание приводилось в исполнение. Как мы могли простить его за это?

– Я не знала, что он так похож на папу, – прошептала я Крису.

– Почему? Папа был его единокровным братом. Дедушка уже был взрослым человеком, женился и имел двух сыновей, когда папа только родился.

Итак, перед нами был Малькольм Нейл Фоксворт, вышвырнувший из дома свою молодую мачеху и ее маленького ребенка.

Бедная мама. Как мы могли обвинять ее за то, что она влюбилась в своего дядю, такого молодого и обаятельного? С подобными родителями ей действительно должно было недоставать любви и понимания, взаимной любви и взаимного понимания, и оба они не могли не любить: ни он, ни она.

Любовь не спрашивает разрешения. Нельзя влюбиться по собственному желанию: стрелы Купидона не выбирают мишени. Так мы с Кристофером пытались объяснить все друг другу.

Неожиданно в коридоре послышались шаги и голоса двух людей, приближающихся к нам.

– Коррина совсем не изменилась, – сказал невидимый мужчина. – Только стала еще красивее и загадочнее. Очень интригующая женщина.

– Ха! Это потому, что она тебя всегда интересовала, Эл, – ответила его спутница. – Тебе не повезло, что ее глаз упал не на тебя, а на Кристофера Фоксворта. Это был действительно замечательный человек. Но я удивлена, что эти ограниченные ханжи позволили себе простить ее за брак с дядей.

– А что еще они могли сделать? Когда из трех детей в живых остается один, приходится принять его обратно под крыло.

– Разве не странно, что все так вышло? – спросила женщина, голос которой был низким и грудным – вероятно, она слишком налегала на спиртное. – Трое детей... и самая презренная, нелюбимая становится наследницей всего состояния.

Подвыпивший мужчина не согласился:

– Коррина не всегда была так презираема. Помнишь, как старик когда-то восхищался ею? В его глазах она была всегда права, пока не сбежала с Кристофером. Зато эта старая карга, ее мать, терпеть не могла свою дочь. Но однако, какая сладкая, спелая вишня свалилась в руки Бартоломью Уинслоу. Ах, если бы она досталась мне! – мечтательно произнес он.

– Еще бы! – саркастически фыркнула женщина и, судя по звуку, поставила на тумбу стакан со льдом. – Красивая, молодая, богатая женщина – предмет вождения любого мало-мальски уважающего себя мужчины. К

сожалению, для бездельника вроде тебя, Альберт Донн, эта мечта навсегда останется несбыточной. Коррина Фоксворт не обратила бы на тебя внимания, даже когда ты был молод, не то что сейчас. Кроме того, у тебя есть я.

Продолжая пререкаться, пара удалилась из пределов слуховой досягаемости. В течение следующих нескольких часов к нам приближались и удалялись другие голоса.

Мы начали уставать от этого затянувшегося зрелища и были не прочь воспользоваться туалетом. Кроме того, нас беспокоили близнецы, оставленные нами одни в комнате. Что, если кто-то из гостей вздумает зайти в запретную комнату и увидит спящих двойняшек? Тогда все вокруг, включая дедушку, узнают, что у нашей мамы четверо детей.

Вокруг нашей пряталки собралась целая толпа смеющихся, болтающих и поющих гостей. Простояв там, как мне показалось, целую вечность, они наконец разбрелись, давая нам возможность осторожно открыть дверцу и уйти. Не видя вокруг ни души, мы быстро прошмыгнули в коридор, ведущий к нашей комнате. Тяжело дыша, с готовыми взорваться от напряжения мочевыми пузырями, мы достигли нашего тихого, забитого всевозможным хламом убежища.

Близнецы спали в отдельных кроватях так же крепко, как когда мы их оставили. Они казались еще более одинаковыми, чем всегда: бледные, истощенные куколочки... как дети в далеком прошлом, которых мы видели на картинках в учебниках истории. Совсем не похожие на современных детей, какими когда-то были. И еще станут, поклялась я!

Войдя в комнату, мы немедленно начали оспаривать друг у друга право на посещение туалета первым, но быстро пришли к «консенсусу». Крис просто толкнул меня на кровать и закрыл за собой на крючок дверь ванной. Я сгорала от нетерпения, пока он целую вечность опустошал мочевой пузырь. Как в нем столько могло поместиться?

Удовлетворив естественные потребности, но по инерции продолжая пререкаться, мы постепенно перешли к обсуждению того, что нам удалось увидеть и услышать.

– Как ты думаешь, мама собирается выйти замуж за этого Бартоломью Уинслоу? – спросила я, чувствуя, что мои постоянные страхи оказались не такими уж беспочвенными.

– Откуда я знаю? – небрежно ответил Крис. – Хотя, по-моему, все думают именно так, а эти люди, наверное, лучше знают маму с этой стороны, чем мы.

Какая ерунда. Разве мы, ее дети, не должны знать нашу маму лучше,

чем кто угодно другой?

– Зачем ты так говоришь, Крис?

– Как?

– Почему ты сказал, что кто-то может знать ее лучше нас?

– Человек многосторонен, Кэти. Для нас наша мать – это наша мать. Для других – это красивая, сексуальная молодая вдова, которая вскоре унаследует огромное состояние. Неудивительно, что мотыльки начинают слетаться на свет.

Вот это да! И он может говорить обо всем этом так небрежно, как будто это не имеет для него никакого значения. Внутренне, правда, он наверняка очень переживал, точно так же, как и я, поскольку я знала, что он не хочет, чтобы наша мама снова выходила замуж. Внимательно посмотрев на него, я с облегчением убедилась в правильности своей догадки.

Однако, со вздохом подумала я, мне не помешало бы иметь хоть немного его оптимизма. Я всегда была склонна думать, что жизнь поставит меня между Сциллой и Харибдой и принудит ходить по лезвию ножа. Да, было бы здорово полностью переделать себя и стать такой же, каким был мой брат: всегда довольной и с уверенностью смотрящей в завтрашний день. Мне следовало бы научиться скрывать свои чувства, как это делал он. Мне стоило бы научиться никогда не хмуриться, сохранять на лице постоянную улыбку и не стараться заглядывать в будущее.

Мы уже не раз говорили о перспективе нового замужества мамы и пришли к выводу, что не хотим этого. Мы подспудно полагали, что она все еще принадлежит отцу, мы хотели, чтобы она оставалась верна памяти о нем и о своей первой любви. Если она снова выйдет замуж, найдется ли в ее сердце место для нас четверых? Захочет ли этот Уинслоу, с его привлекательным лицом и большими усами, содержать в своем доме четверых чужих детей?

– Кэти, – подумал вслух Крис, – а не кажется ли тебе, что у нас есть прекрасная возможность исследовать этот дом? Наша дверь не заперта, бабушка и дедушка заняты гостями внизу. Мама тоже. Отличное время, чтобы вывести что-нибудь о доме, в котором нас заточили.

– Нет! – испуганно воскликнула я. – Представь себе, что будет, если бабушка узнает? Она с тебя семь шкур спустит.

– Тогда оставайся с близнецами, – сказал он с удивившей меня твердостью. – Если меня поймут, что вранье, я понесу наказание и возьму на себя всю вину. Подумай о том, что когда-нибудь нам может понадобиться убежать отсюда, а мы не будем знать как. – Он весело улыбнулся. – Так или иначе, я собираюсь переодеться. На всякий случай.

Переодеться? Как?

Но я забыла о скопище старой одежды на чердаке. Крис пробыл там несколько минут и вернулся в старомодном черном костюме, который почти подошел ему по размеру. Для своего возраста Крис был высоким и крупным. На свою светловолосую голову он надел бесформенный черный парик, найденный в одном из сундуков. При скудном освещении его вполне можно было принять за невысокого мужчину – нелепого, смешного коротышку.

Он с гордостью прошелся передо мной взад и вперед. Потом встал в вальяжную позу и сделал вид, что курит невидимую сигару, как комик Граучо Маркс, подошел ко мне и с самодовольной улыбкой отвесил глубокий поклон, широким взмахом руки снимая невидимую шляпу. Мы вместе рассмеялись, и он, выпрямившись, произнес:

– А теперь скажи мне правду. Кто поверит, что этот мрачный темноволосый мужчина принадлежит к клану Фоксвортов?

Никто! В самом деле, кто хоть раз видел такого Фоксворта? Неуклюжего, тощего, с болтающимися конечностями, правильными чертами лица и черным птичьим гнездом вместо волос, да к тому же с неровно нарисованными карандашом усами. Ни одна из фотографий на чердаке не была даже отдаленно похожа на это самонадеянное создание.

– О'кей, Крис. Представление окончено. Иди узнай все, что сможешь, но не оставайся там слишком долго. Мне будет не хватать тебя.

Он наклонился к самому моему уху и театральным шепотом пообещал:

– Я скоро вернусь, моя красавица, и принесу с собой мрачные секреты этого огромного-преогромного и старого-престарого дома. – И неожиданно удивил меня, чмокнув в щеку.

Секреты? Какие секреты? И он еще говорит о моей склонности к преувеличениям! Разве он не понял, что единственные секреты здесь – мы?

Я уже приняла ванну и вымыла голову, и, конечно, в рождественскую ночь я не могла надеть вчерашнюю ночную рубашку, тем более что «Санта» подарил мне несколько новых. Я остановилась на прекрасной рубашке с длинными рукавами, присобранными на запястьях и отделанными голубой атласной лентой, с оборками на лифе спереди и сзади. Ткань была с узором из вышитых на ней роз с зелеными листьями. Надев эту изящную сорочку, я почувствовала себя изящной, утонченной и невероятно красивой.

Поэтому, когда перед уходом Крис окинул меня взглядом с головы до пальцев моих босых ног, едва виднеющихся из-под подола сорочки, в его

глазах читалось нечто, чего я в нем раньше не замечала, а он не вкладывал в свои взгляды. Он посмотрел на мое лицо, на каскады волос, ниспадающих до пояса и даже ниже, – я знала, что они блестят, потому что я каждый день их причесывала щеткой. Он был целиком под впечатлением от этого зрелища и стоял будто ослепленный – точно так же он пялился на пышный мамин бюст.

И неудивительно, что он добровольно поцеловал меня: я была похожа на принцессу.

Стоя в дверях, он помедлил, еще раз взглянул на меня в ночной рубашке, и, думаю, ему очень понравилось изображать благородного рыцаря, защищающего прекрасную даму, спящих детей и всех, кто полагался на его силу и мужество.

– Береги себя, пока я не вернусь, – прошептал он.

– Кристофер, – прошептала я в ответ, – тебе не хватает только щита и белой лошади.

– Нет, – снова прошептал он, – и единорога, и копы с нанизанной на него головой дракона, и вот я прискачу назад в сияющих белых доспехах, когда метели начнутся в августе, а солнце будет в центре неба, и когда я сойду с лошади, ты увидишь, что мой рост двенадцать футов, поэтому говори со мной уважительно, леди Катерина.

– Да, мой господин. Иди и покончи с драконом, но поспеши, ибо меня терзает одиночество в моем замке, где все мосты подняты и решетки опущены.

– Прощай, – прошептал он, – и не бойся. Вскоре я вернусь, и ты снова будешь в безопасности.

Я захихикала и забралась в кровать рядом с Кэрри. Сон долго не приходил ко мне в эту ночь. Я думала о маме и о том мужчине, о Крисе и обо всех мальчишках и мужчинах, о романтике и о любви. Незаметно для себя я заснула, и сквозь сон до меня еще долго доносились звуки музыки снизу. Перед тем как окончательно погрузиться в сновидения, я дотянулась до своего колечка с гранатом в форме сердца. Кольцо уже давно не налезал на палец. Папа подарил его, когда мне было семь лет, и теперь я носила его на золотой цепочке как талисман.

С Рождеством, папа!

Исследования Криса и их последствия

Внезапно чьи-то твердые, жесткие руки грубо схватили меня за плечи и начали трясти, чтобы разбудить. Испуганная и очумевшая от неожиданности, я напрягла зрение и с трудом узнала в стоящей передо мной женщине маму. Она сверкала на меня глазами и раздраженно требовала ответа на вопрос:

– Где твой брат?!

Пораженная ее видом и поведением, я отпрянула от нее и взглянула на соседнюю кровать. Пусто.

У меня в голове пронеслось: должна ли я солгать, сказать, что он на чердаке? Нет, это наша мама. Она любит нас и все поймет.

– Кристофер хотел посмотреть комнаты на этом этаже, – сказала я.

В конце концов, честность – лучшая политика. Самая мудрая. И потом, мы никогда не врали ни матери, ни друг другу. Только бабушке, когда это было необходимо.

– Черт, черт, черт! – закричала мама в бешенстве, ее лицо налилось краской гнева.

Теперь гнев был направлен на меня. Конечно же ее драгоценный старший сын, которого она любила больше всех, не предал бы ее без моего дьявольского влияния. Она трясла меня до тех пор, пока я не почувствовала себя тряпичной куклой и мои глаза не стали смотреть в разные стороны.

– За одно это я никогда, ни по какому особому случаю не разрешу тебе и Кристоферу выходить из этой комнаты: вы оба дали слово и нарушили его. Как я теперь могу доверять вам? Я думала, что могу. Я думала, что вы любите меня и никогда не предадите!

Мои глаза расширились еще больше. Каким образом мы ее предали? Ее поведение шокировало меня. Мне казалось, что это она предает нас.

– Мама, мы не сделали ничего плохого. Мы очень тихо сидели под столом. Люди приходили и уходили, но никто не знал, что мы там. Мы вели себя тихо. И как ты можешь говорить, что не выпустишь нас отсюда? Рано или поздно тебе придется это сделать. Не можешь же ты вечно держать нас взаперти.

Она уставилась на меня со странным, затравленным выражением на лице и ничего не ответила. Мне показалось, что она хочет ударить меня, но она отпустила мои плечи и развернулась, чтобы выйти из комнаты. Складки ее юбки затрепетали, как крылья, разнося по всей комнате цветочный запах

духов, плохо сочетающийся с ее поведением.

Как раз когда она собиралась выйти, наверное чтобы самой поймать Криса, дверь открылась, и мой брат на цыпочках вошел в комнату. Он прикрыл дверь, повернулся и взглянул в мою сторону. Его губы уже зашевелились, чтобы что-то произнести. И тут он увидел маму, и его лицо преобразилось.

Почему-то его глаза не загорелись радостью, как обычно при виде ее.

Быстро и целеустремленно мама подошла к нему и с размаху влепила звонкую пощечину! Прежде чем он успел оправиться от шока, она нанесла удар по другой щеке со всей силой, на какую была способна в гневе.

Теперь на побледневшем лице Криса с обеих сторон горели большие красные пятна.

– Еще раз сделаешь что-нибудь подобное, Кристофер Фоксворт, – и я сама выпорю не только тебя, но и Кэти.

Лицо Криса, и без того бледное, совсем побелело, красные пятна горели на щеках, как размазанная кровь.

Я почувствовала, что у меня самой кровь отливает от лица и душа уходит в пятки. В ушах стоял непонятный звон. Я уставилась на эту женщину, чужую, незнакомую, с которой я не испытывала никакого желания познакомиться. Неужели это наша мама, в чьем голосе всегда звучала доброта и любовь? Неужели это она, так сочувствовавшая нам в нашем вынужденном заключении? Может быть, этот дом начал влиять на нее? И тут меня осенило. Да, мало-помалу накапливавшиеся в ней изменения дали о себе знать. Количество перешло в качество. Она приходила к нам уже не так часто, как раньше, не каждый день и уж давно не два раза в день, как вначале. И я вдруг ужасно испугалась – так бывает, когда почва уходит у тебя из-под ног, когда тебя предает кто-то любимый и пользующийся доверием.

Она, видимо, обратила внимание на состояние Криса, и ее гнев улетучился. Она привлекла его к себе и, пытаясь загладить свою грубость, покрыла быстрыми поцелуями его лицо, на котором уже пробивалась первая юношеская поросль. Целуя его, перебирая пальцами его волосы, она прижимала его лицом к своей полной груди, что должно было возбудить даже мальчика его нежного возраста.

– Извини, мой любимый, – со слезами в глазах и в голосе шептала она, – прости меня, пожалуйста, прости. Не пугайся. Как ты можешь меня бояться? Я не так выразилась... я вовсе не хотела вас наказывать. Ведь я вас так люблю. И вы должны это знать. Я никогда бы не сделала этого ни с тобой, ни с Кэти. Разве я когда-нибудь позволяла себе такое? Сейчас я

немного волнуюсь, потому что все идет по плану, как я хотела, как все мы хотели. Я испугалась, что все может рухнуть, и поэтому ударила тебя.

Она взяла его лицо в ладони и поцеловала в губы, немного выпяченные оттого, что она сжала его щеки. Изумруды и бриллианты все вспыхивали и вспыхивали. Сигнальные огоньки, значения которых я была не в силах расшифровать. Я не знала, что именно чувствовала в этот момент, – здесь было и смущение, и изумление. Но главное, я ощущала себя очень, очень юной. А мир вокруг меня был непередаваемо старым и мудрым.

Конечно, он простил ее, как, впрочем, и я. И конечно, мы хотели узнать, что все идет так, как она и все мы желали.

– Пожалуйста, мама, расскажи нам, пожалуйста!

– В следующий раз, – сказала мама, торопясь вернуться на вечеринку, пока никто не заметил ее отсутствия.

Она еще раз расцеловала всех нас. И тогда я подумала, что еще никогда не касалась щекой ее груди.

– В другой раз, может быть завтра, я вам расскажу все, – говорила она, снова и снова успокаивая нас, пытаясь снять наше раздражение. Она наклонилась и поцеловала Кэрри, а затем Кори. – Ты простил меня, Кристофер?

– Да, мама, я понимаю, мама. Нам нужно было оставаться в этой комнате. Эти исследования были дурацкой затеей.

Она улыбнулась, проговорив:

– Счастливого Рождества, скоро увидимся, – и исчезла за дверью.

Мы услышали, как она закрывает ее с другой стороны на замок.

Наше первое Рождество взаперти кончилось. Часы в коридоре пробили час. Наша комната была наполнена подарками, среди них – телевизор, шахматы, о которых мы отдельно просили, красный и синий трехколесные велосипеды, новая одежда, теплая и красивая, и множество сладостей. Кроме того, мы с Крисом побывали на великолепном торжестве. В то же время что-то новое вошло в нашу жизнь. Нам с новой, неожиданной стороны открылась наша мама. Такой мы ее еще никогда не видели. На какой-то миг она стала точной копией бабушки.

Мы лежали на кровати: я посередине, Крис и Кэрри по сторонам от меня. Крис пахнул не так, как я. Моя голова лежала на его мальчишеской груди. Он сильно потерял в весе и похудел. Я слышала, как его сердце бьется в ритм с музыкой, все еще доносящейся до наших ушей. Он перебирал мои волосы, накручивая на пальцы отдельные локоны и отпуская их.

– Крис, быть взрослым ужасно трудно, правда?

– Надо полагать...

– Я всегда думала, что взрослые знают, как себя вести в любой ситуации. Мне казалось, что они никогда не сомневаются, знают выход из любого положения. Я не думала, что они приходят в такое замешательство, точно так же, как и мы.

– Если ты о маме, то она не хотела говорить и делать ничего такого. Я думаю, хотя и не уверен в этом до конца, что, когда ты уже взрослый и возвращаешься домой, чтобы жить с родителями, по непонятной причине ты как бы снова становишься ребенком и чувствуешь свою зависимость. Мы тянем ее в одну сторону, а родители – в другую. А теперь еще этот ее усатый кавалер.

– Я надеюсь, что она больше не выйдет замуж! Она нужна нам гораздо больше, чем этому мужчине.

Крис ничего не ответил.

– А этот телевизор, который она нам принесла. Она ждала, пока отец подарит его ей, хотя могла сама уже давно купить его вместо приобретения этих бесконечных нарядов. А украшения! На ней все время новые кольца, браслеты, серьги.

Крис задумался, но тут же изобрел оправдание:

– Давай посмотрим на это с другой стороны, Кэти. Если бы она подарила нам этот телевизор в первые же дни, мы бы все время сидели, уставившись в него. Тогда мы не создали бы на чердаке сад для близнецов. Нам не пришлось бы ничего делать, только сидеть и смотреть. А подумай, как много мы узнали за все это время: научились делать цветы и животных. Теперь я рисую гораздо лучше, чем когда я приехал сюда. Я уже не говорю о книгах, которые мы смогли прочесть! И ты, Кэти, ты очень изменилась.

– Как? Как я изменилась? Скажи.

Он беспомощно помотал головой на подушке, отказываясь отвечать.

– Хорошо. Можешь не говорить мне комплиментов. Но пока ты не перешел на свою кровать, расскажи мне все, что ты узнал, в подробностях. Не упускай ничего, даже то, что ты при этом думал. Я хочу представить все так же живо, как если бы я была там с тобой.

Крис повернул голову, и наши глаза встретились. Станным, изменившимся голосом он произнес:

– Ты действительно была там рядом со мной. Я чувствовал, как ты держала меня за руку, шептала мне на ухо, и я старался рассмотреть каждую мелочь.

Гигантский дом, которым управлял старый, больной людоед, произвел

на него угнетающее впечатление. Это ощущалось по его голосу.

– Это ужасно большой дом, Кэти. Как отель. Я проходил по бесконечным комнатам, обставленным дорогой мебелью и прочими вещами, которые, уверен, никогда не использовались. На одном лишь нашем этаже я насчитал четырнадцать комнат и думаю, что пропустил несколько маленьких.

– Крис! – воскликнула я разочарованно. – Не надо рассказывать мне обо всем в таком повествовательном духе. Сделай так, чтобы я ощущала себя там, с тобой. Начни сначала, с той секунды, когда ты исчез за дверью!

– Ну что ж! – нехотя, со вздохом, сказал он. – Я крался по темному коридору в сторону центральной ротонды, где мы прятались в тумбе на балконе. Я не хотел тратить время на изучение комнат в этом, северном крыле. Приблизившись к цели, я стал вдвойне осторожным, ведь теперь люди могли заметить меня. Вечеринка приближалась к кульминации. Шум голосов стал намного громче, И, как мне показалось, все уже изрядно набрались. Какой-то мужской голос запел дурашливую песенку о том, что ему не хватает двух передних зубов. Мне стало так смешно, что я подкрался к балюстраде и посмотрел вниз. Они выглядели какими-то странными, укороченными, и я еще подумал, что мне следует это запомнить, когда я буду рисовать фигуры людей в таком ракурсе, чтобы они выглядели естественными. Перспектива для живописи – самое важное.

«Самое важное не только в живописи», – подумала я.

– Конечно, прежде всего я искал маму, – продолжал Крис, понуждаемый моими нетерпеливыми замечаниями, – но из всех людей, что копошились внизу, мне удалось узнать лишь бабушку и дедушку. Дедушка, видимо, начал уставать, и вскоре я заметил, как к нему подошла медсестра и укатила куда-то его кресло. Я проследил за направлением, потому что, скорее всего, его увезли в ту самую комнату, за библиотекой.

– А сестра была в белом халате?

– Разумеется. Как иначе я определил бы, что она медсестра?

– Хорошо, продолжай, но ничего не упускай.

– Ну так вот. Как только дедушка покинул банкетный зал, бабушка тоже удалилась, и тут я услышал голоса людей, поднимающихся по лестнице. Наверное, никто не передвигался так быстро, как я в тот момент. Если бы я попытался скрыться в тумбе, меня бы непременно заметили, и поэтому я спрятался в углу, где на небольшом постаменте стояли рыцарские доспехи. Естественно, их должен был носить взрослый мужчина, хотя я мог бы поставить сотню долларов, что они мне малы, но, несмотря на это, я не прочь был бы их примерить. Так или иначе,

оказалось, что по лестнице поднимается мама и с ней все тот же темноволосый усатый мужчина.

– Что они делали? Почему пошли наверх?

– Наверное, они не допускали мысли, что рядом с ними кто-то может прятаться. Они были слишком поглощены друг другом. Этот мужчина хотел посмотреть на какую-то кровать у мамы в спальне.

– Ее кровать? Зачем ему нужна была ее кровать?

– Это какая-то особенная кровать, Кэти. Он сказал ей: «Пойдем, ты уже достаточно повертелась перед гостями». Голос у него был какой-то задиристый. Потом он добавил: «По-моему, самое время показать мне твою знаменитую кровать в форме лебедя». Видимо, мама боялась, что мы все еще прячемся в тумбе. Она бросила в ту сторону обеспокоенный взгляд, но согласилась и сказала: «Хорошо, Барт. Но мы не сможем задержаться там надолго. Сам понимаешь, что скажут гости, если нас чересчур долго не будет». Он усмехнулся и продолжил поддразнивать: «Нет, я и понятия не имею, что они скажут. Что, по-твоему, они должны сказать?» Мне эти последние слова показались вызывающими. Он явно не думал об общественном мнении. Я даже разозлился на него, когда он сказал это.

Тут Крис замолчал, и его дыхание стало учащенным.

– Ты что-то скрываешь, – сказала я. Мой брат всегда был для меня раскрытой книгой, к тому же прочитанной уже сто раз. – Ты защищаешь ее. Ты что-то увидел и не хочешь мне об этом сказать. Это нечестно! Помнишь, в первый наш день здесь мы согласились ничего не утаивать друг от друга, быть правдивыми до конца. Говори же, что ты увидел?

– Боже, – сказал он, сжимаясь и отворачиваясь, не желая глядеть мне в глаза. – Какое значение имеют несколько поцелуев?

– *Несколько* поцелуев?! – взметнулась я. – Ты видел, как он несколько раз поцеловал маму? Что это были за поцелуи? Он поцеловал ей руку или это было по-настоящему – рот в рот?

К его лицу подступила краска, поднимаясь от груди, на которой покоилась моя щека. Он горел, и это чувствовалось через пижаму.

– Это были страстные поцелуи, да? – выпалила я, заранее зная ответ. – Он поцеловал ее, она это наверняка позволила, и, возможно, он даже дотронулся до ее груди и погладил ее по ягодицам, как сделал папа однажды, когда я была в комнате, а родители меня не заметили! Ты это хотел сказать, да, Кристофер?

– Какое это имеет значение, – ответил он. – Что бы он ни делал, она не возражала, хотя мне было противно.

Мне тоже стало противно. Мама пробыла вдовой всего около восьми

месяцев. Но иногда восемь месяцев тянутся как восемь лет, и, в конце концов, какое значение имеет прошлое, когда настоящее так приятно и интригующе. Естественно, я догадывалась, что там, на балюстраде, происходило многое такое, о чем Крис не собирался мне говорить.

– Вообще, Кэти, я не знаю, что ты там думаешь, но мама в конце концов приказала ему остановиться и пригрозила, что в противном случае не покажет ему свою спальню.

– О, держу пари, что он делал что-то отвратительное.

– Только поцелуи, – сказал Крис, глядя поверх моей головы на рождественскую елку. – Несколько поцелуев и несколько поглаживаний, но у нее от всего этого заблестели глаза, а потом этот Барт еще поинтересовался, правда ли, что эта кровать в форме лебедя принадлежала когда-то французской куртизанке.

– Ради всего святого, Крис, кто такая куртизанка?

Крис прочистил горло:

– Это существительное, означающее женщину, которая проявляет благосклонность только к аристократам. Я посмотрел в словаре.

– Благосклонность? Какого рода благосклонность?

– За которую имеют возможность заплатить богатые мужчины, – быстро проговорил он и прикрыл мне рот ладонью, чтобы я прекратила расспросы. – Мама, конечно, отрицала, что подобная кровать могла оказаться в этом доме. Она сказала, что кровать с греховной репутацией, какой бы красивой она ни была, подверглась бы торжественному сожжению ночью под звуки молитв во искупление совершенных грехов. Эта кровать принадлежала ее бабушке, и когда мама была девочкой, она больше всего на свете хотела жить в бабушкиных комнатах и спать в ее спальне. Но родители не позволяли ей, боясь, что она попадет под влияние бабушкиного духа, поскольку та была не совсем святой, хотя и не куртизанкой. Тут мама горько засмеялась и сказала Барту, что раньше ее родители считали ее настолько развращенной, что ничто не могло бы сделать ее хуже, чем она была. Знаешь, меня это очень расстроило. Мама никакая не развращенная – папа любил ее, и они были супругами. Никого не касается то, что происходит между мужем и женой.

У меня от этих объяснений перехватило дыхание. Крис всегда знал все, абсолютно все!

– «Итак, – сказала мама, – один взгляд на спальню, и обратно к гостям». Они скрылись в коридоре, освещенном мягким, приятным светом, и я, конечно, понял, в каком направлении находится комната. Сначала я тщательно осмотрелся по сторонам, а потом покинул место, где прятался, и

бросился в первую закрытую дверь, на которую упал мой взгляд. Я ворвался в помещение, рассудив, что раз вокруг темно и дверь закрыта, значит внутри никого нет. Аккуратно закрыв за собой дверь, я замер и сосредоточился, чтобы почувствовать запах и ауру этой комнаты, как ты мне всегда советовала. У меня был с собой фонарик, так что я мог осветить все вокруг и выяснить, где я нахожусь, но мне хотелось понять, откуда берется твое обостренное восприятие, интуиция и подозрительность, когда, на мой взгляд, все идет нормально. Черт меня возьми, если ты не права! Если бы там горел свет или я воспользовался бы фонариком, то наверняка не обратил бы внимания на странный, неестественный запах, наполнявший комнату. Мне вдруг сделалось неловко и даже страшновато. И тут, Бог свидетель, у меня чуть душа не ушла в пятки.

– Что это было? – возбужденно спросила я, отталкивая от себя его руку, пытающуюся удержать меня на месте. – Что ты видел? Чудовище?

– Чудовище? Да, это были действительно чудовища! Много чудовищ! По крайней мере, их головы, висящие на стенах. Вокруг меня блестели глаза: янтарные, зеленые, топазовые и лимонно-желтые. Я прямо похолодел от ужаса. Через окна в комнату пробивался отраженный снегом голубоватый свет, поблескивая на зубах, на львиных клыках, обнаженных в неом рыке. Из-за гривы голова льва казалась громадной, а во всем облике ясно читались гнев и ярость. Почему-то мне стало жаль это животное – обезглавленное и набитое опилками ради того, чтобы украсить помещение, в то время как по справедливости оно должно было свободно разгуливать на воле.

Я поняла чувства этого льва. Моя ярость нарастала как лавина, когда я чего-то боялась и чувствовала себя неуверенной.

– Это была комната охотничьих трофеев, Кэти, огромная комната, на стенах которой висели головы убитых животных. Там были и лев, и слон с поднятым вверх хоботом. Все животные из Азии и Африки были выставлены с одной стороны, а крупные животные из Америки – с другой: медведь гризли, бурый медведь, антилопа, снежный барс и так далее. Рыбы и птицы представлены не были. Видимо, они считались недостойными охотника, украсившего комнату своими трофеями. Да, от вида этой комнаты бросает в дрожь, и все же я очень хочу, чтобы ты ее увидела. Ты просто должна на нее взглянуть!

О черт, какое мне было дело до трофеев, когда я хотела узнать побольше о людях и их секретах!

– На противоположной стене было два окна, между которыми располагался камин, а над ним висел портрет в полный рост,

изображающий молодого человека, до того напоминающего отца, что я чуть не вскрикнул. Но это был не папа. Когда я подошел ближе, то понял, что есть одно очень важное отличие: глаза. На нем был охотничий костюм цвета хаки и голубая рубашка. Он стоял, опираясь на ружье и поставив одну ногу на какое-то бревно, лежащее на земле. Я плохо разбираюсь в искусстве, но достаточно, чтобы оценить мастерство художника. Ему удалось передать душу своей модели: никогда еще я не видел такого жестокого, холодного и безжалостного взгляда. Одного этого было достаточно, чтобы безошибочно определить, что это не мог быть отец. Художнику позировал Малькольм Нейл Фоксворт, наш дедушка. Дата, указанная на табличке, говорила о том, что нашему отцу в то время было пять лет. А как ты помнишь, когда ему было три года, его вместе с матерью выставили из Фоксворт-холла и они были вынуждены жить в Ричмонде.

– Продолжай.

– Мне очень повезло, что меня никто не заметил, потому что я заглядывал практически в каждую комнату. В конце концов мне удалось обнаружить мамины апартаменты. Вход туда расположен за двойными дверями, находящимися на небольшом возвышении, к которому ведут несколько ступенек. Когда я заглянул внутрь, то подумал, что оказался во дворце! То, что я видел в остальных комнатах, более или менее подготовило меня к этому зрелищу, но ее комнаты – это что-то потрясающее. Я не мог поверить своим глазам! Помещение явно принадлежит ей, потому что на ночном столике я заметил папину фотографию, а вокруг пахнет ее духами. В центре комнаты, на возвышении, стоит пресловутая кровать в форме лебедя. О, что это за кровать! Ты никогда не видела ничего подобного! Она сделана как застывший лебедь с повернутой в профиль головой из слоновой кости, которую он, кажется, готов спрятать под слегка приподнятым крылом. На голове сверкает единственный сонный красный глаз. Крылья с обеих сторон обнимают изголовье овальной кровати. Должно быть, одеяла для нее делаются по специальному заказу. Перья на концах крыльев мастер сделал наподобие пальцев, поддерживающих тонкие полупрозрачные занавески из материи, окрашенной в различные оттенки розового цвета. Ох, эта кровать... и эти занавески... наверное, мама чувствует себя принцессой, когда просыпается в ней. Розовато-лиловый ковер такой толстый, что я утонул в нем по щиколотки. Рядом с кроватью лежит еще один большой ковер из какого-то белого меха. Там стоят торшеры из резного хрусталя, каждый высотой около четырех футов, украшенные золотом и серебром, и на двух – черные абажуры. Кушетка из слоновой

кости, обитая розовым бархатом, – вроде тех, на которых возлежали римляне во время оргий. А у подножия кровати – ты только представь себе – есть точно такая же, в форме лебедя, но поменьше, и стоит к ней боком. Я не верил своим глазам: зачем кому-то может понадобиться огромная, широкая кровать и к ней еще одна, предназначенная как будто для младенца? Наверняка для этого есть веская причина, кроме желания отдохнуть среди дня, не сменяя большую постель. Кэти, ты просто обязана посмотреть на это, иначе ты никогда не сможешь себе представить.

Я знала, что он видел многое такое, о чем не упомянул. Тем более мне нужно было посмотреть самой. Я уже увидела и поняла достаточно, чтобы догадаться, почему он так подробно остановился на кровати и прочем, явно замалчивая главное.

– По-твоему, этот дом лучше, чем наш в Гладстоне? – спросила я, потому что для меня наш коттедж в Гладстоне – восемь комнат и две с половиной ванны – всегда оставался лучшим в мире.

Крис задумался. Видимо, ему потребовалось какое-то время, чтобы найти подходящие слова, поскольку мой брат никогда не торопился с высказываниями. То, как долго он обдумывал следующую фразу, само по себе говорило о многом.

– Этот дом не лучше. Он величественный, большой, красивый, но я не стал бы утверждать, что он лучше.

Кажется, я поняла его. Здесь недоставало уюта: его место занимали богатство отделки, великолепие и огромные размеры.

Нам ничего не оставалось, кроме как пожелать друг другу спокойной ночи и чтобы клопы не кусались. Я поцеловала его в щеку и толкнула, чтобы он уходил. На этот раз он не завопил, что целуют только девчонок, грудных детей и маменькиных сынков. Вскоре он удобно улегся на своем месте рядом с Кори, в трех футах от меня.

Долгая зима, весна и лето

Наша мама никогда еще не говорила более пророческих слов: теперь у нас было настоящее окно, через которое мы могли наблюдать жизнь других людей. Телевизор этой зимой прочно занял главенствующее место в нашей жизни. Как наши товарищи по несчастью – инвалиды, больные люди, дряхлые старики, – мы ели, купались, одевались и торопились занять место перед экраном, чтобы смотреть на выдуманную, искусственную жизнь, протекавшую внутри телевизора.

Весь январь, февраль и большую часть марта на чердаке было слишком холодно, и мы туда не заходили. В воздухе висел холодный пар, окружавший все вещи странноватой туманной дымкой, – честное слово, нам было боязно. Мы чувствовали себя маленькими и жалкими, даже Крис вынужден был признать это.

Поэтому наибольшее удовлетворение нам доставляло сидеть, прижавшись друг к другу, в теплой комнате и смотреть, смотреть, смотреть. Близнецы были в таком восхищении от телевизора, что вообще не хотели, чтобы он выключался, даже ночью, когда все спали, потому что по утрам они просыпались с началом первой передачи.

Даже светящиеся точки на пустом экране и передачи для полуночников были для них лучше, чем ничего. Кори в особенности любил, просыпаясь, смотреть на сидящих за столом маленьких человечков, передающих новости и рассказывающих о погоде: конечно, приятнее было смотреть на них, чем на закрытые мрачными шторами окна.

Телевизор воспитывал нас, формировал наш характер и манеры, учил произносить трудные слова. Благодаря ему мы поняли, как важно быть идеально чистым, ничем не пахнуть, не давать грязи накапливаться на кухонном полу и не позволять ветру трепать прическу. И боже упаси, если у вас вдруг появится перхоть! Весь мир сразу же начнет презирать вас! В апреле мне должно было исполниться тринадцать лет, я приближалась к возрасту появления прыщей. Каждый день я тщательно разглядывала кожу, готовая к самому страшному. Мы воспринимали телевизионные рекламные ролики буквально, полагая их чем-то вроде свода правил, которые позволяют человеку счастливо прожить жизнь, избегая всех опасностей.

Каждый день приносил изменения. С нами что-то происходило. Волосы начинали расти там, где раньше их и в помине не было, – странные рыжеватые волосы, темнее, чем на голове. Мне они не нравились, и, стоило

им появиться, я тут же выщипывала их пинцетом, но они были как сорняки: чем больше их вырываешь, тем больше их вырастает, и все на том же месте. Однажды Крис увидел, как я стою с поднятой рукой и пытаюсь ухватить один-единственный вьющийся волосок, чтобы безжалостно выдрать его вместе с корнем.

– Что ты делаешь, прах тебя побери? – выпалил он.

– Я не собираюсь постоянно брить у себя под мышками или использовать этот вонючий крем, которым мажется мама!

– То есть ты хочешь сказать, что вырываешь волосы, где бы они ни появлялись?

– Конечно, а как же? Я хочу, чтобы мое тело было красивым и аккуратным, даже если тебе нет до этого дела.

– Тогда ты обречена на поражение, – ехидно усмехнулся он. – Волосы не могут не расти, оставь их в покое и не будь такой инфантильной. Старайся думать, что с волосами ты будешь выглядеть более сексуально, более привлекательно.

Сексуально? Сексуальными были большие, упругие груди, а не вьющиеся жесткие волосы. Но я не решилась возражать, потому что на моей груди уже появились маленькие холмики, похожие на половинки яблок, и я надеялась, что Крис до поры до времени не обратит на них внимания. Я была счастлива, что у меня начинает расти грудь, но я не хотела, чтобы кто-нибудь заметил это. Вскоре, однако, мне пришлось расстаться с этой надеждой: Крис начал бросать на меня многозначительные взгляды, как я ни старалась носить большие, мешковатые свитера и кофточки. Маленькие холмики все равно выдавали меня с головой.

Я как будто заново родилась и ощущала то, чего не чувствовала раньше: странные, ноющие боли и какую-то недетскую тоску. Я томилась в ожидании чего-то и часто просыпалась по ночам, сжимаясь от странной, пульсирующей неги. Мне казалось, что рядом со мной находился мужчина и делал что-то, что я очень хотела завершить, но он никак не мог этого сделать: я всегда просыпалась слишком рано, не успев достичь тех чувственных высот, той кульминации, к которой стремилась. Я просыпалась, и все было безнадежно испорчено.

Но происходили и более загадочные вещи. В мои обязанности входило каждое утро заправлять кровати, как только все вставали и одевались перед приходом ведьмы с корзинкой для пикника. Я постоянно видела пятна на простынях там, где спали мальчики. Пятна эти были недостаточно большими, чтобы счесть их результатами очередного сна Кори о

посещении отхожего места. Кроме того, они появлялись с той стороны, где спал Крис.

– Ради всего святого, Крис, я думала, уж тебе-то не снится, что ты ходишь в туалет.

Я просто не в состоянии была поверить его фантастическому рассказу о каких-то «ночных поллюциях».

– Крис, я думаю, ты должен сказать маме, чтобы она отвела тебя к доктору. Вдруг у тебя заразная болезнь и ее может подхватить Кори, а он и так достаточно некрасиво ведет себя во сне.

Крис презрительно взглянул на меня, и его лицо залилось краской.

– Мне не нужен никакой доктор, – зло сказал он. – Я слышал разговоры старших ребят в школьной уборной. То, что происходит со мной, совершенно нормально.

– Не может быть! Это слишком неопытно, чтобы быть нормальным!

– Ха! – фыркнул он. – Скоро придет твой черед пачкать простыни.

– Что ты имеешь в виду?

– Спроси у мамы. По-моему, ей пора поговорить с тобой об этом. Я уже заметил, что ты начинаешь развиваться. А это верный знак.

Мне было неприятно, что он опять знает больше моего. Откуда он обо всем узнал, неужели из этих отвратительных разговоров в школьном туалете? Я тоже слышала подобные разговоры от старшеклассниц, но будь я проклята, если поверила хоть одному их слову. Это было слишком ужасно!

Близнецы редко сидели на стуле, и на кроватях возиться им не разрешалось, поскольку бабушка настаивала на «образцовом порядке». Им нравились мыльные оперы по телевизору, но даже во время их они не прекращали играть, иногда поднимая глаза, чтобы посмотреть наиболее захватывающие сцены. У Кэрри был ее кукольный дом с маленькими человечками и утварью, и она постоянно болтала с ними, причем предложения сливались в своеобразную монотонную песню, очень часто действующую нам на нервы. Не раз случалось мне бросать в ее сторону раздраженные взгляды в надежде, что она замолчит хотя на несколько секунд и даст мне насладиться телепередачами. Но я никогда ничего ей не говорила, потому что боялась худшего – воплей и истерики.

Кэрри передвигала кукол и разговаривала как за мужчин, так и за женщин, а Кори в это время занимался конструированием. У него было несколько конструкторов, и он никогда не пользовался инструкциями или советами Криса, а всегда стремился собрать что-то, из чего можно извлечь музыку. С телевизором, который все время демонстрировал меняющиеся

сцены, кукольным домом со всеми его прелестями и конструкторами, скрашивавшими долгие часы безделья для Кори, близнецам совсем не так плохо жилось в заключении. Малыши легко приспосабливаются к окружающей обстановке, я сама убедилась в этом. Конечно, они немало капризничали, и в основном по двум причинам. «Почему мама не приходит к нам так часто, как раньше?» – вот первая причина. Было больно слышать их постоянные вопросы, но что я могла на них ответить? Второй причиной была еда. Они хотели мороженого, которое видели по телевизору, и хот-догов, которые постоянно поглощали телевизионные дети. В общем, они хотели получить все сласти и игрушки из рекламных роликов. Последнее они неизменно получали, но сласти были запрещены.

Пока близнецы возились на полу или занимались своей монотонной и раздражающей болтовней, мы с Крисом пытались сконцентрироваться на тех сложных жизненных ситуациях, что разворачивались у нас перед глазами на телеэкране. Мы смотрели, как неверные мужья обманывают любящих или сварливых жен либо жен, которые слишком заняты детьми и не уделяют мужьям того внимания, какого они на самом деле заслуживают. Мы открыли, что любовь, оказывается, напоминает мыльный пузырь – сначала такой красивый и блестящий, а потом внезапно лопающийся. Иногда мужья и жены меняются ролями, попеременно оказываясь нарушителями супружеской клятвы. Итак, когда пузырь лопался, начинались слезы, трагические мины и бесконечные излияния доверенной подруге или другу за чашкой кофе. Но стоило одному роману безвозвратно погибнуть, как другой пузырь начинал надуваться, отливая всеми цветами радуги. О, как тщетно старались все эти красивые люди обрести идеальную любовь навсегда; им это никогда не удавалось.

Однажды в конце марта мама вошла в комнату с большой коробкой под мышкой. Мы уже давно не удивлялись подаркам, она часто приносила нам целую груду, но в этот раз она удивила меня. Она странно кивнула Крису, и тот, как будто они заранее сговорились, оторвался от своего занятия, взял близнецов за руки и увел их на чердак. Я ничего не понимала. На чердаке все еще было холодно. Что это за секреты? Неужели этот подарок предназначался исключительно для меня?

Мы с мамой сели на кровать, которую я делила с Кэрри, и, прежде чем открыть коробку, мама сказала, что мы должны поговорить «как женщина с женщиной».

Из фильмов старого Энди Харди я знала, что означает «поговорить как мужчина с мужчиной». Такие разговоры обычно касались взросления и вопросов секса. Поэтому я попыталась сделать понимающее лицо и не

выказывать особого интереса, что выглядело бы неблагородно, хотя я и умираю от желания узнать, в чем все-таки дело.

И вы думаете, она сказала мне нечто такое, о чем я жаждала узнать уже несколько лет? Ничего подобного! Пока я с торжественным видом сидела и ждала, что передо мной наконец раскроются те мрачные тайны, которые, если верить одной старой ведьме, мальчики знают с самого рождения, она вместо этого сообщила мне, что у меня со дня на день могут начаться кровотечения.

Не от раны, не от повреждения, а благодаря изначальному замыслу Бога о том, как должно функционировать женское тело. И мало того, что я должна буду страдать этими кровотечениями до старости, пока мне не исполнится лет пятьдесят, мне еще придется терпеть это безобразие в течение как минимум пяти дней.

— До пятидесяти лет? — спросила я слабым, дрожащим голосом, надеясь, что мама шутит.

Она нежно улыбнулась:

— Иногда это кончается до пятидесяти лет, иногда — несколько позже. Никаких определенных правил не существует. Но где-то в этом возрасте ты переживешь крупные изменения в своей жизни. Это называется менопауза.

— Скажи, мне будет больно?

— От твоих месячных? Возможно, какая-то слабая боль и будет, но это не страшно, это я могу тебе сказать по своему опыту и опыту других знакомых женщин. Чем больше ты будешь бояться ее, тем сильнее у тебя будет болеть.

Я это знала! Всегда при виде крови я чувствовала боль, если это не была чужая кровь. И весь этот кавардак, эта боль, эти сгустки крови только для того, чтобы подготовить мою матку к принятию оплодотворенной яйцеклетки, которая затем вырастет в ребенка. Потом мама торжественно передала мне коробку, содержащую все необходимое для «этого неприятного периода».

— Подожди, мама, остановись! — вскричала я, неожиданно вспомнив то, что на минуту показалось мне выходом из положения. — Ты забыла, что я собираюсь стать балериной, а танцовщицам нельзя иметь детей. Мисс Даниэль всегда говорила, что лучше вообще не рожать детей. И мне они не нужны никогда и ни за что. Поэтому можешь отнести все это обратно в магазин и получить назад деньги. Мне все эти месячные регулы не нужны.

Мама хихикнула и крепко прижала меня к себе.

— Наверное, я пропустила очень важную деталь. Предотвратить менструацию никак нельзя. Ты должна принять все, что делает природа,

чтобы превратить тебя из ребенка во взрослую женщину. Ведь ты не хочешь всю жизнь оставаться ребенком, правда?

Конечно, я мечтала стать взрослой женщиной, такой как она, со всеми этими изгибами и выпуклостями, но не была готова к подобному, да еще каждый месяц! Это меня просто шокировало.

– И пожалуйста, Кэти, не стесняйся, не стыдись и не бойся этого минимального неудобства и связанных с ним проблем. Дети стоят того. Когда-нибудь ты влюбишься и выйдешь замуж, и тогда ты захочешь подарить своему мужу детей. Если, конечно, ты полюбишь его достаточно сильно.

– Мама, ты чего-то недоговариваешь. Если девочкам необходимо пройти через подобное, чтобы стать женщинами, то что должен испытать Крис, чтобы стать мужчиной?

Она по-девчоночьи засмеялась и прижалась своей щекой к моей.

– Они тоже меняются, хотя у них и не идет кровь. Крису скоро придется бриться, причем каждый день. Кроме того, есть другие вещи, о которых ему надо будет заботиться и контролировать. Тебе об этом думать не придется.

– О чем? – спросила я в надежде, что мужской пол тоже разделит муки, связанные с взрослением.

Мама не ответила, и я сказала:

– Ведь это Крис позвал тебя, чтобы ты дала мне все эти инструкции, да?

Она кивнула и объяснила, что, по существу, Крис напомнил ей о том, что она уже давно должна была сделать, но внизу у нее уйма хлопот, которые мешают ей выполнять свои материнские обязанности.

– Так что, у Криса тоже будут какие-нибудь боли?

Она засмеялась, явно развеселившись от моей настойчивости.

– Я расскажу тебе в следующий раз, хорошо, Кэти? Теперь возьми то, что я тебе принесла, и используй, когда возникнет необходимость. Не паникуй, если это начнется ночью или когда ты будешь танцевать. Когда у меня начались менструации, мне было двенадцать лет, я каталась на велосипеде и возвращалась домой раз шесть, чтобы сменить трусы, пока мама не объяснила мне, в чем дело. Я пришла в ярость оттого, что она не предупредила меня заранее. Она никогда ничего мне не говорила. Хочешь верь, хочешь нет, но ты очень скоро к этому привыкнешь, и на твой образ жизни это перестанет оказывать какое-либо влияние.

Несмотря на коробку, которую я сразу же возненавидела, это был откровенный теплый разговор между матерью и дочерью.

Но чувство близости и доверия стало улетучиваться, когда она позвала с чердака Криса и близнецов и начала шутить с Крисом, взъерошивать ему волосы, практически не обращая внимания на малышей. Похоже, Кэрри и Кори было неловко в ее присутствии. Они сразу подбежали ко мне и уселись у меня на коленях. Я обняла их с двух сторон, и они смотрели, как мама ласкает и целует Криса. То, как она обращалась с близнецами, вселяло в меня беспокойство: казалось, будто ей неприятно смотреть на них. В то время как Крис и я приближались через созревание к взрослой жизни, близнецы замерли на одном месте и не двигались никуда.

Прошла долгая холодная зима, и наступила весна. На чердаке постепенно становилось теплее. Мы поднялись туда все четверо, чтобы снять бумажные снежинки и чтобы на чердаке снова расцвели наши яркие весенние цветы.

В апреле был мой день рождения, и мама, не обманув ожиданий, пришла с подарками, тортом и мороженым. Она провела с нами все воскресенье после обеда и научила меня кое-каким приемам вышивки стежками и крестом. Она подарила мне несколько наборов для шитья, чтобы коротать время.

За моим днем рождения следовало еще одно событие – день рождения близнецов. Мама снова купила торт, мороженое и массу подарков, включая музыкальные инструменты, от которых у Кори заблестели глаза. Он завороченно уставился на игрушечный аккордеон, извлек из него несколько аккордов и внимательно прислушался к звучанию. Удивительно, но вскоре он умел играть на нем простенькие мелодии. Мы не могли поверить своим ушам. После этого мы были повергнуты в еще большее удивление, потому что вскоре он взялся за предназначавшееся для Кэрри игрушечное пианино и сыграл на нем «С днем рожденья тебя».

– Кори, безусловно, обладает музыкальными способностями, – сказала мама. У нее был печальный, почти несчастный вид, когда она наконец обратила взор на своего младшего сына. – Оба моих брата были музыкантами. К сожалению, мой отец терпеть не мог искусство и людей, которые им занимаются. Не только музыкантов, но и поэтов, художников и прочих. Он считал их слабыми и женоподобными. Старшего из братьев он заставил работать в принадлежащем ему банке, хотя тот ненавидел эту работу. Его называли Малькольм, в честь отца, но все звали его просто Мэл. Он был очень красивый. По выходным он совершал побег от постылой ему жизни, уезжая в горы на мотоцикле. В собственном убежище, хижине, которую он сам для себя построил, он сочинял музыку. Однажды он сделал

слишком резкий поворот на мокрой от дождя дороге. Его занесло более чем на сотню ярдов, и он упал в пропасть. Ему было всего двадцать два года, когда он погиб. Младшего из братьев звали Джоэл. В день похорон старшего брата он убежал из дома. Они были очень дружны, и он, наверное, не мог вынести мысли, что теперь он займет место Мэла и станет наследником финансовой династии. Мы получили от него единственную открытку из Парижа, где он сообщал, что играет в оркестре, путешествует с гастрольями по Европе. А через три недели мы узнали, что Джоэл разбился, катаясь на лыжах в Швейцарии. Ему было девятнадцать. Он упал в какую-то лощину, наполненную снегом, и до сего дня его тело не найдено.

О господи! Мне стало больно, и я сидела, как придавленная. Как много несчастных случаев! Два брата погибли от них, и мой отец тоже. Я мрачно, с тревогой взглянула на Криса. Улыбка исчезла с его лица. Как только мама ушла, мы убежали на чердак к нашим книгам.

– Мы прочитали их все, черт бы их побрал! – воскликнул Крис и неодобрительно взглянул на меня, как будто я была виновата в том, что он способен прочесть книгу за несколько часов.

– Можно снова перечитать Шекспира, – предложила я.

– Я не люблю читать пьесы!

Боже, а я так любила Шекспира и Юджина О’Нила и вообще все драматическое, фантастическое и наполненное пламенными чувствами.

– Давай научим близнецов читать и писать, – предложила я, сгорая от желания заняться чем-то новым и интересным. – Так мы убьем двух зайцев – найдем занятие и для себя, и для них. Мы не дадим их мозгам превратиться в кашу от постоянного сидения перед «ящиком».

Мы решительно направились вниз по лестнице и увидели близнецов, чье внимание было приковано к поющему с экрана зайцу Багсу.

– Мы собираемся научить вас обоих читать и писать, – сказал Крис.

Они громко запротестовали.

– Нет! – завопила Кэрри. – Мы не хотим ничему учиться! Не хотим писать буквы. Хотим смотреть «Я люблю Люси!»

Крис схватил ее, а я сгребла в охапку Кори, и мы буквально затащили их на чердак. Они были скользкими и увертливыми, как змеи, а Кэрри вопила, как атакующий бык.

Никогда еще не было в целом свете двух более несчастных учителей-добровольцев, старающихся обучить чему-то невероятно ленивых учеников.

Кори ничего не говорил, даже не вопил в знак протеста и не пытался

бить меня своими маленькими кулачками. Он просто цеплялся мертвой хваткой за все предметы, мимо которых мы проходили. Но в конце концов, прибегнув к уловкам, угрозам и рассказыванию сказок, мы сумели заинтересовать их. Может быть, они просто сжалились над нами. Для обучения мы пользовались азбукой Макгаффи.

Не зная ничего об успехах их сверстников, мы тем не менее полагали, что у Кэрри и Кори получается неплохо. Хотя мама и перестала ходить к нам каждый день, пару раз в неделю она все же появлялась. Мы сгорали от нетерпения показать ей первое письмо, которое близнецы написали совместными усилиями. Буквы были кривые-косые и почти два дюйма в высоту:

ДОРОГАЯ МАМА
МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ
И КОНФЕТЫ ТОЖЕ
ДО СВИДАНИЯ
КЭРРИ И КОРИ

Письмо было написано с большим усердием и без нашей с Крисом подсказки. Близнецы надеялись, что мама услышит их просьбу, недвусмысленно прозвучавшую в нем. Она не отреагировала.

Ну понятно. Нельзя допустить, чтобы у нас портились зубы.

Наступило лето. Снова было жарко и душно, но что удивительно, мы переносили жару значительно легче, чем прошлым летом. Крис говорил, это потому, что наша кровь стала жиже.

Наше лето было наполнено книгами. По всей видимости, мама брала с полки что попадетсЯ, не читая названий и не задумываясь, будут ли эти книги нам интересны и подходят ли по возрасту. Мы читали все без разбора.

Одной из наших любимых книг был исторический роман, делавший историю гораздо более интересной и увлекательной, чем наши школьные уроки. Мы с удивлением прочитали, что раньше женщины рожали детей дома, где врачи принимали у них роды на маленькой узкой кровати, на которой оказывать помощь легче, чем на большой широкой. Иногда достаточно было только пригласить повитуху.

– Итак, маленькая кровать в форме лебедя предназначена для того, чтобы рожать на ней детей, – вслух размышлял Крис, подняв голову и обратив взгляд куда-то в пространство.

Я перекатилась на спину и зловеще улыбнулась. Мы оба были на чердаке и лежали на старом, покрытом несмываемыми пятнами матрасе у открытого окна, обдуваемые теплым легким бризом.

– А короли и королевы собирали у себя в спальне – вернее, в опочивальне – всех придворных и сидели в кровати нагишом, нимало не смущаясь. Думаешь, все, что пишут в книгах, чистая правда?

– Конечно нет. Хотя во многом, может быть, да. Ведь в конце концов, когда-то люди не носили пижам и надевали в постель только ночной колпак, чтобы согреть голову, а на остальное плевали.

Мы дружно рассмеялись, представив королей и королев, ничуть не стеснявшихся своей наготы в присутствии своих приближенных и сановников из-за границы.

– Тогда нагота не считалась греховной, да? В Средние века?

– Наверное, да, – ответил Крис.

– Греховным было то, для чего люди снимали с себя одежду, да?

– Наверное.

Я уже второй раз испытала на себе всю тяжесть той проклятой участи, на которую обрекла меня природа. Целый день я пролежала на кровати, заявляя, что не могу подняться из-за мучительной боли.

– Ты ведь не думаешь, что происходящее со мной отвратительно, правда? – спросила я Криса.

Он спрятал лицо у меня в волосах.

– Кэти, я не думаю, чтобы что-то касающееся человеческого тела и его функций было отвратительным. Наверное, во мне говорит будущий врач. О тебе я думаю именно в этом ключе: если ценой нескольких неприятных дней каждый месяц ты в конце концов превратишься в такую же прекрасную женщину, как наша мама, я целиком и полностью за это. И потом, если это больно, вспомни о своих танцевальных упражнениях. Ты сама говорила, как больно делать некоторые из них.

Он на секунду запнулся, и я крепче обняла его.

– Я тоже плачу свою, собственную плату за то, чтобы стать мужчиной. Мне в отличие от тебя не с кем поговорить об этом. Я вынужден один справляться со своими комплексами и искушениями. Иногда я боюсь, что мне никогда не удастся стать врачом.

– Крис, – запинаясь, промолвила я, – ты когда-нибудь сомневаешься в ней?

Он нахмурил брови, и я заговорила, чтобы он не успел что-нибудь возразить:

– Тебе не кажется иногда... странным, что она держит нас взаперти так

долго? У нее масса денег, я просто уверена в этом. Это кольцо и браслеты, они совсем не поддельные, как она уверяет.

Сначала Крис попытался отодвинуться от меня, но, выслушав до конца все, что я сказала о его идеале и символе женского совершенства, он снова обнял меня и прижался ко мне щекой. Срывающимся от переполнявших его чувств голосом он произнес следующее:

– Иногда я перестаю быть тем неунывающим оптимистом, каким ты меня считаешь. Иногда меня охватывают точно такие же сомнения. Но я всегда мысленно возвращаюсь к тому дню, когда мы приехали сюда, и чувствую, что должен верить ей, как это делал папа. Помнишь, как он говорил: «Все странные вещи имеют причину. И все всегда происходит к лучшему». Поэтому я продолжаю верить. Я верю, что у нее есть серьезные основания не пытаться тайно увезти нас в какой-нибудь закрытый пансионат и держать нас здесь. Она знает, что делает, и, Кэти, если бы ты знала, как я ее люблю. Ничего не могу с собой поделать. Что бы она ни делала, я все равно буду любить ее.

«Он любит ее больше меня», – с горечью подумала я.

Регулярные посещения совсем прекратились. Однажды мама не приходила к нам целую неделю. Когда она наконец появилась, то сказала, что ее отцу стало намного хуже. Я была страшно рада.

– Он правда очень болен? – спросила я со слабым чувством вины в голосе.

Я знала, что нехорошо желать, чтобы он умер, но его смерть означала наше спасение.

– Да, – торжественно сказала мама, – ему намного хуже. Теперь это может произойти в любой день, Кэти, в любой день. Не поверите, как он страдает, как он мучается! Скоро он уйдет от нас, и вы будете свободны.

Неужели она считала, что я настолько зла, чтобы желать этому человеку смерти сию минуту? Боже упаси! Но с другой стороны, сколько можно сидеть под замком? Мы хотели наружу, к свету, и чувствовали себя очень одиноко без новых людей, отрезанные от остального человечества.

– Итак, это может произойти с минуты на минуту, – сказала она и ушла.

– «Не трясись, повозочка, вези меня домой», – замурлыкала я и принялась убирать кровати, ожидая новостей о том, что наш дедушка находится на пути в рай, если ему зачли его пожертвования, или в ад, если дьявола все-таки нельзя подкупить. – «Если будешь там раньше меня...»

В дверях снова появилась мама, вернее, ее усталое лицо.

– Он перенес кризис. На этот раз он выкарабкается.

Дверь закрылась, и мы остались наедине с рухнувшими надеждами.

В эту ночь, как и всегда, я укладывала близнецов, мама давно перестала это делать. Я целовала их и слушала их молитвы. Крис тоже помогал мне. В их больших грустных глазах без труда читалась любовь к нам. Когда они заснули, мы подошли к календарю, чтобы зачеркнуть еще один день. Снова наступил август. Исполнился ровно год нашего заключения.

Часть вторая

Доколе день дышит прохладою, и убегают тени...

Песнь песней Соломона, 2: 17

Взрослее, мудрее

Прошел еще год, почти так же, как и первый. Мама приходила все реже, но всегда приносила обещания, заставлявшие нас надеяться, что освобождение близко. Каждый день мы заканчивали, вычеркивая очередную клетку в календаре.

Теперь у нас было три календаря с большими красными крестами. Первый и третий – заполненные наполовину, второй – целиком, как будто залитые кровью. Умиравший дедушка, которому было уже шестьдесят восемь лет, не торопился испустить дух и все жил, и жил, и жил, пока мы сидели в заточении.

По четвергам слуги Фоксворт-холла уезжали в город, и тогда мы с Крисом тайком выбирались на черную крышу, чтобы впитывать в себя живительный свет солнца или дышать свежим воздухом под луной и звездами.

Хотя было высоко и опасно, мы чувствовали себя почти на воле, когда наша истосковавшаяся кожа ощущала на себе настоящий ветер.

Там, где два крыла дома встречались, образуя угол, мы были в безопасности, надежно скрытые трубой. Ни один человек не мог заметить нас с земли.

Поскольку гнев бабушки еще не материализовался и ничто не предвещало грозы, мы стали беззаботными. Мы не всегда скромно вели себя в ванной и не всегда были полностью одеты. Нелегко было проводить вместе день за днем и постоянно скрывать интимные места от противоположного пола.

Честно говоря, нам было безразлично, кто что видел.

Нам следовало обращать на это внимание.

Нам не хватало осторожности.

Мы должны были помнить о рубцах на спине мамы и никогда, никогда не забывать этой картины. Но тот день был слишком давно. Нам казалось, что с тех пор прошла целая вечность.

За последние годы я ни разу не видела себя обнаженной. Зеркало на дверце шкафчика с лекарствами было расположено слишком высоко, чтобы давать хороший обзор. Я никогда не видела других обнаженных женщин, даже на картинах. Старинные произведения искусства и мраморные статуи обычно скрывали детали. Поэтому, дождавшись момента, когда спальня была целиком в моем распоряжении, я разделась догола перед зеркалом и,

прикинув к нему, стала восхищенно разглядывать свое тело. Гормоны произвели совершенно неправдоподобные изменения! Разумеется, я значительно похорошела с тех пор, как мы поселились здесь: лицо, волосы, ноги, не говоря уже о новых изгибах и выпуклостях. Я вертелась из стороны в сторону, не в силах оторвать глаз от своего отражения и делая балетные па.

Что-то заставило меня обернуться. Сзади, в тени гардеробной, стоял Крис, тихо спустившийся с чердака. Сколько времени он там стоял? Неужели он видел все глупые, неприличные позы, которые я принимала? «Господи, надеюсь, что нет», – подумала я.

Он замер, не двигаясь. Его глаза смотрели на меня странно, так, будто он ни разу не видел меня раздетой, а это на моей памяти случалось довольно часто. Наверное, когда с нами были близнецы, он не допускал нехороших мыслей и не смотрел на меня подолгу.

Его глаза медленно опустились вниз, задержавшись на груди, и потом так же медленно поднялись к моему лицу, покрасневшему от смущения.

Я стояла трепещущая и нерешительная, лихорадочно придумывая, что сделать, чтобы не выглядеть дурочкой-скромницей в глазах брата, который мог высмеять меня, если бы захотел. Он казался чужим и выглядел как-то старше. Я никогда не видела его таким. Одновременно в его взгляде было что-то беспомощное и ранимое, словно он умолял, чтобы я не прикрывалась и не лишала его того, что он так долго мечтал увидеть.

Время остановилось, пока он смотрел на меня из гардеробной, а я стояла в нерешительности перед зеркалом, которое, кроме всего прочего, демонстрировало ему вид сзади, также интересовавший его, судя по блеску в глазах.

– Крис, уйди, пожалуйста.

Он как будто не слышал.

Просто смотрел.

Я залилась краской с головы до ног, мой пульс бешено забился в каком-то сумасшедшем ритме, под мышками выступили крупные капли пота. Я чувствовала себя как ребенок, пойманный на каком-то мелком проступке и ужасно боящийся сурового наказания. Но тут я очнулась от оцепенения, а сердце застучало уже по-другому – испуганно, но одновременно и рассерженно. В конце концов, чего я боюсь? Это всего лишь Крис.

Я почувствовала стыд и обиду и потянулась за платьем, которое только что сняла. Я собиралась прикрыться им и попросить Криса уйти.

– Не надо, – сказал он, увидев, что я беру платье в руки.

– Ты не должен... – начала я неуверенно.

– Я знаю, что не должен, но ты такая красивая. Как будто я вижу тебя впервые. Когда ты успела так преобразиться? Я ведь все время был здесь, с тобой.

Что я могла ему ответить? Я только бросала на него умоляющие взгляды.

В этот момент позади меня в дверном замке повернулся ключ. Я поспешно стала натягивать платье, пока она не зашла. О боже, рукава куда-то подевались! Моя голова была полностью скрыта платьем, а остальная часть тела оставалась обнаженной. И она, наша бабушка, была здесь! Я не видела ее, но всей кожей ощущала ее присутствие.

В конце концов я нащупала проймы и быстро опустила платье, одернув подол. Но бабушка видела меня во всем моем обнаженном великолепии, я поняла это по ее поблескивающим камешкам-глазам. Она перевела их с меня на Кристофера и пронзила его уничтожающим взглядом. Он стоял как громом пораженный.

– Так! – прошипела она. – Я все-таки поймала вас. Я знала, что это рано или поздно произойдет.

Она заговорила первой. Все это напоминало один из моих кошмаров, когда мне снилось, что я стою голая перед лицом Бога и бабушки.

Крис вступил в поединок:

– Вы поймали нас? И что же мы делали? Ровным счетом ничего. Ничего!

Ничего...

Ничего...

Ничего...

Слово эхом отразилось от стен комнаты. Для бабушки, однако, это означало все.

– Грешники! – прошипела она, снова злобно посмотрев на меня. В ее взгляде не было ни тени жалости. – Ты думаешь, ты хорошенькая? Думаешь, эти недавно сформировавшиеся изгибы и выпуклости привлекательны? Тебе нравятся эти длинные, золотистые волосы, которые ты причесываешь и завиваешь?

При этом она улыбнулась. Никогда еще я не видела более страшной улыбки.

Я стояла, судорожно сжав колени и обхватив себя руками. Как беспомощно, оказывается, чувствуешь себя без нижнего белья и с расстегнутой молнией сзади. Я бросила взгляд на Криса. Он приближался к нам, выискивая глазами какое-нибудь оружие.

– Сколько раз ты позволяла брату пользоваться твоим телом? – выпалила бабушка.

Я не знала, что ответить, потому что не понимала смысла ее слов.

– Пользоваться? О чем вы?

Ее глаза сузились в щелки, и она остро посмотрела на Криса, как бы давая понять, что он-то знает, что она имеет в виду, даже если я об этом не догадываюсь.

– Знаете что, – сказал он, краснея, – мы не делали ничего плохого. – Его голос стал более низким и сильным. – Вы можете сколько угодно пожирать меня взглядом. Думайте что хотите, но ни Кэти, ни я не совершали ничего плохого или греховного.

– Твоя сестра была голой, она позволила тебе смотреть на себя, таким образом, вы нарушили мои правила.

Она снова окинула меня ненавидящим взглядом и вышла из комнаты. Я продолжала вздрагивать даже после того, как за ней захлопнулась дверь. Крис был в ярости.

– Зачем тебе понадобилось раздеваться в комнате? Ты ведь знаешь, что она подглядывает за нами именно в надежде поймать нас за чем-нибудь в этом роде. – Весь его вид говорил о том, что он готов броситься на меня с кулаками. – Она накажет нас. То, что она вот так удалилась, ничего не сделав, не означает, что она не вернется.

Я знала это. Она вернется с плетью в руках!

Сонные и капризные, с чердака спустились близнецы. Кэрри сразу же уселась перед кукольным домиком, а Кори присел на корточки у телевизора. Он взял свою дорогую, профессиональную гитару и начал наигрывать какую-то мелодию. Крис сел на кровать лицом к двери. Я была наготове, чтобы вовремя убежать, когда она войдет. Я хотела убежать в ванную, закрыть за собой дверь...

В замке заскрежетал ключ. Дверная ручка повернулась.

Я вскочила на ноги, и Крис тоже.

– Беги в ванную, Кэти, и оставайся там, – сказал он.

Бабушка вошла в комнату, возвышаясь, как гигантское дерево, но в руках у нее была не плетень, а огромные ножницы, которые обычно используют для кройки. Они были блестящими, хромированными и, кажется, очень острыми.

– Сядь, девчонка, – бросила она. – Я собираюсь остричь тебе волосы. Под корень. Тогда, может быть, ты перестанешь так гордиться, глядя в зеркало.

При виде моего удивления ее лицо сложилось в презрительную

гримасу.

Этого я боялась больше всего! Я скорее вынесла бы наказание плетью! Кожа все равно зажила бы, но потребуется несколько лет, чтобы снова отрастить мои прекрасные длинные волосы, которыми я так дорожила. Я лелеяла их с тех пор, как папа сказал мне, что они красивы и что он очень любит маленьких девочек с длинными волосами. Откуда бабушка знала, что каждую ночь мне снится, как она тайком пробирается в комнату и пытается обкорнать меня, словно овцу? Иногда мне казалось, что она хочет отрезать и мои груди.

Она всегда смотрела на какую-то часть моего тела, не замечая целого. По всей видимости, она представляла меня как совокупность каких-то отдельных, неодушевленных составляющих, каждая из которых возбуждала в ней гнев. А все, что возбуждало в ней гнев, должно было погибнуть.

Я сделала попытку рвануться в ванную. Но по неизвестной причине мои натренированные ноги танцовщицы отказались двигаться. Меня парализовал сам вид этих длинных, блестящих ножниц в сочетании с металлическим блеском в глазах бабушки.

Крис снова заговорил сильным, твердым голосом:

– Вы не посмеете отрезать ни пряди волос Кэти, бабушка. Попробуйте сделать шаг в ее сторону, и я ударю вас по голове этим стулом.

Он поднял один из стульев у обеденного стола, готовый привести свою угрозу в исполнение. Его голубые глаза сверкали огнем в ответ на ненависть в глазах бабушки.

Она презрительно посмотрела на него, видимо подразумевая, что его намерения никогда не исполнятся и его сила ничтожна по сравнению с той горой стали, на которую он посягнул.

– Хорошо, пусть будет по-вашему. Выбирай, девчонка: или твои волосы, или никакой пищи и молока в течение недели.

– Но близнецы здесь ни при чем! – возразила я. – Крис тоже. Он не знал, что на мне не было одежды, когда спускался с чердака. Это все моя вина. Пусть я останусь без еды и молока на неделю. Я не буду голодать, и к тому же мама не позволит вам сделать это со мной. Она принесет еду.

Однако последние слова я произнесла без всякой уверенности. Мама не приходила к нам уже давно. Вряд ли она будет появляться чаще. Я наверняка сильно проголодаюсь.

– Твои волосы или неделя без еды, – повторила бабушка ровным, безразличным голосом.

– Вы не правы! – вспыхнул Крис, приближаясь к ней со стулом в поднятой руке. – Я застал Кэти врасплох. Мы не сделали ничего греховного

и никогда ничего не делали. Это стечение обстоятельств, по которому ни о чем нельзя судить.

– Или твои волосы, или ни один из вас не будет есть в течение недели, – повторила она, глядя на меня и, как всегда, игнорируя Криса. – А если ты убежишь на чердак или спрячешься в ванной, то вы не получите пищи две недели или до тех пор, пока ты не выйдешь оттуда, остриженная наголо.

Затем она направила свой холодный, расчетливый взгляд на Кристофера.

– Думаю, что именно ты должен будешь исполнить это, – сказала она, изобразив на лице подобие улыбки, положила ножницы на тумбочку, повернулась и ушла.

Мы с Крисом в замешательстве посмотрели друг на друга.

Наконец Крис улыбнулся:

– Брось, Кэти, все это – форменный блеф. Мама может появиться с минуты на минуту. Мы скажем ей. Не будет никаких проблем. Я никогда не обрежу твои волосы. – Он поднялся и обнял меня. – Хорошо, что мы припрятали на чердаке коробку крекеров и фунт чеддера. Кроме того, у нас осталась сегодняшняя порция еды. Старая ведьма забыла про нее.

Мы редко съедали помногу. В этот день мы постарались есть еще меньше, на случай если бы мама не пришла. Мы сохранили часть нашего молока и апельсины. День закончился, а мама не появлялась. Всю ночь я вертелась с боку на бок, то засыпая, то просыпаясь. Засыпая, я видела ужасные кошмары: мы с Крисом бродили по темному, густому лесу, заблудившись в поисках Кори и Кэрри. Мы выкрикивали их имена, но ответа не было. В панике мы бежали все глубже и глубже, и тьма вокруг нас все сгущалась.

Неожиданно в темноте возник пряничный домик. Некоторые детали были сделаны из сыра, крыша – из печенья «Орион», а извивающаяся дорожка, ведущая к входной двери, была вымощена твердой рождественской карамелью. Сама дверь состояла из шоколада «Херши», а ограда – из мятных палочек и трубочек с мороженым семи видов. Я мысленно обратилась к Крису: «Это ловушка! Нам туда нельзя!»

Он ответил: «Мы должны зайти! Нам нужно спасти близнецов!»

Мы тихо пробрались внутрь и увидели подушки из плюшек, сочащиеся золотистым маслом, и диван из свежее испеченного хлеба, тоже с маслом.

В кухне стояла ведьма – всем ведьмам ведьма! Нос клювом, выступающий подбородок, провалившийся беззубый рот, а на голове что-то

вроде мочалки с торчащими во все стороны концами волокон.

Она держала близнецов за длинные золотистые волосы, готовясь засунуть их в горячую печь. Они уже были покрыты розовой и голубой глазурью, их тела, еще не поджарившиеся, начинали превращаться в пряник, а голубые глаза – в черные изюмины!

Я страшно закричала, потом еще и еще.

Ведьма повернулась и посмотрела на меня своими каменными серыми глазами, ее провалившийся рот, похожий на ножевую рану, широко открылся. Ведьма захохотала. Она продолжала хохотать, пока мы с Крисом стояли, не в силах пошевелиться от шока. Она откинула назад голову, и мы увидели в ее разверстом рту гланды, похожие на клыки, – и тут внезапно она начала с пугающей быстротой изменяться. Под нашими изумленными взглядами она превратилась из гусеницы в бабочку. Ужасное создание стало нашей матерью.

Мама! Шелковые пряди ее волос, спустившись до пола, заскользили в нашу сторону, как змеи. Тугие кольца, извиваясь, окутывали наши ноги, подбираясь к горлу, пытаясь задушить нас, не дать нам заговорить, чтобы мы не помешали ей получить наследство.

«Я люблю вас, люблю, люблю, люблю», – шептала она, не открывая рта.

Я проснулась, но Крис продолжал спать, и близнецы тоже.

Я чувствовала, что опять засыпаю, несмотря на отчаянные попытки не делать этого. Я все глубже и глубже утопала в дреме и в конце концов погрузилась обратно в свои кошмарные сны. Я бежала куда-то в темноту и, споткнувшись, упала в пруд, наполненный кровью. Кровь была теплой и пахла смолой, а странные, блестящие бриллиантовой чешуей рыбы с лебедиными головами и красными глазами щипали мне руки и ноги, так что они скоро онемели и одеревенели, а рыбы с лебедиными головами смеялись, смеялись, довольные тем, что я сдалась, не могу сопротивляться и вся в крови. «Смотри! Смотри! Смотри! – кричали они, и эхо тысячекратно повторяло их голоса. – Тебе отсюда не выбраться».

За тяжелыми шторами, надежно скрывающими от нас свет надежды, занялся бледный рассвет.

Кэрри повернулась во сне и поближе прижалась ко мне.

– Мама, – пробормотала она, – мне не нравится этот дом.

Ее шелковые волосы, касавшиеся моей руки, напоминали гусиный пух, и ко мне мало-помалу начало возвращаться осязание.

Я неподвижно лежала на кровати, а Кэрри беспокойно вертелась, ей явно не хватало моих рук, обнимающих ее, но я чувствовала себя такой

измотанной, что не могла пошевелиться. Что со мной произошло? Голова была тяжелой, как будто ее набили булыжниками, распирающими череп изнутри, и болела так сильно, что я всерьез испугалась, как бы она не взорвалась. Пальцы рук и ног ныли. Тело было налито свинцом. Стены то уплывали, то приближались, и все прямые вертикальные линии куда-то исчезли.

Я попыталась увидеть свое изображение в затуманенном зеркале напротив, но распухшая голова не поворачивалась. Перед сном я всегда распускала волосы по подушке, чтобы, повернув голову, ощущать щекой их шелковистую мягкость. Это чувство доставляло мне громадное наслаждение, навевало сладкие и радостные сны о любви. Но сегодня на подушке не оказалось никаких волос. Что с ними случилось?

Ножницы?.. Ножницы все еще лежали на тумбочке. Несколько раз прочистив горло, я попробовала тихонько позвать Криса. Звать маму мне даже не приходило в голову. Я мысленно молила Бога, чтобы мой брат услышал меня.

– Крис, – наконец смогла я произнести странным, хрипловатым шепотом. – Со мной что-то случилось.

Как ни удивительно, мой шепот разбудил его. Он сел на кровати и протер глаза.

– Чего тебе, Кэти?

Я пробормотала что-то такое, отчего он сорвался с постели, растрепанный, в измятой синей пижаме, и поспешил ко мне. Внезапно он вздрогнул, резко втянул воздух и издал задушенный вскрик, в котором прозвучали потрясение и ужас:

– Кэти, боже мой!

От его восклицания у меня по всему телу побежали мурашки.

– О, Кэти, Кэти! – застонал он, вытаращив глаза.

Не понимая, в чем дело, я подняла тяжелые, непослушные руки и попыталась дотянуться до головы. На сей раз мне это удалось. И тут ко мне мигом вернулся голос, и я испустила громкий вопль. Я визжала как ненормальная, пока Крис не подбежал и не схватил меня в объятия.

– Прекрати, пожалуйста, прекрати, – всхлипывал он. – Подумай о близнецах. Не пугай их, прекрати так кричать, пожалуйста, Кэти. Они столько пережили, и не стоит оставлять в их душах шрам на всю жизнь, а это обязательно произойдет, если ты не успокоишься. Все нормально, мы попробуем это исправить. Клянусь, сегодня я придумаю что-нибудь, чтобы смыть смолу с твоей головы.

На моей руке он нашел красную точку – след от укола шприцем,

который сделала бабушка, усыпив меня каким-то препаратом. Очевидно, когда я спала, она залила мои волосы горячей смолой. Перед этим она собрала их в тугий пучок, так что не осталось ни одной пряди, избежавшей склеивания.

Крис не хотел пускать меня к зеркалу, но я решительно оттолкнула его и, не веря своим глазам, уставилась на ужасный черный сгусток вместо волос на моей голове. Он напоминал гигантскую жевательную резинку, растаявшую и стекающую по щекам черными слезами.

Увидев это, я поняла, что Крису никогда не удастся смыть смолу, никогда!

Кори проснулся первым, готовый подбежать к окну и, раздвинув шторы, посмотреть на солнечный свет, все время норовивший спрятаться от него. Он уже встал с кровати и хотел броситься к окну, как вдруг увидел меня.

У него широко открылись глаза и отвисла челюсть. Он поднял маленькие дрожащие руки и протер кулачками глаза, с изумлением глядя на меня.

– Кэти, – произнес он наконец, – это ты?

– Думаю, что да.

– Почему у тебя черные волосы?

Не успела я ответить, как проснувшаяся Кэрри испустила изумленный возглас.

– Кэти, какая странная у тебя голова! – В уголках ее глаз заблестели крупные слезы и медленно потекли по щекам. – Мне не нравится, как ты выглядишь, – заныла она, громко всхлипывая, как будто это ее волосы оказались залиты смолой.

– Успокойся, Кэрри, – сказал Крис, стараясь держаться спокойно и сдержанно, как будто ничего не случилось. – Это просто смола. Когда Кэти примет ванну и вымоет голову шампунем, все будет по-прежнему, как вчера. А пока она это делает, я хочу, чтобы вы позавтракали апельсинами и посмотрели телевизор. После того как Кэти закончит со своими волосами, мы съедим настоящий завтрак.

Он ничего не сказал о намерениях бабушки, чтобы не испугать их еще больше. Близнецы сели на пол, прижавшись друг к другу, как книги на полке, и принялись поедать апельсины, поглощенные созерцанием бессмысленных субботних мультфильмов, комедий и боевиков.

Крис приказал мне залезть в горячую ванну. Я снова и снова ныряла с головой в воду, а Крис пытался смягчить смолу шампунем. Смягчиться она действительно смягчилась, но не отставала, и пальцы Криса вязли в липкой

массе. Я тихонько рыдала. Как он старался удалить смолу, не повредив волосы! Я не могла думать ни о чем, кроме ножниц, блестящих ножниц, лежащих на тумбочке.

Сидя на коленях у ванны, Крис сумел разобрать мои слипшиеся волосы на отдельные пряди, но, когда он убрал руки от моей головы, я в ужасе увидела, что к ним прилипла масса черных от смолы волос.

– Тебе придется воспользоваться ножницами, – в отчаянии заявила я через два часа, измотанная этой процедурой.

Но нет, ножницы были последним средством. Крис сказал, что попытается сделать химический реактив, чтобы растворить смолу, не трогая волосы.

У него был очень хороший химический набор, подаренный мамой. На крышке имелось суровое предупреждение: «Это не игрушка. Коробка содержит опасные химикаты, предназначенные только для профессионального пользования».

– Кэти, – сказал Крис, присев на корточки. – Я пойду в классную комнату на чердаке и попробую сделать какой-нибудь состав, чтобы убрать смолу. – Он робко улыбнулся мне. Свет лампы оттенял легкий пушок на его верхней губе, и я знала, что в нижней части тела у него более толстые и темные волосы, как и у меня. – Мне нужно воспользоваться унитазом, Кэти. Я никогда не делал это в твоём присутствии, поэтому мне как-то неудобно. Повернись ко мне спиной и зажми уши. И кстати, если ты помочишься в воду, аммиак, возможно, поможет смыть смолу.

Я удивленно уставилась на него. Все это начинало напоминать мои ночные кошмары. Сидеть в горячей ванне, справлять в нее малую нужду и полоскать в ней волосы? А мой брат у меня за спиной будет мочиться в унитаз? Это был сон, это было слишком нереально. А что, если Кори и Кэрри тоже захотят воспользоваться туалетом, пока я тут сижу в ванне?

К сожалению, это было достаточно реально. К ванне, взявшись за руки, подошли Кэрри и Кори, желая узнать, почему я задерживаюсь в ней так долго.

– Кэти, что у тебя на голове?

– Смолы.

– Зачем ты намазала волосы смолой?

– Я сделала это во сне.

– А где ты ее нашла?

– На чердаке.

– Зачем тебе это понадобилось?

Я терпеть не могла ложь! Я хотела все рассказать – и не могла. Кэрри и

Кори и без того уже боялись старую ведьму.

– Иди в комнату и посмотри телевизор, Кэрри, – приказала я раздраженно, не в силах больше выслушивать вопросы и смотреть на впалые щеки и ввалившиеся глаза близнецов.

– Кэти, ты меня больше не любишь?

– Сейчас же...

– Не любишь?

– Конечно я люблю тебя, Кори. Люблю вас обоих, но сейчас я очень сердита на саму себя, потому что по ошибке залила свои волосы смолой.

Кэрри и Кори снова удалились и устроились в уголке, шепотом обмениваясь замечаниями на своем странном языке, понятном только им самим. Иногда мне казалось, что они понимали гораздо больше, чем думали мы с Крисом.

Несколько часов я провела в ванне, пока Крис экспериментировал с разными растворами на нескольких прядях, отрезанных от моей когда-то роскошной гривы. Он перепробовал все возможные комбинации, то и дело заставлял меня менять воду, каждый раз делая ее горячее, пока я не покраснела, как вишня. Миллиметр за миллиметром он счищал с моих волос клейкую массу. В результате я избавилась от смолы вместе с большим количеством волос. Но у меня их было так много, что я могла позволить себе потерю некоторой части, чтобы спасти остальные. И когда дело было сделано, оказалось, что день уже прошел, а мы с Крисом так и не съели ни крошки. Он давал крекеры и сыр близнецам, а у него самого времени на еду не было. Завернувшись в полотенце, я села на кровать и принялась сушить свои значительно поредевшие локоны. Оставшиеся волосы сделались хрупкими, ломкими и изменили цвет на платиновый.

– Мог бы побереечь усилия, – сказала я Крису, с аппетитом поглощавшему два крекера с сыром. – Она не принесла нам пищу и не принесет, пока ты не отрежешь мне волосы.

Вместо ответа он подал мне стакан воды и тарелку с сыром и крекерами:

– Ешь и пей. Мы перехитрим ее. Если до завтра она не принесет нам еды или если не появится мама, я срежу волосы у тебя надо лбом и спрячу остальные под платком. Скажу, что ты стесняешься ходить с лысой головой. А волосы у тебя скоро отрастут снова.

Я молча съела все до последней крошки и запила водой из водопроводного крана. После этого Крис расчесал мои тусклые слабые волосы, столь много перенесшие. Как обычно, когда что-то теряешь, то видишь это по-новому: мои волосы никогда не казались мне такими

мягкими и шелковистыми на ощупь. Я была рада, что осталось хоть что-то. Совершенно измотанная раздирающими меня весь день эмоциями, я легла на кровать и стала смотреть на Криса, который сидел на своей кровати и смотрел на меня. И когда я уже засыпала, он все еще сидел там, намотав на руку длинную прядь моих паутинно-тонких волос.

В эту ночь я часто просыпалась, и меня переполняли страх неопределенности и чувство бессильного гнева.

Проснувшись в очередной раз, я увидела Криса.

Он так и не ложился – на нем была та же одежда, что и днем. Придвинув к двери самое массивное в комнате кресло, он дремал в нем. В руках у него были те самые ножницы, длинные и острые. Он боялся, что бабушка проникнет в комнату и воспользуется ими. Даже спящий, он охранял меня от нее.

Стоило мне посмотреть на него, как Крис сразу встрепнулся. В розовом полумраке, всегда наполнявшем комнату по ночам, наши взгляды встретились, и он произнес:

– Привет!

– Крис, – воскликнула я, – ложись в кровать! Нельзя преграждать ей дорогу круглые сутки.

– Пока ты спишь, я буду это делать.

– Тогда давай я тоже постерегу вход. Давай по очереди.

– Кто здесь мужчина, ты или я? Кроме того, я съел больше твоего.

– А это-то тут при чем?

– Я могу позволить себе потерять в весе, а ты – нет. Ты и так тощая.

Он тоже весил мало, как и все мы. Если бы бабушка захотела, она все равно смогла бы распахнуть дверь: совокупная масса Криса и кресла не остановила бы ее. Несмотря на галантные протесты брата, я заняла место в кресле рядом с ним.

– Ш-ш, – прошептала я. – Вдвоем нам будет легче удержать дверь, и мы оба сможем дремать.

Обнявшись, мы заснули.

Наступило утро... Без бабушки... Без еды...

Начались бесконечные, жалкие, голодные дни.

Очень скоро крекеры с сыром кончились, хотя мы расходовали их очень и очень экономно. Тогда начались настоящие мучения. Мы пили только воду, сохраняя молоко для близнецов.

Крис, с трудом сдерживая слезы, состриг волосы на передней части моей головы. Я старалась не смотреть в зеркало. Длинные волосы сзади

остались, и я скрыла их под шарфом, завязанным в виде тюрбана.

Вся ирония состояла в том, что бабушка и не думала приходить и проверять.

Она не приносила нам ни еду, ни молоко, ни чистое постельное белье, ни мыло и зубную пасту, которые у нас кончились. Даже туалетную бумагу. Теперь я жалела, что выкидывала оберточную бумагу от нашей дорогой одежды. Приходилось вырывать страницы из самых ветхих книг с полок на чердаке.

Потом засорился унитаз. Спустив в очередной раз воду, Кори истошно завопил, когда зловонная жидкость хлынула через край и залила пол. У нас не было троса, чтобы прочистить трубу. В панике мы метались по комнате, пытаюсь найти решение. Я побежала на чердак за старой одеждой, чтобы вытереть пол, а Крис занялся выпрямлением проволоочной вешалки, которой надеялся пробить пробку.

В конце концов ему это удалось, и система снова заработала. Потом он опустился рядом со мной на колени, и мы долго молча вытирали пол одеждой из старых сундуков.

Всю эту кучу отвратительно пахнущих тряпок мы засунули в сундук и тем самым добавили еще одну тайну к тем, что ждали своей разгадки на чердаке.

Мы избегали говорить об истинном ужасе нашего положения. Просто вставали по утрам, плескали в лицо холодной водой, полоскали рот, ходили по комнате, смотрели телевизор. По крайней мере, теперь нас не заботило, что бабушка может войти и наказать нас за мятую простыню или что-нибудь в этом роде. Какая разница.

Слезы близнецов, их просьбы о еде оставили в моей душе шрамы на всю последующую жизнь. Я чувствовала смертельную ненависть к старой ведьме и к маме за то, что они с нами делали.

В обеденные часы мы спали. Долгими часами сна старались мы заменить еду. Во сне не чувствовались ни голод, ни горечь одиночества. Мы утопали в ложной эйфории сновидений и просыпались, не осознавая происходящего. Жизнь превратилась в один бесконечный день, и мы проводили его, неподвижно лежа перед телевизором, в котором только и продолжалась настоящая жизнь. Усталая и полубесчувственная, я машинально повернулась и заметила, как Крис достает из кармана нож и вскрывает вены у себя на запястье. Потом он поднес руку ко рту протестующего Кори и заставил его пить свою кровь. Следующей была очередь Кэрри. Оба они, постоянно капризничавшие из-за еды – твердой, жирной или просто странной, – теперь пили кровь своего старшего брата и

смотрели на него широко открытыми благодарными глазами.

Мне стало тошно, и я отвернулась, одновременно восхищенная тем, что мой старший брат оказался способен на такое... Он всегда находил выход из любого положения.

Присев на мою кровать, Крис посмотрел на меня долгим взглядом, затем опустил глаза на свое запястье, которое кровоточило уже не так сильно, и занес нож, чтобы я тоже могла поддержать себя его кровью. Я остановила его и отвела занесенную руку, отбросив в сторону стальной нож. Он бросился за ним, подхватил его и протер лезвие спиртом, несмотря на то что я торжественно поклялась не пить его кровь и не лишать его последних сил.

– Что мы будем делать, если она никогда не вернется? – уныло спросила я. – Она хочет нашей голодной смерти.

Естественно, я имела в виду бабушку – к тому времени она не появлялась уже две недели. Кроме того, я поняла, что Крис преувеличивал, когда говорил, что припрятал на черный день целый фунт чеддера. Теперь мы съели даже то, что использовали в качестве приманки в мышеловках. Мы провели три дня полностью без еды и еще четыре – с крошками сыра, предназначавшимися для мышей. Молоко, которое пили только близнецы, кончилось два дня назад.

– Она не даст нам умереть с голоду, – сказал Крис, обнимая меня своей ослабевшей рукой. – Вернее, мы ей не дадим сделать это с нами. Мы будем идиотами, если позволим ей. Если завтра она не придет к нам с едой, мы сделаем веревку из связанных простыней и по этой веревке спустимся из окна.

Моя голова лежала на его груди, и я слышала слабое биение его сердца.

– Откуда ты знаешь, что она теперь сделает? Она ненавидит нас. Хочет, чтобы мы умерли. Разве ты не помнишь, как она постоянно повторяла, что лучше бы мы вообще не появлялись на свет.

– Кэти, старая ведьма далеко не глупа. Она принесет еду очень скоро, пока мама не приехала, где бы она ни была.

Я сделала попытку перевязать ему запястье. Нам следовало бежать раньше, две недели назад, пока у нас были силы для того, чтобы совершить опасный спуск. Сейчас даже если бы мы и решились, то упали бы и разбились насмерть, тем более с привязанными на спине близнецами.

Когда наступило утро, но никакой еды не появилось, Крис заставил нас подняться на чердак. Близнецов пришлось нести на руках, они слишком ослабли и сонно свернулись калачиком в углу классной комнаты. Крис

начал готовить веревочные крепления, чтобы мы привязали близнецов к спинам. Ни он, ни я не решились произносить вслух, что, возможно, мы совершаем самоубийство – или убийство в случае, если упадем.

– Мы сделаем это по-другому, – неожиданно решил Крис. – Когда я доберусь до земли, ты посадишь Кори в веревочное сиденье, крепко привяжешь его, чтобы он не лягался, и спустишь его ко мне. Потом сделаешь то же самое с Кэрри, а сама спустишься последней. И ради бога, соберись с силами, не впадай в апатию. Старайся чувствовать гнев, будь мстительной. Я слышал, что в чрезвычайных обстоятельствах сильная ярость придает сверхчеловеческие силы.

– Давай лучше я спущусь первой. Ты все-таки сильнее, – слабо возразила я.

– Нет, я буду страховать близнецов на случай, если они будут спускаться слишком быстро. Я поймаю их на руки, а в твоих руках, ты совершенно права, силы гораздо меньше. Я перекину веревку через трубу, чтобы вся тяжесть не приходилась на тебя. И знаешь, Кэти, это действительно чрезвычайные обстоятельства!

Но то, что он предложил мне сделать в следующий момент, было выше моих сил.

Я с ужасом бросила взгляд на четырехдохлых мышей в наших мышеловках.

– Мы должны съесть этих мышей, чтобы набраться сил, – мрачно сказал Крис. – Мы должны и можем сделать это.

Сырое мясо? Сырых мышей?

– Нет, – прошептала я, еще раз покосившись на окоченевшие тельца.

Крис рассердился и начал настаивать, говоря, что мы должны сделать это ради того, чтобы сохранить жизнь близнецам и остаться в живых самим.

– Кэти, я съем двух мышей первым, вот только сбегая вниз за солью и перцем. Кроме того, мне нужна вешалка, чтобы затянуть узлы на простынях: мои пальцы теперь плохо работают, а такелаж надо иметь надежный.

Разумеется, его руки работали плохо. Мы так ослабели, что едва двигались.

Крис ободряюще взглянул на меня:

– Серьезно, мне кажется, с солью и перцем мыши – очень вкусная штука.

Вкусная...

Он отрезал головы, снял шкуры и выпотрошил внутренности. Я

наблюдала, как он разрезает маленькие животы, удаляя длинные скользкие кишки и миниатюрные сердца.

Меня могло бы стошнить, если бы в моем желудке хоть что-то осталось.

Конечно, он не побежал, а пошел вниз медленно, давая мне понять, что тоже не жаждет попробовать мышинового мяса. Пошел за солью, перцем и вешалкой из проволоки.

Мои глаза оставались прикованными к мышинным трупикам, нашему следующему обеду. Зажмурившись, я попыталась заставить себя откусить первый кусочек. Голодная, я все равно не радовалась этой перспективе.

Потом я посмотрела на близнецов, которые сидели в обнимку, привалившись к стене в углу. Точно так же, наверное, они обнимали друг друга в утробе матери, чтобы родиться и теперь оказаться взаперти, где их морили голодом. Наши бедные маленькие двойняшки, у которых когда-то были любящие отец и мать.

Все же имелась надежда, что съеденные мыши придадут нам с Крисом достаточно сил, и мы сумеем невредимыми спустить близнецов на землю, и какой-нибудь добрый сосед накормит их и нас, если мы сможем продержаться еще около часа.

Тут я услышала шаги медленно возвращающегося Криса. Он остановился в дверях с полуулыбкой на лице, его глаза сияли. В руках была хорошо знакомая нам всем корзинка для пикника. Она была так туго набита едой, что деревянная крышка не закрывалась.

Крис достал две кружки-термоса: одну с овощным супом, другую с холодным молоком, и я почувствовала смущение, оцепенение и надежду. Может быть, мама вернулась и прислала все это нам? Тогда почему она не позвала нас? Или не пришла сюда сама?

Крис взял на колени Кэрри, а я – Кори, и мы начали кормить их с ложки супом. Они принимали суп так же, как кровь своего старшего брата, без удивления, как новое событие в своей необычной жизни. Потом мы дали им несколько кусочков сэндвича. Мы ели осторожно, потому что Крис предупредил, что могут быть спазмы.

Мне очень хотелось побыстрее запихать все в рот Кори и заняться собой. Он ел ужасно медленно. Тысячи вопросов проносились в моей голове. Почему сегодня? Почему пища появилась не вчера и не позавчера? О чем думала эта женщина? Какие строила планы? Когда я в конце концов смогла заняться едой, я была настолько полна новых подозрений, что не чувствовала никакого облегчения и была слишком безразлична, чтобы радоваться.

Съев несколько ложек супа и полсэндвича, Крис развернул сверток из фольги. Внутри лежали четыре пончика, обсыпанные сахарной пудрой. Мы, никогда не получавшие сладостей, неожиданно удостоились десерта – от бабушки. Это произошло впервые. Может, таким образом она просила прощения? Какова бы ни была ее цель, мы восприняли все именно так.

За ту неделю, что мы провели на грани голодной смерти, что-то странное возникло между мной и Крисом. Может быть, это началось, когда я сидела в ванне, покрытой слоем пены, и он так самоотверженно пытался смыть смолу с моей головы. До этого ужасного дня мы были обыкновенными братом и сестрой, играющими роль родителей для близнецов. Теперь наши отношения изменились. Это была уже не игра. Мы стали настоящими родителями Кэрри и Кори. Это стало нашей обязанностью, нашей ответственностью, и мы чувствовали неразрывную связь с ними и друг с другом.

Наконец нам стало ясно, что наша судьба ни капли не беспокоит нашу маму.

Крису не надо было ничего говорить. Я поняла, что он почувствовал, убедившись в ее полном безразличии. Об этом говорил его холодный мрачный взгляд, его движения и поступки. Когда-то фотография мамы красовалась над его кроватью, теперь ее там не было. Крис всегда верил в нее больше, чем я, поэтому его чувства были затронуты намного сильнее. Хотя если его боль была сильнее моей, он, наверное, был близок к апатии.

Он нежно взял меня за руку, давая понять, что мы можем вернуться в комнату. Мы медленно спустились вниз – бледные, сонные привидения, почти ненормальные от пережитого шока, больные и ослабленные. Особенно это касалось близнецов. Вряд ли каждый из них весил больше тридцати фунтов. Я видела, как выглядели они и Крис, и, естественно, хотела посмотреть на себя. Я повернулась к высокому широкому зеркалу над комодом, рассчитывая увидеть клоуна с ежиком волос спереди и длинными выцветшими космами на затылке. Но, к моему изумлению, зеркала на месте не оказалось.

Я бросилась в ванную, чтобы заглянуть в зеркало на дверце шкафчика с лекарствами, но и оно было разбито вдребезги. Я побежала назад, чтобы посмотреть, что случилось с третьим зеркалом, спрятанным под крышкой туалетного столика, который Крис часто использовал в качестве письменного стола. Увы, и этого зеркала мы лишились.

Нам оставалось только смотреться в осколки и видеть в них уродливые, непропорциональные фигуры, совсем не похожие на людей. Наверное, таким видят мир мухи, стрекозы и другие насекомые с

фасеточным зрением. Я отвернулась от туалетного столика и, поставив корзинку с едой в самый холодный угол, решила прилечь. Я не пыталась понять, почему одно зеркало исчезло, а остальные оказались разбитыми, – вернее, я прекрасно знала причину. Гордость была грехом. А мы с Крисом в глазах бабушки были худшими из грешников. Близнецы страдали за наши грехи. Непонятно было лишь, почему она принесла нам еду.

Прошло несколько дней. Корзина с едой снова появлялась каждое утро. Бабушка совсем перестала смотреть в нашу сторону. Она старательно отводила глаза и, едва войдя, быстро пятилась назад и закрывала за собой дверь. На моей голове был розовый тюрбан из полотенца, завязанный с таким расчетом, чтобы была видна стриженная часть моей головы, но если бабушка и замечала это, то намеренно не делала никаких комментариев. Мы равнодушно смотрели на ее приходы и уходы и даже не пытались спрашивать о маме. Те, кого наказывают с такой легкостью, хорошо усваивают урок и никогда не заговаривают первыми. Мы с Крисом пристально смотрели на нее, стараясь выразить взглядом ненависть и злобу, но наши глаза никогда не встречались.

Лежа на кровати подле Кэрри, я подолгу задумывалась о происшедшем и в конце концов поняла, что из-за меня все обернулось гораздо хуже, чем могло быть. Крис, в прошлом неунывающий оптимист, превращался в подобие меня, только еще более мрачное подобие. Я хотела, чтобы он стал таким, как раньше, – всегда улыбающимся, способным представить худшее положение в лучшем свете.

Он сидел у туалетного столика, раскрыв перед собой учебник по медицине и ссутулившись. Он не читал и не делал пометок. Просто сидел.

– Крис, – сказала я, приподнимаясь с кровати, чтобы расчесать волосы, – как ты думаешь, какой процент девочек моего возраста ложатся спать с вымытыми до блеска волосами и просыпаются похожими на облитое смолой пугало?

Он повернулся ко мне, удивленный тем, что я вспомнила этот ужасный день.

– Ну, – произнес он, растягивая слова, – по моему мнению, ты одна-единственная и неповторимая.

– О, я даже не знаю. Ты помнишь тот день, когда на нашей улице клали асфальт? Мэри Лу Бейкер и я перевернули тогда громадную кадку с этим материалом, и мы сделали из смолы маленьких человечков и положили их в черные кровати, а потом пришел человек из дорожно-ремонтной бригады и наорал на нас.

– Да-а, – сказал Крис, – я помню, ты пришла домой грязная до

омерзения, а во рту у тебя был кусок смолы, чтобы зубы стали белее. Черт возьми, Кэти, все, чего ты добилась, так это вытащила пломбу из зуба.

– Единственное преимущество этой комнаты в том, что нам не нужно дважды в год посещать зубного.

Крис бросил на меня веселый взгляд:

– А еще замечательно то, что у нас так много времени! Мы завершим наш турнир в «Монополию». А чемпион постирает нижнее белье для всех.

В этом был весь Крис. Он ненавидел стирать, стоя на коленях на твердом кафельном полу и согнувшись над лоханью.

Мы разложили игру, сосчитали деньги и оглянулись в поисках близнецов. Они исчезли! Куда, кроме чердака, можно еще пойти? Ванная была пуста, а на чердак они бы никогда не пошли без нас. Наконец мы услышали странные чирикающие звуки из-за телевизора.

Они были там: сидели, пригнувшись, позади телевизора и ждали появления крошечных людей изнутри.

– Мы думали, что, может быть, мама находится там, – объяснила Кэрри.

– Я лучше пойду наверх и попрыгаю там, – сказала я, поднимаясь с кровати и направляясь к гардеробной.

– Кэти! А как же наш турнир по «Монополии»?

Помедлив, я обернулась:

– Ты опять будешь только выигрывать. Забудь о турнире.

– Трусиха! – поддразнил он, как и всегда. – Давай поиграем.

Долгим, тяжелым взглядом он посмотрел на близнецов, которые всегда исполняли роль наших банкиров.

– В этот раз играем без обмана, – предупредил он строго. – Если я поймаю одного из вас за передачей денег Кэти, когда вы думаете, что я не смотрю, – я съем сам все четыре пончика.

Черта с два он бы это сделал! Пончики были лучшей частью нашей еды и приберегались на вечерний десерт. Я плюхнулась на пол, скрестив ноги, и мой мозг погрузился в хитроумные способы покупки лучшей собственности, железных дорог, предприятий коммунальных услуг и отелей. Я покажу ему, что кое-кто умеет делать это лучше его.

Мы играли часами, останавливаясь лишь для еды. Когда близнецам наскучивала роль наших банкиров, мы сами отсчитывали деньги, тщательно следя друг за другом. И Крис надолго застрял в тюрьме и упустил возможность получить двести долларов, ему пришлось платить налог на наследство и в общественный фонд... и все-таки он выиграл!

Однажды ночью, в августе, Крис подошел ко мне и прошептал на ухо:

– Близнецы заснули. Внутри так жарко, пойти поплавать было бы просто замечательно.

– Отстань от меня, уйди, ты же знаешь, что мы не можем пойти купаться.

Я, как всегда, была не в настроении после проигрыша в «Монополию».

Купание, какая идиотская затея! Даже если бы была возможность, я бы не стала принимать участие в том, в чем Крис превосходил меня, например в плавании.

– А где мы будем плавать? В ванне?

– В озере, о котором мама нам рассказывала. Это недалеко отсюда, – прошептал он. – Мы должны практиковаться в спуске на землю по веревке из простыней, хотя бы на случай пожара. Теперь мы стали сильнее. Мы легко спустимся на землю и не будем долго отсутствовать.

Он уговаривал меня так настойчиво, как будто само его существование зависело от возможности хотя бы однажды покинуть этот дом только для того, чтобы доказать, что мы можем это сделать.

– Близнецы могут проснуться и заметить наше отсутствие.

– Мы оставим записку на дверях ванной, что мы на чердаке. И, кроме того, они не проснутся раньше утра и даже не пойдут в ванную.

Он спорил и умолял до тех пор, пока не одержал верх. Мы поднялись на чердак, а оттуда – на крышу, где Крис надежно прикрепил нашу веревку из связанных простыней к ближайшему дымоходу на задней стороне дома. Всего на крыше их было восемь.

Проверяя один за другим узлы на веревке, Крис давал мне инструкции:

– Используй большие узлы как ступени. Руками держись за узлы над головой. Двигайся медленно, нащупывая ногами следующий узел. И цепляйся ногами за веревку, чтобы не соскользнуть и не упасть.

Уверенно улыбаясь, он взялся за веревку и осторожно двинулся к краю крыши. Мы спускались на землю первый раз более чем за два года.

Вкус неба

Пока Крис медленно и осторожно спускался вниз, я тихо лежала на животе на краю крыши, следя за его продвижением. На небо вышла луна, и в ее ярком свете он помахал мне рукой: это был сигнал для меня начинать спуск. Я внимательно наблюдала за его действиями и могла воспроизвести его метод. Я уверяла себя, что это совсем не отличается от раскачивания на веревках, привязанных к стропилам чердака. Узлы были большими и крепкими, мы предусмотрительно сделали их на расстоянии четырех с половиной футов друг от друга. Крис велел мне не смотреть вниз, а концентрироваться на поиске узла, расположенного ниже. Меньше чем через десять минут я стояла на земле рядом с Крисом.

– Ничего себе! – прошептал он, крепко обнимая меня. – Ты сделала это лучше, чем я!

Мы находились на задней стороне садов Фоксворт-холла, где все комнаты были темные, зато в комнатах слуг над большим гаражом все окна были ярко-желтыми.

– Веди, Макдуф, к месту для плавания, – сказала я низким голосом, – конечно, если ты знаешь дорогу.

Разумеется, он знал ее. Мама рассказывала нам о том, как они с братьями незаметно ускользали из дома и шли купаться со своими друзьями.

Крис взял меня за руку, и мы пошли на цыпочках прочь от огромного дома. Так странно было оказаться снаружи в эту теплую летнюю ночь, пока наши младшие брат и сестра оставались сидеть в запертой комнате. Перейдя маленький пешеходный мост, мы вышли за границы фоксвортской собственности и почувствовали себя счастливыми, почти свободными. Но и теперь нам следовало быть осторожными, чтобы нас никто не заметил! Мы побежали к лесу, а затем к озеру, о котором нам говорила мама.

Было десять часов, когда мы покинули дом, и десять тридцать, когда мы дошли до маленького озера, окруженного деревьями. Мы боялись, что другие испортят нам купание и мы уйдем неудовлетворенными, но поверхность озера была гладкой, не потревоженной ни ветром, ни купальщиками, ни лодками.

В лунном свете, под звездным небом, я смотрела на это озеро и думала, что никогда не видела такой восхитительной воды и никогда еще ночь не наполняла меня таким восторгом.

– Мы будем плавать гольшом? – спросил Крис, странно посмотрев на меня.

– Нет. Мы будем плавать в нижнем белье.

Беда в том, что у меня не было лифчика. Но поскольку мы уже оказались здесь, дурацкая жеманность не могла помешать мне насладиться этой водой, залитой лунным светом.

– Кто последний, тот дурак! – прокричала я.

Скинув с себя одежду, я побежала к берегу. Но, добежав до него, я каким-то образом почувствовала, что вода холодная, и попробовала ее ногой – она оказалась ледяной! Я оглянулась на Криса: он снял часы, отбросил их в сторону и поспешил ко мне. Так быстро, что я не успела набраться храбрости и нырнуть в воду, а он уже оказался сзади и резко пихнул меня! Плюх – и я сразу окунулась с головой, а не вошла в нее постепенно, как хотела.

Дрожа, я всплыла на поверхность и посмотрела вокруг в поисках Криса. Я увидела его силуэт, крадущийся по каменной гряде. Крис поднял руки и по-лебединому грациозно нырнул в середину озера. Я раскрыла рот от изумления. А вдруг там недостаточно глубоко? Что, если он ударился о дно и сломал себе шею?

Время все шло... шло... а он не всплывал! О господи! Он мертв, утонул!

– Крис, – позвала я, всхлипывая, и поплыла к тому месту, где он исчез и где еще не успокоилась вода.

Вдруг кто-то схватил меня за ноги! Я вскрикнула и ушла под воду, увлекаемая Крисом, который затем, мощно работая ногами, вынес нас на поверхность. Мы оба засмеялись, и я плеснула ему водой в лицо за такую гадкую шутку.

– Разве это не лучше, чем сидеть в той душной отвратительной комнате? – спрашивал он, резвясь вокруг меня в диком, сумасшедшем исступлении.

Было похоже, что частица свободы ударила ему в голову, как крепкое вино, и он действительно опьянел. Он плавал вокруг меня и снова пытался поймать меня за ноги и утащить под воду. Но теперь я была умнее. Он нырял, плавал на спине и на боку, брассом и кролем, по-разному называя то, что показывал.

– Это кроль на спине, – говорил он и демонстрировал технику, которой я никогда не видела.

Всплыв на поверхность после очередного погружения, он запел «Танцуй, балерина, танцуй» и стал брызгать мне в лицо водой, а я плескала

в него. Затем он схватил меня в объятия, и мы боролись, визжа и смеясь, счастливые, как дети. Он был замечателен в воде, как танцор. Внезапно я почувствовала себя утомленной, от усталости я стала просто как тряпка, так что Крис обхватил меня рукой и помог выбраться на берег.

Мы повалились на траву и принялись болтать.

– Еще раз поплаваем и вернемся к близнецам, – сказал он, лежа навзничь на откосе позади меня.

Оба мы пристально смотрели на небо, полное мерцающих и поблескивающих звезд, и на ущербную луну, которая то появлялась, то пряталась в облаках, окрашивая их края.

– Я надеюсь, мы сможем забраться обратно на крышу?

– Сможем, потому что должны.

Это был мой Кристофер Долл, вечный оптимист, растянувшийся позади меня, весь мокрый и блестящий, со светлыми волосами, прилипшими ко лбу. У него был тот же нос, что и у отца, те же полные губы прекрасной формы, которые не надо было надувать, чтобы придать им чувственности; подбородок стал квадратным и строгим, а грудь начала расширяться... а над его сильными бедрами уже начал набухать холмик растущей мужественности. Было что-то в мужских, хорошо очерченных бедрах, что привлекало меня. Я отвернула голову, не в состоянии любоваться его красотой без чувства вины и стыда.

В ветвях деревьев у нас над головой гнездились птицы. Они тихонько чирикали, и эти звуки почему-то напомнили мне близнецов, наполняя сердце грустью, а глаза – слезами.

Светляки вспыхивали и тухли, оставляя за собой желтоватый след, по которому мы пытались определить, какая это особь – мужская или женская.

– Крис, вот эта – мужская она или женская?

– Я не знаю, – ответил он безразличным тоном. – Я думаю, что они зажигаются парами: женская остается на земле, подавая сигнал, а мужская летит по небу, отыскивая ее.

– То есть ты не уверен в этом, ты, всезнающий?

– Кэти, не цепляйся к словам. Конечно же, я не знаю всего.

Он повернул голову и встретился со мной глазами; мы оба почувствовали себя не в состоянии смотреть куда-либо еще.

Мягкий южный бриз играл моими волосами и сушил капли у меня на лице. Я чувствовала его легкие поцелуи, и мне хотелось плакать без причины, просто оттого, что эта ночь была так хороша, а я находилась в возрасте высоких романтических стремлений. Ветер нашептывал мне в уши слова любви... слова, которые я так боялась от кого-нибудь услышать.

Но ночь под деревьями по-прежнему была нежна, вода поблескивала в лунном свете, и я вздохнула. Я почувствовала, что когда-то раньше уже была здесь, на этой траве у озера. О, какие странные мысли пробуждали у меня вспыхивающие звезды... но жужжание moskitov и вскрик филина где-то вдалеке вернули меня в ночь, в которой мы были беглецами, спрятанными от мира, не желающего нас принимать.

– Крис, тебе почти семнадцать – это возраст отца, когда он впервые встретил маму.

– А тебе четырнадцать – это был ее возраст, – произнес он хрипло.

– Ты веришь в любовь с первого взгляда?

Он колебался, обдумывая.

– Я не авторитет в этом вопросе. Помню, когда я был в школе, мне стоило только встретить красивую девушку, как я влюблялся в нее. Поговорив с ней и выяснив, что она немного глуповата, я переставал что-либо чувствовать к ней. Но если бы ее красота дополнялась другими ценными качествами, я думаю, что мог бы влюбиться с первого взгляда, хотя я читал, что такая любовь – не более чем физическое влечение.

– Ты думаешь, что я тупица?

Он усмехнулся и погладил меня по голове.

– Черт побери, конечно нет. Надеюсь, что и ты так не думаешь. Твоя беда, Кэти, в том, что у тебя слишком много способностей и ты хочешь сделать все сразу, а это невозможно.

– Откуда ты знаешь, что я хотела бы быть и певицей, и актрисой?

Он тихо засмеялся:

– Глупышка, ведь ты же играешь девяносто процентов времени и напеваешь про себя, когда довольна собой, что, к несчастью, случается не так часто.

– А ты часто бываешь доволен собой?

– Нет.

Так мы и лежали, рассеянно глядя на то, что привлекало наше внимание, вроде светляков в траве, шепчущихся листьев, плывущих облаков или игры лунного света на воде. Ночь была очаровательна, и она снова заставила меня думать о неисповедимых путях природы. Я не понимала множество этих путей, не понимала, почему ночью я мечтаю, как сейчас, не понимала, почему просыпаюсь, трепеща в тоске по исполнению чего-то, чего не могу достичь.

Я была рада, что Крис убедил меня пойти. Было замечательно лежать на траве, чувствовать свежесть и прохладу, чувствовать себя снова живой.

– Крис, – начала я осторожно, боясь испортить мягкую прелесть этой

звездной ночи, – как ты думаешь, где наша мама?

Он, не отрываясь, смотрел на Полярную звезду.

– Даже не представляю, – произнес он наконец.

– Разве у тебя нет никаких подозрений?

– Конечно есть.

– И в чем они заключаются?

– Может быть, она больна?

– Она не больна, мама никогда не болеет.

– Может быть, она отправилась по делам своего отца?

– Тогда почему она не пришла к нам и не сказала, что уезжает и когда ее ждать?

– Я не знаю, – произнес он раздраженно, как будто я портила весь вечер.

Разумеется, он знал не больше меня.

– Крис, ты любишь ее и доверяешь ей по-прежнему?

– Не задавай мне подобных вопросов! Она моя мать. Она – все, что у нас есть, и если ты думаешь, что я собираюсь говорить гадости про нее, лежа здесь, так я этого делать не буду! Где бы она ни была сейчас, она думает о нас и она вернется. У нее наверняка были очень веские причины для отъезда и долгого отсутствия, в этом ты можешь быть уверена.

Я не сказала ему, о чем я думаю: о том, что она могла бы найти время зайти к нам и поведать о своих планах. Крис понимал это так же хорошо, как и я.

Он говорил с хрипотой в голосе – это случалось только тогда, когда он чувствовал боль, но не физическую. Я захотела устранить вред, нанесенный моими вопросами.

– Крис, девушки моего возраста и парни твоего начинают ходить на свидания. Ты знаешь, как вести себя на свидании?

– Конечно, я видел кучу этого по телевизору.

– Но смотреть и делать – разные вещи.

– Однако все-таки там есть подсказка, что говорить и что делать. И кстати, ты еще слишком молода, чтобы ходить на свидания с парнями.

– А теперь позволь мне кое-что тебе сказать, мистер Большие Мозги. Девушка моего возраста фактически на год старше, чем парень твоего возраста.

– Ты сошла с ума!

– Сошла с ума? Я читала статью в журнале, написанную авторитетом в этом вопросе, доктором психологии, – сказала я, надеясь, что произвела на него впечатление. – Он пишет, что все девушки эмоционально созревают

гораздо раньше, чем мальчики.

– Автор этой статьи судит обо всем человеческом роде с позиции собственной незрелости.

– Крис, ты думаешь, что знаешь все, но никто не может знать всего.

Он повернул голову и, встретив мой взгляд, нахмурился, по своему обыкновению.

– Ты права, – согласился он. – Я знаю только то, о чем читал, и внутри я чувствую себя озадаченным, как первоклассник. Я ужасно зол на маму за то, что она делает, и я чувствую столько разных вещей, а мне не с кем о них поговорить. – Он оперся на локоть и посмотрел мне в лицо. – Хоть бы твои волосы побыстрее выросли снова. Теперь я не стал бы использовать ножницы, все равно от них никакой пользы.

Было гораздо лучше, когда он не говорил ничего напоминающего о Фоксворт-холле. Я хотела просто смотреть в небо и чувствовать свежую ночь на влажной коже. Моя пижама была сделана из тонкого белого батиста с узором из розовых бутонов и с кружевами по краям. Она прилипла ко мне, как вторая кожа, так же как белые шорты Криса – к нему.

– Пойдем, Крис.

Он неохотно поднялся и протянул руку.

– Еще поплаваем?

– Нет. Пойдем обратно.

В тишине мы пошли прочь от озера сквозь лес, пьяные от сознания того, что мы находились снаружи, на земле.

Мы возвращались назад к своим обязанностям. Очень долго мы стояли перед веревкой, уходившей к дымоходу на крыше. Я думала не о том, как мы будем подниматься, а о том, что нам дал этот кратковременный побег из тюрьмы, в которую мы снова возвращались.

– Крис, ты чувствуешь себя по-другому?

– Да. Хотя мы не делали ничего особенного, просто походили по земле и немного поплавали, я чувствую себя ожившим и полным надежды.

– Мы могли бы выбраться отсюда хоть сегодня ночью, не дожидаясь, когда мама вернется. Мы могли бы подняться, сделать лямки, чтобы нести близнецов, и унести их, пока они спят. Мы бы могли убежать. Мы были бы свободны!

Он не ответил, а начал подъем, цепляясь руками за узлы и пропуская веревку между ног. Когда он залез, я тоже начала карабкаться; мы не доверяли веревке вес двух человек. Подниматься было гораздо тяжелее, чем спускаться. Похоже, мои ноги были значительно сильнее рук. Я потянулась к следующему узлу и подняла правую ногу.

Внезапно моя нога соскользнула с опоры, и я повисла, удерживаемая лишь своими слабыми руками!

Короткий вскрик сорвался с моих губ. Я была больше чем в двадцати футах от земли!

– Держись! – скомандовал сверху Крис. – Веревка прямо у тебя между ног. Тебе просто нужно быстро их сомкнуть!

Я не видела, что делаю. Я могла лишь следовать указаниям. Вся дрожа, я зажала веревку между бедер. Страх сделал меня слабой. Чем дольше я оставалась на одном месте, тем страшнее мне становилось. Я начала задыхаться. А потом полились слезы... глупые девичьи слезы!

– Ты почти достаешь до моей руки, – звал Крис. – Еще несколько футов, и я смогу достать тебя, Кэти, не паникуй. Подумай, как ты нужна близнецам! Постарайся... изо всех сил!

Мне пришлось убедить себя ухватиться рукой за следующий узел. Я снова и снова повторяла себе, что смогу сделать это. Мои ноги были скользкими от травы, но и у Криса они тоже были скользкими, однако он справился. Если он смог сделать это, то и я смогу.

Мало-помалу я забралась по веревке до того места, где Крис сумел, вытянувшись, схватить меня за запястье. Когда его сильные руки ухватили меня, по всему моему телу прошла волна облегчения, разгоняя кровь в жилах. Через несколько секунд Крис втащил меня наверх, и мы крепко обнялись, то ли смеясь, то ли плача. Затем мы добрались до дымохода, держась за веревку. И вот мы вновь очутились в знакомом месте, сильно дрожа от волнения.

О, какая ирония: мы были *рады* вернуться!

Крис лег на кровать и уставился на меня:

– Кэти, когда мы лежали на берегу озера, я на секунду-другую почувствовал себя словно на небесах. Потом, когда ты повисла на веревке, я подумал, что если ты умрешь, то я тоже умру. Мы не должны повторять эту вылазку. В твоих руках нет той силы, как у меня. Я жалею, что забыл об этом.

Ночная лампа мерцала в углу розовым светом. В сумерках наши глаза встретились.

– Я не жалею о том, что мы пошли. Я рада. Я так давно не чувствовала себя живой.

– Ты чувствовала это? – спросил он. – Я тоже... как будто мы проснулись от плохого сна, который длился слишком долго.

И я снова осмелела:

– Крис, как ты думаешь, где сейчас находится наша мама? Она

постепенно ускользает от нас и никогда по-настоящему не смотрит на близнецов, как будто теперь они ее пугают. Но она еще никогда не отсутствовала так долго. Ее нет уже больше месяца.

Я услышала его тяжелый, грустный вздох.

– Честно, Кэти, я просто не знаю. Она сказала мне то же, что и тебе, но могу держать пари, что у нее серьезная причина.

– Но какой должна быть причина, чтобы уехать без объяснений? Хоть это-то она могла бы сделать?

– Не знаю, что сказать.

– Если бы у меня были дети, я бы никогда не оставила их так, как она. Я бы не бросила своих четверых детей в запертой комнате и не забыла бы о них.

– Ты помнишь, что не собиралась иметь детей?

– Крис, когда-нибудь я буду танцевать с мужем, который полюбит меня, и если он захочет иметь ребенка, я должна буду согласиться.

– Разумеется, я знал, что ты переменишь мнение, когда вырастешь.

– Ты правда думаешь, что я достаточно красива, чтобы быть любимой мужчиной?

– Ты красива более чем достаточно. – В голосе его звучало смущение.

– Крис, ты помнишь, как мама говорила нам, что деньги, а не любовь правят миром? Я думаю, что она была не права.

– Да-а? А ты подумай дальше. Почему нельзя иметь и то и другое?

И я подумала. У меня было множество мыслей. Я лежала и смотрела в потолок, снова и снова обдумывая жизнь и любовь. Из каждой прочитанной мною книги я вынесла кусочки философии и сложила из них стройную четкую теорию, в которую поверила на всю оставшуюся жизнь.

Любви, если бы она пришла и постучалась ко мне в дверь, мне было бы достаточно.

И тот неизвестный автор, который написал, что, если у тебя есть слава, этого недостаточно; если у тебя есть богатство, этого все еще недостаточно; и если у тебя есть слава, богатство и любовь, этого по-прежнему недостаточно, – бедняга, его можно было только пожалеть.

Дождливый день

Крис стоял у окна, обеими руками раздвигая тяжелую ткань занавесей. Небо было свинцовым, дождь шел сплошной стеной. Все лампы в нашей комнате горели, и телевизор работал, как всегда. Крис хотел увидеть поезд, проходящий мимо около четырех часов утра. Можно было расслышать его печальный свисток перед рассветом, если вы уже проснулись. Можно было даже чуть-чуть разглядеть мелькающий вдалеке и казавшийся просто игрушкой поезд.

Крис был в своем мире, а я в своем. Сидя по-турецки на кровати, я вырезала фотографии из одного из тех иллюстрированных журналов, которые принесла мама для моего развлечения, прежде чем покинуть нас так надолго. Я старательно вырезала каждую фотографию и наклеивала в альбом. Я планировала мой воображаемый дом, где когда-нибудь буду счастливо жить с высоким и сильным темноволосым мужем, который будет любить только меня, а не тысячи других на стороне.

Я уже обдумала всю свою жизнь: сперва карьера, а муж и дети тогда, когда я буду готова уйти со сцены и предоставить шанс кому-нибудь другому. В моем воображаемом доме найдется место для чудной ванны из изумрудного стекла, где я буду целыми днями нежиться в душистой пене, и никто не будет стучаться и кричать из-за двери, чтобы я поторопилась! (У меня еще никогда не было случая как следует посидеть в ванне.)

Из этой чудной изумрудной ванны я выйду, сладко благоухая парфюмерией, и кожа моя будет мягкой, как шелк, и поры ее навсегда очистятся от этого затхлого запаха старого дерева и чердачной пыли, который так въелся в нее вместе со всей этой древней нищетой, что мы, такие молодые, пахнем как старики.

– Крис, – сказала я, уставясь на его спину. – Почему нужно оставаться здесь столько времени, дожидаясь мамы или смерти старика? Ведь мы же сильные. Может, нам удрать?

Он не сказал ни слова. Но я увидела, как его руки сильнее сжали края занавесей.

– Крис...

– Я не хочу говорить об этом! – вспыхнул он.

– Почему же ты стоишь там и дожидаясь поезда, если ты не думаешь, как отсюда выбраться?

– Я не дожидаюсь поезда! Просто гляжу в окно, и все!

Он стоял, прижавшись лбом к стеклу, так что любой сосед, выглянув в окно, мог увидеть его.

– Крис, отойди от окна! Кто-нибудь увидит тебя.

– Ну и пусть видят, черт их побери.

Моим первым порывом было подбежать к нему, обнять и осыпать его лицо бесчисленными поцелуями, чтобы восполнить все, что он потерял, когда ушла мама. Я бы склонила его голову к себе на грудь и баюкала бы его, как она, и он бы снова стал бодрым, солнечным оптимистом, которому неведомы хмурые дни. Но я была достаточно мудра, чтобы понимать: даже если я сделаю все, что делала мама, это не будет иметь того эффекта. Никто не заменит ему ее. Вся его вера, мечты и надежды воплотились в одной-единственной женщине – в маме.

Она исчезла уже больше двух месяцев назад! Понимала ли она, что один день здесь, наверху, длиннее, чем месяц нормальной жизни? Волновалась ли она о нас, интересно ли ей было, как мы тут живем? Неужели она была уверена, что Крис всегда будет на ее стороне, хотя она покинула нас без извинений, без причины, без объяснения? Неужели она действительно верила, что любовь, однажды приобретенная, не может быть уничтожена страхами и сомнениями, чтобы уже никогда-никогда не возродиться вновь?

– Кэти, – вдруг сказал Крис, – куда бы ты поехала, если бы у тебя был выбор?

– На юг, – сказала я. – На теплый, солнечный пляж, где нежные волны и неглубоко, где никакого прибоя в белых барашках, никаких огромных валов, перекатывающих через скалы. Я хочу туда, где ветер вообще никогда не дует. Пусть мягкий и теплый бриз лишь ласкает мои волосы и щеки, пока я лежу на чистом белом песке и упиваюсь солнечным теплом.

– Ну, – согласился он, присвистнув. – Ты нарисовала заманчивую картину. Только я бы не возражал против прибоя. Я бы не прочь заняться серфингом на волнах. Должно быть, это не хуже лыж.

Я отложила в сторону ножницы, журналы, пузырек с клеем и альбом и полностью сосредоточилась на Крисе. Он был лишен даже своего любимого спорта, да и многого другого. Запертый в этой комнате, он превращался в печального старца вопреки своим годам! Ах, как я хотела утешить его, но не знала как.

– Пожалуйста, Крис, отойди от окна.

– Оставь меня в покое! Мне это жутко надоело! Не делай этого, не делай того! Не говори, пока не спросят, ешь эту чертову бурду каждый день, вечно она еле теплая и не вовремя, как будто старуха делает это

специально, чтобы у нас не было вообще никаких удовольствий, даже от еды. Но я все время думаю об этих деньгах, ведь половина из них мамина и наша. И я говорю себе, что ради этого стоит пойти на все! Этот старик не может жить вечно!

– Все деньги на свете не стоят потерянных дней нашей жизни, – вспыхнула на этот раз я.

Он обернулся, лицо его покраснело.

– Еще как стоят! Может быть, ты и достигнешь чего-нибудь со своим талантом, но у меня впереди годы и годы учебы! Ты же знаешь, папа хотел, чтобы я был врачом, и поэтому я должен пройти сквозь огонь и воду, но получить диплом! А если мы убежим, я никогда не стану врачом, и ты это понимаешь! Скажи-ка на милость, как я смогу заработать нам на жизнь, а ну, быстро, перечисли, кем я смогу работать, кроме как посудомойкой, сезонным рабочим или поваренком, и все это вместо колледжа и медицинской школы? И я должен буду содержать тебя и близнецов, да и самого себя тоже, – готовая семейка, и это в шестнадцать-то лет!

Я просто раскалилась от возмущения. Значит, он не считает меня способной помочь ему?

– Я тоже могу работать! – огрызнулась я. – Вдвоем мы справимся. Крис, помнишь, когда мы голодали, ты принес мне четырех мертвых мышек и сказал, что Бог дает людям сверхсилы и сверхвозможности во время великих испытаний? И я верю, что так оно и есть. Если мы удерем на свой страх и риск, так или иначе мы встанем на ноги и ты будешь доктором. Я сделаю все, чтобы только увидеть, как это чертово звание напишут после твоей фамилии.

– Ну ты-то что можешь сделать? – спросил он насмешливо.

Прежде чем я ответила, дверь позади нас отворилась, и показалась бабушка.

Она медлила на пороге, уставившись на Криса своим каменным взглядом. Но он, упрямый и неподатливый, не дал ей, как прежде, себя запугать. Он не двинулся со своего места у окна и даже, наоборот, отвернулся и снова стал смотреть на дождь.

– Мальчик! – Ее крик хлестнул Криса, как плеть. – Отойди от окна немедленно!

– Меня зовут не «мальчик». Меня зовут Кристофер. Вы можете обращаться ко мне по имени или вообще никак не обращаться, но никогда не зовите меня «мальчик».

Она прошипела ему в спину:

– Но я именно это имя и ненавижу! Оно принадлежало твоему отцу;

я по доброте душевной заступилась за него, когда его мать умерла и ему негде было жить. Мой муж не хотел, чтобы он жил здесь, но мне было жаль парнишку, ведь он остался без родителей, и к тому же его ограбили так жестоко. И вот я изводила мужа просьбами, чтобы он позволил своему младшему брату жить под одной крышей с нами. В конце концов твой отец пришел, такой красивый и блестящий, и воспользовался нашим великодушием! Обманул нас! Мы посылали его в лучшие школы, покупали ему всегда все самое лучшее, а он похитил у нас дочь, а ведь она была ему племянницей! Она была для нас всем на свете, только она у нас и была, и вот они сбежали темной ночью, а обратно вернулись через две недели, счастливые, улыбающиеся, и просили простить их, ведь они были влюблены! Той ночью у моего мужа случился первый сердечный приступ. Говорила тебе твоя мать, что она и тот человек были причиной сердечной болезни ее отца? Он выгнал ее прочь, велел никогда не возвращаться и тут же упал на пол.

Она остановилась, переводя дыхание и сжимая горло большой сильной рукой, усыпанной бриллиантами. Крис отвернулся от окна и уставился на нее, так же как и я. Это было больше всего, что она сказала нам с тех пор, как мы поднялись по лестнице, чтобы жить здесь, – а это было вечность назад.

– Нельзя упрекать нас за то, что сделали наши родители, – вяло сказал Крис.

– Вас упрекают за то, что вы делаете со своей сестрой!

– Что же мы делаем такого греховного? – спросил он. – Вы думаете, мы можем жить в одной комнате год за годом и не видеть друг друга? Вы же сами поместили нас сюда. Вы заперли нас, так что даже слуги не могут войти. Вы просто жаждете уличить нас в чем-нибудь дурном. Вы хотите, чтобы мы с Кэти подтвердили ваше мнение о браке нашей мамы! Посмотрите на себя: вот вы стоите здесь, как святоша, в своем сером одеянии и уверены в своей правоте, а ведь вы морите голодом малых детей!

– Замолчи! – закричала я, ужаснувшись тому, что увидела на лице бабушки. – Крис, ни слова больше!

Но он и так сказал слишком много. Она захлопнула дверь в комнату, и сердце у меня подскочило до самого горла.

– Мы поднимемся на чердак, – спокойно сказал Крис. – Она слишком труслива, чтобы подняться по лестнице. Мы будем там в безопасности, а если она будет морить нас голодом, мы сделаем лестницу из простыней и спустимся на землю.

Дверь снова открылась. Бабушка вошла, решительно шагая вперед с

зеленым ивовым прутом в руке и зловещей решимостью во взоре. Должно быть, она заранее припрятала этот прут где-нибудь неподалеку, иначе как она могла раздобыть его так быстро?

– Хотите сбежать на чердак? – завопила она, схватив Криса за плечо. – Никто из вас не будет есть еще неделю! И я выпорю не только тебя, но и твою сестру, если ты будешь сопротивляться, да и близнецов тоже.

Это было в октябре. А в ноябре Крису должно было исполниться семнадцать. Он был всего лишь мальчиком по сравнению с этой громадиной. Он медлил, но, взглянув на меня и близнецов, которые хныкали и цеплялись друг за друга, позволил этой старухе втащить себя в ванную комнату. Она закрыла и заперла дверь, приказала ему раздеться и наклониться над ванной.

Близнецы подбежали ко мне, пряча лица у меня в подоле.

– Останови ее! – взмолилась Кэрри. – Не давай ей бить Криса!

Он не издал ни звука, пока прут полосовал его голую кожу. Я слышала те жуткие звуки, что издает зеленый хлыст, врезаясь в живую плоть. И я чувствовала боль каждого удара! Мы с Крисом стали как бы единым целым с прошлого года, он был словно моей второй, лучшей натурой, он был сильный и смелый, и он смог выдержать эту пытку без крика. Я ненавидела бабушку. Я села на кровать, обхватив близнецов руками, и почувствовала такую ненависть, что она просто разрывала меня изнутри. Я пронзительно закричала, потому что не знала, как иначе справиться с этим.

Его пороли, а я испускала крики от его боли! Я надеялась, что Бог это слышит! Я надеялась, что это слышат слуги! Я надеялась, что это слышит наш умирающий дед.

Из ванной она вышла с прутом в руке. Позади нее тащился Крис, бедра его были обмотаны полотенцем. Он был смертельно бледен. Я никак не могла перестать кричать.

– Заткнись! – приказала она, щелкнув прутом у меня перед глазами. – Замолчи сию секунду, пока не получила того же самого.

Но я не могла унять крик, даже когда она подтащила меня к кровати и отбросила близнецов в сторону, так как они пытались защитить меня. Кори вцепился в ее ногу зубами. От ее оплеухи он покатился кубарем. И тогда я пошла, подавляя свою истерику, в ванную, где мне тоже было приказано раздеться. Я стояла там, глядя на бриллиантовую брошь, которую всегда носила бабушка, и пересчитывала драгоценные камни, семнадцать крошечных камней. Ее серая тафта была пронизана тонкими красными линиями, а белый воротничок был вышит вручную. Она глядела на мои короткие выстриженные волосы с выражением внутреннего

удовлетворения.

– Раздевайся, или я сорву с тебя одежду.

Я начала снимать одежду, расстегивая пуговицы блузки.

Тогда я не носила лифчика, хотя он и был уже мне нужен. Прежде чем она успела отвести глаза, я заметила, как ее взгляд шарит по моим грудям и плоскому животу. Она явно была оскорблена тем, что увидела.

– Наступит день, старуха, – сказала я. – Наступит день, когда ты будешь беспомощна, а у меня в руках будет прут. А в кухне будет полно еды, которую тебе уже никогда не съесть, потому что, как ты нам постоянно твердишь, Бог все видит и Он вершит свой суд, и Его закон: глаз за глаз, вот так-то, бабушка.

– Не смей говорить со мной, – огрызнулась она и улыбнулась, вполне уверенная, что день, когда она будет в моей власти, никогда не наступит.

Глупо, конечно, что я говорила все это, и глупо, что она позволяла мне говорить. И пока прут хлестал мою плоть, я слышала, как визжали близнецы в спальне:

– Крис, останови ее! Не давай ей бить Кэти!

Я упала на колени около ванны, свернувшись в плотный комок, защищая лицо, грудь и наиболее уязвимые места. Совсем озверев, она хлестала меня, пока не сломался прут. Эта боль была подобна огню. Когда прут сломался, я подумала, что все позади, но она схватила щетку с длинной ручкой и принялась бить меня ею по голове и плечам.

Я старалась удержаться от крика, мне хотелось быть такой же смелой, как Крис, но тут я не смогла. Я завопила:

– Ты не женщина! Ты чудовище! Нечеловеческое и бесчеловечное!

В ответ я получила сильнейший удар по черепу с правой стороны. Все кругом потемнело.

Качаясь, как на волнах, я медленно возвращалась к действительности, вся израненная; голова моя раскалывалась от боли. На чердаке радио играло Адажио с розой из балета «Спящая красавица». Доживи я хоть до ста лет, мне не забыть этой музыки и того, что я почувствовала, когда открыла глаза и увидела Криса, который склонился надо мной, чтобы наложить на рану антисептический пластырь, и слезы из его глаз капали на меня. Он отослал близнецов на чердак играть, заниматься, раскрашивать картинки, делать что угодно, лишь бы они не думали о том, что происходит внизу. Когда он сделал для меня все, что мог, с помощью своего ограниченного запаса медицинских средств, я позаботилась о его изрубцованной, окровавленной спине. На нас не было одежды. Одежда

могла прилипнуть к сочащимся кровью ранам.

Больше всего синяков было у меня от щетки, которой она орудовала так свирепо. На голове был обширный кровоподтек, и Крис боялся, как бы не было сотрясения мозга. Закончив лечение, мы повернулись на бок лицом друг к другу, накрывшись простыней. Наши взгляды встретились и растворились друг в друге. Крис провел рукой по моей щеке, так заботливо и мягко, с такой любовью.

– «Разве нам не весело, братец, разве не весело?» – пропела я, пародируя ту самую песенку про Билла Бейли. – «Мы проведем вместе день, длинный, как жизнь. Ты будешь лечить меня, а я тебе заплачу».

– Перестань! – вскрикнул он, такой уязвленный и беспомощный. – Я знаю, что я виноват! Это я стоял у окна. Она не должна была бить и тебя!

– Да брось ты, рано или поздно она бы все равно это сделала. С самого первого дня она задумала это. Ты вспомни, как она придиралась к пустякам, лишь бы наказать нас. Я просто поражаюсь, почему она так долго откладывала этот прут.

– Когда она стегала меня, я слышал твои крики и мог не кричать. Ты делала это для меня, Кэти, и это помогло. Я не чувствовал своей боли, Кэти, только твою.

Мы нежно касались друг друга. Наши обнаженные тела прижимались друг к другу, моя грудь к его груди. Крис пробормотал мое имя и, приподняв повязки, выпустил одну из уцелевших длинных прядок моих волос. Потом взял мою голову в руки бережно и нежно и приблизил ее к своим губам. Было так странно, что он целует меня, когда я лежу обнаженная в его руках... и что-то было в этом неправильное.

– Остановись, – прошептала я в ужасе, чувствуя, что его мужское естество стало твердым. – Это как раз то, что она думает о нас.

Крис горько рассмеялся, отодвигаясь от меня, и сказал мне, что я ничего не понимаю. Заниматься любовью – это нечто большее, чем поцелуй, а ведь мы только поцеловались.

– И никогда ничего больше, – сказала я, но не очень уверенно.

В эту ночь я заснула, думая о его поцелуе, а не о порке и ударах щеткой. В нас обоих шевелился и нарастал ворох разнообразных чувств. Что-то спрятанное глубоко внутри меня было разбужено и ожило, совсем как у Авроры, которая спала, пока не пришел принц и не запечатлел на ее спокойных губах долгий любовный поцелуй.

Это был обычный конец всех волшебных сказок – поцелуй и потом счастье навеки. Но мне для счастливого конца был нужен какой-то другой принц.

Найти друга

Кто-то кричал на чердачной лестнице!

Я вскочила, разбуженная, и огляделась, чтобы посмотреть, кого недостает. Кори! О боже, что еще случилось?

Я соскочила с постели и побежала в гардеробную. Кэрри проснулась и присоединила свои вопли к крикам Кори, даже не зная, в чем дело. Крис закричал тоже:

– Черт возьми, что там еще происходит?

Я проскочила через гардеробную, взбежала вверх по шести ступенькам и остановилась как вкопанная, вытаращив глаза.

Кори в своей белой пижаме вопил, опустив голову, и я не могла разглядеть, что так ужаснуло его.

– Сделай же что-нибудь! Сделай! – закричал он, наконец показав мне, что его испугало.

Ох, на ступеньке стояла мышеловка, как раз там, где мы оставляли ее каждую ночь, положив сыр для приманки. Но на этот раз мышка не была убита. Она оказалась достаточно умной, чтобы стащить сыр не зубами, а передней лапкой, и вот теперь ее крошечная ножка была прижата тугой проволоочной пружиной. Дико, но эта серая малютка грызла свою попавшую в капкан лапку, чтобы освободиться, вопреки боли, которую должна была при этом испытывать.

– Кэти, сделай что-нибудь поскорее! – кричал Кори, бросаясь ко мне в объятия. – Спаси ей жизнь! Не давай ей отгрызть свою ногу! Хочу, чтоб она жила! Хочу с ней дружить! У меня никогда не было никакого животного, а ты знаешь, я всегда хотел кого-нибудь завести. Почему вы с Крисом всегда убиваете мышей?

Кэрри подбежала сзади, колотя меня по спине своими крошечными кулачками:

– Это нечестно, Кэти! Нечестно! Нечестно! Разреши Кори кого-нибудь завести!

Насколько я знаю, у Кори было все, что можно было купить за деньги, кроме домашнего животного, свободы и свежего воздуха. И по правде сказать, Кэрри могла бы выпустить из меня всю кровь, если бы Крис не примчался ко мне на помощь и не расцепил ее маленькие челюсти, впившиеся в мою ногу, к счастью закрытую длинной ночной рубашкой, доходившей до щиколоток.

– Кончайте скандалить, – приказал он твердо и наклонился за тряпкой, с помощью которой хотел взять эту дикую мышь, чтобы она не укусила его за руку.

– Вылечи ее, Крис, – взмолился Кори. – Пожалуйста, пусть она не умрет!

– Ну, раз ты так уж хочешь эту мышь, Кори, я сделаю все, что могу, чтобы спасти ей ножку, хотя она и порядочно искалечена.

Ох, столько суеты и суматохи, чтобы спасти жизнь никчемной мышки, и это в то время, когда мы убивали их сотнями. Сперва Крис осторожно оттянул проволочную пружину; и когда он это сделал, эта непостижимая дикая тварь еще и зашипела, пока Кори с рыданиями переворачивал ее на спину, а Кэрри визжала. Затем мышь вся как-то ослабела, надо думать, от облегчения.

Мы побежали в ванную, где мы с Крисом помыли руки, а Кори завернул свою полумертвую мышь в голубую полинявшую тряпочку, которую Крис не велел стягивать слишком туго. Я расстелила на подставке чистое полотенце и выложила на него все наши медицинские препараты.

– Она умерла, – заверещала Кэрри и стукнула Криса. – Ты убил единственного зверька Кори.

– Нет, мышь не умерла, – сказал Крис спокойно. – Теперь, пожалуйста, замолчите все и не двигайтесь. Кэти, держи ее. Мне надо посмотреть, как соединить поврежденные ткани и наложить шину.

Сперва он обработал рану антисептиком, а мышь в это время лежала как мертвая, только глаза ее были открыты и жалобно смотрели на меня. В качестве шины мы использовали зубочистку, разломив ее пополам и прикрепив к ноге с помощью мягкой ленты, потом перевязали все это кусочком марли, как раз подходящим для такой крошечной лапки, а сверху наложили полотняную повязку.

– Я назову его Микки, – сказал Кори, и глаза его разгорелись оттого, что мышка будет жить и будет его другом.

– А может быть, это девочка, – сказал Крис и быстро проверил это обстоятельство.

– Нет, не хочу девочку, хочу Микки!

– Все в порядке, это мальчик, – кивнул Крис. – Микки будет жить-поживать и сожрет весь наш сыр, – сказал этот доктор, закончив свою первую операцию и выдав свой первый прогноз.

У него был гордый вид, должна я сказать. Он смыл кровь со своих рук, а Кори и Кэрри оба сияли, как будто что-то чудесное вошло в их жизнь.

– Дай мне теперь поддержать Микки! – воскликнул Кори.

– Нет, Кори. Пускай Кэти держит его как можно дольше. Видишь ли, он сейчас в шоке, а ее руки больше, чем твои, и лучше согреют Микки. Ты можешь случайно чересчур сжать его.

Я ушла в спальню и села в кресло-качалку, баюкая серую мышку, которая была на грани сердечного приступа, так бешено колотилось ее сердечко. Она задыхалась и хлопала веками. Когда я чувствовала как ее маленькое, теплое тельце борется за жизнь, я и вправду хотела, чтобы она жила и была для Кори другом.

Тут дверь открылась, и вошла бабушка.

Никто из нас не был толком одет; фактически на нас были только ночные рубашки и пижамы, которые больше открывали, чем скрывали. Наши ноги были босы, волосы растрепаны, лица не умыты.

Одно правило нарушено.

Кори низко склонился ко мне, пока бабушка прочесывала своим жандармским взглядом нашу комнату, где и правда царил жуткий беспорядок. Кровати не убраны, одежда разбросана по стульям, носки валяются где попало.

Два правила нарушены.

И Крис в ванной умывал Кэрри, помогал ей одеться и застегнуть розовый комбинезон.

Три правила нарушены.

Они оба вышли из ванной, волосы Кэрри были завязаны розовой лентой в аккуратный конский хвост.

Стоило Кэрри увидеть бабушку, как она замерла на месте. Ее голубые глаза расширились от внезапного испуга. Она обернулась и уцепилась за Криса. Он поднял ее и отнес ко мне, опустив прямо мне на колени. Потом он подошел к столу и стал вынимать из продуктовой корзины то, что было принесено нам. Как только Крис приблизился, бабушка повернулась к нему спиной. Он игнорировал ее, быстро опустошая корзину.

– Кори, – сказал он, направляясь в гардеробную, – я поднимусь наверх и подыщу подходящую клетку, а ты, пока я хожу, оденься и умойся без помощи Кэти.

Бабушка оставалась в молчании. Я сидела в своей качалке и баюкала бедную больную мышку, а мои малыши поместились в одно кресло со мной, и мы все трое не спускали глаз с бабушки, покуда Кэрри не сдалась и не спряталась у меня за спиной, трясаясь всем своим маленьким телом. Меня беспокоило больше всего то, что бабка не читает нам нотаций по поводу неубранных постелей и замусоренной комнаты, которую я всегда старалась содержать в чистоте и порядке, и почему она не бранит Криса за

то, что он одевал Кэрри? Почему она только смотрит, все видит и ничего не говорит?

Крис спустился с чердака с клеткой и мотком проволоки. Он сказал, что надо слегка укрепить клетку.

Эти его слова заставили бабушку круто повернуть к нему голову. Затем ее безжизненные глаза обратились ко мне и уставились на бледно-голубую тряпку в моих руках.

– Что это ты держишь, девочка? – задала она вопрос ледяным тоном.

– Раненую мышь, – ответила я так же холодно.

– И вы намереваетесь держать эту мышь в качестве домашнего животного и посадить ее в клетку?

– Именно так. – Я осмелилась на открытое неповиновение, предоставляя ей делать все, что ей заблагорассудится. – У Кори никогда не было никакого зверька, а теперь есть.

Она поджала свои тонкие губы, и ее холодные безжизненные глаза переместились на Кори, готового разразиться слезами.

– Ну-ну, – сказала она. – Заведите мышь. Такое домашнее животное как раз подходит вам.

С этими словами она захлопнула дверь.

Крис принялся возиться с клеткой и проволокой, разговаривая за работой.

– Проволоки здесь хватит, чтобы как следует изолировать твоего Микки, Кори. Мы переплетем всю клетку проволокой еще раз, тогда твой зверек не сможет удрать.

Кори улыбнулся. Он взглянул украдкой, жив ли еще его Микки.

– Он голодный. Я знаю, его носик дергается.

Однако превратить этого чердачного мышонка в настоящего Микки оказалось равносильно подвигу. Во-первых, он не доверял нам, хотя мы и освободили его лапку из капкана. Он ненавидел свое тюремное заключение. Он кружил по клетке, неуклюжий, в бинтах и шинах, и искал выход. Кори крошил ему хлеб и сыр сквозь ячейки клетки, чтобы он ел и набирался сил. Но мышонок игнорировал и сыр, и хлеб, а в конце концов забился как можно дальше, тревожно поблескивая испуганными черными бусинками глаз и дрожа всем телом, когда Кори открывал ржавую дверцу клетки и просовывал в нее миниатюрную супницу с водой. Затем Кори просунул в клетку руку и стал подталкивать к Микки сыр.

– Хороший сыр, – настойчиво угощал он, придвигая кусочек хлеба поближе к дрожащему мышонку, чьи усики так и дергались. – Хороший

хлеб. От него ты станешь сильным и здоровым.

Но только через две недели Кори наконец получил зверька, который слушался его и подходил на свист. Кори прятал самые лакомые кусочки в карманы своей рубашки в надежде соблазнить ими Микки. Когда Кори надел рубашку с двумя карманами на груди, то в одном из них у него был кусочек сыра, а в другом кусочек сэндвича с ореховым маслом и виноградным желе. А Микки колебался в нерешительности у Кори на плечах, носик его подергивался, усики беспокойно шевелились. И только в этот момент было видно, что наша мышь отнюдь не гурман, а просто обжора, который хочет съесть одновременно содержимое двух карманов. И когда он наконец решил, с чего начать, то юркнул в карман с ореховым маслом, съел там все внутри, быстро-быстро взобрался снова к Кори на плечо, обежал вокруг шеи и вновь юркнул вниз, но уже в карман с сыром.

Самое смешное, что он никогда не бежал напрямик через грудь из кармана в карман, а всегда взбирался наверх и пробирался через шею, щекоча по дороге Кори все косточки. Его маленькая ножка срослась, но он уже не мог ходить как следует и не мог бегать слишком быстро. Я думаю, эта мышка была настолько умна, что прятала сыр про запас, так как иногда, когда он держал кусочек сэндвича и деликатно откусывал, можно было заметить, что кусочек запачкан. И поверьте, ни одна мышь на свете не могла лучше Микки найти еду по запаху, где бы она ни была спрятана. По сути, Микки охотно покинул своих братьев-мышей ради общества людей, которые кормили его на славу, играли и нянчились с ним, укладывали его спать, хотя Кэрри, как это ни странно, терпеть не могла Микки.

Я думаю, объяснить это можно тем, что он был очарован ее кукольным домиком так же, как и она сама. Маленькие лесенки и холлы очень подходили под его рост, и однажды, оставшись без присмотра, он направился напрямик в кукольный дом. Он вскарабкался через окно и упал на пол, и все фарфоровые куколки, так обдуманно расставленные, попадали направо и налево, а обеденный стол перевернулся, когда он захотел его попробовать на зуб.

Кэрри закричала на Кори:

– Твой Микки ест мое праздничное угощение! Забери его! Забери его из моей гостиной!

Кори схватил свою хромую мышь, не способную передвигаться слишком быстро, и прижал Микки к груди.

– Учись вести себя хорошо, Микки. В больших домах случаются ужасные вещи. Вот эта леди, которой принадлежит дом, запросто прибьет тебя за что угодно.

Он усмехнулся мне, потому что первый раз в жизни я слышала от него пренебрежительное замечание в адрес своей сестры-двойняшки. Хорошо, что у Кори была маленькая чудная серая мышка. Хорошо, что она рылась глубоко в его карманах в поисках угощений, которые хозяин припасал для нее. Хорошо, что всем нам было чем занять время и мысли, пока мы ждали и ждали свою маму, и начинало уже казаться, что она никогда не придет к нам.

Наконец появляется мама

Крис и я никогда не говорили о том, что произошло между нами в постели в день порки. Часто я ловила на себе его пристальные взгляды, но, когда я смотрела на него в ответ, он отводил глаза. А если он вдруг неожиданно оборачивался в тот момент, когда я разглядывала его, я опускала глаза.

Мы росли с каждым днем, он и я. Мои груди наливались, бедра становились шире, а талия – уже. Короткие волосы вокруг лба отросли и стали виться, что мне очень шло. Почему я не знала раньше, что они без всяких усилий с моей стороны завьются красивыми волнами? Что касается Криса, его плечи стали шире, а грудная клетка и руки приобрели более мужественный вид. Однажды я застала его на чердаке за странным занятием: он разгадывал некую часть своего тела и, кажется, брал ее в руки и измерял!

– Зачем? – спросила я в крайнем изумлении.

Он отвернулся и потом уже сказал мне, что однажды он видел отца обнаженным и ему кажется, что у него не все в порядке с размером. Даже шея его сзади покраснела, когда он мне объяснял это. Ей-богу, как я, когда интересовалась, какой размер лифчика носит мама.

– Не делай этого больше, – прошептала я.

У Кори вообще такой маленький член, и что будет, если и он, как Крис, подсмотрит и решит, что его оружие не того размера?

Я вытирала пыль со школьных парт, но вдруг оставила свое занятие и застыла, задумавшись о Кори. Я повернулась и взглянула на него и Кэрри. О боже, слишком большая близость не дает разглядеть очень многое! Два года и четыре месяца мы провели взаперти, а близнецы во многом остались такими же, как и прежде. Конечно, их головы стали больше, и от этого их глаза должны были выглядеть меньше, но они все равно казались необычайно большими. Близнецы равнодушно сидели на вонючем и заляпанном краской матрасе, который мы подтащили к окну. Как будто бабочки затрепыхались у меня в животе, когда я вот так рассматривала их беспристрастным взглядом. Их тела напоминали хрупкие стебельки цветов, слишком слабые, чтобы поддерживать бутоны голов.

Я подождала, пока они уснут в слабом солнечном свете, и сказала Крису:

– Посмотри на этих лютиков, ведь они не растут. Только их головы

становятся больше.

Он тяжело вздохнул, сощурил глаза и приблизился к близнецам, наклонился над ними и потрогал их прозрачную кожу.

– Если бы они хоть выходили с нами на крышу подышать воздухом и погреться на солнце. Кэти, пусть они сколько угодно орут и дерутся, но мы должны силой вытащить их наружу!

Глупо, конечно, но мы подумали, что, если мы вынесем их на крышу сонными, они проснутся от солнечного света и не испугаются, ведь они будут в безопасности у нас на руках. Крис осторожно поднял Кори, а я подхватила почти ничего не весившую Кэрри.

Крадучись, мы направились к открытому чердачному окну. Был четверг, наш прогулочный день, когда мы могли выйти на крышу, в то время как слуги проводили свой выходной в городе. На задней стороне крыши было достаточно безопасно. Но едва лишь Крис со своей ношей перебрался через выступ за окно, как теплый воздух золотой осени резко пробудил Кори ото сна. Ему хватило одного взгляда, чтобы увидеть, что я с Кэрри на руках собираюсь тоже выйти на крышу, и он тут же издал потрясающий вой. Кэрри моментально проснулась. Она увидела Криса с Кори на руках на покатой крыше, увидела, куда я несу ее, и так завизжала, что ее, наверное, было слышно за милю от нас. Крис крикнул мне сквозь весь этот шум:

– Давай! Мы должны сделать это для их же пользы.

Но они не только кричали, они пинали и колотили нас своими маленькими кулачками! Кэрри цапнула меня за руку, так что я тоже вскрикнула. Хотя они были и маленькие, но экстремальная ситуация и чувство опасности пробудили в них необычайную силу. Кэрри колошматила меня кулачками по лицу, так что я едва могла видеть, да плюс непрерывный вой прямо мне в уши! Я медленно повернулась и направилась к окну класса.

Дрожащая и ослабевшая, я поставила Кэрри на ноги позади учительского стола. Я прислонилась к этому столу, задыхаясь и чувствуя бешеное сердцебиение, и поблагодарила Бога за то, что Он дал мне доставить ее обратно в целости и сохранности. Крис тоже возвратился с Кори. Это было бесполезно. Тащить их силой на крышу значило подвергать опасности нас всех четверых.

Теперь они рассердились. Они обиженно сопротивлялись, когда мы потащили их к зарубкам на стене, которые мы сделали в первый день в этом классе, чтобы проследить за их ростом. Крис держал их обоих на месте, а я проверяла, на сколько же дюймов они выросли.

Потрясенная, я глядела на зарубки и не могла поверить, что такое возможно. Неужели за все это время близнецы выросли всего на два дюйма? Два дюйма, тогда как Крис и я в свое время набрали много-много дюймов в возрасте между пятью и семью годами. Хотя, конечно, они и родились чрезвычайно маленькими: Кори весил всего пять фунтов, а Кэрри – пять фунтов одну унцию.

Ох! Я закрыла лицо руками, чтобы они не видели, как я ошеломлена и испугана. Вот и все. Я повернулась к ним спиной и задохнулась от рыданий, подступивших к самому горлу.

– Отпусти их, – в конце концов распорядилась я.

Словно две белокурые мышки, они удрали по ступенькам вниз, к своему обожаемому телевизору и к тому избавлению от тюрьмы, которое он им сулил, а также к настоящей мышке, которая ждала и была вполне довольна своей жизнью взаперти.

У меня за спиной стоял Крис и ждал.

– Ну, – спросил он, когда я поникла, ничего не говоря, – и на сколько же они выросли?

Прежде чем повернуться к нему, я быстро вытерла слезы и посмотрела ему в глаза:

– На два дюйма.

Мой голос звучал бесстрастно, но в моих глазах была боль, и Крис увидел это.

Он шагнул ближе, обнял меня и прижал мою голову к своей груди, и я заплакала, просто заорала.

Я ненавидела маму за это! Действительно ненавидела ее! Она знала, что дети как растения, им нужен солнечный свет, чтобы расти. Я дрожала в объятиях своего брата, стараясь уверить саму себя, что, как только мы будем на свободе, они снова станут красивыми. Станут, конечно же станут, они вернут, они нагонят потерянные годы, и едва лишь их вновь коснется солнечный свет, они рванут расти без удержу, как сорная трава, так и будет, да-да, так и будет.

Это они, эти долгие дни взаперти, сделали их щеки такими впалыми, а глаза такими запавшими. Но ведь все это исправимо, правда?

– Ну, – начала я хриплым, прерывающимся голосом, продолжая цепляться за единственного человека, которого все это, кажется, заботило, – так все-таки что правит миром – деньги или любовь? Нашим близнецам надо побольше любви, и мы еще увидим, что они выросли на шесть, семь или даже на восемь дюймов, а не на два.

Мы с Крисом направились в нашу мрачную тюрьму перекусить, и, как всегда, я послала близнецов в ванную вымыть руки, ведь им только мышинных микробов и не хватало, чтобы подвергнуть свое здоровье опасности.

Мы спокойно сидели за столом, поедая сэндвичи и глотая тепловатый суп и молоко, и смотрели, как телевизионные любовники встречаются, целуются и строят планы побега от своих уважаемых супругов, как вдруг дверь в нашу комнату отворилась. Я не хотела отворачиваться от телевизора и пропускать дальнейшие события, но все же оглянулась.

Большими шагами весело вошла в комнату наша мама. Она была одета в красивый легкий костюм, отделанный мягким серым мехом по манжетам и воротнику.

– Мои дорогие! – В ее приветствии было столько энтузиазма, но никто из нас не подпрыгнул, увидев ее, и она остановилась в нерешительности. – Вот и я! Разве вы не рады? Ах! Если бы вы знали, как я рада видеть всех вас. Я так скучала по вам, и думала о вас, и мечтала о вас, и привезла множество подарков – я их так тщательно выбирала. Просто не могла дожждаться, когда вы увидите их! Мне пришлось покупать их украдкой – как могла я объяснить, зачем мне детские вещи? Я хотела сообщить, где пропадала так долго. Я правда хотела сказать вам, почему я вас покидаю, но все было так запутанно. И я не знала точно, на сколько я уезжаю. А вы хотя и скучали по мне, но ведь о вас заботились, правда? Вы же не страдали?

Страдали ли мы? Или только скучали по ней? Да кто она такая, в конце концов? Идиотские мысли приходили мне в голову, пока я разглядывала ее и слушала, как четверо спрятанных детей могут осложнять жизнь другим людям. И хотя мне не хотелось признавать факт ее существования, хотелось вычеркнуть ее вновь из реальности своего мира, я заколебалась, наполняясь надеждой, что смогу полюбить ее снова, что снова буду доверять ей. Крис встал и заговорил первым, и его юношеский голос то и дело срывался с высоких нот на глубокие мужественные тона.

– Мама, ну конечно же мы рады, что ты вернулась! Ну да, мы скучали по тебе! Ты напрасно уезжала так надолго, неважно по каким запутанным причинам.

– Кристофер, – сказала она, широко раскрыв глаза от удивления. – Ты говоришь не своим голосом.

Ее глаза перебегали с него на меня, потом на близнецов. Оживление покидало ее.

– Кристофер, что-нибудь неладно?

– Неладно? – переспросил он. – Мама, а что может быть хорошего в этой жизни взаперти? Ты сказала, я говорю не своим голосом, а посмотри на меня хорошенько. Разве я все еще маленький мальчик? Посмотри на Кэти – разве она все еще дитя? Посмотри подольше на близнецов, особенно обрати внимание на то, как они подросли. А затем взгляни снова на меня и скажи мне прямо в глаза, что мы с Кэти по-прежнему дети, к которым можно относиться снисходительно, ведь мы ничего не понимаем во взрослой жизни. Но мы не ленивые бездельники, нет. Мы не били баклуши, пока ты на свободе наслаждалась жизнью. Мы с Кэти читали книги. И в них мы прожили миллионы жизней... Это наш искусственный способ почувствовать свою сопричастность с жизнью.

Мама хотела перебить его, но Крис заглушил ее слабый заикающийся голос. Он бросил презрительный взгляд на ее многочисленные подарки.

– Итак, ты вернулась как ни в чем не бывало. Ты всегда так делала, если знала, что виновата. Почему ты думаешь, что твои глупые подарки способны возместить нам то, что мы потеряли, что мы теряем каждую минуту? Может, когда-то мы и могли утешиться игрушками и нарядами, которые ты приносила в нашу тюрьму, но сейчас мы стали старше, и подарков уже недостаточно!

– Кристофер, ну пожалуйста, – взмолилась она и, с трудом взглянув на близнецов, тотчас отвела глаза. – Пожалуйста, не говори со мной так, как будто ты больше не любишь меня. Я этого не вынесу.

– Я люблю тебя, – был его ответ. – Но я заставляю себя все еще любить тебя, вопреки тому, что ты делаешь. Я должен любить тебя. Мы все должны любить тебя, и верить тебе, и думать, что ты действуешь в наших интересах. Но взгляни на нас, мама, и постарайся увидеть нас такими, какие мы есть на самом деле. Кэти чувствует, и я чувствую, что ты закрываешь глаза на то, что с нами делаешь. Ты приходишь к нам сияющая и соблазняешь наши глаза и уши радужными надеждами на будущее, но ничего никогда не сбывается. Когда-то давно, когда ты впервые рассказала нам об этом доме и своих родителях, ты сказала, что нас запрут всего на одну ночь, потом ты превратила это в несколько дней, затем в несколько недель, в несколько месяцев, и вот два года прошло, а мы все еще ждем, когда умрет старик, который, может, и никогда не умрет, так как искусные доктора все время оттаскивают его от могилы. Эта комната не улучшает наше здоровье, разве ты не видишь этого?

Он почти кричал, его мальчишеское лицо покраснело, он дошел до предела. Я думала, что никогда не доживу до того дня, когда он нападет на нашу маму – свою обожаемую мать.

Его громкий голос, должно быть, напугал его самого, потому что он понизил тон и заговорил более спокойно, но все равно его слова ударили, словно пули.

– Мама, неважно, унаследуешь ты или нет огромное состояние отца, мы хотим прочь из этой комнаты! Не на следующей неделе, не завтра, а сегодня. Сейчас! Сию минуту! Ты дашь мне ключ, и мы уйдем далеко прочь. А ты можешь посылать нам деньги, если тебя это заботит, или не посылать, как хочешь, и тебе нет нужды видаться с нами, если таков твой выбор. Это решит все твои проблемы, мы исчезнем из твоей жизни, и твой отец никогда не узнает, что мы существуем, и все, что он тебе оставит, будет принадлежать только тебе.

Мама побледнела от шока. Я сидела на своем стуле, и мой обед был наполовину съеден. Мне было жаль ее, но свое сострадание я расценивала как предательство. Я закрыла эту дверь, плотно захлопнула ее, думая о тех двух неделях, когда мы голодали, четыре дня ничего не ели, кроме крекеров и сыра, три дня были совсем без еды, имея лишь воду для питья. А потом избиение, смола у меня в волосах, но больше всего вспоминалось то, как Крис вскрыл себе вену, чтобы напоить близнецов своей питательной кровью.

И то, что Крис сказал, и как он это сказал, сурово и решительно, было по большей части делом моих рук.

Я думаю, она догадалась об этом, потому что кинула на меня острый ранящий взгляд, полный обиды.

– Не говори мне ничего больше, Кристофер. Ведь ясно видно, что ты сейчас не в себе.

Вскочив на ноги, я шагнула в его сторону.

– Взгляни на нас, мама. Замечаешь наш прекрасный, здоровый цвет лица, почти как у тебя? Подольше посмотри на своих младшеньких. Они не выглядят хрупкими, правда? Их пухлые щечки совсем не похудели, правда? И волосы у них не тусклые, правда? Их глаза – они же не потемнели и не провалились, правда? Ты смотришь и все замечаешь, ты ведь видишь, как они подросли, какое у них цветущее здоровье? Если уж тебе не жалко Кристофера и меня, пожалей хоть их.

– Хватит! – завопила мама, спрыгивая с кровати, где она сидела, а мы все толпились вокруг нее, как бывало прежде. Она круто повернулась на каблуках, чтобы не видеть нас, и, задыхаясь от рыданий, закричала: – Вы не имеете права разговаривать со своей матерью таким тоном! Да если бы не я, вы все давно бы голодали на улице!

У нее сорвался голос. Она бросила на Криса призывный и удрученный

взгляд.

– Разве я не делала все, что могла, ради вас? Где я повела себя неправильно? Чего вам недостает? Вы знали, что так будет до тех пор, пока не умрет ваш дед. И вы согласились остаться здесь, пока он не умрет. Я сдержала слово. Вы живете в теплой, безопасной комнате. Я приношу вам все самое лучшее – книги, игрушки, игры, лучшие наряды, какие можно купить за деньги. У вас есть хорошая еда, телевизор.

Теперь она повернулась к нам полностью и распростерла руки в просительном жесте, изображая готовность упасть на колени и на этот раз обратив умоляющие глаза ко мне.

– Послушайте же: ваш дед теперь настолько болен, что он прикован к постели весь день. Ему даже не разрешают сидеть в кресле-каталке. Доктора говорят, что он долго не протянет, несколько дней или максимум несколько недель. В тот день, когда он умрет, я сама поднимусь к вам, отопру вашу дверь и сведу вас вниз по ступенькам. У меня будет достаточно денег, чтобы послать вас всех четверых в колледж, а тебя, Крис, в медицинскую школу. А ты, Кэти, ты сможешь снова брать уроки балета. Я найду Кори лучших учителей музыки и для Кэрри сделаю все, что она пожелает. И вы собираетесь зачеркнуть эти годы страданий и лишений, не дождавшись награды, – и именно теперь, когда вы почти достигли цели! Вспомните, как вы часто смеялись и говорили о том, что бы вы сделали, получив в наследство столько денег, что не придумаешь, на что их и истратить. Припомните все наши планы... наш дом, где мы могли бы снова жить все вместе. Не бросайте это все в тот самый момент, когда мы вот-вот победим, из-за того, что у вас недостает терпения продержаться еще чуть-чуть. Вы говорите, я развлекалась, пока вы страдали! Да, это так. Но я и заплачу за это десятикратно!

Должна признать, что я была тронута, и мне уже хотелось отбросить недоверие. Я склонялась к тому, чтобы поверить ей вновь, однако в глубине души жил смертельный страх и подозрение, что она опять врет. Разве она не говорила с самого начала о том, что ее отец при последнем издыхании... сколько уже лет он при последнем издыхании!

Не крикнуть ли тебе в лицо, мама, что мы не верим тебе больше?

Я хотела так ранить ее, чтобы она истекла кровью от этой раны, узнав, как мы страдали от наших слез, изоляции, одиночества, не говоря уже о наказаниях. Но Крис смотрел на меня угрожающе, и я устыдилась. Неужели я не могу поступать по-рыцарски, как он? Неужели я открою рот, не обращая на него внимания, и прокричу о том, как бабушка наказывала нас по пустякам? По непонятным причинам я промолчала. Может быть,

мне хотелось защитить близнецов, чтобы они не узнали слишком много. Может быть, я ждала, пока Крис заговорит первый.

Он пристально смотрел на нее с мягким состраданием, забывая и смолу в моих волосах, и недели без пищи, и мертвых мышей, которых он так вкусно готовил с солью и перцем, и даже избиение. Он стоял рядом со мной, его рука слегка касалась моей. Он весь дрожал в нерешительности, в глазах его была мука надежды и отчаяния, и в этот момент наша мама заплакала.

Близнецы подползли поближе и уцепились за мою юбку, когда мама рухнула на ближайшую кровать, рыдая и колотя кулаками по подушке, совсем как ребенок.

– Ах, какие вы бессердечные и неблагодарные дети, – причитала она жалобно. – Что вам стоит сделать это для меня, вашей собственной матери, для единственного человека в мире, который вас любит! Заботится о вас! Я пришла к вам такая радостная, я была так счастлива вернуться к вам, я спешила сообщить вам хорошие вести, чтобы мы порадовались всей семьей! А вы? Вместо этого вы напали на меня с обвинениями. Как это несправедливо! Чего мне стыдиться? Ведь я делаю как лучше, а вы все равно не верите мне!

Она словно опустилась до нашего уровня, плача в подушку, совсем как я несколько лет назад и как Кэрри сегодня утром.

И помимо своей воли мы с Крисом тотчас были поражены раскаянием и жалостью. Все, что она говорила, было чистой правдой. Конечно же, именно она – тот единственный человек, который любит нас и заботится о нас, и в ней наше спасение, и наша жизнь, и наше будущее, и наши мечты.

Мы подбежали к ней, Крис и я, и обняли изо всех сил, умоляя о прощении. Близнецы не произнесли ни слова, лишь смотрели.

– Мама, ну пожалуйста, не плачь! Мы не хотели обидеть тебя! Нам просто жаль, честное слово! Мы останемся. Мы верим тебе. Наш дед уже почти что умер, ведь должен же он когда-нибудь умереть, правда?

Но она рыдала и рыдала так безутешно!

– Поговори с нами, мама, ну пожалуйста! Расскажи нам твои хорошие вести. Мы все хотим знать, хотим порадоваться вместе с тобой. Мы наговорили тебе всякой всячины, потому что ты покинула нас и не сказала зачем. Мама, ну пожалуйста, пожалуйста, мама.

Наши просьбы, наши мольбы и слезы наконец тронули ее. Кое-как она села и промокнула глаза белым льняным носовым платочком, обшитым по краям пятью дюймами прекрасных кружев и с монограммой буквы «К».

Она оттолкнула Криса и меня, отстранила наши руки, едва касаясь,

словно они жгли ее, и встала на ноги.

Теперь она избегала смотреть нам в глаза, в наши умоляющие, взывающие о помощи, заискивающие глаза.

– Откройте эти подарки, которые я выбирала с такой любовью, – сказала она холодно, но в голосе все еще слышались подавленные рыдания. – А потом скажите, думаю я о вас, люблю вас или нет. Скажите мне потом, что мне наплевать на ваши нужды и интересы, что я не стремлюсь удовлетворить малейшую вашу прихоть. Скажите мне тогда, что я думаю только о себе и не забочусь о вас.

На ее щеках остались темные подтеки размазанной косметики. С губ стерлась яркая губная помада. Волосы, обычно уложенные аккуратной шапкой, были в полнейшем беспорядке. Она явилась к нам в комнату как некое видение совершенства, теперь же скорее напоминала сломанный манекен.

Но почему мне все время казалось, что она – актриса, усердно играющая роль? Она смотрела на Криса, не обращая ни малейшего внимания на меня. А близнецы – да они могли бы с таким же успехом находиться в Тимбукту, так мало ее волновало их благополучие и чувства.

– Скоро твой день рождения, Кристофер, и я заказала тебе новый комплект энциклопедий, – выдохнула она, легкими касаниями стараясь стереть пятна косметики с лица. – Именно такой комплект ты всегда хотел – просто уникальный, отлично изданный, в переплетах из настоящей красной кожи, с золотым тиснением двадцать четвертой пробы и в футляре в полдюйма толщиной. Я пошла прямо в издательство и заказала его специально для тебя. Они внесли в список твое имя и дату, но пришлют его не сюда, а то увидит кто-нибудь.

Она с видимым усилием сглотнула и убрала свой нарядный носовой платок.

– Я столько думала, какой подарок тебе понравится, ведь я всегда дарю тебе что-нибудь, что пригодится для твоего образования.

Кажется, Крис был ошарашен. Игра противоречивых чувств отразилась в его взгляде – смущенном, растерянном, изумленном и даже беспомощном. Боже, как же он любил ее, даже после всего, что она сделала.

Я была настроена решительно и определенно. Я пылала гневом. Теперь она вытащила на свет Божий эту уникальную кожаную энциклопедию, отделанную золотом, которое годилось бы кому-нибудь на зубы! Такие книги, должно быть, стоят больше тысячи долларов, может быть, две или три тысячи! Почему же она не отложила эти деньги, чтобы

забрать нас отсюда? Я хотела завопить, как Кэрри, от такой несправедливости, но тут увидела, что в голубых глазах Криса что-то потухло, и это заткнуло мне рот. Он всегда мечтал о таком уникальном комплекте энциклопедий в красных кожаных переплетах. И она уже его заказала, а деньги сейчас для нее ничего не значат, ведь дед и правда может умереть не сегодня завтра, а значит, ей не надо будет ни платить за квартиру, ни покупать дом.

Мама почувствовала, что я сомневаюсь. Она подняла голову высоко, как королева, и направилась к двери. Мы еще не открыли свои подарки, но она не осталась посмотреть, понравятся ли они нам. Я ненавидела ее, но почему же тогда вся моя душа исходила слезами? Я больше не любила ее... нет, не любила.

Подойдя к двери и открыв ее, мама повернулась и сказала:

– Когда вы подумаете и поймете, какую боль вы причинили мне сегодня, когда вы будете снова относиться ко мне с любовью и уважением, вот тогда я приду. Не раньше.

Итак, она пришла.

Итак, она ушла.

Итак, она была способна прийти и уйти вновь, даже не дотронувшись до Кори и Кэрри, не поцеловав их, не поговорив с ними, едва взглянув на них. И я знала почему. Она не могла смотреть на них, не могла видеть, во что обошлась близнецам ее погоня за богатством.

Они соскочили со стола и подбежали ко мне, цепляясь за мою юбку и заглядывая мне в лицо. Их маленькие личики выражали тревогу, и они внимательно вглядывались в мое лицо: если я счастлива, то, значит, и они могут быть счастливы тоже. Я встала на колени, расточая им ласки и поцелуи, чего не удосужилась сделать она, или она просто не могла ласкать того, кого так обездолила.

– Мы, наверное, выглядим смешно? – спросила Кэрри обеспокоенно.

– Ничего подобного. Вы с Кори просто немного бледные, вы ведь так долго без свежего воздуха.

– Мы сильно выросли?

– Да-да, конечно. – Я улыбнулась, скрывая свою ложь.

Притворяясь веселой, с фальшивой улыбкой на лице, которую я надела на себя, как маску, я села на пол с близнецами и Крисом, и мы все четверо принялись разворачивать наши подарки, как будто в Рождество. Все было так красиво завернуто в дорогую бумагу или в золотую и серебряную фольгу и перевязано огромными шелковыми бантами всех цветов.

Разрывая бумагу, развязывая банты и ленты, открывая крышки

коробок, вытаскивая изнутри ткани... мы увидели чудесные наряды для каждого из нас. Смотрите, новые книжки, ура! Посмотрите, новые игрушки, игры, головоломки, ура! Это мне, о, а это мне, вот эта большая-пребольшая коробка сладостей из кленового сахара, они сделаны точно по форме листьев! Здесь перед нами была представлена воочию ее забота о нас. Должна признать, она знала нас хорошо, наши вкусы, наши хобби – все, кроме наших размеров. Этими подарками она расплатилась с нами за все эти долгие, вычеркнутые из жизни месяцы, когда мы были оставлены на попечение злобной бабушки, которая куда охотнее увидела бы нас мертвыми и похороненными. И она знала, какая у нее мать, знала! Этими играми и головоломками она хотела откупиться от нас, выпросить наше прощение, потому что в глубине сердца понимала, какое ужасное дело творит.

Этим кленовым сахаром она надеялась извлечь горечь одиночества из наших ртов, сердец и голов. Очевидно, в ее представлении мы все еще были глупые дети, хотя Крису уже пора бриться, а мне носить лифчик... все еще дети... и она всегда будет считать нас детьми, это ясно хотя бы по обложкам книг, которые она нам принесла. «Гномы». Да я читала это сто лет тому назад. Сказки братьев Гримм и Ханса Кристиана Андерсена – мы знаем их наизусть. А это что? Опять «Грозовой перевал» и «Джейн Эйр»? Хотя бы записывала, что ли, какие книги у нас есть и какие мы уже прочитали.

Я заставляла себя улыбаться, пока натягивала на Кэрри красное платье и завязывала ей волосы фиолетовой лентой. Теперь она была одета по своему вкусу, в свои любимые тона. Я надела ей на ноги фиолетовые носочки и новые белые тапочки.

– Ты выглядишь прекрасно, Кэрри.

Как бы она ни выглядела, она была так счастлива нарядиться повзрослому, в яркие, с королевской пышностью расцвеченные одежды.

Потом я помогла Кори надеть ярко-красные шорты и белую рубашку с вышитой на кармане красной монограммой, а галстук ему повязал Крис, которого когда-то давным-давно научил этому папа.

– Теперь тебя одеть, Кристофер? – спросила я саркастически.

– Если таково твое заветное желание, – ответил он зло, – то можешь даже содрать с меня кожу.

– Фу, как вульгарно.

Кори получил новый инструмент – сверкающее банджо! Ей-богу, что за день! Он всегда хотел банджо! Значит, она помнила. Глаза его горели. «Ах, Сюзанна, не плачь обо мне, я еду в Луизиану, и мое банджо со

мною...»

Он играл мелодию, а Кэрри пела. Это была одна из его любимых песенок и единственная, которую он умел играть на гитаре, хотя и всегда фальшивил. На банджо она звучала правильно, как следует. Бог наградил Кори волшебными музыкальными пальцами.

Бог наградил меня тяжелыми мыслями, отравляющими любую радость. Что толку в красивых нарядах, если их никто не видит? Я жаждала тех вещей, которые нельзя ни завернуть в нарядную бумагу, ни перевязать шелковыми лентами, ни положить в коробку из фирменного универмага. Я жаждала тех вещей, которые нельзя купить за деньги. Она хоть заметила, что волосы у меня выстрижены на макушке? Заметила, как мы исхудали? Или она считает, что мы вполне здоровы вот с этой тонкой и бледной кожей? Горькие, отвратительные мысли теснились в моей голове, пока я засовывала сладкие листики кленового сахара в нетерпеливые рты Кори и Кэрри, а затем и себе в рот.

Я внимательно рассмотрела красивые наряды, предназначенные для меня. Голубое бархатное платье, его бы на вечеринку. Розово-голубая ночная сорочка, пеньюар и комнатные туфли, все в одном стиле. Я сидела, ощущая сладость на языке и словно острый кусок железа в горле. Энциклопедия! Мы что, останемся здесь навсегда? Однако кленовый сахар всегда был моим любимым лакомством. Она принесла эту коробку сладостей для меня, именно для меня, а я с трудом смогла проглотить всего один кусочек. Кори, Кэрри и Крис сидели на полу, положив коробку перед собой, и пожирали сахар, кусок за куском, смеющиеся и довольные.

— Оставьте хоть кусочек про запас, — сказала я с горечью. — Быть может, вы еще долго не увидите конфет.

Крис взглянул на меня, его голубые глаза сияли от счастья. Ясно как день, что ему было достаточно одного-единственного короткого визита мамы, чтобы он снова верил и был предан ей, как прежде. Как он не понимал, что за всеми этими подарками она прячет тот факт, что мы ее больше не интересуем? Почему он не видел так же ясно, как я, что для нее мы уже не такая реальность, как прежде? Мы что-то вроде тех неприятных предметов, о которых люди не любят говорить, вроде мышей на чердаке.

— Сиди и изображай немую, — сказал мне Крис, весь сияя от счастья. — Отказывайся от сладостей, пока мы втроем набиваем полный рот, а то еще спустятся с чердака мыши и съедят все за нас. Кори, Кэрри и я отчистили свои зубы добела, пока ты тут сидишь и плачешь, жалеешь саму себя и воображаешь, что своим самопожертвованием ты можешь хоть что-то изменить. Давай, Кэти! Плачь! Изобрази мученицу! Страдай! Бейся

головой об стену! Вопи погромче! А мы все равно останемся здесь, пока не умрет наш дед, и все сладости кончатся, кончатся, кончатся!

Как я ненавидела его насмешки! Я вскочила на ноги, отбежала в дальний угол комнаты, повернулась к ним спиной и принялась натягивать на себя свои новые наряды. Три красивых платья, одно за другим, я рывками натянула через голову. Они все легко застегивались на талии и свободно облегали ее, но, как я ни старалась, молния не сходилась на спине, потому что мешал мой бюст! Я сорвала с себя последнее платье и поискала вытачки на лифе. Нигде ни одной! Мама покупала для меня детские платьица – глупые девчоночьи одежки, которые прямо-таки вопят о том, что ничего-то она не видит! Я бросила эти несчастные платья на пол и принялась ожесточенно топтать голубой бархат, так что его никогда уже не примут обратно в универмаг.

А на полу сидел Крис с близнецами и чертовски зло и вызывающе смеялся. Он был сильнее меня, ведь я позволяла ему смеяться надо мной.

– Набросай-ка списочек заказов в магазин, – шутил он. – Пора тебе начать носить бюстгальтеры и перестать брыкаться, как норовистая лошадка, а на этот случай закажи себе, кстати, и уздечку.

Я готова была залепить ему пощечину, чтобы стереть ухмылку с лица. Живот у меня был совсем впалый, и если ягодицы округлились и оформились, то скорее от упражнений, нежели от жира.

– Заткнись! – заорала я. – С какой стати буду я писать и подавать маме список заказов? Она бы и сама знала, какая у меня одежда и что мне нужно, если бы хоть раз на меня взглянула по-настоящему! Откуда я знаю, какой номер бюстгальтера мне нужен? И не нужна мне уздечка! Тебе самому нужен жокейский хлыст и немного здравого смысла, который не придет в голову из книг!

Я смотрела на него и была счастлива, видя его ошеломленное лицо.

– Кристофер! – завопила я вне себя. – Иногда я ненавижу маму! И не только ее, иногда и тебя тоже. Иногда я всех ненавижу, а себя больше всего! Иногда мне хочется умереть! Я думаю, для нас всех было бы лучше умереть, чем быть здесь заживо погребенными! Как будто мы живые и говорящие гниющие овощи, копошащиеся в погребе.

Мои тайные мысли вырвались, выплеснулись на них, как помои, и оба моих брата поморщились и побледнели. А моя сестренка стала как будто еще меньше, сжалась в комочек и задрожала. И чуть только эти злые слова вырвались из моего рта, я пожалела о сказанном. Как хотела бы я вернуть их обратно!

Я резко обернулась и побежала в гардеробную. Скорее, скорее к

высокой красивой двери, ведущей на чердак!

Когда мне было больно (а это бывало часто), я прибегала сюда, к музыке, костюмам и балетным тапочкам, в которых я могла закружиться, завертеться и вытанцевать из себя прочь все заботы. И где-то там, в этой малиновой небывалой стране, где я выделявала свои безумные пируэты в диких, безумных усилиях истощить себя до полной бесчувственности, я видела того человека, всегда в тени и в отдалении, наполовину скрытого за белоснежными колоннами, устремленными прямо в фиолетовое небо. И он танцевал вместе со мной, всегда в отдалении, хотя я так сильно стремилась приблизиться к нему, прильнуть к его рукам, которые защитили бы и поддержали бы меня. Я знаю, только с ним я нашла бы наконец мир, покой и любовь.

И тут вдруг музыка оборвалась. Я снова очутилась на пыльном и душном чердаке, моя правая нога была неловко подвернута. Я упала! Когда я с трудом поднялась на ноги, то едва смогла идти. Мое колено было так разбито, что совсем другие слезы, слезы боли, навернулись мне на глаза. Я проковыляла через чердак и класс, не заботясь о своем поврежденном колене. Я пошире открыла окно и выбралась на черную крышу. Стараясь не задевать колено, я спустилась по крутому скату крыши вплоть до самого края с приподнятым желобом водостока. Плача от жалости к самой себе и ничего не видя от слез, я закрыла глаза и на какое-то время потеряла чувство равновесия. Через минуту все будет кончено. Я свалюсь вниз на колючие кусты роз.

Бабушка и мама смогут заявить, что какая-то странная молодая идиотка забралась к ним на крышу и случайно упала вниз. А мама заплачет, когда увидит меня, мертвую и разбитую, лежащую в гробу прямо в голубом трико и балетной пачке. Тогда она наконец поймет, что` она сделала, и захочет вернуть меня, она откроет дверь и освободит Криса и близнецов, чтобы они снова жили настоящей жизнью.

Это была золотая сторона той медали, которую мне вручат за самоубийство. Но я должна была повернуть ее другой стороной и посмотреть, что же на обороте. Что будет, если я не умру? Что будет, если розовые кусты спружинят, приняв на себя тяжесть моего тела, и я останусь до конца дней своих искалеченной и изуродованной?

Или вдруг я действительно умру, но мама не будет рыдать, жалеть меня и биться в отчаянии, а будет только рада избавиться от меня, как от чумы? Как тогда Крис и близнецы выживут без моей заботы? Кто будет матерью для малышей, кто станет ласкать их с такой нежностью, которая иногда распространялась и на Криса? Кто, кроме меня? А Крис – может

быть, он думает, что я ему на самом деле не нужна, что книжки и новый уникальный комплект энциклопедий, в красной коже с золотым тиснением, заменят ему меня целиком? Когда он наконец поставит звание доктора после своей фамилии, он, должно быть, получит удовлетворение на всю оставшуюся жизнь. Ему хватит этого для счастья? Нет, когда он станет доктором, ему это не доставит удовольствия, если я не буду присутствовать при этом. Итак, я спаслась от смерти благодаря своей способности учитывать обе стороны медали.

Я отползла от края крыши, чувствуя себя глупой малышкой и все еще плача. Мое колено было страшно разбито.

Я ползком поднялась по крыше в одно укромное место у задней трубы, где два ската крыши встречались, образуя безопасный уголок, легла там на спину и уставилась в равнодушное, безразличное к моим бедам небо. Я сомневалась, живет ли там Бог и все его небесное воинство. Нет, Бог и райское блаженство были внизу, там, на земле, в садах и лесах, в парках, на морских побережьях, на озерах, в горах, у этих людей, которые вольны идти куда глаза глядят. А ад был здесь, со мною, неустанно преследующий меня, старающийся поглотить меня и превратить в то, чем считала меня моя бабушка, – в дьявольское отродье.

Я лежала на этой жесткой и холодной, крытой шифером крыше до темноты, пока не вышла луна и звезды не засверкали на меня гневно, точно они знали, кто я и что я. На мне был только балетный костюм, трико и одна из этих глупых гофрированных балетных пачек. Гусиная кожа покрыла мои руки, а я все еще обдумывала планы мести тем, кто изгнал меня из рая на земле в ад на крыше и сделал из меня то, чем я стала за этот день. Я тешила себя мыслью, что придет день, когда обе они, и мать и бабушка, будут у меня в руках, а я буду щелкать кнутом, расплескивать смолу и выдавать им еду по своему усмотрению.

Я старалась точно обдумать все, что сделаю с ними. Что будет справедливым возмездием за их жестокость? Может быть, запереть их, выбросить ключ и оставить их голодать, как голодали мы?

Слабый звук, раздавшийся в темноте, разогнал мои мысли. Во мраке наступающего вечера Крис нерешительно звал меня по имени. Только мое имя, ничего больше. Я не отвечала, он был мне не нужен, мне никто был не нужен. Он не понял меня, отпустил меня, и он не нужен мне теперь, никогда не будет нужен.

Тем не менее он подошел и лег рядом. Он принес с собой теплый шерстяной жакет, в который завернул меня, не говоря ни слова. Как и я, он уставился в холодное неприступное небо. Продолжительное, угрожающее

молчание легло между нами. На самом деле не было ничего такого, за что я могла ненавидеть Криса, и мне так хотелось повернуться на бок, сказать ему это и поблагодарить за теплый жакет, но я не могла вымолвить ни слова. Я хотела объяснить ему, как мне жаль, что я накинулась на него и близнецов, хотя, видит Бог, никто из нас не должен враждовать. Мои руки, дрожащие под теплой тканью жакета, так и тянулись обнять Криса и утешить, как он часто утешал меня, когда я просыпалась от ночных кошмаров. Но все, что я могла делать, лежа так, – это надеяться, что он поймет, в каких невыносимых тисках бьется моя душа.

Он всегда умел первым поднять белый флаг, за что я ему бесконечно благодарна.

Станным, хриплым и напряженным голосом, как будто страшно издали, он сказал мне, что они с близнецами пообедали, но оставили мне мою долю.

– И мы только притворялись, что съели все сладости, там еще полно осталось.

Сладости. Он говорит о сладостях. Он все еще в том детском мире, где сладости могут остановить слезы? Я выросла, стала старше его и потеряла способность к детским восторгам. Я хочу того, чего хочет каждая девочка-подросток: свободно развиваться и стать женщиной, свободно управлять своей жизнью!

Но когда я попыталась объяснить ему это, голос мой прервался от слез.

– Кэти... что ты сказала... никогда больше не говори таких безобразных, безнадежных слов.

– Но почему? – поразила я. – Каждое мое слово – правда. Я только выразила то, что чувствую в душе, и то, что ты чувствуешь тоже, я уверена, то, что ты прячешь от самого себя. Но если ты будешь держать это в себе и не выплеснешь наружу, все это превратится в кислоту и разъест тебя изнутри.

– Ни разу в жизни я не хотел умереть! – вскричал он тем же хриплым голосом, в котором все еще чувствовался холод. – Никогда не говори такие вещи и даже не думай о смерти! Конечно, бывали и у меня сомнения и подозрения в душе, но я всегда улыбался, смеялся над ними и заставлял себя верить, потому что я хочу выжить! Если ты наложишь на себя руки, то я тоже не смогу жить без тебя, и близнецы последуют за нами, потому что кто же будет тогда их матерью?

Это рассмешило меня. Я засмеялась тяжелым, ломким смехом – так смеялась наша мама, когда ей было горько.

– Как, глупышка Кристофер, разве ты забыл, что у нас есть наша

дорогая, любимая, заботливая мамочка, которая прежде всего думает о нас? Уж она-то позаботится о близнецах.

Крис повернулся ко мне и обхватил меня за плечи.

– Ненавижу, когда ты говоришь так, как порой говорит она. Думаешь, я не знаю, что ты больше мать для близнецов, чем она? Думаешь, я не видел, что близнецы глазели на свою мать, как на чужую? Кэти, я не слепой и не глупец. Я знаю, мама прежде всего заботится о самой себе, а потом уже о нас.

Старая как мир луна освещала застывшие в его глазах слезы. Его голос звучал твердо, приглушенно и глубоко.

Все это он сказал спокойно, без горечи, только с сожалением, – так спокойно и бесчувственно доктор говорит пациенту о его неизлечимой болезни.

Вот когда это открылось мне, как катастрофа, как наводнение: я любила Криса, а он был моим братом. Он делал меня целостной, давая мне то, чего во мне не доставало, например стабильность. Когда я готова была нестись бешено и неистово, он умел все поставить на свои места, – и вот прекрасный способ отплатить матери, бабушке и деду. Бог ничего не увидит. Он закрыл глаза на все в тот день, когда Иисус был распят на кресте.

Но там, наверху, был отец, и он смотрел на нас, и я съежилась от стыда.

– Посмотри на меня, Кэти, пожалуйста, посмотри.

– Я ничего не имела в виду, Крис, правда ничего. Ты же знаешь, какая я сентиментальная, я хочу жить, как все этого хотят, но я так боюсь, что с нами может случиться что-нибудь ужасное, все время боюсь. И я говорила эти гадкие слова, просто чтобы встряхнуть вас, чтоб вы поняли. Ох, Крис, я просто до боли хочу быть с другими людьми, с множеством других людей. Я хочу видеть новые лица, новые помещения. Я до смерти боюсь за близнецов. Я хочу ходить по магазинам, скакать на лошади и делать все, чего мы здесь лишены.

В темноте, на холодной крыше, мы ощупью нашли друг друга. Мы слились воедино, сердца наши стучали друг против друга. Мы не плакали и не смеялись. Разве мы не пролили уже океан слез? И они не помогли. Разве мы не вознесли уже миллионы молитв, а избавление так и не пришло? Но если слезы не помогли и молитвы не были услышаны, как еще можно добиться, чтобы Бог обратил к нам свою милость?

– Крис, я уже говорила, и я снова говорю. Мы должны сами проявить инициативу. Ведь папа говорил, Бог помогает тому, кто сам себе помогает.

Он прижался ко мне щекой, и прошло немало времени, прежде чем он отозвался:

– Я подумаю над этим, хотя, как говорит мама, счастье может привалить в любой день.

Мамочкин сюрприз

Каждый день из тех десяти, что прошли, прежде чем мама пришла к нам снова, мы с Крисом размышляли часами, зачем же все-таки она уезжала в Европу так надолго и, главное, что за добрые вести должна была она нам сказать?

Эти десятидневные размышления были чем-то вроде дополнительного наказания. Наказанием было сознавать, что она сейчас здесь, в этом доме, и все равно игнорирует нас и держит взаперти, словно мы и вправду только мыши на чердаке.

Поэтому, когда она наконец появилась, мы были подчеркнуто предупредительны и больше всего боялись, что она больше никогда не придет, если Крис или я будем проявлять враждебность или повторим свои требования выпустить нас. Мы были тихими, кроткими и покорными судьбе. Мы не могли даже бежать, сделав веревочную лестницу из простыней, ведь близнецы впадали в истерику при любой попытке вывести их на крышу.

Поэтому мы улыбались маме и не произнесли ни слова жалобы. Мы не спросили, как она могла снова наказать нас и не приходить еще десять дней после тех месяцев, что мы провели без нее в неведении. Мы довольствовались тем, что она пожелала сообщить нам. Мы были такими, какой она была когда-то со своим отцом, – ее послушными, кроткими и пассивными детьми.

Больше того, именно такими мы ей и нравились. Мы снова были ее милыми, ее любящими, ее собственными «дорогушами».

И вот теперь, когда мы стали такими хорошими, милыми, такими податливыми, такими уважающими ее и доверчивыми, она решила, что настал момент произвести фурор.

– Дорогие мои, порадитесь за меня! Я так счастлива! – Она рассмеялась и свернулась в клубок, как кошка, обнимая саму себя руками, млея от любви к своему собственному телу (по крайней мере, так мне показалось). – Угадайте, что случилось, а ну, угадайте!

Крис и я переглянулись.

– Наш дедушка скончался? – осторожно предположил Крис, а мое сердце в это время плясало, готовое подпрыгнуть и в самом деле выскочить из груди, если она сообщит нам радостную новость.

– Его забрали в больницу? – спросила я после секунды раздумья.

– Нет. Я теперь уже не ненавижу его так, как прежде, поэтому я не пришла бы к вам разделить радость по поводу его кончины.

– Тогда что же ты просто не скажешь нам о своих добрых вестях? – сказала я, упав духом. – Мы никогда не сможем угадать, ведь мы теперь ничего не знаем о твоей жизни.

Она не обратила внимания на мой намек и восторженно продолжала:

– Причина, по которой я так долго пропадала и которую так трудно оказалось мне объяснить, причина эта заключается в том, что я вышла замуж за чудесного человека, адвоката по имени Барт Уинслоу. Он вам понравится. Он вас всех полюбит. Он темноволосый и такой красивый, высокий, с атлетической фигурой. И он любит ходить на лыжах, как ты, Кристофер, и играет в теннис, ах, он такой же замечательный и блестящий, как ты, дорогой. – И она посмотрела на Криса, конечно. – Он очарователен, и все любят его, даже мой отец. Мы провели наш медовый месяц в Европе, и все те подарки, что я вам привезла, – они из Англии, Франции, Испании и Италии.

И она снова и снова распространялась о своем новом муже, в то время как мы с Крисом сидели молча.

С той рождественской ночи мы с Крисом не раз слышали голоса подозрений. Как бы ни были мы тогда молоды, мы были достаточно мудры, чтобы понимать: молодая красивая женщина, которой нужен мужчина, как нашей маме, и не подумает долго оставаться вдовой. Но поскольку прошло уже почти два года, а свадьбы не было, у нас имелись кое-какие основания полагать, что тот красивый темноволосый мужчина с большими усами не имел для мамы никакого значения, как прошедший маскарад, – так просто, один поклонник среди многих. И в самой глубине наших глупых сердец мы уверяли себя, что она будет вечно верна нашему умершему отцу, тому белокурому и голубоглазому, похожему на греческого бога отцу, которого она, должно быть, полюбила без всякой причины, раз ради него она пошла на такое – на брак с близким родственником.

Я закрыла глаза и попыталась не слышать ее ненавистный голос, рассказывающий нам о другом мужчине, занявшем место нашего отца. Теперь она жена другого человека, совершенно другого типа, и он разделит с ней ложе и спит с нею теперь, и мы будем видеть ее еще меньше, чем прежде. Боже правый, как долго это будет продолжаться, как долго?

Ее новости и голос породили в моей душе маленькую серенькую птичку паники, которая металась у меня под ребрами, как в клетке, желая вырваться, вырваться на свободу!

– Пожалуйста, – умоляла мама, пытаясь своими улыбками и смехом,

радостью и счастьем разогреть ту ледяную атмосферу, в которой была встречена ее новость. – Постарайтесь понять меня, порадоваться за меня. Я любила вашего отца, вы знаете это, но его уже давно нет, а мне нужен был кто-то, кого бы я любила и кто любил бы меня.

Крис открыл рот, чтобы сказать, что он любит ее, что мы все любим ее, но он сомкнул губы, осознав, как и я, что она говорит не о той любви, которую могут дать дети. К тому же я не любила ее больше. Я была даже не уверена, что она мне хоть чуть-чуть нравится, но я смогла улыбнуться и притвориться и произнесла эти слова, просто чтобы не напугать близнецов.

– Да, мама, я рада за тебя. Это прекрасно, что ты нашла кого-то, кто будет любить тебя снова.

– Он давно был влюблен в меня, Кэти, – заторопилась она, ободренная, улыбаясь доверительно, как прежде. – Хотя он и был раньше убежденным холостяком. Ему было нелегко признать, что он нуждается в жене. А ваш дедушка никогда не хотел, чтобы я выходила замуж во второй раз, просто в наказание за то зло, которое я совершила, вступив в брак с вашим отцом. Но ему понравился Барт, и, когда я стала умолять его, он наконец смягчился и сказал «да», так что я смогла выйти замуж за Барта и все равно унаследовать состояние отца.

Она помедлила, прикусив нижнюю губу. Затем нервно сглотнула. Ее беспокойные пальцы порхнули к горлу, нервно затеребили нитку настоящего жемчуга у нее на шее, и это все свидетельствовало о том, что женщина в расстроенных чувствах, да при этом еще улыбается, а как же.

– Конечно, я не люблю Барта, как любила вашего отца.

Ха! Как неубедительно она это сказала. Ее сияющие глаза и яркий румянец свидетельствовали о любви, которая была чем-то большим, что знала она прежде. Я вздохнула. Бедный отец!

– Эти подарки, что ты нам привезла, мама, они не все из Европы или с Британских островов. Та коробка с кленовым сахаром, она ведь из Вермонта, правда? Вы что, и в Вермонте были? Он оттуда родом?

Ее смех прозвучал живо, радостно, открыто и даже слегка чувственно, как будто Вермонт значил для нее что-то.

– Нет, он не из Вермонта, Кэти. Но у него там живет сестра, и мы съездили к ней на уик-энд, когда вернулись из Европы, и вот там-то я и купила эту коробку, потому что я знаю, как ты любишь кленовый сахар. У него еще две сестры живут на юге. А сам он из маленького городка в Южной Каролине – Гренглинн или Грингленн, что-то в этом роде. Но он так долго жил в Новой Англии, где закончил Юридическую школу в Гарварде, что говорит он скорее как янки, чем как южанин. Ах, как красиво

в Вермонте осенью, у меня буквально дыхание захватывало. Конечно, когда у тебя медовый месяц, не испытываешь большого желания общаться с людьми, так что мы совсем ненадолго заехали к его сестре, а большую часть времени проводили на пляже.

Она с трудом задержала взгляд на близнецах, буквально на одно мгновение, и ее пальцы вновь заплесали по нитке жемчуга, грозя разорвать ее. Но, кажется, ее настоящий жемчуг был крепче, чем ее поддельная доброта.

– Тебе понравились игрушечные лодочки, что я тебе привезла, Кори?

– Да, мама, – ответил он очень вежливо, глядя на нее своими большими, обведенными тенью глазами, как будто она была чужая.

– Кэрри, деточка, те маленькие куколки, я их подбирала для тебя в Англии, чтобы пополнить твою коллекцию. Я надеялась, что найду для твоего кукольного домика другую колыбельку, но, похоже, их больше не делают.

– Ничего, все в порядке, мама, – глядя в пол, отвечала Кэрри. – Крис и Кэти сделали мне колыбельку из картона, и она мне очень нравится.

О боже, неужели она не видит? Они ведь уже не признают ее. Они чувствуют себя с ней неловко, как с чужой.

– Твой новый муж знает о нас? – спросила я, смертельно серьезная.

Крис наградил меня сердитым взглядом за этот вопрос, давая мне понять, что, конечно же, наша мама не может обманывать в таком вопросе и не сказать человеку, за которого вышла замуж, что у нее есть четверо спрятанных детей, – это нечто такое, что лишь дьяволу и доступно.

Как будто тень омрачила счастье нашей мамочки, и что-то больно ранило ее. Снова я спросила не то, что нужно.

– Нет еще, Кэти. Но как только умрет папа, я расскажу ему все о вас четверых. Я объясню ему каждую минуту, каждую деталь. Он поймет, он добрый и мягкий. Вот увидишь, он понравится вам.

Она говорила это уже не раз. Так вот еще ради чего придется нам дожидаться, когда умрет этот старик!

– Кэти, не смотри на меня так! Я не могла сказать Барту до свадьбы. Он ведь поверенный вашего деда. Я не могла позволить, чтобы он узнал о моих детях прежде, чем завещание будет прочитано и я получу деньги на свое имя.

У меня на языке вертелись слова: мужчина должен знать, что у его жены четверо детей от первого брака. Ох, как мне хотелось сказать это! Но Крис посмотрел на меня многозначительно, а близнецы теснились рядом, согнувшись и уставившись в телевизор. И я не знала, сказать ли мне или

промолчать. По крайней мере, пока молчишь, не наживешь врагов. Может быть, она по-своему права.

Боже, пусть она будет права. Обнови мою веру, Боже. Дай мне поверить в нее снова. Дай мне уверовать, что она прекрасна не только телом, но и душой.

Любовь. Как часто это слово встречается в книгах. Снова и снова. Вы можете быть богаты и здоровы, красивы и талантливы, но у вас нет ничего, если нет любви. Любовь меняет все вокруг, на смену обыденности приходит нечто головокружительное, всепоглощающее, пьянящее, очаровывающее.

Это направило ход моих мыслей к тому дню в преддверии зимы, когда дождь хлестал по крыше, а близнецы сидели в спальне на полу перед телевизором. Мы с Крисом были на чердаке, лежали бок о бок на старом матрасе у окна в классной комнате. Мы читали одну из тех старинных книг, что мама принесла нам из большой библиотеки внизу. Скоро чердак будет вновь отобран у нас студенкой зимой, поэтому мы старались проводить там как можно больше времени, пока это было возможно. Крис обычно пробегал страницу глазами и быстро перескакивал на другую. Я же любила пройтись не спеша по прекрасным строчкам, прочитывая некоторые места дважды, а то и трижды. Мы не раз спорили по этому поводу: «Читай быстрее, Кэти. Ты что, хочешь выучить эти слова наизусть?»

Но в тот день он был терпелив. Он лежал на спине и глядел в потолок, пока я проводила время, смакуя каждую прекрасно написанную строчку, проникаясь духом викторианских времен, когда люди носили такие нарядные одежды, и говорили так элегантно, и так глубоко чувствовали любовь. С первого же отрывка эта история окутала нас обоих мистическим, романтическим очарованием. С каждой страницей мы все глубже погружались в историю двух блистательных любовников по имени Лили и Реймонд, которые преодолевали немыслимые препятствия, чтобы достигнуть волшебной страны, где на лиловой траве все мечты сбываются. Боже, как я желала, чтобы они нашли это место! Но затем открывалась вся трагедия их жизни. Представляете, оказывается, все это время они находились на этой самой особой траве! Все время были на ней и ни разу даже не взглянули вниз. Я ненавидела несчастливый конец! С досадой захлопнув книжку, я швырнула ее в ближайшую стену.

– Что за дурацкая история, смешнее не придумаешь! – Я с упреком взглянула на Криса, как будто это он написал книжку. – Неважно, кого я люблю, но надо же уметь прощать и забывать!

Я продолжала критиковать эту бедную книжку вместе с бурей, бушевавшей за стеной. Погода и я неистовствовали в одном темпе.

– Ну почему они не написали как-то иначе? Неужели возможно, чтобы двое интеллигентных людей витали в облаках и не осознавали реальных событий, которые неминуемо ведут к несчастью? Никогда, никогда я не буду такой, как Лили, да и Реймонд тоже! Дураки идеалисты, которым не хватает здравого смысла просто взглянуть себе под ноги!

Кажется, мой брат был поражен, что книжка так задела меня, но затем он призадумался, глядя на струи дождя.

– Наверное, влюбленным и не положено глядеть на землю. Эта история символическая, а земля олицетворяет собой реальность, с ее несчастьями, случайными болезнями, смертью, убийствами и всяческими трагедиями. Влюбленным положено смотреть в небеса, там их прекрасным иллюзиям ничего не грозит.

Настроение у меня испортилось. Я взглянула на него хмуро и угрюмо.

– Когда я влюблюсь, то возведу гору до неба. И там мы, я и мой возлюбленный, будем наслаждаться обоими мирами, реальность будет прямо у нас под ногами, а иллюзии – в облаках у нас над головой. И пускай лиловая трава разрастается кругом, пусть поднимается до наших глаз.

Он рассмеялся, обнял меня и поцеловал легко и нежно, и глаза его светились нежностью и добротой в полумраке холодного чердака.

– О да, моя Кэти способна на это! Сохранить все иллюзии, танцевать в высокой лиловой траве, которая доходит тебе до глаз, носить одежды тоньше паутинки, сделанные из облаков! Уж она бы вертелась, летала и выделявала пируэты, пока ее неловкий и неуклюжий любовник топал за ней, тоже пытаюсь танцевать.

Это была скользкая почва. Я поспешила туда, где твердо стояла на ногах:

– Но все-таки это прекрасная история, по-своему, конечно. Мне было так жаль Лили и Реймонда, они могли бы иначе устроить свою жизнь. Когда Лили сказала Реймонду всю правду, как ее фактически изнасиловал этот ужасный человек, он не должен был обвинять ее в том, что она соблазнила его. Никто в здравом уме не захочет соблазнять человека, у которого восемь детей.

– Ох, Кэти, иногда ты уже хватаешь через край.

Его голос звучал глубже, чем обычно, когда он сказал это. Его мягкий взгляд медленно скользнул по моему лицу, задержавшись на губах, затем опустился на грудь, на ноги, обтянутые белым трико. Поверх трико на мне была надета короткая шерстяная юбочка и вязаная кофта. Затем его глаза

снова устремились вверх, встретившись с моим удивленным взглядом. Он вспыхнул, заметив, что я тоже не спускаю с него глаз, и отвернулся в сторону, уже второй раз за сегодня. Я лежала достаточно близко, чтобы услышать, как стучит его сердце – быстро, быстрее, быстрее, и вдруг мое сердце словно поймало этот ритм и застучало в такт с ним, как обычно стучат сердца: тук-тук, тук-тук. Он быстро взглянул на меня. Наши глаза встретились и замерли. Крис нервно засмеялся, стараясь показать, что все это несерьезно.

– Первый раз ты была права, Кэти! Лишь безумные люди могут умирать от любви. Ставлю сто против одного, что этот романтический и наркотический любовный коктейль состряпала женщина!

Всего минуту назад я негодовала на автора за несчастный конец, но сейчас я рванулась на его защиту.

– Т. Т. Эллис – это вполне может быть и мужчина! Хотя я сомневаюсь, что в девятнадцатом веке женщина-автор могла опубликовать свое произведение иначе как скрывшись за инициалами или мужским именем. И почему это мужчины вечно считают, что женщина только и способна, что писать сентиментальные романы и слезливые истории и не способна создать ничего путного? Разве не бывает и у мужчин романтических настроений? Разве не мечтают мужчины об идеальной любви? А мне показалось, что Реймонд еще больше сюсюкал, чем Лили.

– Не спрашивай меня о мужчинах, – с неожиданной горечью взорвался Крис и продолжил с упреком: – Разве, живя здесь, наверху, я могу знать, что должен чувствовать настоящий мужчина? Здесь я не могу себе позволить романтических настроений. Не делать этого, не делать того, отводить постоянно глаза и не замечать прямо перед собой вот этих твоих глаз, все скрывать, притворяться, что я только брат и у меня нет других чувств и эмоций, кроме детских. Похоже, некоторые глупые девчонки считают, что наш будущий доктор начисто лишен сексуальности.

Я вытаращила глаза. Такая неистовая вспышка со стороны человека, который редко позволял себе нечто из ряда вон выходящее, повергла меня в изумление. За всю жизнь Крис не разговаривал со мной так горячо и с таким гневом. Нет, я просто кислятина, гнилое яблоко в бочке других, хороших. Я осквернила его. Сейчас он вел себя как тогда, когда мама уходила надолго. Ох, как же жестоко было с моей стороны растревожить его! Ему надо было навсегда оставаться самим собой, беззаботным и бодрым счастливым-оптимистом. Не украли ли я у него самое замечательное качество, кроме его внешности и очарования?

Я положила руку ему на плечо.

– Крис, – прошептала я, почти плача. – Мне кажется, я знаю точно, что тебе надо, чтобы почувствовать себя мужчиной.

– Ну, – огрызнулся он. – Ты-то что можешь знать?

Теперь он не хотел даже взглянуть на меня. Вместо этого он вновь уставился в потолок.

Я страдала за него. Я знала, что гнетет его. Он позволил своим мечтам поднять голову. Теперь он был со мною заодно, он был таким же, как я, и его уже не заботило, унаследуем мы богатство или нет. Но быть таким, как я, значило быть отравленным вечной горечью сомнений, ненавидеть всех, подозревать во всем скрытые мотивы. Бедный Крис!

Я сделала попытку пригладить его волосы.

– Хорошая стрижка, вот что тебе нужно! Твои волосы уж чересчур длинны и красивы. Чтобы почувствовать себя мужчиной, надо стрижку покороче. Взгляни: сейчас, право слово, волосы у тебя совсем как мои.

– А кто сказал, что твои волосы красивы? – спросил Крис холодно. – Может, когда-то это и было так, до того как тебя окатили смолой.

Правда? А мне кажется, я могла бы припомнить множество случаев, когда его глаза говорили мне, что мои волосы более чем красивы. И я помнила, как он смотрел, когда выстригал мне волосы спереди, так нежно и осторожно. Он действовал ножницами с такой неохотой, как будто обрезал мне пальцы, а не волосы, которые не чувствуют боли. А однажды я застала его на чердаке. Он сидел в солнечном свете и держал в руках длинные пряди моих отрезанных волос. Он понюхал их, приложил к щеке, к губам и спрятал в коробочку, которую хранил под подушкой.

Нелегко мне было рассмеяться и обмануть его, не дать ему знать, что я все заметила.

– О, Кристофер Долл, у тебя такие выразительные голубые глаза. Я сочувствую всем девушкам, что влюбятся в тебя, когда мы освободимся и выйдем наружу. А больше всего сочувствую твоей жене, ведь такой прекрасный муж, несомненно, очарует всех красоток-пациенток, которые пожелают соблазнить его. Если бы я была твоей женой, я убила бы тебя за первую же внебрачную связь! Я бы тебя так любила, так ревновала, я могла бы даже заставить тебя бросить медицину в возрасте тридцати пяти лет.

– Я никогда не говорил тебе, что твои волосы красивы, – повторил он упрямо, игнорируя все, что я сказала.

Все так же легко я коснулась его щек, почувствовав волоски, которые пора уже было брить.

– Сиди здесь. Я сбегаю за ножницами. Действительно, я ведь так давно тебя не стригла.

И зачем я стригла волосы ему и Кори, если при нашем образе жизни это не имело никакого значения? Ни разу с тех пор, как мы здесь, я не делала прическу себе и Кэрри. Только макушка у меня была выстрижена, в знак нашей покорности жестокой старой женщине, сделанной из стали. И, сбегая вниз за ножницами, я размышляла о том, почему во всех волшебных сказках у всех многострадальных дам длинные-длинные белокурые волосы. Неужели брюнеток никогда не похищали и не держали в заточении в высоких башнях (конечно, если чердак можно назвать башней)? И почему наши зеленые насаждения так и не выросли, а наши белокурые волосы все растут и растут? Как все это странно.

Крис сидел на полу, и я опустилась рядом на колени. Хотя волосы его доросли уже до плеч, он не хотел обстригать много.

– Пройдись слегка, – явно нервничая, распорядился он. – Не подстригай слишком много за один раз. Внезапно почувствовать себя мужчиной на чердаке в дождливый день – это может быть опасно, – поддразнил он меня, усмехаясь, а затем разразился смехом, показав блестящие и ровные белые зубы.

Я снова была очарована им, и так и должно было быть.

Ох, я и вправду любила его, ползая вот так вокруг него, добросовестно работая ножницами, подравнивая тут и там. Я постоянно отодвигалась, чтобы посмотреть со стороны, проверить, ровно ли подстрижены волосы, потому что я, конечно же, не хотела кое-как обкорнать его голову. Я придерживала его волосы расческой – мне случалось видеть, как это делают это парикмахеры, – и осторожно срезала волосы под расческой, не больше чем четверть дюйма за раз.

В голове у меня был образ, к которому я старалась его приблизить, – тогда я могла бы им восхищаться.

Когда я закончила и стряхнула яркие остриженные завитки с его плеч, я отодвинулась посмотреть, как получилось. Кажется, получилось неплохо.

– Ну, – сказала я, торжествуя, в восторге от своего неожиданного мастерства. – Ты выглядишь не только исключительно привлекательным, но и чертовски мужественным. Хотя, конечно, ты всегда таким был, как жаль, что ты сам не знал об этом.

Я вложила ему в руки серебряное зеркало с моими инициалами. Это зеркало было третьей частью серебряного набора, что подарила мне мама на последний день рождения. Щетка, расческа и зеркало: они все были припрятаны, чтобы наша бабушка не знала, что у меня есть дорогие предметы, источники тщеславия и гордыни.

Крис все смотрел и смотрел в зеркало, и сердце мое замирало, потому

что на мгновение мне показалось, что ему не понравилось, что он в нерешительности. Но затем широкая усмешка медленно осветила его лицо.

– Боже, ты сделала из меня белокурого принца Вэлианта. Сначала мне не понравилось, но теперь я вижу, что ты слегка изменила стиль, чтобы лицо было квадратным. Ты закруглила и уложила волосы так, что я стал куда симпатичнее, такой очаровательный овал. Спасибо, Кэтрин Долл. Я не знал, что у тебя талант парикмахера.

– У меня много талантов, о которых ты и представления не имеешь.

– Начинаю подозревать.

– А принц Вэлиант должен быть просто счастлив, что похож на моего привлекательного, мужественного белокурого братца.

Я поддразнивала его, но не могла не восхищаться своим собственным произведением. Ох, сколько сердец разобьет он когда-нибудь!

Он все еще держал зеркало, но вот он осторожно отложил его и, прежде чем я успела что-нибудь понять, прыгнул на меня, как кошка! Он боролся со мной, усаживая меня обратно на пол, и в то же время тянулся за ножницами. Он вырвал их у меня из рук и схватил прядь моих волос.

– А теперь, дорогая, посмотрим, не смогу ли и я подстричь тебя!

Я завизжала от страха, толкнула его так, что он опрокинулся на спину, и вскочила на ноги. Никто не сострижет ни миллиметра с моей головы! Может быть, волосы у меня сейчас смешные и негустые, но это все, что у меня осталось, и все-таки они были красивее, чем у многих девушек.

Я пустилась наутек из классной комнаты. Я пронеслась сквозь необъятный чердак, огибая столбы и старые сундуки, перепрыгивая через низкие столики и перескакивая через покрытые чехлами диваны и стулья. Бумажные цветы неистово обмахивали меня пыльными лепестками, когда я пробегала мимо, а Крис настигал меня. На пути нам попадались зажженные толстые и низкие свечи. Мы зажигали их днем на чердаке, просто чтобы оживить и согреть это мрачное и обширное холодное помещение. Большинство из них погасло, когда мы пробежали мимо.

Но как бы быстро я ни бежала, как бы хитро ни петляла по чердаку, я не могла оторваться от своего преследователя! Я бросила на него взгляд через плечо и ужаснулась. Я не узнала его лица – это напугало меня больше всего. Бросившись вперед, он попытался ухватить меня за длинную прядь волос, которые развевались позади меня и которые он так хотел обстричь!

Значит, теперь он ненавидит меня? Зачем же он провел тогда целый день, преданно стараясь спасти мои волосы, если теперь хочет лишиться меня единственного украшения и отрады? Неужели он хочет сделать из меня посмешище?

Я устремилась обратно в классную комнату, стараясь попасть туда первой. Я бы захлопнула дверь и заперла ее, дала бы ему время прийти в себя и осознать абсурдность своего поведения. Возможно, он предугадал мое намерение и развил бешеную скорость, ведь его ноги были куда длиннее. Он схватил мои длинные, развевающиеся пряди, отчего я споткнулась и закричала, падая вперед.

Не одна я упала, он упал тоже – прямо на меня. И тут острая боль пронзила мой бок! Я закричала снова, на этот раз от боли.

Крис навис надо мной, опираясь руками о пол, он смотрел мне в лицо, смертельно бледный и испуганный.

– Ты ранена? Боже мой, Кэти, с тобой все в порядке?

Все ли со мной в порядке? Наклонив голову, я разглядела большое пятно крови, быстро расплывающееся у меня по кофте. Крис тоже его увидел. Его голубые глаза остановились, холодные, дикие, обезумевшие. Дрожащими пальцами он принялся расстегивать мою кофту, чтобы посмотреть на рану.

– О господи! – вздохнул он, но затем облегченно присвистнул. – Фу! Слава богу! Я боялся, что ты проколола брюшину. Глубокий прокол – это серьезно, но здесь всего лишь сильный порез, Кэти. Скверно, что ты теряешь много крови. Постарайся не двигаться! Оставайся здесь, а я сгоняю вниз, в ванную, принесу медикаменты и бинты!

Он поцеловал меня в щеку, потом вскочил и в страшной спешке, как сумасшедший, понесся к лестнице, хотя мы сэкономили бы время, если бы я пошла с ним. Однако там были близнецы, и они увидели бы кровь. От вида крови они надорвались бы от крика.

Через несколько минут Крис примчался назад с аптечкой и упал на колени рядом со мной. Руки его еще блестели от воды. Он успел вымыть их, но слишком торопился, чтобы толком вытереть. К счастью, он совершенно точно знал, что надо делать. Прежде всего он свернул жгутом большое полотенце и наложил на рану. С весьма серьезным и заинтересованным видом он подложил под жгут что-то мягкое, проверяя ежесекундно, остановилось ли кровотечение. Когда наконец кровь остановилась, он обработал рану антисептиком, причем ее стало жечь как огнем и это было больнее, чем сама рана.

– Я знаю, что жжет, Кэти, но ничем не могу помочь... надо обработать рану, а не то проникнет инфекция. Хотел бы я, чтобы у меня был шовный материал, но, может быть, и так не останется шрама, придется только молиться, чтоб не осталось. Было бы так хорошо, если бы люди могли прожить жизнь, ни разу не порезавшись, как будто родились в защитной

оболочке. И как странно, что именно я первый по-настоящему порезал твою кожу. Если бы ты умерла из-за меня, – а это могло случиться, если бы направление пореза чуть-чуть уклонилось в сторону, – я бы тоже хотел умереть.

Он перестал изображать доктора и начал скатывать оставшийся бинт в аккуратный рулон, затем завернул в голубую оберточную бумагу и положил в ящичек. Он спрятал лейкопластырь и закрыл аптечку.

Крис наклонился надо мной, его серьезные глаза были такими внимательными, обеспокоенными, пронизательными. Его голубые глаза были такими же, как у нас всех. Однако в этот дождливый день они как будто впитали в себя цвет этих старых бумажных цветов, отчего в них появились темные прозрачные переливы. Рыдания подступили к моему горлу: где тот мальчик, которого я знала прежде? Где теперь мой брат и кто этот молодой юноша со светлыми пробивающимися усиками, который так долго смотрит мне в глаза? Один этот его взгляд пленил меня. И больше, чем любая боль, или страдание, или рана, больше, чем все, что я чувствовала прежде и почувствую впредь, была боль от того страдания, что я увидела в его измученных мерцающих глазах, чей цвет постоянно менялся, как в калейдоскопе, где можно увидеть все цвета радуги.

– Крис, – пробормотала я, теряя чувство реальности, – не смотри так. Это не твоя вина.

Я обхватила его лицо ладонями и склонила его голову себе на грудь, как прежде, я видела, делала мама.

– Это только царапина, ничуть не больно, – (хотя было ужасно больно), – и я знаю, ты ведь не нарочно.

Он задохнулся и хрипло спросил:

– Зачем ты побежала? Раз ты побежала, я должен был преследовать. А я ведь только дразнил тебя. Я бы ни за что не срезал и пряди с твоей головы. Это ведь просто так, для смеха. И ты ошибалась, когда говорила, что я сказал, будто твои волосы некрасивы. Я думаю, на твоей голове могут вырасти самые великолепные, самые знаменитые волосы во всем мире.

Как будто маленький ножичек вонзился мне в сердце, когда он откинул голову и распустил мне волосы веером, так что они закрыли мою обнаженную грудь. Я слышала, как он глубоко вдыхает мой запах. Мы лежали там совсем тихо, слушая, как зимний дождь барабанит по шиферной крыше прямо над нами. Глубокая тишина вокруг. Всегда тишина. Голос природы – вот единственный звук, который доходил до нас здесь, на чердаке, и так редко природа говорила с нами тепло и дружелюбно.

Дождь ударял теперь по крыше редкими каплями, вскоре вышло солнце и осветило нас, и в его свете его и мои волосы засверкали длинными прядями и стали похожи на драгоценный шелк.

– Посмотри, – сказала я Крису. – На окне с западной стороны отлетела перекладина от ставни.

– Вот и хорошо, – сказал он сонно и удовлетворенно. – Теперь солнце будет там, где недоставало его нам. Смотри-ка, у меня получилось в рифму.

А потом он произнес тем же сонным голосом:

– Я думал о Реймонде и Лили, о том, как они попали на эту лиловую траву, где исполнялись все желания.

– Правда? Знаешь, я тоже думала об этом, – ответила я шепотом.

Я снова и снова накручивала прядку его волос на свой большой палец, притворяясь, будто не замечаю, что его рука осторожно поглаживает мою грудь, ту, на которой лежала его голова. И поскольку я не возражала, он осмелился поцеловать сосок. Я вздрогнула, пораженная, недоумевающая, почему это заставило меня почувствовать такой странный, необычный трепет. Что такое сосок, как не просто розовато-коричневый бугорок?

– Я могу представить Реймонда, целующего Лили так, как ты сейчас целуешь меня, – задыхаясь, сказала я, одновременно желая и остановить его, и чтобы он продолжал. – Но я не могу представить, как они делают то, что дальше.

Он быстро поднял голову и посмотрел на меня напряженным взглядом, со странным огоньком в глазах, которые постоянно меняли цвет.

– Кэти, а ты знаешь, что дальше?

Краска залила мое лицо.

– Да, я знаю, насколько могу судить. А ты знаешь?

Он засмеялся тем сухим кудахчущим смехом, о каком можно прочесть в романах.

– Конечно знаю. В самый первый день в школе мне рассказали мальчишки в раздевалке, все старшие мальчики только и говорили об этом. И эти слова из четырех букв на стенах, я их не понимал. Но они мне скоро объяснили во всех деталях. Девочки, бейсбол, девочки, футбол, девочки, девочки, девочки, – они говорили только об этом и о том, чем девочки отличаются от нас. Это очень возбуждающая тема для большинства мальчиков, и для мужчин, я полагаю, тоже.

– Но не для тебя?

– Для меня? Я не думаю о девочках и сексе, хотя я попросил бы Бога, чтобы ты не была так чертовски хороша! И было бы лучше, если бы ты не была все время рядом и так доступна.

– Так вот что ты думаешь обо мне? Значит, по-твоему, я хороша собой?

С его губ сорвался подавленный стон, больше похожий на крик. Он вскочил и сел прямо, глядя на то, что открывала моя распахнутая кофта, потому что веер из волос уже сдвинулся с прежнего места. Если бы я не отрезала верх у моего трико, он бы не увидел так много. Но я должна была отрезать, потому что лямки стали мне коротки. Дрожащими, прыгающими пальцами он застегивал пуговицы моей кофты, не глядя мне в глаза.

– Заруби себе на носу, Кэти. Конечно, ты хороша собою, но братья не должны думать о своих сестрах как о девушках. Никогда никаких чувств, кроме терпимости и братской любви и иногда – ненависти.

– Я надеюсь, Бог пошлет мне смерть в ту минуту, когда ты возненавидишь меня, Кристофер.

Он спрятал лицо в руках, а когда вновь появился из-за этого щита, то уже улыбался, бодрый и веселый, и прочищал горло.

– А ну вставай, нам пора вниз, к близнецам, пока они не выжгли себе глаза дочерна, пялясь без конца в эту подозрную трубу для дураков.

Мне было тяжело подняться, хотя он помогал мне. Я стояла, прижимаясь к нему щекой как раз у его сердца. Он хотел быстро отстранить меня, но я прижалась теснее.

– Крис, то, что мы сейчас делали, – это был грех?

Он снова прочистил горло:

– Если ты так думаешь, то да.

Что это был за ответ? Если оставить мысли о грехе, то эти минуты, когда мы лежали на полу и он так нежно касался меня волшебными трепещущими пальцами и губами, – эти минуты были лучшими из всех, что мы провели в этом отвратительном доме. Я взглянула на Криса, чтобы понять, что он думает, и увидела в его глазах нечто странное.

Это необъяснимо, но он казался сейчас счастливее, печальнее, старше, мудрее, или это и означало, что он почувствовал себя мужчиной? Если это так, я была рада, грешна я или нет.

Рука об руку мы спустились к близнецам, где Кори брэнчал на банджо, не сводя глаз с телевизора. Он взял гитару и стал наигрывать свое собственное сочинение, а в это время Кэрри напевала стихи, которые тоже сочинил он. Банджо было для бодрых мелодий, под которые легко маршировать. А эта мелодия была как дождь, стучащий по крыше, тягучая, мрачная, монотонная.

Никогда не увидим солнца,
Никогда не найдем себе дом,

Никогда не почувствуем ветер,
Никогда не пройдем под дождем.

Я села на пол рядом с Кори и взяла гитару у него из рук – я ведь тоже немного умела играть. Он учил меня, он всех нас учил. И я спела ему особенную, грустную песенку Дороти из фильма «Волшебник страны Оз» – этот фильм близнецы обожали и готовы были смотреть без конца. Но когда я кончила петь о синих птицах, что летят над радугой, Кори спросил:

– Тебе что, не нравится моя песня, Кэти?

– Ну ты же знаешь, что нравится, Кори, но она такая печальная. Как насчет того, чтобы написать чуть-чуть другие стихи, повеселее, и чтобы в них была надежда?

Мышонок был у него в кармане, только хвост торчал наружу, потому что он забирался все глубже за хлебными крошками. Микки проделал вращательное движение, и вот его голова появилась из кармана рубашки, а в передних лапках он держал кусочек хлеба, от которого принялся деликатно откусывать. Выражение лица Кори, когда он смотрел на этого своего первого в жизни любимца, тронуло меня так глубоко, что я отвернулась, сдерживая слезы.

– Кэти, ты знаешь, мама никогда ничего не говорит мне про моего малыша.

– Она просто не заметила его, Кори.

– Но почему?

Я вздохнула, в самом деле не зная, кто же и что же такое теперь наша мама, если не чужая женщина, которую почему-то мы должны любить.

Смерть – это не единственная вещь, которая может отобрать у вас всех, кого вы любите и в ком нуждаетесь. Теперь я знала это.

– У мамы теперь новый муж, – сказал Крис бодро. – А когда ты влюблен, тебя ничего не интересует, кроме своего счастья. Но довольно скоро она заметит, что у тебя новый дружок.

Кэрри разглядывала мою кофту.

– Кэти, что за пятно у тебя на кофте?

– Краска, – сказала я без малейшего колебания. – Крис пробовал поучить меня рисовать и совсем с ума сошел, когда увидел, что моя картинка лучше, чем любой из его рисунков. Взял да и брызнул красной краской прямо в меня.

Мой старший брат сидел с непроницаемым выражением лица.

– Крис, Кэти и правда умеет рисовать лучше, чем ты?

– Раз она так говорит, значит так оно и есть.

– Где ее картинка?

– На чердаке.

– Я хочу посмотреть.

– Тогда поднимись и возьми ее. Я устал. Я хочу посмотреть телевизор, пока Кэти приготовит обед. – Он бросил на меня быстрый взгляд. – Моя дорогая сестра, не будешь ли ты возражать, если я попрошу тебя в знак примирения надеть чистый свитер, прежде чем мы сядем обедать? Есть в этой кофте что-то, что заставляет меня чувствовать себя виноватым.

– Эта краска похожа на кровь, – сказал Кори. – Она запеклась, как кровь, когда не смоешь ее.

– Это типографская краска, – возразил Крис, когда я отправилась в ванную сменить кофту на свитер, гораздо большего размера. – Такая краска всегда сворачивается.

Вполне удовлетворенный, Кори принялся рассказывать Крису, как много он потерял, пропустив фильм о динозаврах.

– Крис, они были больше этого дома! Они выходили из воды и проглотили лодку с двумя мужчинами! Я знал, что ты будешь жалеть, что пропустил этот фильм.

– Ну, – сказал Крис мечтательно. – Я уверен, что мне бы понравилось.

Этой ночью я чувствовала себя странно, как будто слегка заболевшей и совсем не отдохнувшей, а мысли мои все возвращались к тому, как Крис смотрел на меня на чердаке.

Я знала теперь, что секрет, который я так долго хотела открыть, секрет этот заключался в любви, в физическом, сексуальном желании. И секрет был вовсе не в созерцании обнаженных тел, ведь я много раз купала Кори и не раз видела голым Криса, и я никогда ничего особенного не чувствовала, видя, чем он и Кори отличаются от меня и Кэрри. Секрет был вовсе не в обнаженном теле. Секрет был в глазах. Секрет любви в том, как один человек смотрит на другого, как общаются между собой глаза, когда губы молчат. Глаза Криса сказали мне больше, чем десять тысяч слов.

Секрет был даже не в том, как он касался меня, нежно и осторожно; вот когда он касался и смотрел, все было иначе, и вот почему бабушка установила правило, что нельзя смотреть на существо другого пола.

О, подумать только, эта старая ведьма знала секрет любви. Но нет, не могла она никого любить, только не она, с ее железным сердцем, с каменными глазами, разве она могла смотреть так?

И потом, по мере того как я углублялась в этот предмет, я поняла, что здесь нечто большее, чем глаза: секрет был в том, что делало глаза такими,

это было в душе, в мыслях. Надо было хотеть изо всех сил доставить тебе удовольствие, сделать тебя счастливым, принести тебе радость и забрать твое одиночество, понять тебя, как никто другой никогда не поймет, – вот тогда в глазах будет любовь.

Грех ничего не значил по сравнению с любовью, с настоящей любовью. Я повернула голову и увидела, что Крис тоже не спит. Он свернулся в клубок у себя на постели и смотрел на меня. Он улыбнулся самой прекрасной улыбкой, и я горько заплакала над ним и над собой.

Наша мама не приходила к нам в тот день, так же как и накануне, но мы подбадривали себя песнями и игрой на инструментах Кори. Потихоньку нарастало возмущение, почему она не приходит, но мы легли в тот день спать с большей надеждой в сердце. Пение веселых песен в течение нескольких часов незаметно убедило нас всех, что солнце, любовь, домашний уют и счастье не за горами и что долгие дни путешествия по темному лесу приходят для нас к концу.

В мои светлые сны вползало что-то темное и страшное. Каждый день это принимало какие-то чудовищные формы. То я видела, лежа с закрытыми глазами, как к нам в комнату прокрадывается бабушка и, думая, что я сплю, сбрасывает начисто все мои волосы. Я кричу, но она не слышит, и никто не слышит. Она берет длинный сверкающий нож, разрезает мою грудь на маленькие кусочки и начинает кормить ими Крису, запихивая их прямо ему в рот. А дальше еще хуже. Я металась и корчилась, бормоча во сне, и разбудила Крису, а близнецы спали, как мертвые, своим крепким детским сном. Сонный Крис приподнялся и сел ко мне на кровать. Он спросил, отыскивая мою руку:

– Опять кошмар?

Фу-у... Это был не обычный кошмар! Это было что-то осязаемое, что-то реальное. Я всем своим существом чувствовала, что случится что-то ужасное. Ослабев и вся дрожа, я рассказывала Крису о том, что сделала бабушка.

– И это еще не все. Потом пришла мама и вырезала мне сердце, а сама она была вся усыпана сверкающими бриллиантами.

– Кэти, сны ничего не значат!

– Нет, значат.

Другие сны и кошмары я тоже всегда рассказывала Крису, он только улыбался и выражался в том духе, что неплохо каждую ночь как будто смотреть кино. Но это было совсем не так.

В кинотеатре вы просто сидите и знаете, что на большом экране чужая история, которую кто-то сочинил для вас. В своих снах я чувствовала сама. Я была в них, чувствовала боль и страдала, и должна сказать, к сожалению, очень редко получала от них удовольствие.

Но раз Крис уже привык к моим снам, почему же он сидит у меня на постели, как мраморная статуя? Похоже, этот сон подействовал на него больше, чем другие. Или он тоже видит сон?

– Кэти, честное слово, сбежим отсюда! Все четверо! Поверь мне. Да, твои сны, должно быть, что-то значат, а то бы они тебе не снились постоянно. У женщин лучше развита интуиция, чем у мужчин, – это доказано. Это подсознание работает по ночам. Мы больше не будем ждать, пока мама получит наследство своего отца, который все живет да живет и не думает умирать. Ты и я вместе найдем выход. С этой секунды, клянусь тебе жизнью, мы полагаемся только на себя... и на твои сны!

Он так сказал это, что я поняла – он не шутит, он действительно так считает. Я почувствовала такое облегчение, что чуть не закричала. Мы убежим отсюда! Мы не останемся в этом доме навечно!

Во мраке и холоде большой темной комнаты он смотрел прямо мне в глаза. Может быть, он видел меня, как я его, а может быть, всю нашу жизнь и мечты и даже больше того. Он немедленно склонился ко мне и поцеловал в губы, как бы закрепляя свою клятву. Какой странный, долгий поцелуй, от него я как будто падала, и падала, и падала, лежа в то же время на кровати.

Что нам было нужно больше всего, так это ключ от нашей комнаты. Мы знали, что он подходил ко всем дверям в доме. Из-за близнецов мы отказались от мысли бежать по веревочной лестнице из простыней, и, уж конечно, ни Крис, ни я не надеялись, что бабушка как-нибудь оставит по небрежности ключ в дверях. Она обычно быстро открывала дверь и тут же совала ключ себе в карман. Во всех ее ненавистных серых платьях были карманы.

Зато наша мама всегда была беззаботна, забывчива, ненаблюдательна. И она не любила карманов, потому что лишние объемы отягощали ее гибкую фигуру. Мы рассчитывали на нее.

И чего плохого она могла ждать от нас – ее покорных, милых, пассивных деток? Ее собственных маленьких пленников, которые никогда не вырастут и не станут для нее угрозой. Она была счастлива от любви. Любовь светилась в ее глазах и заставляла ее часто без причины смеяться. Она была до того невнимательна, что хотелось закричать и заставить ее заметить, заметить, какими тихими и больными выглядят близнецы! И она

никогда не говорила о мышонке; ну почему она никогда не замечала мышонка? Он сидел у Кори на плече, покусывая его за ухо, и она опять не сказала ни слова, даже когда у Кори побежали слезы из глаз, потому что она не замечала и не поздравляла его, а ведь это он приучил мышь, которая не сидела бы так, если бы не он.

Мама приходила обычно два или три раза в месяц и каждый раз приносила подарки, которые доставляли удовольствие ей, а не нам. Она приходила такая изысканная, в дорогих платьях, в мехах и драгоценностях, и сидела совсем недолго.

Она сидела, как королева на троне, и раздавала нам подарки. Крису – принадлежности для рисования, мне – балетные тапочки, и каждому из нас – сверхмодные наряды, как раз подходящие, чтобы носить их на чердаке, где не видно, малы они или велики, а они редко бывали впору, и наши тапочки были то удобны, то нет, и я так и не дождалась лифчика, который она обещала, но все время забывала.

– Я принесу тебе целую дюжину, – говорила она с благосклонной и бодрой улыбкой, – всех цветов, всех размеров, и ты сможешь перемерить их все и подобрать себе по вкусу, а остальные я отдам горничным.

Она болтала и болтала, такая оживленная, изображая искренность и притворяясь, что мы все еще что-то значим в ее жизни.

Я сидела неподвижно, глядя на нее, и ждала, когда же она спросит меня о близнецах. Разве она забыла, что у Кори сенная лихорадка, от которой у него постоянно насморк и нос порой так забит, что он дышит ртом? Она знала, что у него бывали аллергические приступы где-то раз в месяц, но уже годы прошли, а они не повторялись. И разве ее не задевало, когда Кори и Кэрри цеплялись за меня, как будто это я родила их? Хоть единая вещь доходила до нее, чтобы она поняла весь ужас нашего положения?

Если да, она все равно давала понять, что находит нашу жизнь вполне нормальной, хотя я с болью перечисляла все наши недомогания: нас теперь часто рвало, время от времени у нас болела голова, нас беспокоили желудочные колики, и иногда совсем не было сил.

– Держите пищу на чердаке, там холоднее, – говорила мама без всякого смущения.

Она не задумываясь рассказывала нам о вечеринках, концертах, театрах и кино, балах и прогулках, где она бывала со своим Бартом.

– Мы с Бартом собираемся за покупками в Нью-Йорк, – сказала она. – Скажите, что вам привезти. Сделайте список.

– Мама, а после рождественских каникул в Нью-Йорке куда вы

поедете? – спросила я, стараясь не смотреть на ключ, который она небрежно бросила на туалетный столик.

Она засмеялась, довольная моим вопросом, всплеснула своими белыми руками и принялась строить планы, как они проведут длинные скучные дни после праздника.

– Поедем на юг, возможно в круиз, месяц или около того проведем во Флориде. А о вас здесь хорошо позаботится бабушка.

Пока она так болтала без умолку, Крис незаметно подкрался к ключу и засунул его в карманы своих штанов. Затем, извинившись, направился в ванную. Он мог бы не беспокоиться: она не заметила, что он ушел. Она исполняла свой долг, навещая своих детей, и слава богу, что она села на тот стул, на который надо. В ванной, я знаю, Крис вдавил ключ в кусок мыла, приготовленный специально для такого случая. Хотя чему-то нас научило бесконечное сидение перед телевизором.

Как только наша мама ушла, Крис вытащил кусок дерева и принялся вырезать из него подобие ключа. Хотя у нас было полно металлических ключей от старых сундуков на чердаке, нам нечем было обрезать их и придать нужную форму.

Много часов Крис трудился, как раб, старательно вырезая из дерева ключ, сверяя и пересверяя его со слепком, сделанным из мыла. Он сознавал, что это очень трудная работа, и сознательно шел на риск, ведь мягкое дерево могло сломаться в замке, и тогда наш план побега провалился бы. Но ничего другого нам не оставалось. После трех дней упорной работы у него был ключ, который действовал!

Как мы ликовали! Мы обхватили друг друга руками и танцевали по комнате, смеясь, целуясь, чуть не плача. Близнецы смотрели на нас, изумленные таким бурным ликованием из-за маленького ключа.

У нас был ключ. Мы могли отпереть наши тюремные засовы. Но, как ни странно, мы не планировали наше будущее дальше того момента, когда мы откроем дверь.

– Деньги. Нам нужны деньги, – объявил Крис, останавливаясь посреди нашего бешеного триумфального танца. – С деньгами для нас открыты все двери и дороги.

– Но где мы возьмем деньги? – спросила я, нахмурившись, чувствуя, что вновь несчастна, потому что он нашел новую причину для проволоочки.

– Нет другого выхода, как только украсть их у мамы, ее мужа и нашей бабушки.

Он сказал это так, как будто воровство было старой и уважаемой

профессией. Но в нужде, возможно, так оно и было.

– Если нас поймают, это будет обозначать порку для нас всех, включая близнецов, – сказала я, стараясь не смотреть в их испуганные лица. – А когда мама уедет со своим мужем, бабка может снова начать морить нас голодом и бог знает что еще.

Крис опустил на стульчик перед туалетным столиком. Он оперся подбородком на руку и сосредоточился на минуту.

– Я уверен в одном: не хочу, чтобы тебя или близнецов наказывали. Поэтому я буду действовать один: я один ухитрился выбраться отсюда, и я один буду виноват, если меня поймают. Но я этого не допущу. Слишком рискованно брать что-нибудь у старухи, она слишком педантична. Не сомневаюсь, что она знает с точностью до пенни, сколько денег у нее в кошельке. Мама же никогда не считает денег. Помнишь, как папа всегда жаловался на это?

Он усмехнулся, утешая меня.

– Я буду, как Робин Гуд, отнимать деньги у богатых и отдавать бедным и нуждающимся – нам! Но только в те вечера, когда мама скажет нам, что они с мужем уходят.

– Если она скажет, – поправила я. – Но мы всегда сможем посмотреть из окна в те дни, когда она не придет.

Если постараться, то можно было видеть изгиб дороги при подъезде к дому и всех, кто приезжал и уезжал.

Вскоре мама сказала нам, что собирается на вечеринку.

– Барт не очень-то увлекается общественной жизнью, он предпочитает сидеть дома. Но я ненавижу этот дом. Барт все время спрашивает, почему бы нам тогда не перебраться в свой собственный дом, а что я ему скажу?

В самом деле, что она может сказать? «Дорогой, я должна открыть тебе тайну: на чердаке в дальнем северном крыле дома у меня спрятано четверо детей».

Крис совсем легко нашел деньги в великолепной, роскошной спальне нашей мамы. Деньги ее совершенно не заботили. Даже он был шокирован тем, как небрежно она обращалась с деньгами, раскидывая десятки и двадцатки по туалетным столикам. Это повергло его в смущение и зародило подозрение в его сердце. Разве она не намерена была экономить до того дня, когда сможет выпустить нас из тюрьмы, даже если у нее теперь есть муж?

Множество чеков было в ее многочисленных бумажниках. Крис обшарил карманы ее мужа, но нашел там только мелочь.

Нет, Барт не был так небрежен со своими деньгами. Однако, когда Крис пошарил под сиденьями кресел, то и там нашел около дюжины монет. Он чувствовал себя вором, невольным незванным гостем в комнате своей матери. Он видел ее прекрасные наряды, ее шелковые тапочки, ее халатики, отделанные мехом или перьями марабу, и это отнюдь не укрепляло его доверия к ней.

Раз за разом в эту зиму он посещал мамину спальню, став даже менее осторожным оттого, что похищения так легко удавались. Он возвращался ко мне ликующий, но и печальный. День ото дня наши тайные запасы росли, почему же он был печален?

– Пойдем со мной в следующий раз, – сказал он в ответ. – Увидишь сама.

Теперь я могла уйти с чистой совестью, зная, что близнецы не проснутся и не обнаружат нашего отсутствия. Они спали так крепко, что и по утрам-то их было не добудиться, так неохотно они возвращались в этот мир – вялые, сонные, с затуманенными глазами. Это пугало меня порою, когда я смотрела на них спящих. Две маленькие куклы, которые не растут, они были погружены в оцепенение, больше похожее на смерть, чем на нормальный ночной сон.

Прочь, скорее прочь отсюда, весна не за горами, мы должны бежать, пока не поздно. Внутренний голос, интуиция постоянно твердили мне это. Крис смеялся:

– Кэти, опять ты со своими предчувствиями. Нам нужны деньги. По меньшей мере пять сотен. К чему эта страшная спешка? У нас сейчас есть еда, и нас больше не бьют; даже когда она застает нас полуодетыми, она не говорит ни слова.

Почему бабушка не наказывала нас больше? Мы ничего не сказали маме о прежних наказаниях; по-моему, это были настоящие грехи и их нельзя ничем оправдать. Однако старуха по-прежнему была с ней заодно. Каждый день она приносила нам продуктовую корзину, в которой были сэндвичи, тепловатый суп в термосах, молоко и всегда четыре пончика с сахарной пудрой. Почему бы ей хоть раз не разнообразить наше меню и не принести, допустим, хлеба, булочек, кусочков пирога или торта?

– Пошли, – командовал Крис, таща меня за собой по темным и зловещим коридорам. – Оставаться на месте опасно. Мы быстренько заглянем в трофейный зал, а затем сразу к маме в спальню.

Мне было достаточно и одного взгляда на этот самый трофейный зал. Я ненавидела, прямо-таки видеть не могла этот портрет маслом, висящий над встроенным камином. Он был так похож на нашего отца и в то же

время совсем другой. Такой жестокий и бессердечный человек, как Малькольм Фоксворт, не имел права быть красивым, даже в юности. У него были такие холодные голубые глаза. За один этот взгляд он должен был покрыться с головы до ног болячками и нарывами. Я увидела все эти головы убитых им животных, тигровую и медвежью шкуры на полу и подумала, до чего же подходит ему этот трофейный зал!

Если бы Крис разрешил мне, я бы заглянула в каждую комнату. Но он тащил меня мимо закрытых дверей, разрешая заглянуть лишь в некоторые.

– Нечего совать туда свой нос! – шептал он. – Там ничего интересного.

Он был прав. Тысячу раз прав. Я поняла, что имел в виду Крис, когда говорил, что дом этот роскошный и великолепный, но совсем не теплый и не уютный.

Тем не менее он не мог не произвести на меня впечатление. Наш дом в Гладстоне проигрывал в сравнении с ним.

Миновав длинную анфиладу затемненных залов, мы наконец достигли апартаментов нашей мамы. Конечно, Крис описывал мне в деталях и кровать с лебедями, и кроватку на ножках, но лучше раз увидеть, чем сто раз услышать! У меня захватило дыхание. Мои мечты обрели крылья! Вот это великолепие! Это была не комната, а дворцовая палата для королевы или принцессы!

Я не могла глазам своим поверить, глядя на эту шикарную, роскошную, великолепную спальню! Ошарашенная, я бродила по ней туда-сюда, прикасалась к стенам, обитым дамасским шелком изысканного розово-земляничного цвета: такой шелк на стене дороже самого великолепного ковра. Мои пальцы касались меховой обивки, и я чувствовала себя сбитой с толку и сокрушенной. Я трогала пышные занавеси кровати и тяжелые драпировки из лилового бархата. Я спрыгнула с кровати и встала, глаза в восхищении на этого чудесного лебедя, чей внимательный, но сонный красный глаз, казалось, следил за мной.

Затем я отвернулась от этой кровати, где наша мама спала с чужим человеком, не нашим отцом. Я зашла в ее огромный гардероб, где можно было прогуливаться, сожалея о богатстве, которое никогда не будет моим, разве что в мечтах. У мамы было больше одежды, чем в универмаге. Плюс туфли, шляпки, сумочки. Четыре длинные меховые шубы, три короткие, пелерина из белой норки и темная из соболя, плюс меховые шляпки, около дюжины фасонов, из самых разнообразных мехов, плюс леопардовое манто на зеленой шерстяной подкладке. Затем халаты, ночные сорочки, пеньюары, все это разных фасонов, в оборках, разноцветное, отделанное то мехом, то перьями, струящееся, переливающееся, из бархата и шелка, из

шифона, комбинированное, – боже мой! Ей пришлось бы прожить тысячу лет, чтобы надеть это все хотя бы однажды!

Я прихватила то, что попало мне под руку, и отнесла в золотую гардеробную, которую показал мне Крис. Я заглянула в ванную, всю в зеркалах и живых растениях с настоящими цветами, там было два унитаза – один без крышки. (Я знаю теперь, что это было биде.) Отдельно – душ.

– Это все новое, – объяснил Крис. – Когда я впервые был здесь, ты знаешь, в ту ночь на Рождество, этого всего не было, я имею в виду, этой роскоши.

Я обернулась к нему, догадываясь, что все это было давно, но он не говорил мне. Он невольно покрывал ее преступление против нас, он не желал, чтобы я узнала об этих одеждах, мехах и баснословных драгоценностях, которые она хранила в одном из отделений своего обширного туалетного столика. Нет, он не лгал, просто не упоминал об этом. Но это все равно проступало в его растерянных, бегущих глазах, в том, как он старался быстренько избежать моих постоянных вопросов. Неудивительно, что она не хотела спать в нашей комнате!

Я стояла в раздевалке и примеряла вещи, которые прихватила из гардероба. Впервые в жизни я натянула нейлоновые колготки – о диво, как сразу преобразились мои ноги, божественно! Чего же удивляться, что женщины обожают такие вещи! Затем, опять-таки впервые, я примерила лифчик, но он был мне велик, к моему смущению.

Я затолкала в чашечки ткань, и они стали выпуклыми. Надела серебряные туфельки, но они были тоже велики. А затем я завершила свое преображение, надев черное платье с глубоким вырезом, открывавшим то, чего у меня было еще довольно мало.

Теперь можно и развлечься, как я это делала в детстве при любом удобном случае. Я уселась за мамин туалетный столик и принялась накладывать макияж щедрой рукой. У нее там было косметики десять вагонов. Я поработала над своим лицом на славу: крем, румяна, пудра, карандаш, тени, тушь, помада. А потом я начесала волосы кверху, что мне казалось сексуальным и стильным, воткнула в них шпильки и нацепила драгоценности. И в довершение ко всему духи – целая бочка.

Шатаясь на высоких каблуках, я повернулась к Крису.

– Ну, как я выгляжу? – спросила я, кокетливо улыбаясь и хлопая искусственными ресницами.

По правде сказать, я ожидала комплиментов. Зеркало ведь мне уже сказало, что я выгляжу сногшибательно.

Крис осторожно исследовал комод, кладя все точно на свои места, но

обернулся и взглянул на меня. Он раскрыл глаза от изумления и тут же грозно нахмурился, а я расхаживала перед ним, покачиваясь на четырехдюймовых каблуках, и хлопала веками. Наверное, я неправильно приклеила искусственные ресницы. Мне казалось, что я гляжу на мир божий сквозь паучьи ножки.

– Как ты выглядишь? – саркастически начал он. – Позволь дать тебе точный ответ. Ты выглядишь как шлюха, вот как! – Он отвернулся с отвращением, как будто не в силах смотреть на меня. – Молодая шлюха, вот так! А теперь иди умойся, положи все на место и убери туалетный столик!

Я направилась к ближайшему зеркалу. Оно показывало меня в полный рост, и у него имелись справа и слева створки, которые она, должно быть, поворачивала так и этак, чтобы рассмотреть себя со всех сторон, и эти три зеркала открывали целую ясную перспективу.

Что за чудное зеркало: оно закрывалось как книжка, и на обложке была красивая французская пастораль!

Вертясь и поворачиваясь, я исследовала свою внешность. Моя мама выглядела в таком же платье совершенно по-другому. Что я сделала не так? Правда, на руках у нее было поменьше браслетов. И она не надевала три ожерелья сразу, и чтобы при этом длинные бриллиантовые серьги свисали до плеч, плюс диадема, и у нее не было на каждом пальце, кроме больших, по три кольца. Да, возможно, я переборщила с драгоценностями!

Но зато я была ослепительна! А моя выступающая грудь была так пышна! По правде сказать, похоже, я и тут переборщила...

Я сняла семнадцать браслетов, двадцать шесть колец, ожерелье, диадему, и черное шифоновое платье стало выглядеть на мне не так элегантно, как на маме, когда она идет в нем на прием с одной-единственной ниткой жемчуга на шее.

О, а меха – ничто не украшает так, как меха!

– Давай быстрее, Кэти. Оставь в покое эти побрякушки и помоги мне искать.

– Крис, мне так хочется искупаться в ее черной мраморной ванне.

– Боже праведный! У нас нет на это времени!

Я сняла ее одежду, ее черный эластичный бюстгальтер, нейлоновые колготки и серебряные туфельки и надела свои собственные вещи. Но, подумав секунду, я стянула один белый простой лифчик из целой кучи у нее в комод и засунула его под блузку.

Крису не нужна была моя помощь. Он так часто бывал здесь, что мог найти деньги без всякой помощи. Я хотела бы посмотреть, что внутри каждого ящика, но мне бы не хватило времени. Я выдвинула маленький

ящичек ее ночной тумбочки, ожидая увидеть там кремы, салфетки, но ничего такого, что могли бы украсть слуги. Да, действительно, там был крем и салфетки, но еще две брошюры в бумажных обложках, чтобы почитать перед сном. (Интересно, бывают у нее ночи, когда сон бежит от нее? Вспоминает ли она тогда о нас?)

Под этими брошюрками находилась большая плоская книга в красочной обложке: «Умелые руки, и твои собственные узоры». Да, это название заинтриговало меня. Мама научила меня когда-то делать простейшие стежки и даже чуть-чуть вышивать шерстью – это было уже тут, в мой первый день рождения за запертой дверью. Но свои собственные узоры – это что-то непостижимое. Ничего не подозревая, я вытащила книгу и открыла наугад.

Позади меня Крис выдвигал и задвигал ящики и переходил с места на место, мягко ступая обутыми в тапочки ногами. Я ожидала увидеть вышитые цветы или что-то в этом роде – все, что угодно, кроме того, что увидела.

Проглотив язык от изумления, я вытаращила глаза на эти цветные фотографии. Невероятно, что делали эти обнаженные мужчины и женщины... неужели люди на самом деле занимаются этим? И это и есть любовь?

Не только Крис слышал произносимые шепотом байки про это самое. Всюду, где только дети могли собраться в кружок, старшие просвещали младших. Но я, по крайней мере, полагала, что это дело совершенно интимное и заниматься им надо при закрытых дверях. Однако в этой книге изображалось множество пар, все в одной комнате, все обнаженные, они совокуплялись друг с другом всеми возможными способами.

Против моей воли, или мне так хотелось думать, мои руки медленно перелистывали страницы, открывая все более невероятные изображения! Как много способов! Сколько поз!

Боже мой, неужели вот это и есть та любовная лихорадка, которую имели в виду Реймонд и Лили из викторианского романа? Я подняла голову и уставилась в пустоту, сбита с толку. Неужели с самого своего рождения мы стремимся к этому?

Крис произнес мое имя и сообщил, что нашел уже достаточно денег. Нельзя брать слишком много сразу, а то заметят. Он взял только однодолларовые и пятидолларовые бумажки и всю мелочь, какую нашел под диванными подушками.

– Кэти, что с тобой, ты оглохла что ли? Пошли!

Я не могла сдвинуться с места, не могла уйти, не могла закрыть эту

проклятую книгу, не просмотрев ее до конца. Видя, что я стою, не в силах сдвинуться с места, он подошел ко мне сзади и заглянул через плечо, чтобы посмотреть, что так загипнотизировало меня. Я слышала его тяжелое дыхание. Вечность спустя он тихо присвистнул.

Он не сказал ни единого слова, пока я не дошла до конца и не закрыла книгу. Тогда он взял ее и начал сначала, разглядывая каждую страницу, которую пропустил, а я стояла рядом и тоже смотрела. Под фотографиями были напечатаны короткие тексты, но они не нуждались в объяснениях – по крайней мере, я так думаю.

Крис закрыл книгу. Я быстро взглянула ему в лицо. Он казался ошеломленным. Я положила книгу на место, накрыв сверху брошюрками. Крис взял меня за руку и повел к двери. Мы пробирались в свое северное крыло длинными и темными коридорами в совершенной тишине.

Теперь я очень хорошо знала, почему наша ведьма-бабка хотела, чтобы Крис и я спали на отдельных кроватях: значит, зов плоти в человеке так силен и требователен, если он заставляет людей вести себя подобно демонам, забывая о небесах. Я разглядывала спящую Кэрри. Сейчас, во время сна, она выглядела совсем невинным ребенком, что было не всегда заметно, когда она бодрствовала. Она казалась просто херувимом, свернувшимся в клубочек на краю постели, личико порозовело, щеки зарделись, кудряшки покрыли щеки и окружили лобик.

Я поцеловала ее и почувствовала тепло ее щеки, а затем повернулась к Кори погладить его мягкие кудри и поцеловать его румяную щечку. Вот такие дети получают от того, что я видела в этой порнографической книжке, значит, не могло все это быть во зло, иначе Бог не создал бы мужчину и женщину такими, какие они есть. И все же я была так озабочена, и сбита с толку, и глубоко ошарашена, и шокирована, и еще... Я закрыла глаза и стала молча молиться: «Боже милостивый, спаси и сохрани близнецов, пока мы не выйдем отсюда... пока мы не достигнем спокойного и солнечного места, где двери никогда не закрываются... пожалуйста...»

– Иди в ванную первая, – сказал Крис, сидя на кровати спиной ко мне. Он опустил голову, а ведь сегодня была его очередь идти первым в ванную.

Я поспешила воспользоваться его добротой, без всяких возражений шмыгнула в ванную и сделала все, что нужно. Я вышла, одетая в толстый и теплый бесформенный халат. С моего лица была смыта вся косметика. Промытые шампунем волосы были еще влажными, когда я села на кровать и стала расчесывать их.

Крис молча поднялся и вошел в ванную, так и не взглянув на меня, а когда он спустя некоторое время вышел, я все еще сидела и расчесывала

волосы. Он старался не встречаться со мной глазами. Так же и я не хотела, чтобы он смотрел на меня.

Одно из бабушкиных правил гласило, чтобы мы становились перед сном на колени у своих кроватей и возносили молитвы. Однако в эту ночь никто из нас не преклонил колена. Часто, стоя на коленях, сложив руки в молитвенном жесте, я не знала, о чем молиться, после того как уже столько молитв вознеслось к Господу и ни одна из них не была услышана. Я тогда просто стояла на коленях, ни о чем не думая, опустошенная, но тело мое жило и чувствовало, и каждый нерв его вопил о том, о чем я не могла подумать, а еще меньше сказать.

Я растянулась на спине рядом с Кэрри, чувствуя себя оскверненной и запачканной этой большой книгой, которую тем не менее я хотела бы посмотреть снова и прочитать каждое слово текста.

Наверное, было бы правильнее положить эту книгу на место сразу после того, как я обнаружила, о чем она, и уж конечно мне следовало захлопнуть ее, как только Крис подошел и заглянул мне через плечо. Теперь я уже знала, что я не святая, и не ангел, и не пуританская ханжа, и я чувствовала каждой косточкой своего тела, что недалек тот день, когда я узнаю все, что нужно, о том, как два тела совершают любовный акт.

Медленно-медленно я повернула голову, чтобы разглядеть в потемках, что делает Крис.

Он был на своем месте, укрытый одеялом, и внимательно смотрел на меня. Его глаза мерцали каким-то слабым прерывающимся светом.

– У тебя все в порядке? – спросил он.

– Да, я еще жива.

И затем я пожелала ему спокойной ночи голосом, совсем не похожим на мой.

– Спокойной ночи, Кэти, – сказал он тоже совсем не своим голосом.

Мой отчим

Весной Крис заболел. Его поминутно рвало, и он выходил из ванной весь зеленый, пошатываясь, и без сил валился ничком на кровать. Он хотел почитать «Анатомию» Грэя, но был вынужден отбросить ее, недовольный сам собой.

– Должно быть, я что-то съел, – раздраженно пробурчал он.

– Крис, мне не хочется оставлять тебя одного, – сказала я от двери, потому что уже собиралась засунуть деревянный ключ в замочную скважину.

Но он закричал на меня:

– Послушай, Кэти! Пора тебе становиться на ноги! Ты не должна цепляться за меня каждую минуту! Не будь такой, как наша мама. Это ей вечно нужен мужчина, чтобы было на кого опереться. Всегда рассчитывай на саму себя, Кэти!

Ужас сковал мое сердце и отразился в моих глазах. Он увидел это и заговорил мягче:

– Да нет, со мной все в порядке. Я сам о себе позабочусь. Нам же нужны деньги, Кэти, так что ступай. Может и не быть другого случая.

Я подбежала к кровати, упала на колени и прижалась к его груди, уткнувшись в пижаму. Он нежно погладил меня по волосам.

– Правда, Кэти, я поправлюсь. Не так уж мне плохо, чтобы плакать. Но ты должна помнить: что бы ни случилось с одним из нас, другой обязан вывести отсюда близнецов.

– Не говори этого! – закричала я.

От одной мысли, что он может умереть, все заныло у меня внутри. Я стояла на коленях, глядя на него, и вдруг мне пришло в голову, как часто в последнее время то один, то другой из нас болеет.

– Кэти, прошу тебя, иди. Вставай. Соберись с силами. Будешь брать только мелкие деньги: пятерки и доллары. Да собери всю мелочь, что вывалилась у отчима из карманов. И в гардеробе у него жестянка с мелочью. Возьми полную пригоршню четвертаков.

Он, казалось, похудел, был бледный и ослабевший. Я быстро поцеловала его в щеку, мне совсем не хотелось покидать его, ведь ему было плохо. Взглянув на спящих близнецов, я попятилась к двери, сжимая в руке деревянный ключ.

– Я люблю тебя, Кристофер Долл, – в шутку сказала я, открывая дверь.

– Я тоже тебя люблю, Кэтрин Долл, – сказал он. – Ни пуха ни пера.

Я послала ему воздушный поцелуй, затем закрыла и заперла за собой дверь. Сегодня можно было без опаски отправляться за добычей к маме в спальню. Днем она сказала, что они с мужем приглашены на очередную вечеринку к друзьям, живущим неподалеку. Я крадучись шла по коридорам, прижимаясь к стенам и стараясь держаться в тени, думая про себя, что сегодня обязательно возьму хотя бы одну двадцатку и одну десятку. Я должна рискнуть. Может быть, я даже стащу у мамы несколько драгоценностей. Их можно заложить, это еще лучше, чем деньги.

Полная решимости и сознания собственного долга, я не тратила время на трофейный зал. Я отправилась прямо в мамину комнату. Я не боялась нарваться на бабушку: она ложилась очень рано, в девять. А было уже десять.

Собрав всю свою решимость, я прокралась сквозь двойные двери в мамину комнату и бесшумно притворила их за собой. В комнате горел приглушенный светильник. Мама часто оставляла зажженные лампы в своей комнате, иногда все до единой, по словам Криса. Но что такое деньги для нашей мамы?

В нерешительности я остановилась в дверях и огляделась. И тут я застыла в ужасе. Там на стуле, скрестив свои длинные ноги, растянулся мамин новый муж! Я стояла прямо напротив него, одетая в прозрачную ночную рубашку и маленькие трусики. Мое сердце бешено стучало, я ожидала, что он поднимется и спросит, кто я и какого черта я здесь делаю, придя без приглашения в его спальню.

Но он молчал.

Он был одет в черный смокинг и розовую рубашку, помятую по краям. Он не вскочил и не спросил ничего, потому что дремал. Я уже почти повернулась и ушла, так я была напугана, что он проснется и увидит меня.

Но тут любопытство взяло верх над моими страхами. Я подкралась к нему на цыпочках, чтобы получше его разглядеть. Я подошла так близко, что при желании могла бы дотронуться до него. Если бы я захотела, то могла бы сунуть руку ему в карман и ограбить его, но я не сделала этого.

Меньше всего я думала об ограблении, когда смотрела на его красивое спящее лицо. Я была опьянена тем, что нахожусь так близко от Барта, горячо любимого моей мамой. Я видела его несколько раз на расстоянии: первый раз на рождественской вечеринке и еще раз, когда он стоял у лестницы, помогая маме надеть пальто. Он поцеловал ее в шею и прошептал что-то на ухо, отчего она улыбнулась, а затем нежно прижал к груди, и они вышли вместе.

Да, да, я видела его и много про него слышала, знала, где живут его сестры и где он родился, куда ходил в школу, но ничто не могло подготовить меня к тому, что я теперь обнаружила.

Мама, как ты могла? Тебе должно быть стыдно! Этот человек моложе тебя, намного моложе! Она не сказала нам этого.

Тайна. Как хорошо она могла хранить эту важную тайну. Неудивительно, что она обожала его, – это был тот мужчина, которого захочет любая женщина. Достаточно было посмотреть на то, как он небрежно и элегантно развалился, чтобы угадать, что он был одновременно нежным и страстным, когда занимался с ней любовью.

Я хотела возненавидеть этого человека, но не могла. Даже спящий, он притягивал меня и заставлял мое сердце биться быстрее.

Бартоломью Уинслоу невинно улыбался во сне, не зная, что я люблюсь им. Он был адвокат, один из тех людей, которые все знают, как доктора, как Крис. Определенно он сейчас видит или делает во сне что-то приятное. Интересно, какие у него глаза – голубые или карие? У него было худое лицо и стройное мускулистое тело. У губ его была глубокая морщинка, превращавшаяся в ямку, когда он улыбался во сне, как улыбаются, играя в прятки.

У него на руке я заметила широкое обручальное кольцо, такое же, как у моей мамы, только побольше размером. На среднем пальце правой руки он носил перстень с бриллиантом квадратной формы, который мерцал даже при тусклом свете. На мизинце было надето кольцо общины. Ногти его длинных пальцев были отполированы и светились так же, как и мои. Я вспомнила, что когда-то мама полировала ногти отца.

Он был высок... я уже знала это. Но что мне нравилось в нем больше всего, так это его полные чувственные губы под усами, больше всего волновавшие меня. Этот прекрасно очерченный рот, эти чувственные губы целовали мою маму везде. Книга о сексуальных удовольствиях дала мне хорошее образование о том, как взрослые поступают, когда обнажены.

Вдруг ко мне пришло страстное желание-импульс поцеловать его, просто для того, чтобы почувствовать щекотание его темных усов. Я хотела посмотреть, на что похож поцелуй чужого человека, с которым у тебя нет родственной связи.

Не запрещено. Не грешно близко почувствовать его выбритые щеки, хотя его так легко разбудить.

Но он продолжал спать.

Я потянулась к нему и прижалась к его губам, но тут же быстро отпрянула, парализованная страхом. Я почти хотела, чтобы он проснулся,

но мне все еще было страшно. Я была слишком молода и не уверена, что он встанет на мою защиту, когда у него есть такая любящая женщина, как моя мать. Если я возьму его за руку и разбужу его, выслушает ли он спокойно мою историю о четырех детях, запертых в изолированной комнате и ожидающих смерти своего деда? Поймет ли он нас и заставит ли маму выпустить нас, позабыв о надеждах на огромное наследство?

Мои руки невольно потянулись к горлу, так делала мама, пойманная врасплох и не зная, как поступить. Мой инстинкт кричал мне: «Разбуди его!» Мои подозрения хитро нашептывали: «Сиди тихо, не давай ему ничего знать; ему не нужны четыре ребенка, для которых он не отец. Он возненавидит тебя за то, что ты пытаешься не дать его жене унаследовать все богатства и удовольствия, которые можно купить за деньги. Посмотри на него, такого молодого, такого красивого. И хотя наша мама исключительно красива и должна стать одной из богатейших женщин в мире, он мог бы иметь кого-нибудь помоложе. Свежую девственницу, которая никогда никого не любила и ни с кем не спала».

Моя нерешительность прошла. Ответ был так прост. Что были четверо нежеланных детей по сравнению с невероятным богатством?

Они были ничем. Мама уже научила меня этому. А девственница надоест ему.

Это было неправильно! Нечестно! У нашей мамы было все! Свобода ходить куда угодно; свобода тратить деньги без счета в самых дорогих магазинах. У нее были деньги даже для того, чтобы купить такого молодого человека, чтобы любить его и спать с ним. А что было у нас с Крисом, кроме разбитых мечтаний, нарушенных обещаний и бесконечных галлюцинаций?

А что было у близнецов, кроме кукольного дома, мыши и ухудшающегося здоровья?

Назад в запертую покинутую комнату я возвращалась со слезами на глазах и с тяжелым, как камень, чувством в груди. Я нашла Криса спящим с раскрытой «Анатомией» Грэя на груди. Осторожно я пометила страницу, закрыла книгу и убрала ее.

Потом я легла сзади и прижалась к нему. Тихие слезы катились по моим щекам, отчего его пижама стала влажной.

— Кэти, — сказал он сонным голосом. — Что случилось? Почему ты плачешь? Кто-нибудь видел тебя?

Я не могла встретить его участливый взгляд, и по необъяснимой причине я не могла сказать, что произошло. Я не могла рассказать ему о

том, что нашла нового мужа мамы спящим в ее комнате. И тем более я не могла ему рассказать о своем детском романтическом порыве поцеловать этого человека, пока он спал.

– Ты не нашла ни цента? – спросил Крис недоверчиво.

– Ни цента, – прошептала я ему, пытаясь спрятать свое лицо от его взгляда.

Но он взял меня за подбородок и повернул мою голову так, чтобы посмотреть мне в глаза. О, почему мы так хорошо знали друг друга? Он впился в меня глазами, и, хотя я постаралась сделать свой взор бессмысленным, у меня не получалось. Все, что я могла сделать, – это закрыть глаза и еще крепче прижаться к нему. Он спрятал лицо в моих волосах и погладил меня по спине.

– Все в порядке. Не плачь. Ты просто не знаешь, где искать.

Мне надо было исчезнуть, убежать, неважно куда; мне также надо было взять все это с собой.

– Теперь ты можешь идти к себе в постель, – сказал Крис хриплым голосом. – Бабушка может войти и поймать нас.

– Крис, тебя не рвало, после того как я ушла?

– Нет. Мне лучше. Иди, Кэти.

– Тебе действительно лучше или ты просто так говоришь?

– Разве я уже не сказал, что мне лучше?

– Спокойной ночи, Кристофер Долл, – сказала я, поцеловала его в щеку и залезла на свою кровать.

– Спокойной ночи, Кэтрин. Ты замечательная сестра и отличная мать для близнецов, но ты не умеешь врать, да и воровка из тебя ни к черту.

Каждый из визитов Криса в мамину комнату обогащал наше тайное хранилище. Очень долго мы собирали намеченные пятьсот долларов.

Вновь наступило лето. Теперь мне было пятнадцать, а близнецам недавно стукнуло восемь. В августе исполнилось три года нашему заточению. Перед тем как придет следующая зима, мы должны были убежать. Я смотрела на Кори, который выбирал только горошины с темными точками, потому что они были «счастливыми». В Новый год он даже не притрагивался к ним. Теперь же он ел их, потому что каждая горошинка давала ему целый день счастья, так мы ему сказали. Крису и мне приходилось что-нибудь придумывать, иначе он ел бы одни пончики. Когда мы заканчивали есть, он садился на пол, брал свое банджо и, не отрываясь, смотрел очередной глупый мультфильм. Кэрри садилась рядом с ним как можно ближе и смотрела не в телевизор, а в его лицо.

– Кэти, – прощепетала она мне однажды, – Кори чувствует себя нехорошо.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю.

– Он говорил тебе, что заболел?

– Да нет.

– А как ты себя чувствуешь?

– Как всегда.

– Как это?

– Не знаю.

Да! Мы должны были бежать, и быстро. Позже я стала укладывать близнецов в одну кровать. Когда они оба засыпали, я брала Кэрри и клала ее в нашу кровать – Кори лучше засыпал, если сестра была рядом.

– Не люблю я эту розовую простыню, – пожаловалась Кэрри. – Мы все любим белые. Где наши белые простыни?

О, как я пожалела, что когда-то мы с Крисом сделали белый самым безопасным цветом. Маргаритки, нарисованные белым мелом на полу чердака, отпугивали демонов и злых духов и все то, чего боялись близнецы; белый цвет где-нибудь поблизости успокаивал их. Голубые или розовые простыни и наволочки не принимались, маленькие окрашенные места были как бы щелью, через которую мог пролезть хвост, жестокий взгляд или предательский удар пикой. Ритуалы, правила, фетиши, привычки – господи, у нас их были миллионы! Для того, чтобы быть в безопасности...

– Кэти, почему мама так любит черные платья? – спросила Кэрри в ожидании, когда я заменю розовые простыни на белые.

– Она очень красивая блондинка, а черный цвет делает ее исключительно красивой.

– А она не боится черного?

– Нет.

– А до скольких лет надо вырасти, чтобы черный цвет не укусил тебя длинными зубами?

– До столько, чтобы понять, что это абсолютно глупый вопрос.

– Но у всех черных теней на чердаке есть острые блестящие зубы, – сказал Кори, отстраняясь, чтобы розовая простыня не коснулась его.

– Теперь послушай, – сказала я, видя смеющиеся глаза Криса. – У черных теней не будет острых блестящих зубов, пока ваша кожа не позеленеет, волосы не покраснеют, а вместо двух ушей не будет три. Только тогда черного можно бояться.

Успокоенные близнецы улеглись на белых простынях под белыми

одеялами и вскоре заснули.

Потом я помылась и надела пижаму. После этого я поднялась на чердак, чтобы открыть окно и освежить помещение. Когда я почувствовала холодный поток воздуха, мне захотелось танцевать. Почему ветер находит свой путь внутрь только в холодную зиму? Почему не сейчас, когда мы так нуждаемся в нем?

Мы с Крисой делились своими мыслями, сомнениями и страхами. Если у меня были мелкие проблемы, он был моим доктором. К счастью, мои проблемы не выходили за рамки месячных, не совпадающих с расписанием. Но он, мой доктор-любитель, уверял меня, что этого надо было ожидать.

Теперь я могу рассказать о том, что случилось с нами одной сентябрьской ночью, когда я была на чердаке, а Крис отправился воровать. Я чувствовала себя, как будто сама там присутствовала, и когда он пришел, то рассказал мне в деталях о своем путешествии в мамины сокровищницы.

Он сказал, что та книга на ее ночном столике постоянно притягивала его, она влекла, звала к себе и позже привела к нашему грехопадению. Вскоре после того, как он отыскал обычную сумму денег – немного, но достаточно, – он двинулся к кровати, как загипнотизированный.

Тут я подумала: «Почему он продолжал глядеть, когда каждая из этих фотографий мгновенно запечатлелась в моем мозгу?»

– И я стоял там, читая текст сразу в нескольких местах, – говорил он, – и думал о том, что правильно, а что нет, о природе и ее странных влекущих зовах, думал об обстоятельствах нашей жизни. Я думал о себе и о тебе, о том, что это должны быть наши лучшие годы расцвета, и чувствовал, что мне стыдно, что я виноват от сознания взрослости и желания того, что парни моего возраста получают от девушек, которые готовы на все. Перелистывая страницы, я горел изнутри и желал бы, чтобы ты никогда не находила эту чертову книгу и она не привлекла бы тебя своим глупым названием, как вдруг я услышал в холле голоса. Ты догадываешься, кто пришел: это возвращались наша мама и ее муж. Я быстро положил книгу в ящик между двумя другими, которые никто не собирался читать: закладки были там же. Затем я нырнул в мамину гардеробную напротив кровати и распластался за обувными полками под ее длинными платьями. Я подумал, что даже если она заглянет сюда, то не увидит меня. Но это чувство безопасности продолжалось недолго, я вспомнил, что забыл закрыть дверь.

Затем я услышал голос нашей мамы. «Действительно, Барт, – сказала она, войдя в комнату и включая лампу, – это верх беспечности с твоей

стороны так часто забывать бумажник».

Он ответил: «Я не могу не забывать его, если он никогда не лежит на том же месте, куда я его положил». И я услышал, что он переставляет вещи, открывает и закрывает ящики. Затем он объяснил: «Определенно, я оставил его в этой паре брюк... и черт меня побери, если я собираюсь ехать куда-нибудь без прав».

«Я не могу сказать, что виню тебя, – сказала наша мама, – но мы снова опоздаем. Независимо от скорости езды мы пропустим первый акт».

«Эй, – воскликнул ее муж, и я услышал удивление в его голосе и невольно застонал, вспоминая, что я наделал. – Вот мой бумажник, на комод. Будь я проклят, если помню, как клал его сюда. Я могу поклясться, что положил его в эти брюки».

– Он действительно был спрятан в ящике, – объяснил Крис, – под рубашками, и когда я нашел его и вытащил несколько мелких купюр, я просто положил его и пошел поглядеть на книгу. А мама сказала, теряя терпение: «В самом деле, Барт!» А потом он сказал: «Коррина, надо уехать из этого дома. Мне кажется, горничные крадут у нас. У тебя и у меня пропадают деньги. Например, я точно помню, что у меня было четыре пятерки, а сейчас только три». Я вновь вздохнул. Мне казалось, у него столько денег, что он их не считает. А факт, что мама точно знает, какая сумма у нее в кошельке, шокировал меня.

«Какая разница?» – спросила мама, и это было в ее стиле; она была так же безразлична к деньгам, как прежде, с отцом. И потом она стала говорить, что слугам недоплачивают и она не винит их за то, что они берут то, что могут, особенно если это лежит на виду и почти приглашает их.

А он ответил: «Моя дорогая, к тебе деньги приходят легко, а мне надо зарабатывать каждый доллар, и я не хочу, чтобы у меня крали хотя бы десять центов. Кстати, не могу сказать, что мой рабочий день начинается с удовольствия, когда я вижу за столом каждое утро мрачное лицо твоей мамы».

Я даже не думал, что он так иронично относится к старой ведьме. По-видимому, он чувствует то же, что и мы, и мама стала поэтому раздражаться: «Давай не будем обсуждать это снова». И в ее голосе были тяжелые ноты, она даже была непохожа на себя, Кэти. Мне не приходило в голову, что она по-разному говорит с нами и с другими людьми. И потом она сказала: «Ты знаешь, что я не могу оставить этот дом, не сейчас. Если ты готов, то пошли, мы уже опоздали».

И тогда наш отчим сказал, что он не хочет ехать, если они уже пропустили первый акт, что из-за этого для него испорчено все

представление, и, кстати, он думает, что можно развлечься как-нибудь по-другому, чем сидеть на публике. Конечно же, я понял, что он имеет в виду: постель, и если ты думаешь, что мне не стало худо при мысли об этом, то ты меня плохо знаешь: будь я проклят, если хотел там находиться в то время. Тем не менее наша мама может быть очень волевой, и это удивило меня. Она изменилась, Кэти, по сравнению с тем, как она вела себя с отцом. Теперь она похожа на босса, которому никто не может приказывать. И она сказала ему: «Как в тот раз? Мне и того раза хватило, Барт! Ты вернулся, чтобы взять бумажник, поклялся мне, что это всего на несколько минут, а сам завалился спать, а я была на вечеринке без сопровождающего!»

Теперь уже наш отчим был раздражен и ее тоном, и ее словами, если я правильно понял. Можно много прочитать по голосам, когда не видишь выражения лица. «О, как ты, должно быть, страдала!» – ответил он саркастически. Но это недолго продолжалось, он, видно, веселый парень. «А что до меня, то я видел сладкий сон, и я возвращался бы каждый раз, если бы знал, что прелестная девушка с длинными золотистыми волосами проскользнет в комнату и поцелует меня, пока я сплю. О, как она была прекрасна, она смотрела на меня так страстно, а когда я проснулся и ее не было, я подумал, что это, должно быть, сон».

От того, что он сказал, у меня рот открылся от удивления, Кэти: то была ты, не правда ли? Как ты могла осмелиться? Я же помешан на тебе и готов был взорваться, если бы услышал еще что-нибудь. Ты думаешь, только тебе плохо? Ты думаешь, что только у тебя есть сомнения, подозрения и страхи? Может, тебе легче станет оттого, что у меня они тоже есть, ты сама видела. И я сходил с ума по тебе сильнее, чем когда бы то ни было.

А затем мама резко сказала своему мужу: «Господи, мне надоело слушать о девушке и ее поцелуе. Послушать тебя, так можно подумать, что тебя раньше не целовали!»

Потом я услышал что-то похожее на спор. Но голос мамы вновь изменился, он стал сладким и любящим, таким, как она говорила с отцом. Но это только показало, что она была твердо намерена скорее покинуть дом, чем ложиться в постель с любовником где попало, и мама сказала: «Пойдем, Барт, мы переночуем в отеле, и тебе не придется видеть утром мою мать». И это разрешило мою проблему насчет того, как сбежать, прежде чем они лягут в постель, черт побери, если я собирался их слушать или смотреть на них.

И это все происходило, пока я была на чердаке. Сидя на подоконнике и

ожидая Криса, я думала о серебряной музыкальной шкатулке, которую отец подарил мне, и я хотела бы вновь иметь ее. Я не знала, что эпизод в маминной комнате будет иметь последствия.

Что-то треснуло позади меня! Мягкий шаг по гниющему дереву! Я вскочила, испуганная, и обернулась, ожидая увидеть бог знает что! Когда я огляделась, то увидела только Криса – стоял в сумерках и пристально смотрел на меня в тишине. Почему? Выглядела ли я красивее, чем обычно? Или лунный свет просвечивал сквозь мою легкую одежду?

Все сомнения рассеялись, когда он сказал низким голосом:

– Ты замечательно выглядишь, сидя здесь вот так. – Он прочистил горло. – Лунный свет придает тебе серебристо-голубое сияние, и я вижу сквозь одежду очертания твоего тела.

И вдруг он дико схватил меня за плечи, впившись в них пальцами. Было больно.

– Черт побери, Кэти! Ты поцеловала этого человека! Он мог проснуться, увидеть тебя и спросить, что ты там делала! И не подумать, что ты – всего лишь часть сна!

То, как он себя вел без причины, пугало меня.

– Откуда ты знаешь, что я делала? Тебя там не было, ты был болен той ночью.

Крис встряхнул меня и поглядел в глаза, и снова я почувствовала, что он как будто чужой.

– Он видел тебя, Кэти. Он не спал мертвым сном.

– Он видел меня? – воскликнула я, не веря. – Это невозможно... невозможно!

– Да! – пронзительно закричал Крис, который всегда так контролировал свои эмоции. – Он подумал, что ты была частью сна! Но разве ты не знаешь, что мама может так же легко догадаться, кто это был, как сложить два и два; так же, как я догадался! Теперь они настороже и не будут оставлять деньги, как раньше. Он считает, она считает, а у нас все еще денег недостаточно!

Он стащил меня с подоконника. Он был так возбужден, что дал мне пощечину. Никогда в жизни он не бил меня, даже когда я была младше и давала ему множество поводов для этого. Но теперь он тряс меня до тех пор, пока глаза у меня не вылезли из орбит и я не закричала:

– Остановись! Мама знает, что нам не пройти через закрытую дверь!

Это был не Крис. Это был кто-то, кого я никогда не видела... дикий и примитивный.

Он прокричал что-то вроде:

– Ты моя, Кэти! Моя! Ты всегда будешь моей! Неважно, кто у тебя будет в будущем, ты всегда будешь принадлежать мне! Я сделаю тебя своей... сегодня... сейчас!

Я не верила, только не Крис!

Я не до конца понимала, что у него на уме, и не думала, что он действительно имел в виду то, что сказал, но страсть требовала выхода.

Мы оба упали на пол. Я старалась сбросить его. Мы боролись, перекатываясь с боку на бок, это была молчаливая, неистовая борьба.

Но это не было похоже на бой.

У меня были сильные ноги танцовщицы, а у него – его бицепсы и преимущество в росте и весе, и еще у него была решимость использовать что-то набухшее, горячее и требовательное, то, что отняло у него разум.

И я любила его. Я хотела того же, чего и он, – если он этого хотел так сильно, правильно это было или нет.

Почему-то мы остановились на старом матрасе, грязном, вонючем полосатом матрасе, который знал любовников задолго до этой ночи. И здесь Крис взял меня, насильно втолкнув свою жесткую, разбухшую плоть, которая требовала удовлетворения. Она вошла в меня, и моя плоть сопротивлялась, рвалась и кровоточила.

Теперь мы сделали то, что поклялись никогда не делать.

Теперь мы обрекли себя на гибель, на вечные мучения, подвешенные вверх ногами и обнаженные над неугасимыми огнями ада. Грешники, как предсказала бабушка столько времени тому назад.

Теперь у меня были все ответы.

Теперь должен быть ребенок. Ребенок, который заставит нас платить за все при жизни, не дожидаясь ада с его огнями для таких, как мы.

Мы отпрянули, пристально глядя в лицо друг другу; лица наши были бледными от шока, и мы не могли говорить, пока одевались.

Ему не надо было говорить, что он сожалеет обо всем... по нему все было видно... он дрожал, и его руки неуклюже тряслись, застегивая пуговицы.

Через некоторое время мы поднялись на крышу.

Длинные вереницы облаков плыли навстречу полной луне, и она пряталась за ними, а затем снова появлялась. И на крыше в ночь, созданную для любовников, мы плакали в объятиях друг друга. Он не собирался этого делать. А я не собиралась позволять ему. Страх ребенка, который может стать результатом одного поцелуя губ, скрытых усами, поднялся внутри меня и застыл в горле. Это был мой самый большой страх.

Больше, чем ада или божественного гнева, я боялась дать жизнь уродливому ребенку, скрюченному карлику или идиоту. Но как я могла говорить об этом? Крис и так мучился достаточно. Тем не менее у него было больше знания, чем у меня.

– Все шансы против ребенка, – сказал он горячо. – Всего один раз – от этого зачатия не произойдет. Я клянусь, что другого раза не будет, несмотря ни на что! Я скорее сам себя кастрирую, чем позволю этому произойти снова! – И он сильно прижал меня к себе, так, что ребрам моим стало больно. – Не злись на меня, Кэти, пожалуйста, не злись на меня. Я не собирался тебя насиловать, Богом клянусь. Много раз меня одолевало искушение, и я мог пересилить его. Я уходил из комнаты, шел в ванную или на чердак. Я засовывал нос в книгу и ждал, пока снова почувствую себя нормально.

Я обняла его сильно, как могла.

– Я не злюсь на тебя, Крис, – прошептала я, прижимаясь щекой к его груди. – Ты не насилдовал меня. Я могла остановить тебя, если бы действительно хотела. Надо было просто выставить вперед колено, как ты учил меня. Это и моя вина.

О да, это была и моя вина. Я должна была знать все до того, как поцеловала красивого мужа мамы. Я не должна была носить легкие, прозрачные вещи на глазах у брата, у которого были свои сильные мужские потребности и который постоянно был чем-то расстроен. Я играла на его нуждах, проверяя собственную женственность и желая удовлетворения собственных стремлений.

Это была особая ночь, судьба заранее заготовила ее, и эта ночь так или иначе была нашей целью. Темнота освещалась только лунным светом и мерцающими звездами, словно дающими сигналы азбуки Морзе: «Предопределение свершилось».

Ветер шелестел листьями, производя странный звук, складывавшийся в меланхоличную мелодию, бесконечную и повторяющуюся. Кто, кроме человека, может любить собственное состояние уродства в такую прекрасную ночь!

Вероятно, мы слишком долго простояли на крыше.

Шифер был холодным, грубым и твердым. Было начало сентября. Листья уже начали падать, тронутые холодной рукой зимы. На чердаке было жарко, как в аду.

А на крыше становилось очень-очень холодно.

Мы с Крисом придвинулись ближе, прильнув друг к другу для тепла и безопасности. Молодые, грешные любовники в худшем своем проявлении.

Мы потеряли самоуважение, ведомые стремлением к близости. Мы так часто искушали судьбу и свои чувственные натуры, и я даже не знала тогда, что не менее чувственна, чем он. Я всегда думала, что это только прекрасная музыка заставляет мое сердце трепетать, а мои бедра – желать чего-то. Я не знала, что это что-то гораздо более реальное.

Как будто одно сердце было разделено на нас двоих, и оно отстукивало барабанную дробь взаимной вины за то, что мы сделали.

Холодный ветер поднял на крышу сухой лист и своим дуновением направил его мне в волосы. Он тихо потрескивал, когда Крис вынимал его и держал в руке, пристально глядя на этот мертвый кленовый лист, как будто вся наша жизнь зависела от способности прочесть секрет его полета по ветру. Ни рук, ни ног, ни крыльев, но, даже мертвый, он мог летать.

– Кэти, – начал он сухим, ломающимся голосом, – у нас сейчас ровно триста девяносто шесть долларов и сорок четыре цента. Скоро начнет падать снег. А у нас нет зимней одежды и обуви. Близнецы уже настолько ослабли, что легко простудятся, и простуда может перейти в пневмонию. Я просыпаюсь ночью, беспокоясь за них, и вижу, как ты лежишь и смотришь на Кэрри, значит, ты тоже беспокоишься. Я сомневаюсь, что теперь мы будем находить деньги, лежащие свободно в маминых комнатах. Они подозревают или подозревали горничных в воровстве. Может быть, теперь мама подозревает, что это могла быть ты... я не знаю, надеюсь, что нет. Невзирая на то что каждый из них думает, в следующий раз, когда я пойду туда, я постараюсь украсть ее украшения. Я очищу все, возьму все, что смогу, и мы убежим. Как только мы будем достаточно далеко, мы покажем близнецов доктору, и у нас хватит денег, чтобы платить по счетам.

Взять украшения – то, о чем я его так долго просила! В конце концов он согласился взять эти мамины трофеи, которые она так долго и усердно собирала, одновременно теряя нас. Не все ли равно ей было тогда?

Этот филин, вероятно, был тот же самый, который приветствовал нас, когда мы впервые пришли на железнодорожную станцию; тогда он звучал как привидение. Пока мы смотрели, тонкий серый туман стал подниматься с похолодевшей за ночь земли. Густой туман стал вздыматься волнами на крышу, погружая нас в неясное, колышущееся море.

И все, что мы могли видеть сквозь серые холодные облака, было одно немеркнувшее око Бога, светившее высоко с луны.

Я проснулась перед рассветом и посмотрела на кровать, где спали Кори и Крис. Повернув голову, даже сквозь заспанные глаза я почувствовала, что Крис тоже уже некоторое время не спит. Он смотрел на

меня, и в его голубых глазах сверкали прозрачные блестящие слезы. Слезы катились, чтобы упасть на подушку, и я называла их в том порядке, как они падали: стыд, вина...

– Я люблю тебя, Кристофер Долл. Не надо плакать. Я могу забыть, ты тоже можешь забыть, а мне нечего тебе прощать.

Он кивнул и не сказал ничего. Но я хорошо его знала, до самой сути. Я знала все его чувства и мысли, а также способы смертельно поранить его «я». Я знала, что через меня он ранил женщину, предавшую доверие и любовь. Все, что мне надо было сделать, – посмотреть на себя в карманное зеркало с буквами К. Л. Ф., отпечатанными сзади, чтобы увидеть лицо своей мамы, такое, каким оно было в моем возрасте. И все должно было перейти ко мне, как предсказывала бабушка. Дьяволова отметина. Семена зла, брошенные в новую почву, дали ростки и заставили повторить грехи отцов.

И матерей...

«Сделай все дни голубыми, но оставь один для черного цвета»

Мы убегаем в любой день, как только мама скажет, что будет отсутствовать весь вечер; она лишится также и своих ценностей, какие мы сможем прихватить. Мы не поедем назад в Гладстон. Туда уже пришла зима, которая продлится до мая. Мы поедем в Сарасоту, где живут циркачи. Они известны своей добротой к тем, кто приходит из неизвестности. Когда Крис и я достаточно привыкли к высоте, к крыше и множеству веревок, привязанных к балкам чердака, я весело сказала Крису:

– Мы будем давать представления на трапеции.

Он усмехнулся, обдумывая эту смехотворную идею, и его ответ был вдохновляющим.

– Ей-богу, Кэти, ты будешь выглядеть великолепно в блестящем розовом трико.

И он стал петь: «Она летит сквозь воздух в абсолютном покое, молодая красавица на летящей трапеции...»

Кори вскинул голову. Его голубые глаза широко открылись от страха.

– Нет!

А Кэрри сказала более искушенным голосом:

– Нам не нравятся ваши планы. Мы не хотим, чтобы вы упали.

– Мы никогда не упадем, – сказал Крис, – потому что мы с Кэти – непобедимая команда.

Я уставилась на него, вспоминая ночь в классе, а потом на крыше, когда он прошептал: «Я никогда никого не буду любить, кроме тебя, Кэти. Я знаю это... у меня такое чувство... только мы – всегда». Я небрежно рассмеялась: «Не будь глупым. Ты не любишь меня так. И тебе не надо чувствовать за собой вину или стыд. Это была и моя вина. Мы можем притвориться, что этого никогда не случилось, и сделать так, чтобы этого никогда не случилось снова». – «Но, Кэти...» – «Если бы у нас был кто-нибудь, помимо друг друга, мы бы никогда, никогда этого не почувствовали». – «Но я хочу испытывать это к тебе, и мне уже поздно любить кого-то другого».

Какой старой я себя чувствовала, глядя на Криса, на близнецов, на то, как он строит планы для всех нас, так продуманно рассуждая о побеге. Утешая близнецов, давая им мир, я знала, что мы принуждены будем делать все, чтобы заработать на жизнь.

Сентябрь сменился октябрём. Скоро должен был пойти снег.

– Сегодня ночью, – сказал Крис, когда мама ушла, поспешно распрощавшись и даже не оглянувшись на нас в дверях. Теперь она с трудом могла смотреть на нас.

Мы вложили одну наволочку в другую, чтобы сделать их крепче. В этой сумке Крис собирался унести все ценные мамины украшения. У меня были уже две упакованные сумки на чердаке, куда мама теперь не наведывалась.

К концу дня Кори начало рвать снова и снова. В шкафчике с лекарствами мы не нашли ничего против желудочного расстройства.

Ничто из того, что мы применяли, не могло избавить его от страшной рвоты, от которой он становился бледным, плакал и дрожал. Он обнял меня за шею и прошептал:

– Мама, мне плохо.

– Что я могу сделать, чтобы помочь тебе? – спросила я, чувствуя свое бессилие и неопытность.

– Микки, – слабым голосом прошептал он. – Я хочу, чтобы Микки спал со мной.

– Но ночью ты можешь придавить его, и он умрет. Ты ведь не хочешь, чтобы он умер?

– Нет, – растерялся Кори.

А затем эти ужасные рвотные позывы начались вновь, он весь дрожал от озноба у меня в руках. Волосы упали ему на потный лоб. Он с отсутствующим видом смотрел своими голубыми глазами мне в лицо и звал, снова и снова звал свою мать:

– Мама, все мои косточки болят.

– Ничего, – успокаивала я его, перенося обратно на кровать, где я могла бы переменить ему пижаму. Чем его только рвет, ведь в животе у него, должно быть, ничего не осталось? – Крис тебе поможет, не беспокойся.

Я легла рядом с ним и обняла его слабое дрожащее тельце.

Крис за своим письменным столом рылся в медицинских справочниках, стараясь по симптомам Кори определить ту таинственную болезнь, которая поражала всех нас время от времени.

Ему было теперь почти восемнадцать, но как же далеко было ему до настоящего врача!

– Не уходи, не оставляй нас с Кэрри! – умолял Кори. Он плакал все громче и громче. – Крис, не уходи! Остайся!

Что он имел в виду? Он хотел, чтобы мы убежали? Или был против

того, чтобы мы пробирались к маме в комнату и воровали? Почему мы с Крисом были так уверены, что близнецы редко обращают внимание на то, что мы делаем? Конечно, и он, и Кэрри знали, что мы никогда не уйдем и не покинем их – да мы скорее умрем, чем сделаем это. Маленькое существо, одетое в белое, как тень, подобралось к кровати и тихо стояло, уставясь большими голубыми глазами на своего брата-близнеца. Она была едва трех футов ростом. Она была стара, и она была ребенок, она была как маленький нежный цветок, заключенный в душном темном доме, чахлый, вянувший цветок.

– Можно мне, – начала она старательно (так, как мы пытались научить ее, ведь она все время пренебрегала правилами грамматики, но в эту знаменательную ночь она старалась изо всех сил), – можно мне спать рядом с Кори? Мы не будем делать ничего плохого, грешного или запрещенного. Мне просто хочется быть рядом с ним.

Пусть придет бабушка и сделает самое худшее! Мы положили Кэрри в кровать рядом с Кори и затем присели с Крисом по разные стороны большой кровати, и сердца наши разрывались, но мы не могли ничего, только смотреть, как Кори метался и задыхался и плакал в бреду. Он звал своего мышонка, и маму, и папу, он звал Криса и звал меня.

Слезы сбегали за ворот моей ночной рубашки, и я видела, что Крис тоже в слезах.

– Кэрри, Кэрри, где Кэрри? – все спрашивал Кори, даже после того, как она заснула.

Их бледные лица были всего в нескольких дюймах друг от друга, и он смотрел прямо на нее, но не видел. Когда я мельком взглянула на Кэрри, мне показалось, что она выглядит лишь чуть-чуть лучше, чем он.

Наказание, подумала я. Бог наказывает нас, Криса и меня, за то, что мы сделали. Бабушка предупреждала нас, каждый день предупреждала, еще до того, как выпорола нас.

Всю ночь напролет Крис читал одну медицинскую книгу за другой, пока я не встала с кровати близнецов и не принялась мерить шагами комнату. В конце концов Крис поднял свои покрасневшие, воспаленные глаза.

– Пищевое отравление – молоко. Оно, должно быть, кислое.

– Судя по вкусу и запаху, нет, – пробормотала я.

Я всегда тщательно обнюхивала и пробовала все, прежде чем дать близнецам или Крису. По некоторым причинам я считала, что мои вкусовые ощущения острее, чем у Криса: ему все нравилось и он готов был есть все подряд, даже прогорклое масло.

– Тогда гамбургеры. У них был странный вкус.

– По-моему, нормальный.

И ему они тоже казались прекрасными, ведь он съел половину порции Кэрри и все гамбургеры Кори, который не ел весь день.

– Кэти, я заметил, что и сама ты едва ли что съела за день. Ты почти такая же худая, как близнецы. Она же приносит нам достаточно еды. Ты не должна ограничивать себя.

Когда я нервничала, или расстраивалась, или волновалась (а сейчас все эти три состояния были при мне), я начинала балетные упражнения, и вот, держась за буфет, как за поручень, я принялась выдавать плие, постепенно разогреваясь.

– Ты что, не можешь без этого, Кэти? От тебя уже кожа и кости остались. И почему ты сегодня не ела? Ты что, тоже заболела?

– Но Кори так любит пончики, а мне ничего другого не хотелось. Ему они нужнее.

Ночь продолжалась. Крис опять взялся за чтение своих медицинских книжек. Я дала Кори глоток воды, его тут же вырвало. Я умывала его холодной водой не меньше чем дюжину раз и три раза переменяла ему пижаму, а Кэрри все спала да спала.

Заря.

Солнце взошло, а мы все еще старались выяснить, отчего заболел Кори. Тут вошла бабушка, таща корзинку с продуктами на сегодняшний день. Не говоря ни слова, она закрыла дверь, заперла ее, положила ключ к себе в карман и направилась к маленькому столику. Она вытащила из корзины огромные термосы с молоком, термосы поменьше с супом, затем обернутые в фольгу пакеты с сэндвичами, жареными цыплятами, миски с картофельным или капустным салатом и в довершение пакет с четырьмя обсыпанными сахарной пудрой пончиками.

Она повернулась к двери. Сейчас она уйдет.

– Бабушка, – сказала я торопливо.

Она не взглянула на Кори. Не видела.

– Я с тобой не разговариваю, – холодно сказала она. – Дождись, пока я обращусь к тебе.

– Я не могу ждать! – сказала я, чувствуя нарастающий гнев. Я вскочила со своего места около Кори и приблизилась к ней. – Кори заболел! Его рвало всю ночь и вчера весь день. Ему нужен доктор, ему нужна мама.

Она не взглянула ни на Кори, ни на меня. Она прошествовала за дверь, и затем щелкнул замок. Ни слова в утешение. Ни слова о том, скажет ли она маме.

– Я отопру дверь, выйду и найду маму, – сказал Крис.

Он так и не раздевался всю ночь.

– Тогда они узнают, что у нас есть ключ.

– Да, тогда они узнают.

Как раз в этот момент дверь отворилась. Вошла мама, за ней следовала бабушка. Они вместе склонились над Кори, трогая его влажный, холодный лоб. Глаза их встретились. Там, в углу, они шептались, приблизившись друг к другу и поглядывая время от времени на Кори, который лежал тихо. Так лежат при смерти. Только грудь судорожно вздымалась. Из его горла вырывались хриплые, булькающие звуки. Я подошла и вытерла капельки влаги с его лба. Странно: его бил озноб и в то же время он потел.

Тяжелое дыхание Кори. Вдох, выдох, вдох, выдох. А мама – она ничего не делает! Неспособна принять решение! Боится рассказать о том, что здесь ребенок! Что ж, его скоро может и не быть!

– Почему вы стоите и шепчетесь? – закричала я. – Что еще можно сделать, кроме как забрать Кори в больницу и достать ему лучшего доктора?

Они воззрились на меня – обе.

Помрачнев, бледная, дрожащая мама пристально смотрела на меня своими голубыми глазами, затем обеспокоенно и как бы невзначай перевела их на Кори. Она увидела на кровати нечто, отчего губы ее задрожали, руки затряслись и дрогнули щеки. Она часто заморгала, как бы удерживаясь от слез.

Я близко наблюдала все внешние проявления ее мысленных расчетов. Она взвешивала тот риск, на который пойдет, если откроет Кори: это может лишить ее наследства, которое она получит, когда в один прекрасный день умрет старик там, внизу. Ведь должен же он когда-то умереть? Не может же он жить вечно!

Я закричала снова:

– Что с тобой, мама? Ты что, собираешься стоять здесь и думать о себе и о своих деньгах, пока твой младший сын лежит и умирает? Ты должна помочь ему! Тебя что, не волнует, что с ним? Или ты забыла, что ты его мать? Если нет, то, черт побери, действуй как мать! Хватит сомневаться! Ему нужна помощь сейчас, а не завтра!

Ее лицо залила краска. Она резко взглянула на меня.

– Ты! – выкрикнула она. – Вечно ты!

И с этими словами она подняла свою руку, унизанную тяжелыми кольцами, и влепила мне пощечину! Затем еще.

Впервые в жизни я получила пощечину от нее – и по такому поводу!

Оскорбленная, не думая ни о чем, я ударила ее по лицу изо всей силы!

Бабушка стояла позади и наблюдала. Самодовольное удовлетворение искривило ее уродливый тонкий рот в кривую линию.

Крис поспешил удержать меня за руки, когда я попыталась снова ударить маму.

– Кэти, этим ты Кори не поможешь. Успокойся, мама сделает все, что надо.

Хорошо, что он удержал мои руки, потому что я очень хотела ударить ее снова и заставить наконец понять, что она делает.

Перед моими глазами всплыло лицо отца. Он хмурился, молчаливо напоминая мне, что я всегда должна уважать женщину, подарившую мне жизнь. Я знала, что бы он почувствовал. Ему бы не хотелось, чтобы я била ее.

– Будь ты проклята, Коррина Фоксворт, – закричала я, набрав полные легкие воздуха, – если ты не отвезешь своего сына в больницу! Думаешь, ты можешь делать с нами все, что угодно, и никто ничего не узнает? Нет, тебе не удастся скрыться, я найду способ отомстить. Я потрачу на это всю свою оставшуюся жизнь, но увижу, как ты заплатишь, и дорого заплатишь, если ты сейчас ничего не сделаешь, чтобы спасти Кори жизнь. Давай смотри на меня, и плачь, и умоляй, и рассказывай мне про деньги и про то, что можно на них купить. Но ты не купишь себе ребенка, раз он умер! И если это случится, не думай, я найду способ добраться до твоего мужа и рассказать ему, что у тебя есть четверо детей, спрятанных в запертой комнате. И у них только и есть чердак, чтобы там играть. И ты их там продержала годы и годы! Посмотрим, как он будет любить тебя после этого! Посмотрим на его лицо! Скажи, будет он тебя уважать и обожать после этого?!

Она вздрогнула, но глаза ее глядели на меня с ужасным выражением.

– Больше того, я пойду к деду и ему тоже все расскажу! – Я закричала еще громче. – И если ты не унаследуешь и медного пятака, я буду рада, рада, да-да, рада!

Судя по ее лицу, она готова была убить меня. Но тут, что довольно странно, раздался голос не произнесшей до сих пор ни слова старой женщины. Она сказала спокойно:

– Девочка права, Коррина. Ребенка необходимо доставить в больницу.

Они вернулись ночью. Обе. После того, как отпустили слуг в их комнаты над огромным гаражом. Обе они были закутаны в тяжелые теплые пальто, потому что вдруг ужасно похолодало. Вечером небо стало серым,

оно дышало приближающейся зимой, угрожало снегом. Они обе потянули Кори у меня из рук, завернули его в зеленое одеяло, и мама подняла его. Кэрри закричала, как от боли.

– Не забирайте Кори! – выла она. – Не забирайте его, нет, нет!

Она бросилась ко мне на руки, умоляя помешать им забрать ее брата-близнеца, с которым она никогда еще не разлучалась. Ее маленькое бледное личико было залито слезами.

– С Кори все будет в порядке, – сказала я, встретив взгляд мамы, – потому что я тоже иду с ним. Я останусь с Кори, пока он будет в больнице. Тогда он не станет бояться. Когда медсестрам будет некогда ухаживать за ним, это сделаю я. Это поможет ему побыстрее поправиться, и Кэрри будет чувствовать себя хорошо, зная, что я с ним.

Я говорила правду. Я знала, что Кори выздоровеет быстрее, если я буду с ним. Теперь я была его матерью, а не она. Ему не была нужна она, он хотел и звал только меня. Дети интуитивно очень мудры: они знают, кто любит их по-настоящему, а кто только притворяется.

– Кэти права, мама, – заговорил Крис и посмотрел ей в глаза без всякой теплоты. – Кори зависит от Кэти. Пожалуйста, разреши ей идти с ним, ее присутствие поможет ему скорее поправиться, и она сможет описать доктору все его симптомы лучше, чем ты.

Мама перевела на него пустой, стеклянный взгляд, как бы пытаясь понять его. Должна признаться, она казалась безумной, и ее глаза перебежали с меня на Криса, затем на мать, затем на Кэрри и вновь на Кори.

– Мама, – сказал Крис более твердым голосом, – разреши Кэти ехать с тобой. Я справлюсь с Кэрри, если это тебя волнует.

Конечно, они не взяли меня с собой.

Наша мама вынесла Кори. Его голова была откинута назад, колики сотрясали его тело, когда она шагала прочь, неся свое дитя, завернутое в зеленое одеяло, такое же зеленое, как весенняя трава.

Бабушка одарила меня злой и насмешливой улыбкой победительницы, прежде чем закрыть и запереть дверь.

Они бросили Кэрри, обездоленную, рыдающую, залитую слезами. Ее маленькие кулачки молотили меня, как будто я была в чем-то виновата.

– Кэти, я хочу с ним тоже! Пусть они разрешат мне! Кори никуда не ходит без меня... и он оставил свою гитару.

Потом, когда весь ее гнев был исчерпан, она упала ко мне на руки, рыдая:

– Почему, Кэти, ну почему?

Почему?

Это был самый главный вопрос нашей жизни. И это был худший и самый долгий день нашей жизни. Мы согрешили, и вот без промедления Бог послал нам наказание. Как быстро! Он следил за нами недремлющим и беспощадным оком, и он знал о нас все заранее, знал все, что рано или поздно мы совершим, совсем как бабушка.

Все стало как когда-то, когда у нас еще не было телевизора, который скрасил наши дни. Весь день подряд мы сидели, даже не включив телевизор, и ждали известий о том, что с Кори. Крис сел в качалку и протянул руки ко мне и к Кэрри. Мы обе сели к нему на колени, и он стал качаться туда-сюда, туда-сюда, скрипя половицами.

Не знаю, как Крис не отсидел себе ноги; мы пробыли у него на коленях очень долго. Потом я поднялась, чтобы позаботиться о клетке Микки, дать ему поесть и попить, и я подержала его, побаловала и сказала ему, что скоро его хозяин вернется. Я была уверена: мышонок понимает, что что-то неладно. Он не играл в своей клетке так беззаботно, как обычно, и, хотя я оставила дверцу открытой, даже не сделал попытки удрать, пошарить по комнате и заглянуть к Кэрри в кукольный домик, который так всегда соблазнял его.

Я приготовила еду, к которой мы едва притронулись. Когда мы кончили есть и убрали посуду, помылись и приготовились ко сну, мы все трое встали в ряд на колени у кровати Кори и обратили свои молитвы к Господу:

– Пожалуйста, сделай так, чтоб Кори поправился и вернулся к нам.

Я не могу припомнить, молились ли мы о чем-нибудь еще.

Мы спали, вернее, старались заснуть, все трое в одной кровати – Кэрри между мной и Крисом. Никогда ничего такого между нами не будет, никогда, никогда больше.

«Боже, пожалуйста, не наказывай Кори. Если Ты хочешь поразить меня и Криса за наш грех, мы и так уже наказаны, и мы не хотели делать этого, не хотели. Это просто произошло, и ведь только один раз... и ничего приятного в этом не было, о Боже, действительно ничего».

Занялась заря нового дня, хмурого, серого, полного угрозы. За спущенными шторами началась жизнь – для тех, кто жил на воле, невидимый для нас. Мы собрались в кучу, мучая себя все тем же вопросом, и, чтобы убить время, пытались есть и развеселить Микки, который был так печален без маленького мальчика, крошившего ему хлеб, чтобы приманить его.

Я переменяла покрывала на матрасах с помощью Криса, одной мне

было трудно снимать и вновь надевать на большой матрас эти стеганные тяжелые покрывала, а это необходимо было сделать, ведь Кори запачкал их.

Мы с Крисом застелили постели чистым льняным бельем, разгладили все складки и прибрались в комнате, а Кэрри в это время одиноко сидела в качалке, уставясь в пустоту.

Около десяти нам не оставалось ничего другого, как только сесть на кровать поближе к двери и уставиться на дверную ручку, ожидая, когда она повернется и войдет мама с известием для нас. И действительно, скоро пришла мама. Глаза ее были красны от слез. Позади нее – бабушка, высокая, прямая, стальной взгляд, никаких слез.

Наша мама оперлась на дверь, как будто у нее подгибались ноги и она могла упасть. Мы с Крисом вскочили с места, но Кэрри только подняла на маму свой пустой взгляд.

– Я отвезла Кори в больницу за несколько миль отсюда, в самую ближайшую, – объясняла нам наша мама сдавленным и хриплым, прерывающимся голосом. – Я зарегистрировала его под чужим именем, сказала, что это мой племянник, мой подопечный.

Ложь! Всегда ложь!

– Мама, как он? – нетерпеливо спросила я.

Ее остекленевшие голубые глаза повернулись в нашу сторону – пустые глаза, отрешенные глаза, потерянные глаза. Они старались отыскать что-то – я думаю, это была ее человечность.

– У Кори была пневмония, – сказала она с выражением, как актриса. – Доктора делали все, что могли, но... было... было... слишком поздно.

Пневмония?

Все, что могли?

Слишком поздно?

И все это в прошедшем времени!

Кори умер! Мы никогда не увидим его снова!

Крис говорил позже, что эти слова ударили его, он почувствовал как бы сильный пинок в пах, а я видела, как он качнулся назад и отвернулся, пряча лицо, как его плечи содрогнулись и он разрыдался.

Сперва я не поверила ей. Я стояла, смотрела и сомневалась. Но, взглянув ей в лицо, я поняла, что это правда, и что-то большое и пустое стало разрастаться в моей груди.

Я повалилась на кровать, оцепенелая, почти парализованная. Я даже не замечала, что я плачу, пока одежда на мне не стала мокрой.

И даже тогда, сидя и плача по Кори, я все еще не могла поверить, что Кори ушел навсегда из этой жизни. А Кэрри, несчастная Кэрри, вытянула

шею, голова ее откинулась назад, она открыла рот и закричала!

Она кричала и кричала, пока у нее не пропал голос и она не могла больше кричать. Она направилась в угол, где Кори хранил свою гитару и банджо и где она аккуратно расставила все его теннисные туфли. И вот там-то она села с его музыкальными инструментами, туфлями и с Микки в клетке неподалеку, и с этого момента ни слова не сорвалось с ее губ.

– Мы пойдем на его похороны? – все еще отвернувшись, спросил Крис прерывающимся голосом.

– Он уже похоронен, – сказала мама. – Я написала на памятнике чужое имя.

И затем очень быстро она покинула комнату, избегая наших вопросов, а за ней – бабушка, сжав губы в сердитую тонкую линию.

Прямо у нас на глазах, ужасая нас, Кэрри засыхала, как травинка, все больше с каждым днем. Я чувствовала, что Бог может взять и Кэрри тоже и похоронить ее рядом с Кори в той далекой могиле с чужим именем, и им будет отказано даже лежать после смерти рядом с отцом.

Никто из нас не мог больше есть. Мы стали безразличными ко всему и усталыми, всегда усталыми. Ничто не вызывало у нас интереса. Слезы – Крис и я наплакали пять океанов слез. Сто лет назад нам надо было бежать. Нам следовало открыть дверь деревянным ключом и пойти за помощью. Мы дали Кори умереть! Мы были ответственны за него, нашего тихого маленького мальчика, такого талантливого, и мы дали ему умереть. А теперь наша малышка-сестра сидит, сжавшись в углу, и слабеет с каждым днем.

Крис сказал мне, понизив голос на тот случай, если Кэрри подслушивает, хотя я в этом сомневалась (она была слепа, глуха и нема, она, наш вечно журчащий говорливый ручеек, о боги!):

– Мы должны бежать, Кэти, и быстро. Иначе мы все умрем, как Кори. С нами со всеми что-то неладно. Слишком долго мы прожили взаперти. Мы жили ненормальной жизнью, изолированно, как будто в вакууме, без микробов и инфекций, с которыми обычно сталкиваются дети. У нас нет сопротивления инфекции.

– Я не понимаю, – сказала я.

– Я имею в виду, – зашептал он мне на ухо (мы оба съежились в одном кресле), – что мы как существа с Марса в той книжке, помнишь, «Война миров»: мы можем умереть от простого вируса гриппа.

Я в ужасе уставилась на него. Он знал намного больше меня. Я перевела взгляд на Кэрри, сидящую в углу. Это милое детское личико,

слишком большие, обведенные тенями глаза, они сейчас тупо уставились в пустоту. Я знала, что ее глаза вглядывались в вечность, где сейчас Кори. Вся любовь, которую я раньше отдавала Кори, сосредоточилась теперь на Кэрри... я так боялась за нее. Крошечное тельце, худое, как скелетик, шейка такая слабенькая, слишком тоненькая для головы. Неужели это будет общий конец для всех дрезденских куколок?

– Крис, если нам суждено умереть, то хотя бы не той смертью, что умирают мыши в мышеловке! Если нас могут убить микробы, пусть это будут микробы, поэтому, когда будешь воровать сегодня ночью, возьми все ценное, что найдешь и что мы сможем унести. Я приготовлю продукты на дорогу. Мы вынем вещи Кори, и у нас будет больше места. Еще до утра мы должны убежать.

– Нет, – сказал он тихо. – Только если мы будем знать наверняка, что мама и ее муж уйдут, только тогда я могу взять все деньги и все драгоценности одним махом. Бери лишь то, без чего нельзя обойтись, – никаких игрушек и безделушек. И потом, Кэти, мама может сегодня и не уйти. Она, конечно же, не сможет посещать вечеринки, пока она в трауре.

Но как она может носить траур, если она постоянно держит своего мужа в неведении? И никто не придет к нам, кроме бабушки, никто не сообщит нам, что происходит. А она давно отказалась разговаривать с нами, смотреть на нас.

Мысленно я была уже в пути и смотрела на нее как на часть нашего прошлого. Теперь, когда освобождение было так близко, я почувствовала страх. Мир такой большой. Мы будем предоставлены сами себе. Как теперь примет нас этот мир?

Мы были не такими красивыми, как прежде, всего лишь бледные и болезненные чердачные мышата с длинными льняными волосами, в дорогой, но совсем не подходящей по размеру одежде и в кроссовках.

Мы с Крисом изучали жизнь по книжкам, пусть их было много. Да еще телевизор учил нас насилию, и жадности, и воображению, но он не мог научить нас ничему полезному и практическому в реальной жизни. Мы не были готовы к жизни.

Выживание. Вот чему должен был учить телевизор невинных маленьких детей: как жить в этом проклятом мире, когда не на кого надеяться, кроме самих себя, а иногда нельзя надеяться и на себя тоже.

Деньги. Если мы чему-то и научились за годы нашего заточения, так это тому, что деньги сперва, а потом все остальное. Как хорошо сказала мама когда-то давно: «Не любовь движет миром, а деньги».

Я достала вещички Кори из чемодана, его вторые выходные тапочки,

две пары пижам, и все время у меня текло из глаз и из носа. В одном из боковых карманов я нашла листочки с песней, которые он, должно быть, упаковывал сам. О, как горько было собирать эти листочки и смотреть на линии, которые он проводил по линейке, и на черные ноты: некоторые недописаны, другие написаны криво. А внизу, под нотами (он сам научился нотной грамоте по энциклопедии, которую нашел для него Крис), Кори написал слова незаконченной песни:

Хочу, чтоб ночь закончилась,
Хочу, чтоб начался день,
Хочу, чтоб дождь был или снег,
Иль ветер вдруг подул,
Иль чтоб росла трава,
Хотел бы я иметь прошлое,
Хотел бы я играть вон там...

О боже! Всегда эта печальная, меланхоличная песня. Да, это слова, которые он пел под музыку так часто. Он играл ее. И это желание, вечное желание чего-то, чего он был лишен. А ведь все другие мальчишки воспринимали это как должное, нормальное, как часть своей жизни, и даже не замечали этого.

Я едва не закричала от боли.

Я заснула с мыслями о Кори. И как всегда, когда я была сильно обеспокоена, мне приснился сон. Но на этот раз я была одна. Я видела себя на извилистой тропинке, окруженной широкими, ровными пастбищами, заросшими по обе стороны полевыми цветами: розовые, малиновые, желтые и белые, они нежно покачивались под мягким, теплым и добрым ветерком вечной весны. Маленький ребенок уцепился за мою руку. Я взглянула, ожидая увидеть Кэрри, но это был Кори!

Он смеялся от счастья и подпрыгивал рядом, стараясь попасть со мной в ногу, но его ножки были слишком коротки. В руках у него был букет полевых цветов. Он улыбался мне и собирался уже что-то сказать, но в этот момент мы услышали щебетание множества разноцветных птиц в тени деревьев впереди нас.

Высокий стройный мужчина с золотыми волосами и загорелой кожей, одетый в белую теннисную одежду, вышел навстречу нам из великолепного сада, где росли в изобилии деревья и сияющие цветы, в том числе розы

всевозможных оттенков. Он остановился в дюжине ярдов от нас и протянул руки к Кори.

Мое сердце даже во сне подскочило от волнения и радости! Это был папа!

Папа вышел встречать Кори, значит он не будет там одинок. И я знала, что, хотя я сейчас отпущу маленькую горячую ладошку Кори, он всегда будет со мной. Отец смотрел на меня не с жалостью, не с упреком, а с гордостью и восхищением.

И я отпустила ладошку Кори и остановилась, глядя, как радостно он бежит к папе. Теперь он был в надежных сильных руках, которые и меня держали когда-то и дали понять, что наш мир чудесен. И я когда-нибудь пройду по этой дорожке, и почувствую вновь эти руки, и позволю отцу вести меня, куда он пожелает.

– Кэти, проснись, – говорил Крис, сидя на моей кровати и тряся меня. – Ты разговариваешь во сне, смеешься и плачешь, здороваешься и прощаешься. Что тебе приснилось?

Мой сон так быстро улетучился, что я не находила слов. Крис все сидел и смотрел на меня, и Кэрри тоже проснулась. Столько времени прошло с тех пор, как я видела папу, что его лицо совсем стерлось в моей памяти, но сейчас, глядя на Криса, я была смущена. Он был так похож на папу, только моложе.

Я мысленно возвращалась к этому сну много дней подряд, и это было приятно. Этот сон принес мир в мою смятенную душу. Он дал мне знание, которое недоступно было мне прежде. Люди на самом деле не умирают. Они уходят в лучший мир и там ждут тех, кого они любят. А затем однажды все они снова вернутся в этот мир так же, как и в первый раз.

Побег

Десятое ноября. Это наш последний день в тюрьме. Бог не даст нам избавления, мы возьмем его сами. Сегодня ночью, после десяти, Крис совершит свое последнее ограбление. Наша мама посетила нас, но всего на несколько минут. Было ясно теперь, как мало болит у нее сердце о нас.

– Мы с Бартом уходим нынче вечером. Мне не хочется, но он настаивает. Знаете, он не понимает, почему я такая печальная.

Держу пари, он не понимает.

Крис перекинул через плечо сумку из двух наволочек, чтобы было в чем нести тяжелые украшения. Он стоял в дверях и долго-долго смотрел на меня и Кэрри, прежде чем закрыть дверь и запереть нас внутри деревянным ключом. Он всегда так делал, ведь открытая дверь могла насторожить бабушку, если бы ей вздумалось проверить. Мы не слышали, как крался Крис по длинному и темному северному коридору: стены были очень толстые, а пушистые ковры на стенах не пропускали звук.

Лежа бок о бок рядом с Кэрри, я обнимала ее, всеми силами желая защитить ее.

Если бы не этот сон, который рассказал мне, что Кори хорошо, что он под надежной защитой, как бы я плакала без него! Все сердце изболелось бы у меня за малыша, который называл меня мамой, когда был уверен, что старший брат не услышит. Он всегда так боялся, что Крис будет считать его маменькиным сынком, если поймет, как он скучает и нуждается в матери, что даже принял меня вместо нее. И хотя я говорила ему не раз, что Крис не будет смеяться или дразнить его, ведь Крису тоже очень нужна мама, так уж повелось с давних пор, все равно это был секрет – мой и его, а еще Кэрри. Кори притворялся мужественным и убеждал себя в том, что ему не нужны ни мама, ни папа, хотя, конечно, они были ему нужны, и даже очень.

Я обнимала Кэрри крепко-крепко и клялась себе, что если у меня когда-нибудь будет ребенок или дети, то я всегда буду чувствовать, когда я нужна им, и всегда исполню их желания. Я буду лучшей из матерей в этом мире.

Часы тянулись, как годы, а Крис все еще не возвращался из своего последнего набега в великолепные апартаменты нашей мамы. Что могло задержать его?

Встревоженная и несчастная, я дрожала от страха, воображая всевозможные катастрофы, которые могли произойти с ним.

Барт Уинслоу... подозрительный муж... он поймал Криса! Вызвал полицию! Криса бросили в тюрьму! А мама, должно быть, стояла рядом и изображала некоторый шок и малодушное удивление по поводу того, что кто-то осмелился обокрасть ее. О нет, нет, конечно у нее нет сына. Всем известно, что она бездетна благодаря небесам. Разве кто-нибудь видел ее с ребенком? Она не знает этого белокурого молодого человека, который так на нее похож.

В конце концов, мало ли у нее племянников, а вор есть вор, если даже он твой родственник, подумаешь, седьмая вода на киселе!

А бабушка! Если она поймает его, ему грозит самое жестокое наказание.

Рассвет наступил быстро, тусклый, неясный. Звонко запели петухи.

Солнце как бы нехотя поднималось над горизонтом. Скоро будет уже слишком поздно, мы не сможем уйти незамеченными. Утренний поезд останавливается у депо, и нам нужно уйти за несколько часов до того, как бабушка откроет комнату и обнаружит наше исчезновение. Объявит ли она розыск? Заявит ли в полицию? А может быть, она, что вероятнее всего, разрешит нам уйти, радуясь, что наконец от нас избавилась?

Совсем отчаявшись, я поднялась по ступенькам на чердак посмотреть на волю. Туманный, холодный день. На прошлой неделе снег уже лежал кое-где на пастбищах. Серый, таинственный день. Непохоже было, что он принесет нам радость и свободу. Я снова услышала петушиное кукареканье; оно глухо доносилось издали, но я помолилась про себя, чтобы Крис, где бы он ни находился и что бы он ни делал, услышал его тоже и поспешил обратно.

Я помню, ах, как хорошо я помню это холодное хмурое утро. Крис наконец вернулся, крадучись, в нашу комнату. Прикорнув рядом с Кэрри, я дремала на грани сна и моментально вскочила, когда открылась дверь.

Я лежала полностью одетая, готовая на выход, даже в своих мимолетных снах ожидая Криса, который придет и спасет всех нас.

Стоя в дверях, Крис заколебался, глаза его смотрели на меня. Затем он направился ко мне не так быстро, как следовало ожидать. Все, что я могла в тот момент, – посмотреть на две вложенные одна в другую наволочки у него в руках. Они были плоские! Похоже, они пусты!

– Где драгоценности? – закричала я. – Почему ты пропадал так долго? Посмотри в окно, солнце уже встает! Мы никак не успеем на поезд! – Голос мой невольно приобрел гневные интонации. – Опять изображаешь из себя рыцаря? Так вот почему ты явился без мамочкиных изысканных

ценностей!

К этому времени он уже достиг кровати и стоял с этими дурацкими пустыми наволочками в руках.

– Пропали, – сказал он уныло. – Все драгоценности пропали.

– Пропали? – произнесла я издевательским тоном, уверенная, что он лжет, просто не захотел взять то, что так дорого его обожавшей мамочке. Но затем я взглянула повнимательнее ему в глаза. – Пропали? Крис, но драгоценности всегда были на месте. Да что с тобой случилось, в конце концов, почему ты такой странный?

Он опустился на колени у кровати, слабый и безвольный, как будто его тело было без костей, голова его упала, и он уткнулся лицом в мою грудь. Он разрыдался! Боже милостивый! Что же случилось? Почему он плачет? Было так ужасно слышать, как плачет мужчина, а я думала теперь о нем как о мужчине, не как о мальчике.

Я обняла его, стала гладить его волосы, щеки, руки, спину. Затем поцеловала его. Я старалась изо всех сил, мне надо было узнать, что же такое ужасное произошло. Я делала это так, как когда-то делала наша мама, стараясь успокоить его и интуитивно не опасаясь ничего большего с его стороны, просто лаская его ради утешения.

В самом-то деле, должна же была я заставить его рассказать все, объяснить.

Крис справился с рыданиями и заглушил их. Он вытер слезы и лицо краем простыни. Затем он повернул голову так, чтобы видеть эти ужасные картины, изображающие ад и его мучения.

Он начал говорить непонятно, бессвязно, часто останавливаясь из-за подступающих рыданий.

И так он рассказал мне все, стоя на коленях у моей кровати. Я держала его за руки – они дрожали, дрожало его тело, его голубые глаза потемнели, из них ушла жизнь.

Все это должно было предупредить меня, что я услышу нечто ужасное. Но как бы я ни была предупреждена, я все же не была готова услышать то, что услышала.

– Ну, – начал он, тяжело дыша, – я почувствовал, что что-то изменилось, в ту же секунду, как ступил в ее комнату. Я не включал свет, просто посветил фонариком и не поверил сам себе! Ирония судьбы... ну почему мы пустились в бега так поздно! Какой ужас, какая несправедливость! Они ушли, Кэти, мама и ее муж ушли! И не на вечеринку по соседству, – нет, они по-настоящему ушли! Они взяли с собой все мелочи, которые принадлежали лично им в этой комнате; забрали

безделушки с комода и все с туалетного столика. Ничего не осталось на ее столике: ни кремов, ни лосьонов, ни пудры, ни духов – все, все исчезло. Это совершенно свело меня с ума, я принялся бегать как безумный, роясь везде, выдвигая ящики, обыскивая их, я надеялся найти что-нибудь ценное, что мы могли бы заложить... и не нашел ничего! О-о, они хорошо поработали, не оставили ничего, ни одной фарфоровой коробочки, даже ни одного из их тяжелых пресс-папье венецианского стекла, которые стоят целое состояние. Я побежал в гардеробную и поспешно пооткрывал все ящики. Да, конечно, она оставила несколько вещей, но они не представляют ценности ни для нас, ни для кого другого: помада, крем и прочая ерунда вроде этого. Затем я открыл тот особый потайной ящичек, помнишь, она говорила нам о нем давным-давно, она не думала тогда о том, что мы можем обокрасть ее. Я вытащил этот ящичек полностью, так было нужно, и поставил его на пол. Затем нащупал на задней стенке крошечные кнопки кода, надо было набрать определенную комбинацию чисел. Я знал эту комбинацию – день ее рождения, всякую другую она бы забыла! Помнишь, как она смеялась, когда рассказывала нам про это? Тайник открылся, и вот в бархатных ячейках, где раньше лежали дюжины колец, теперь ничего не осталось, ни одного кольца! И все браслеты, ожерелья и серьги, все до последней вещи исчезло, Кэти, даже диадема, которую ты примеряла. Ох, ей-богу, тебе не понять, что я почувствовал. Сколько раз ты умоляла меня взять хоть одно маленькое колечко, а я не брал, я все еще верил ей!

– Не плачь больше, Крис, не плачь, – взмолилась я, чувствуя, что он готов разрыдаться, и снова привлекла его к себе на грудь. – Ты же не мог знать, что она исчезнет, да еще так скоро после смерти Кори.

– Да, долго она горевала, нечего сказать, – произнес он с горечью.

Я погрузила пальцы в его волосы.

– Правда, Кэти, – продолжал он. – Я совсем потерял голову. Я бегал от шкафа к шкафу, выбрасывая все зимние вещи, и скоро обнаружил, что летняя одежда вся исчезла, вместе с двумя их прекрасными чемоданами. Я опустошил все обувные коробки, вытряхнул все ящики и искал повсюду жестянку, где он хранил монеты, но он и ее забрал, а может, перепрятал получше. Я перерыл все и вся, правда, как помешанный. Я даже решил взять одну из этих огромных ламп, но еле приподнял ее: она весит тонну. Мама оставила свои норковые манто, я подумал, не прихватить ли одно, но вспомнил, что ты мерила их и они были тебе велики. Там, на воле, покажется странным, что несовершеннолетняя девушка разгуливает в норковом манто, которое ей велико. меховые палантины исчезли. А

длинные пальто были такие большие, что одно из них могло целиком заполнить весь наш чемодан, и не останется места для наших вещей, для картин, которые я мог бы продать, а ведь нам нужнее все-таки одежда. Я готов был волосы на себе рвать, ей-богу, я отчаялся найти хоть что-то ценное, а как мы обойдемся без денег? Ты знаешь, когда я стоял там, посреди ее комнаты, и думал о нашем положении и о плохом здоровье Кэрри, мне было, черт возьми, абсолютно все равно, стану ли я врачом или нет. Все, что я хотел, – это выбраться отсюда! Когда я уже совсем отчаялся найти что-нибудь, я заглянул в нижний ящик ночной тумбочки. Я никогда не проверял его раньше. Кэти, в нем была оправленная в серебро фотография нашего отца, их брачное свидетельство и маленький зеленый бархатный ящичек. Кэти, внутри этого ящичка лежали два кольца нашей мамы – обручальное и с бриллиантом, которое подарил ей отец в день помолвки. Как тяжело думать, что она забрала все, а его фотографию бросила за ненадобностью, так же как и подаренные им кольца. А затем странная мысль мелькнула в моем мозгу. Может быть, она знала, кто ворует деньги из ее комнаты, и оставила эти вещи намеренно?

– Нет, – с насмешкой отмела я эту его мысль, ведь она предполагала в нашей маме некоторые человеческие достоинства. – Она просто о нем и не вспомнила – у нее есть Барт.

– Несмотря ни на что, я был благодарен судьбе, что нашел хоть что-то. Так что мешок не так пуст, как может показаться. У нас есть папина фотография и ее кольца, но только в случае самого ужасного, крайнего кризиса я решусь заложить эти вещи.

Я услышала предупреждение в его голосе, но не столь искреннее, как можно было ожидать. Как будто он играл самого себя – прежнего доверчивого Кристофера Долла, который во всем и в каждом видит только хорошее.

– Продолжай, что случилось дальше?

Он отсутствовал всю ночь, значит не рассказал мне и половины всего, что с ним случилось.

– Раз я не смог ограбить нашу маму, то счел нужным пойти и ограбить нашу бабушку.

«О боже», – подумала я. Он этого не сделал... не смог. А какая это была бы идеальная месть!

– Ты же знаешь, у нее полно драгоценностей, столько колец на пальцах и эта чертова бриллиантовая брошь, которую она всю жизнь носила изо дня в день, как униформу, плюс те бриллианты и рубины, что мы видели на ней в рождественскую ночь. Итак, я потихоньку спустился вниз по длинным

темным коридорам и на цыпочках подошел прямо к ее закрытой двери.

Ох, какие нервы надо иметь, я бы никогда...

– Тоненькая полоска света виднелась из-под двери, и я понял, что она еще не спит. Мне стало горько. Ну почему она не спит? И при всех сложившихся обстоятельствах этот свет странно действовал на меня: я сделал самую дурацкую вещь на свете, а может быть, ты назвала бы это «дерзостью», ведь ты собираешься стать женщиной слова, а не женщиной дела, как была до сих пор.

– Крис! Не отвлекайся! Давай говори, что за безумную вещь ты там сделал. Если бы я была на твоём месте, я бы просто повернулась и пошла бы назад, прямо сюда!

– Но я – это не ты, Кэтрин Долл, я – это я... Я очень осторожно, легонечко приоткрыл дверь, приоткрыл на маленькую щелочку, все время беспокоясь, что дверь скрипнет или треснет, тогда придется удирать. Но петли были хорошо смазаны, и я приложил глаз к щели, не опасаясь, что она подозревает что-нибудь, и заглянул внутрь.

– Ты увидел ее голую! – перебила я.

– Нет, – нетерпеливо отмахнулся он, – я не увидел ее голой, чему я несказанно рад. Она полусидела в кровати, под одеялами, в ночной рубашке с длинными рукавами из какого-то плотного материала, с воротничком, и она была спереди застегнута на все пуговицы до самой талии. Но все-таки я увидел ее отчасти голой. Ты помнишь ее волосы стального цвета, которые мы так ненавидим? Их не было у нее на голове! Они были косо надеты на болванку, которая стояла рядом с ней на ночной тумбочке, как будто бабка хотела, чтоб они были под рукой в случае ночной тревоги.

– Это парик? – Я была в полнейшем изумлении, хотя мне следовало бы догадаться. Любой, кто так зачесывает волосы назад, рано или поздно станет лысым.

– Ну да, она носила парик, могу поклясться, и тогда, на Рождество, она тоже была в парике. Те волосы, что еще остались у нее на голове, они редкие и бело-желтые, а местами виднеются широкие розовые плешины совсем без волос, там только как бы детский пушок. На кончик ее длинного носа сползли очки, совсем без оправы, а ты ведь знаешь, мы никогда не видели ее в очках. Тонкие губы были сурово сжаты, а глаза бегали по строчкам большой черной книги, которую она держала, – Библии, конечно. Так она сидела и читала, должно быть, о проститутках и прочих смертных грехах, – что еще могло придать ее лицу такое ужасное выражение? Я смотрел на нее и понимал, что сейчас ничего не смогу у нее украсть. Но вот

она заложила страницу открыткой, затем положила Библию на ночную тумбочку, слезла с кровати и встала на колени рядом с ней. Она склонила голову, сложила ладони под подбородком, совсем как мы, и принялась молча молиться. Эти молитвы были бесконечны! Затем она сказала вслух: «Прости меня, Господи, за все грехи мои. Я всегда делала то, что считала нужным, и если я ошибалась, поверь, пожалуйста, я думала, что поступаю правильно. Да будет воля Твоя. Аминь». Она взобралась обратно на кровать и потянулась, чтобы выключить лампу. Я стоял и не знал, что делать. Я просто не мог вернуться к тебе с пустыми руками, потому что решил, что мы никогда не зложим кольца, которые папа подарил маме.

Он обхватил руками мою голову, запустив пальцы в волосы.

– Я пошел в главную ротонду, где был коридорчик рядом с лестницей, и отыскал комнату нашего деда. Я не знал, хватит ли у меня решимости и нервов, чтобы открыть дверь и оказаться лицом к лицу с человеком, который постоянно лежал при смерти, год за годом. Но мне оставался только этот шанс, и я должен был использовать его. Сделать, что смогу. Я спустился вниз бесшумно, как настоящий вор, со своим мешком из наволочек. Я увидел богатые комнаты, такие прекрасные и великолепные, что я спрашивал себя, как ты когда-то: а каково это – вырасти в таком доме? Интересно знать, как себя чувствуешь, когда твои желания всегда готовы исполнить многочисленные слуги и ты обеспечен всем необходимым с головы до ног. Ах, Кэти, это прекрасный дом, а мебель, должно быть, доставлена туда из каких-нибудь дворцов. Она кажется слишком хрупкой, чтобы на ней сидеть, и слишком нарядной, чтобы чувствовать себя удобно. Всюду были подлинные живописные полотна, я их узнавал, и скульптуры, и бюсты многие на пьедесталах, и богатые персидские восточные ковры. И конечно, я знал, как пройти в библиотеку, ведь ты задавала маме столько этих проклятых вопросов. И знаешь что, Кэти? Теперь я рад, будь сам я проклят, что ты их задавала, иначе я мог бы легко заблудиться: там было столько ответвлений вправо и влево от центрального хода. Но я легко попал в библиотеку: в длинную, темную, действительно необъятных размеров комнату. Там было тихо, как в могиле. Потолок был, должно быть, двадцати футов высотой. Полки были вдоль всех стен от пола до потолка, и была небольшая железная лесенка с балкончиком, чтобы подниматься на второй уровень. А на нижнем уровне имелись две деревянные лесенки на колесиках, которые можно было приставить куда угодно. Никогда раньше я не думал, что столько книг может быть в частном доме. Нечего удивляться, что никто не замечал пропажи тех книг, что мама приносила нам, хотя, приглядевшись попристальнее, я заметил бреши в длинных рядах кожаных,

с золотым тиснением, с прекрасными переплетами книг, как будто выпали зубы. Там был и письменный стол темного дерева, очень массивный, он, должно быть, весил тонну. За ним стояло высокое кресло с кожаным сиденьем, я словно видел в нем нашего деда: он раздавал приказы налево и направо и звонил по телефону – там было шесть телефонов, Кэти, шесть! Я их проверил, думая, что, может быть, придется воспользоваться ими, но оказалось, что все они отключены. Слева от стола тянулся длинный ряд высоких узких окон, выходящих в собственный сад, – поистине эффектное зрелище, особенно ночью! Мебель красного дерева была отделана каким-то необыкновенным способом и выглядела прекрасно. Два очень длинных мягких дивана золотисто-коричневого цвета были отодвинуты от стен на три фута, так что за ними можно было спрятаться. Кресла были расставлены у камина, и, конечно, там была целая куча столиков и стульев и всяких штук, о которые можно споткнуться, чертова уйма безделушек.

Я вздыхала, выслушивая столько всякой всячины, которую ему надо было мне высказать, и тем не менее все время была настороже, ожидая какой-то ужасной новости, как ожидают, когда ударит занесенный над тобой нож.

– Я подумал, вдруг деньги спрятаны в этом столе. Я посветил фонариком и выдвинул каждый ящик. Они все были не заперты. И неудивительно, ведь все они были пусты, абсолютно пусты! Вот это мне непонятно: зачем нужен стол, если он пуст? Важные бумаги хранятся в подвалах банка, под надежным замком, – нельзя же оставлять их запертыми в ящике стола: любой мало-мальски сообразительный вор в два счета взломает его. Но все эти пустые ящики без ластиков, без скрепок, ручек и карандашей, без блокнотов и всякой другой подобной мелочи, – на что еще нужен письменный стол? Ты знаешь, какие подозрения и мысли мелькали в моей голове. И вот тут я решился. Я видел, глядя через всю длинную библиотеку, дверь в комнату деда. Я медленно прошел этот путь. Наконец-то я увижу его... увижу лицом к лицу этого ненавистного деда, который был нам также наполовину дядей. Я рисовал себе нашу встречу. Он в кровати, больной, но все такой же суровый и неумолимый, как лед. Я пинком открою дверь, включу свет, и он увидит меня. Он откроет рот от изумления. Он узнает меня... он должен понять, кто я, с первого же взгляда. И я скажу: «Вот я, дедушка, тот внук, который родился вопреки вашему желанию. Наверху, в северном крыле, в запертой комнате – мои две сестры. Когда-то у меня был и младший брат, но сейчас он умер, и это вы помогли убить его!» Все это было у меня в голове, хотя я сомневался, что

смогу сказать такое на самом деле. А вот ты наверняка выкрикнула бы все это ему в лицо, да и Кэрри, если бы у нее нашлись слова. Однако, может быть, я бы и высказал все это просто ради удовольствия увидеть, как он содрогнется, а может, он выразил бы сожаление, или горе, или раскаяние... или, что более вероятно, свирепое негодование по поводу того, что мы все-таки существуем! Я знал это, но я не мог больше оставаться ни минуты в заключении, глядя, как Кэрри уходит от нас вслед за Кори!

Я затаила дыхание. Ох, что за нервы у него, встретиться лицом к лицу с этим ненавистным дедом, даже если он лежит на смертном одре и крепкий медный гроб все еще ждет его. Я ждала, затаив дыхание, что же будет дальше.

– Я повернул дверную ручку очень осторожно, рассчитывая на внезапность своего появления, но тут мне стало стыдно за свою робость, и я подумал, что надо действовать напролом, и пинком открыл эту дверь! Было так чертовски темно в этой комнате, что я ничего не видел, фонарик зажигать не хотел. Но, пошарив по стенам в поисках выключателя, я ничего не нашел. Тогда я направил фонарик прямо перед собой и увидел больничную, покрашенную в белый цвет кровать. Я смотрел и смотрел, но увидел совсем не то, что ожидал, – свернутый матрас в бело-голубую полоску. Пустая кровать, пустая комната. Никакого умирающего дедушки, испускающего дух и подсоединенного к хитроумным машинам, которые поддерживают в нем жизнь. Это было как удар в живот, Кэти, не увидеть его в тот момент, когда я был готов к встрече с ним. В углу, неподалеку от кровати, стояла трость, с которой он ходил на прогулку, а рядом с ней то сверкающее кресло-каталка, в котором мы его видели. Оно выглядело как новое, должно быть, он не часто им пользовался. Там был только один предмет мебели, помимо двух стульев, – простой комод, и на нем ни единого предмета. Эта комната была так же аккуратно прибрана, как и покинутые мамой апартаменты, но это была простая, скромная комната с крашеными панельными стенами. И эта комната, где болел и мучился наш дед, выглядела так, как будто ею давным-давно не пользовались. Воздух был застоявшийся, затхлый. Пыль на комод. Я обежал комнату в поисках чего-нибудь ценного, что могло бы нам пригодиться. Ничего, опять ничего! Я был настолько разочарован, раздосадован, что направился обратно в библиотеку и снял со стены тот самый пейзаж, за которым, как говорила нам мама, скрывался потайной сейф. Ну ты же знаешь, сколько раз мы смотрели по телевизору, как воры открывают стенные сейфы. Это казалось мне делом нехитрым, если знаешь, как к нему приступить. Все, что нужно, – это приложить ухо к наборному механизму и поворачивать его

медленно-медленно, в то же время слушая предательские щелчки... и считая их, так я думал. Тогда тебе станут известны цифры, ты наберешь правильную комбинацию и – оп-ля! Сейф откроется!

Я перебила его:

– Наш дед – почему его не было на кровати?

Но Крис продолжал, как будто не слышал меня:

– И вот я стал прислушиваться и услышал щелчки. И я подумал: если вдруг мне удастся открыть сейф, он тоже окажется пустым. И знаешь, что случилось, Кэти? Я услышал-таки эти предательские щелчки, по которым можно было вычислить комбинацию цифр, – щелк, щелк! Но я не успел их сосчитать! Тем не менее я принялся крутить диск замка, надеясь, что просто по счастливой случайности наберу цифры в правильной последовательности. Но дверца сейфа не открывалась. Я слышал щелчки, но я ничего не понимал. Энциклопедия не может научить, как стать хорошим вором, – это должно произойти естественным путем. Тогда я огляделся в поисках чего-нибудь длинного и тонкого, чтобы засунуть в замок и оттянуть пружину в надежде, что тогда дверца откроется. Кэти, в этот момент я услышал шаги!

– О, проклятье, – ругнулась я, расстроившись за него.

– Правда-правда! Я быстро нырнул под один из диванов и лег плашмя на живот, и тут я вспомнил, что оставил фонарик у деда в комнатке.

– Боже мой!

– Да-да! Я решил, что моя песенка спета, но продолжал лежать совершенно тихо и неподвижно. И вот в библиотеку вошли мужчина и женщина. Она заговорила первая приятным девичьим голоском. «Джон, – сказала она. – Клянусь, мне не послышалось! Я и вправду слышала какой-то шум в этой комнате». – «Вечно тебе слышится что-то», – проворчал грубый низкий голос. Это был Джон, лысый дворецкий. И эта парочка, не переставая ссориться, осмотрела библиотеку, а затем маленькую спальню позади нее, и я, затаив дыхание, ждал, когда они обнаружат там мой фонарик, но по непонятной причине этого не случилось. Я полагаю, оттого, что Джон не смотрел ни на что, кроме женщины. Как раз когда я собирался вылезти и выбежать из библиотеки, они вернулись, и Господь надоумил их сесть на тот самый диван, под которым я прятался. Я положил голову на скрещенные руки, как бы собираясь вздремнуть, и представил себе, что ты, должно быть, дошла до предела, гадая, почему я все не возвращаюсь. Но поскольку я запер тебя, я не боялся, что ты пойдешь меня искать. Но хорошо, что я не заснул.

– Почему?

– Давай я буду рассказывать, как мне хочется, Кэти, ладно? «Ну вот видишь, – сказал Джон, когда они вернулись в библиотеку и уселись на диван. – Говорил же я тебе, что никого нету ни там, ни здесь. – Он сказал это весьма самодовольно. – Правда, Ливви, ты чертовски нервная последнее время, просто портишь все удовольствие». – «Но, Джон, – сказала она, – я и вправду что-то слышала». – «Как я уже говорил, – ответил Джон, – тебе вечно слышится то, чего нет. Черт подери, лишь сегодня утром ты говорила, что мыши чересчур расшумелись на чердаке». Джон издал смешок, длинный и мягкий смешок, и, должно быть, сделал что-то, что заставило эту хорошенькую девушку глупо захихикать, и если она и протестовала, то весьма слабо. Затем Джон снова пробормотал: «Эта старая сука поубивает всех маленьких мышек на чердаке. Она носит им наверх еду в продуктовой корзине... столько еды, что можно убить целые полчища мышей, не меньше, чем германская армия».

Вы знаете, я слышала, как Крис сказал это, но ничего не поняла, настолько я была все еще глупа, невинна и доверчива.

Крис прочистил горло и продолжил:

– У меня в животе возникло странное ощущение, а сердце так забилося, что я боялся, как бы не услышала парочка на диване. «Ну да, – сказала Ливви, – она такая несправедливая, жестокая старуха, и сказать по правде, старик-хозяин мне всегда нравился больше: он хотя бы умел улыбаться. А она – она не умеет. Снова и снова, когда я прихожу сюда прибираться, я вижу ее в его комнате... она просто стоит, и любитесь на его пустую кровать, и улыбается этой странной, натянутой улыбкой. Я считаю, она в восторге оттого, что он умер, что она пережила его, и теперь свободна, и никто не сидит у нее на шее, и не говорит ей: делай то, не делай это, а ну, попрыгай по моему приказу. Боже, порой я удивляюсь, как они могли выносить друг друга. Но вот теперь он умер, и ей достались его деньги». – «Да, конечно, она получила кое-что, – сказал Джон. – Но это были ее собственные деньги, которые ей оставила ее семья. Ее дочь – вот кто получил все миллионы старого Малькольма Нила Фоксворта». – «Ну, – сказала Ливви, – этой старой ведьме больше и не нужно. Не надо осуждать старика за то, что он оставил свое огромное состояние дочери. И то сказать, мало ли она натерпелась от него, он связал ее по рукам и ногам, в то время как у него было полно сиделок, чтобы ухаживать за ним. А он все ее требовал, распустив слюни. Зато теперь она свободна, богата, и муж у нее такой молодой и привлекательный, да и сама она еще молода и красива, и у нее куча денег. Интересно, что бы я чувствовала на ее месте? Некоторым людям всегда везет. А я, у меня ничегошеньки-то нет...» – «А я-то, Ливви,

моя милая? У тебя есть я, по крайней мере, пока не подвернулось другое хорошенькое личико». А я все это время был там, за диваном, слушая все это и чувствуя, что совсем оцепенел. Я был в шоке. Я чувствовал, что меня сейчас вырвет, но я лежал тихо и слушал, о чем продолжает болтать эта парочка на диване. Мне так хотелось встать и со всех ног побежать к тебе и Кэрри и забрать вас отсюда, пока не поздно. Но я был там как в ловушке. Если бы я пошевелился, они заметили бы меня. А этот Джон, он же был родня нашей бабке... какой-то троюродный кузен, мама говорила... я не думаю, чтобы троюродное родство могло иметь какое-то значение, тем не менее Джон был доверенным лицом нашей бабушки, иначе она бы не допустила его до такой вольности, как свободное пользование ее автомобилями. Ты видела его, Кэти, такой лысый, он носит ливрею.

Конечно, я знала, кого он имеет в виду, но я не могла ничего сказать и лежала молча, в свою очередь оцепенев от шока.

– И вот, – монотонно и безжизненно продолжал Крис, чтобы не показать, как он обескуражен, удивлен и напуган, – пока я лежал за диваном, положив голову на руки и закрыв глаза, стараясь унять свое так громко бьющееся сердце, Джон и горничная занялись друг с другом чем-то серьезным. Я мог догадаться по их движениям, что они раздевают друг друга, сперва он, а потом она.

– Они раздевали друг друга? – переспросила я. – Она в самом деле помогала ему снять одежду?

– Мне так послышалось, – равнодушно сказал Крис.

– Она не кричала и не сопротивлялась?

– Ха, да нисколько. Она была полностью за! И как же долго они этим занимались! И какой шум они подняли, Кэти, ты не поверишь. Она стонала и вскрикивала, тяжело дышала и задыхалась, а он хрюкал, как жирная свинья. Но я догадываюсь, что он неплохо с этим справился, под конец она завопила как сумасшедшая. А когда они кончили, то лежали и курили сигареты, болтая обо всем, что происходит в доме, и поверь мне, им была известна каждая мелочь. А затем они занялись любовью во второй раз.

– Дважды за ночь?

– Это вполне возможно.

– Крис, почему твой голос звучит так странно?

Он помедлил, отодвинувшись слегка и изучая мое лицо.

– Кэти, ты что, не слушала? Я пережил такую боль, рассказывая тебе все как было. А ты не слышала?

Не слышала? Да нет, конечно, я все слышала.

Он слишком долго не мог решиться похитить мамин запас

драгоценностей. Надо было ему давным-давно брать понемножку, как я его просила.

Значит, мама и ее муж отбыли в очередную поездку. Ну и что за новость? Да они все время приезжали и уезжали. Они готовы были в любой момент сбежать из этого дома, и за это их нельзя винить. Разве и мы не собирались сделать то же самое?

Я подняла брови и вопросительно уставилась на Криса. Очевидно, он что-то мне не сказал. Он все еще защищал ее, он все еще любит ее.

– Кэти... – начал он, голос его срывался и дрожал.

– Все в порядке, Крис. Я не упрекаю тебя ни в чем. Так, значит, наша дорогая, милая, добрая, любящая мамочка и ее прекрасный молодой муженек отбыли на очередные каникулы, прихватив с собой все драгоценности. Ничего! Мы все равно удерем!

Прощай, безопасность за запертой дверью! Мы все равно удерем! Мы будем работать, мы найдем способ прокормиться и платить докторам за лечение Кэрри. Ни пропажа драгоценностей, ни бездушие нашей матери, которая снова бросила нас, ничего нам не сказав, – все это ничего не значит.

Но теперь мы уже привыкли к этому отвратительному, грубому, легкомысленному равнодушию. К чему же так много слез, Крис, к чему так много?

– Кэти! – взорвался он, поворачивая свое залитое слезами лицо и глядя мне в глаза. – Почему ты не слушаешь и ничего не говоришь? Где твои уши? Ты слышала, что я сказал? Наш дедушка умер! Он умер почти год тому назад!

Может быть, я действительно плохо слушала, недостаточно внимательно. Может быть, я не расслышала оттого, что он был так потрясен. Наконец до меня дошло. Но если дедушка умер – это же потрясающе хорошая новость! Теперь мама получит наследство! Мы будем богаты! Она отопрет дверь и выпустит нас на свободу! Теперь нам вообще не надо никуда бежать.

Но вот нахлынули другие мысли, поток опустошающих вопросов. Мама не сказала нам о том, что ее отец умер. Ведь она знала, какими невыносимо долгими были для нас эти годы ожидания, почему же она держала нас в неведении, заставляя по-прежнему ждать? Почему? Сбитая с толку, смущенная, я не знала, что мне делать – радоваться или горевать. Странный паралич сковал мои чувства.

– Кэти, – зашептал Крис, хотя я не могла понять, почему он говорит шепотом. Кэрри все равно не услышит. Она в другом мире, недоступном для нас. Кэрри находилась между жизнью и смертью, с каждой минутой все

больше приближаясь к Кори, ведь она ничего не ела, и ее оставляло желание жить, она не хотела жить без своей второй половинки. – Наша мама обманывала нас сознательно, Кэти! Ее отец умер, и несколько месяцев спустя его завещание было прочитано, но все равно она хранила молчание и оставляла нас здесь ждать и гнить. Девять месяцев назад мы все были бы на девять месяцев здоровее! Кори был бы сегодня жив, если бы мама выпустила нас отсюда в тот день, когда умер ее отец, или хотя бы в тот день, когда было прочитано завещание.

Сокрушенная, я падала в глубокий колодец предательства, который вырыла наша мама, чтобы утопить нас в нем. Я начала плакать.

– Прибереги слезы на будущее, – сказал Крис, хотя и сам плакал. – Ты еще не все слышала. Ты услышишь больше... гораздо больше и хуже.

– Больше?

Но что еще он мог мне сказать? Было доказано, что наша мама обманывала нас и лгала нам, она украла у нас юность и убила Кори в погоне за богатством, которое не собиралась делить со своими детьми, ведь она их больше не хотела и не любила. О, как хорошо она нам объяснила в тот вечер, когда научила нас этой коротенькой молитве, которую надо произносить, когда ты несчастлив! Наверное, она знала или догадывалась, как часто эта молитва нам пригодится, чем все это кончится и что сделает из нее ее отец.

Я повалилась Крису на руки и прижалась к его груди.

– Не говори мне ничего больше! Я достаточно слышала... не заставляй меня ненавидеть ее еще сильнее!

– Ненавидеть... ты даже еще не начала как следует понимать, что такое ненависть. Но прежде чем я расскажу тебе остальное, имей в виду, что мы покинем этот дом, несмотря ни на что. Мы отправимся во Флориду, как и планировали. Мы будем жить в солнечном краю и устроим свою жизнь как можно лучше. Ни одной минуты мы не будем стыдиться того, какие мы и что мы сделали, потому что то, что произошло между нами, не идет ни в какое сравнение с тем, что сделала наша мама. Даже если ты умрешь прежде меня, я всегда буду помнить нашу жизнь здесь, наверху. Я всегда буду видеть, как мы танцевали на чердаке под этими бумажными цветами, ты такая грациозная, а я такой неуклюжий. Я всегда буду помнить запах этой пыли и гниющего дерева, запомню его, как запах роз и сладких духов, потому что без тебя мне будет пусто и одиноко. Это ты первая дала мне почувствовать, что такое любовь. Конечно, мы изменимся. Мы выбросим все, что есть в нас плохого, и сохраним все лучшее. Но сквозь огонь и воду мы пройдем вместе, крепко сплотившись, один за всех и все за

одного. Мы вырастем, Кэти, физически, духовно и эмоционально. И не только это. Мы достигнем всех целей, которые мы поставили перед собой. Черт меня побери, если я не стану лучшим доктором, какого когда-либо знал этот мир, а по сравнению с тобой Павлова покажется неуклюжей деревенской девицей.

Я утомилась, слушая эти разговоры о любви и светлом будущем, когда мы все еще были за запертой дверью и сама смерть лежала рядом со мной, свернувшись, как ребенок в утробе матери, и руки ее даже во сне были сложены в молитвенном жесте.

– Хорошо, Крис, ты мне дал передышку. Теперь я готова ко всему. И спасибо за то, что ты все это сказал, и за то, что любишь меня. И я тебя никогда не разлюблю и всегда буду восхищаться тобой. – Я быстро поцеловала его в губы и попросила рассказывать дальше, нанести мне последний страшный удар. – Правда, Крис. Я знаю, ты должен сообщить мне нечто совершенно ужасное, так действуй. Поддерживай меня, как обещал, и я вынесу все, что ты мне скажешь.

Как молода я была. Никакого воображения и при этом такая самонадеянная смелость.

Конец и начало

– Угадай, что она сказала слугам, – продолжил свой рассказ Крис. – Назови причину, по которой она не хотела, чтобы эту комнату убирали каждую последнюю пятницу месяца.

Как могла я угадать? Для этого надо было думать, как она. Я затрясла головой. Так давно уже слуги не заходили в эту комнату, что я успела позабыть те первые ужасные недели.

– Мыши, Кэти! – сказал Крис, его глаза смотрели холодно и сурово. – Мыши! Сотни мышей на чердаке, это изобретение нашей бабушки... такие умные маленькие мышки, они пробирались вниз по ступенькам вплоть до второго этажа. Эти чертовы маленькие мышки вынудили ее запереть эту дверь, оставив в комнате еду, посыпанную мышьяком.

Я слушала и думала, что это чудесная, весьма правдоподобная история, чтобы удалить слуг. Ведь чердак действительно был полон мышей. И они действительно спускались по лестнице.

– Мышьяк белый, Кэти, он *белый*. Если его смешать с сахарной пудрой, горечь не будет чувствоваться.

Мой мозг наконец заработал!

Сахарная пудра на четырех пончиках, которые она приносила нам изо дня в день! По одному на каждого. В корзинке никогда не было трех пончиков!

– Но, Крис, в этом нет никакого смысла. Зачем было бабушке травить нас понемногу? Почему не дать нам сразу достаточное количество, чтобы мы умерли немедленно, и не покончить с этим?

Его длинные пальцы пробрались сквозь мои волосы, он обхватил мою голову ладонями и сказал низким голосом:

– Вспомни тот старый фильм, что мы смотрели по телевизору. Помнишь, та хорошенькая женщина, что держала пансион для старых джентльменов – богатых, конечно, – она завоевывала их доверие и внимание, и они подписывали завещание в ее пользу, а она каждый день скармливала им по маленькой порции мышьяка. Если ты принимаешь всего лишь по чуть-чуть мышьяка каждый день, он медленно поглощается твоим организмом. Каждый день жертва чувствует себя чуть-чуть хуже, но не слишком. Небольшая головная боль, желудочные расстройства, которые легко объяснимы и быстро проходят, поэтому, когда жертва умирает, скажем, в больнице, она уже так истощена, анемична и у нее такая длинная

история болезни: тут и сенная лихорадка, и простуды, и так далее. И доктора не подозревают отравления, особенно если у жертвы налицо все проявления пневмонии или просто в силу ее преклонного возраста, как в том фильме.

– Кори! – вскричала я. – Кори умер от отравления мышьяком? Мама говорила, это пневмония свела его в могилу!

– Да разве не могла она сказать нам все, что угодно? Как узнать, говорила ли она правду? Может, она даже не возила его в больницу. А если возила, значит доктора не заподозрили насильственной смерти, а иначе она была бы сейчас в тюрьме.

– Но, Крис, – возразила я, – мама не позволила бы бабушке кормить нас ядом! Я знаю, как она хотела заполучить эти деньги, и знаю, что она не любит нас, как прежде, но все равно она никогда не согласилась бы убить нас.

Крис отвернулся.

– Хорошо, давай поставим опыт. Мы накормим мышонка Кори кусочком обсыпанного сахарной пудрой пончика.

Нет! Только не Микки, ведь он доверял нам и любил нас, мы не могли сделать это. Кори обожал своего серого мышонка.

– Крис, давай поймем другую мышь – дикую, которая не доверяет нам.

– Ничего, Кэти, Микки уже старый, да к тому же хромой. Ты же знаешь, как трудно поймать живую мышь. Много ли их осталось в живых после того, как они откусили кусочек сыра в мышеловке? А если мы оставим его на свободе, Микки все равно не выживет, он теперь ручной и зависит от нас.

Но я планировала взять его с собой.

– Взгляни на это иначе, Кэти: Кори умер, а ведь он даже не начал еще жить. Если пончики не отравлены, Микки останется жив, и тогда мы возьмем его с собой, раз ты так настаиваешь. Но мы должны выяснить это, должны убедиться. Ради Кэрри мы должны это знать наверняка. Посмотри на нее. Разве ты не видишь, что она тоже умирает? День за днем она приближается к могиле, и мы тоже.

На своих трех ножках он вприпрыжку подбежал к нам, волоча четвертую, хромую. Наш милый серый мышонок, он доверчиво покусывал палец Криса, прежде чем укусить пончик. Он откусил маленький кусочек и съел его. Он так верил нам, ведь мы были его родители, его друзья. Больно было смотреть на это.

Он умер не сразу. Он стал медлительным, равнодушным, апатичным. Позднее, похоже, он ощутил приступ боли и запищал. Через несколько часов он лежал на спинке, окоченевший, холодный. Розовенькие пальчики скрючились. Маленькие черные бусинки глаз потухли и потускнели. Итак, теперь мы знали... были уверены. Это не Бог забрал у нас Кори.

– Мы положим мышонка, а также два оставшихся пончика в бумажный пакет, и отнесем это все в полицию, – нерешительно произнес Крис, избегая моего взгляда. – Ну вот, – сказал он и повернулся ко мне спиной.

– Крис, ты еще что-то скрываешь... что?

– Позднее... когда мы уйдем отсюда. Пока что я сказал все, что мог, и хорошо, что меня не стошнило. Мы уйдем отсюда завтра утром, – сказал он, а я не могла говорить. Он взял обе мои руки и нежно сжал их. – Как можно скорее мы должны доставить Кэрри к врачу – и самих себя тоже.

Такой длинный день надо было еще прожить. Мы все приготовили, и ничего другого не оставалось делать, кроме как смотреть и смотреть телевизор в последний раз. Кэрри в углу, а мы оба на разных кроватях, так мы сидели и смотрели нашу любимую мыльную оперу. Когда она закончилась, я сказала:

– Крис, люди из мыльных опер похожи на нас, они тоже редко выходят из дома. А когда выходят, то мы этого не видим, только слышим об этом. Они сидят развалясь в своих гостиных, спальнях, кухнях, попивают кофе или глотают martini, но никогда, никогда не выходят на свежий воздух у нас на глазах. И даже если и происходит что-то хорошее, они никогда не думают, что это окончательно, всегда случается катастрофа и разбивает их надежды.

Тут я каким-то образом почувствовала, что в комнате есть еще кто-то. Я задохнулась. Бабушка. Что-то в ее позе, в ее жестоких, суровых серых каменных глазах подсказало мне, что она стоит так уже давно. Она заговорила, голос ее был холоден:

– Какими философами вы оба выросли здесь, запертые от всего мира. Вы думаете, что преувеличиваете, вынося свое суждение о жизни; нет, вы не преувеличиваете. Вы оценили ее правильно. Такова она и есть. Никогда ничего не случается так, как бы вы хотели. И в конце концов вы всегда остаетесь в дураках.

Крис и я смотрели на нее, дрожа от озноба. Спрятанное солнце едва показалось в ночи. Она сказала свое слово и вышла, заперев за собой дверь. Мы сели на кровати, а Кэрри ссутулилась в своем углу неподалеку.

— Кэти, напрасно ты так испугалась. Она просто старается снова покорить нас. Может быть, к ней жизнь и несправедлива, но это не значит, что мы обречены. Давай отправимся завтра в путь, без больших притязаний, но все же с маленькой надеждой на счастье. И тогда мы не пропадем.

Если маленького холмика счастья было достаточно для Криса, я только рада за него. Но мне после этих лет усилий, надежд, мечтаний, ожиданий нужна была целая высокая гора. Холма было недостаточно. С этого дня я полагалась на саму себя, я сама распоряжалась своей жизнью. Ни судьба, ни Бог, ни даже Крис не будет отныне ни приказывать мне, ни руководить мною. Начиная с этого дня я принадлежу самой себе, делаю то, что хочу, когда хочу и отвечаю только перед самой собой. До сих пор я была узницей в тюрьме, пленницей чьей-то жадности. Я была предана, обманута, использована, отравлена... но все это позади.

Мне было около двенадцати, когда мама провела нас сквозь густой сосновый лес, в звездную и лунную ночь... как раз такой возраст, когда девочка становится женщиной, и за эти три года и почти пять месяцев я достигла зрелости. Я была старше, чем горы на воле. Мудрость чердака въелась в мои кости, проникла ко мне в мозг, впиталась в мою плоть.

В Библии говорится, как цитировал Крис в один незабываемый день, что есть время разбрасывать камни и время собирать камни, время обнимать и время уклоняться от объятий. Есть время для всего. Я вычислила, что мое время для счастья должно быть совсем близко, прямо передо мною. Слишком долго мы откладывали его!

Где та хрупкая, золотоволосая дрезденская куколка, которой я была когда-то? Исчезла. Фарфор превратился в сталь — теперь я всегда добьюсь своего, неважно, кто или что встанет у меня на пути. Я перевела решительный взгляд на Кэрри, которая скрючилась в своем углу, опустив голову так низко, что длинные волосы закрывали ее лицо. Только восемь с половиной лет, а такая слабая и задыхается, словно старушка. Ничего не ест и не разговаривает. Не играет со своей куколкой из кукольного домика. Когда я спросила, не хочет ли она взять с собой одну из этих кукол, она даже не подняла головы. Но даже Кэрри с ее упрямым неповиновением не смогла расстроить меня сейчас. Не было никого на свете, кроме этого восьмилетнего существа, кто мог бы сопротивляться моей окрепшей воле.

Я направилась к ней и подняла ее, и хотя она слабо боролась со мной, ее попытки освободиться были напрасны. Я села за стол и стала запихивать пищу ей в рот, заставляя глотать, когда она пыталась ее выплюнуть. Я поднесла стакан молока к ее губам, и хотя она сжала губы, я разжала их и

заставила ее проглотить молоко. Она закричала, что я несправедливая. Затем я отнесла ее в ванную, она снова сопротивлялась. Я вымыла шампунем ее волосы, вытерла ее и надела на нее одну за другой несколько теплых вещей. Я и сама была так же одета.

А когда волосы у нее высохли, я стала расчесывать их щеткой, пока они не заблестели и не стали такими, какими им полагалось быть, только теперь они были тоньше и тусклее.

И все это долгое время ожидания я не спускала Кэрри с рук, нашептывая ей о наших с Крисом планах – о том, как счастливо мы будем жить в золотой, солнечной, сияющей Флориде.

Крис сидел в качалке, полностью одетый, и лениво брэнчал на гитаре Кори. «Танцуй, балерина, танцуй», – напевал он мягко, и голос его был вовсе неплох. Может быть, мы сможем работать музыкантами – трио, – если Кэрри когда-нибудь достаточно поправится, чтобы иметь голос.

На руке у меня были золотые швейцарские часы – четырнадцать карат, они недешево стоили нашей маме, и у Криса тоже были часы. Нельзя сказать, чтобы у нас не было ни гроша в кармане. У нас была гитара, и банджо, и фотоаппарат Криса, и его акварели, которые можно продать, и те кольца, что папа подарил маме.

Сегодня утром к нам придет избавление. Но почему мне все время казалось, что я упустила из виду что-то очень важное? Вдруг до меня дошло! Кое-что мы с Крисом не учли. Если бабушка могла открывать нашу дверь и стоять так тихо, что мы даже ее не замечали, может быть, она уже не раз проделывала это? А если так, ей могут быть известны наши планы! Она может принять свои собственные меры, чтобы предотвратить наш побег!

Я посмотрела на Криса, задаваясь вопросом, стоит ли ему это преподносить. Но нет, теперь он не будет сомневаться и искать причину, чтобы остаться, и я высказала свое предположение.

Он не выпустил гитару из рук, по крайней мере не выразил беспокойства.

– В ту минуту, как я ее увидел, эта мысль пришла мне в голову, – сказал он. – Я знаю, она сильно доверяет этому своему дворецкому, Джону, и полагает, что он караулит нас внизу у лестницы и всегда сможет помешать нам уйти. Но пусть только попробует, ничто и никто не помешает нам уйти отсюда завтра рано утром.

Но мысли о бабушке и ее дворецком, который сторожит внизу у лестницы, не покидали меня и не давали мне покоя. Оставив спящую Кэрри на кровати, оставив Криса в кресле с его гитарой, я поднялась на

чердак, чтобы попрощаться. Стоя прямо под свисающей с потолка лампочкой, я огляделась вокруг. Мои мысли потекли вспять к тому дню, когда мы поднялись сюда впервые: я видела как мы, все четверо, держась за руки, осматриваемся, подавленные грандиозностью этого чердака, призрачной мебелью и кучами пыльного барахла вокруг нас. Я видела, как Крис с риском для жизни забирается наверх, чтобы повесить пару качелей для Кори и Кэрри.

Я проскользнула в классную комнату, глядя на старые парты, за которыми близнецы учились читать и писать.

Я не взглянула только на старый, заляпанный краской вонючий матрас. Я не представляла себе, как мы принимали на нем солнечные ванны. Теперь этот матрас мог разбудить во мне другие воспоминания.

Я посмотрела на старые цветы с блестящими сердцевинками и кривобокой улиткой, устрашающим червяком вползло ко мне в сердце воспоминание о том, какие знаки оставили мы с Крисом в лабиринтах и джунглях, где скитались наши души, о том, как я танцевала здесь от горя одна, всегда одна, и только Крис, стоя в тени, наблюдал за мною и разделял мою боль. И когда я вальсировала с Крисом, я превращала его в кого-то другого.

Он позвал со ступенек:

– Уже пора, Кэти!

Я быстро вернулась в классную комнату и написала на доске большими буквами белым мелом:

Мы жили на чердаке:

Кристофер, Кори, Кэрри и я.

Теперь нас только трое.

Я подписалась и поставила дату. В глубине души я знала, что духи нас четверых вытеснят из классной комнаты на чердаке духи всех других детей. Я оставила эту загадку тому, кто в будущем сможет ее отгадать.

Положив Микки и два отравленных пончика в бумажный пакет и спрятав его в карман Криса, мы открыли дверь нашей тюрьмы деревянным ключом в последний раз.

Мы будем драться не на жизнь, а на смерть, если бабушка и ее дворецкий будут внизу. Крис тащил два чемодана с нашей одеждой и всем необходимым, а через плечо он повесил банджо Кори и его гитару. Он вел нас по длинному сумрачному коридору к задней лестнице. Я несла

полусонную Кэрри. Ее вес был лишь чуть-чуть больше, чем тогда, когда мы подняли ее наверх по этим самым ступенькам три с лишним года назад. И чемоданы, которые нес мой брат, были те же самые, что тащила мама давным-давно в ту ужасную ночь, когда мы были такими юными, такими любящими и доверчивыми.

Изнутри к нашей одежде были приколоты две маленькие сумочки с теми чеками и банкнотами, что мы успели стащить из маминой комнаты. Мы предусмотрительно разделили их поровну, на случай если что-то непредвиденное разлучит нас с Крисом. Тогда ни один из нас не останется без денег. А Кэрри в любом случае будет с одним из нас, и мы о ней позаботимся. В двух чемоданах были и тяжелые монеты, также в двух мешочках. Мы разделили их по весу.

Мы оба с Крисом были порядком осведомлены о том, что ждет нас на воле. Мы не зря так много смотрели телевизор. Мы понимали, что мир бездушен и лжив, что там не место для невинных и наивных. Мы были молоды и уязвимы, слабые, полубольные, но мы не были ни наивными, ни невинными.

Сердце мое остановилось, пока Крис открывал входную дверь, я боялась, что в этот самый миг кто-нибудь остановит нас. Но он шагнул наружу и, улыбаясь, обернулся ко мне.

Снаружи было холодно. Тающий снег кучками лежал на земле. Очень скоро опять пойдет снег.

Серое небо над головой сказало нам об этом. Однако здесь было не холоднее, чем на чердаке. Рыхлая земля пружинила под ногами. Странное ощущение после того, как столько лет ходишь только по твердым и ровным деревянным полам. Но чувства безопасности еще не было, ведь Джон мог пуститься в погоню... вернуть нас обратно, во всяком случае, попытаться.

Подняв голову, мы вдохнули чистый, резкий горный воздух. Как будто глотнули искрящегося вина. До сих пор я несла Кэрри на руках. Теперь я поставила ее на землю.

Она неуверенно закачалась на подгибающихся ножках, оглядываясь вокруг, растерянная и ослепленная. Она приняхивалась, морща свой маленький покрасневший носик, и в конце концов чихнула. О-о-о, неужели она сразу же простудится?

– Кэти, – опять позвал Крис, – вам обоим надо поторопиться. У нас не так много времени и впереди очень длинный путь. Ты будешь нести Кэрри, когда она устанет.

Я поймала ее маленькую ладошку и потянула ее за собой.

– Дыши глубже, Кэрри. Прежде чем ты сама поймешь это, свежий

воздух, хорошая пища и солнце сделают тебя снова здоровой и сильной.

Ее маленькое бледное личико поднялось ко мне: неужели это надежда наконец сверкнула в ее глазах?

– Мы идем к Кори?

Это был первый вопрос, который она задала с того трагического дня, когда мы узнали, что Кори умер. Я посмотрела на нее, осознавая всю глубину ее тоски по Кори. Я не могла сказать «нет». Не могла загасить этот проблеск надежды.

– Кори далеко-далеко отсюда. Разве ты не слышала, как я тебе рассказывала свой сон? Мне приснился папа в прекрасном саду. Разве ты не слышала, что Кори с ним и папа заботится о нем? Они оба ждут нас, и когда-нибудь мы увидим их снова, но это будет еще не скоро, очень, очень не скоро.

– Но, Кэти, – пожаловалась она, сдвинув свои светлые бровки, – Кори не будет счастлив в этом саду без меня. А если он вернется за нами, как он нас найдет?

Она сказала это так серьезно, что слезы навернулись мне на глаза. Я подняла ее и хотела понести, но она высвободилась и пошла заплетающимися ногами, все время оборачиваясь на огромный дом, который мы покидали.

– Да нет же, Кэрри, пошли скорее! Кори смотрит на нас, он хочет, чтобы мы сбежали! Он сейчас стоит на коленях и молится, чтобы мы успели уйти далеко, прежде чем бабушка пошлет за нами погоню. Он молится, чтобы нас не вернули и не заперли снова.

Оставляя неровные следы, мы догоняли Криса, который шел очень скорым шагом. Я знала, что он ведет нас верным путем к тому самому железнодорожному полустанку, где была всего лишь жестяная крыша на четырех деревянных столбах да зеленая расшатанная скамейка. Отблеск восходящего солнца показался из-за вершины горы, разогнав у подножия дымку утреннего тумана. Небо было уже бледно-розовым, когда мы подходили к полустанку.

– Кэти, давай скорее, – звал Крис. – Если мы пропустим поезд, придется ждать до четырех часов!

О нет, боже, мы никак не можем опоздать на этот поезд. Тогда бабушка наверняка успеет схватить нас.

Мы увидели почтовую тележку, а рядом с ней высокого человека с метлой, он охранял три мешка с почтой, лежащих на земле. Он снял кепку, открыв нашему взору свои очень рыжие волосы. Он нам сердечно улыбался.

– Ну, ребята, раненько вы поднялись, – приветствовал он нас бодро. – Собираетесь в Шарлотсвилл?

– Да-да, в Шарлотсвилл, – ответил Крис, с видимым облегчением опуская чемоданы на землю.

– Какую хорошенькую девочку вы везете, – сказал высокий почтовый служащий, сочувственно разглядывая Кэрри. – Но позвольте вам сказать, она выглядит плоховато.

– Она болела, – подтвердил Крис. – Но скоро ей будет лучше.

Почтовый служащий кивнул, очевидно разделяя этот прогноз.

– Есть билеты?

– Деньги есть. – Затем Крис сообразил добавить, ведь не все встречные надежны: – Но только на билеты.

– Ну так доставай же их, сынок, вот и поезд подходит.

И мы поехали на этом утреннем поезде в сторону Шарлотсвилла, мимо резиденции Фоксвортов на вершине высокого холма. Ни я, ни Крис не могли глаз оторвать от нашей тюрьмы, было так странно смотреть на нее со стороны. Особенно приковывали наш взор чердачные окна, закрытые черными ставнями.

Потом наше внимание переключилось на северное крыло, на последнюю комнату второго этажа. Я подтолкнула Криса локтем, когда тяжелые занавеси раздвинулись и показалась размытая отдаленная тень огромной старухи, глядящей из окна, высматривающей нас... затем она исчезла.

Конечно, она видела поезд, но мы знали, что она не могла видеть нас, нам ведь тоже никогда не удавалось разглядеть пассажиров. Тем не менее мы с Крисом пригнулись пониже на наших сиденьях.

– Странно, что она там делает так рано? – прошептала я Крису. – Обычно она не приносит нам еду до половины седьмого.

Он горько рассмеялся:

– О, просто еще одна попытка заставить нас за чем-нибудь греховным и запрещенным.

Может, и так, но хотела бы я знать, что она думала и чувствовала, когда вошла в комнату и обнаружила, что та пуста, что из шкафов и ящиков исчезла одежда. И никакого отклика, никаких шагов над головой в ответ на ее зов, если, конечно, она звала.

В Шарлотсвилле мы купили билеты на автобус до Сарасоты, но нам сказали, что придется еще два часа ждать следующего автобуса в южном направлении.

Два часа. Да за это время Джон мог запросто запрыгнуть в черный лимузин и догнать медленный поезд!

– Не думай об этом, – сказал Крис. – Даже неизвестно, знает ли он про нас. Она же не дуручка, чтобы рассказать ему, хотя, конечно, он разнюхал достаточно, чтобы обо всем догадаться.

Мы подумали, что, коль скоро он отправится в погоню, будет легче сбить его с толку, если мы не станем сидеть на месте. Мы оставили наши чемоданы, гитару и банджо в камере хранения. Рука об руку, с Кэрри посередине, мы обошли главные улицы города. Нам было известно, что в свой выходной день слуги из Фоксворт-холла появлялись здесь, чтобы навестить своих родственников, пройтись по магазинам, сходить в кино или развлечься как-то иначе. Если бы был четверг, мы побоялись бы так разгуливать. Но было воскресенье.

Должно быть, мы выглядели как существа с другой планеты в просторных одеяниях не по размеру, в домашних тапочках, с кое-как обкромсанными волосами и бледными лицами. Но на самом деле никто на нас не глазел, чего я так боялась. Все воспринимали нас как часть человеческой расы, не более того. Мы не выбивались из стандарта.

Было так хорошо очутиться в толпе людей, где у всех разные лица.

– Интересно, куда это они все так спешат? – спросил Крис в тот самый момент, когда и я подумала об этом.

Мы в нерешительности остановились на углу. Должно быть, Кори похоронен где-то неподалеку. Ах, как мне хотелось разыскать его могилу и положить на нее цветы! Когда-нибудь мы вернемся сюда с желтыми розами, опустимся на колени и вознесем молитвы, все равно, есть в этом смысл или нет. Но сейчас мы должны уехать подальше отсюда, чтобы больше не подвергать Кэрри опасности... подальше от Виргинии, а уж после этого мы покажем ее врачу.

И в этот момент Крис достал из кармана пиджака бумажный пакетик с мертвым мышонком и обсыпанными сахарной пудрой пончиками. Держа пакет передо мною, он серьезно и торжественно посмотрел на меня, изучая выражение моего лица и словно спрашивая безмолвно: «Око за око?»

Этот бумажный пакетик олицетворял собой так много. Все наши потерянные годы, неполученное образование, друзей и товарищей, с которыми мы так и не встретились, слезы вместо смеха. В этом пакетике были наши разочарования, наши унижения, одиночество, а еще наказания и крушение всех надежд, но, конечно, больше всего этот пакетик напоминал о потере Кори.

– Мы можем пойти в полицию и рассказать им все, – сказал Крис,

отводя взгляд. – Город возьмет под свою опеку тебя и Кэрри, и вам не придется бежать. Вас обеих поместят в воспитательный дом или в сиротский приют. Что касается меня, то я не знаю...

Когда Крис говорил, не глядя мне в глаза, это всегда означало, что он хочет скрыть от меня что-то. Наверное, это то самое, чего он не мог сказать, пока мы не убежим.

– Ладно, Крис. Мы уже сбежали, и теперь ты можешь все сказать. О чем еще ты умолчал?

Он опустил голову, а Кэрри тем временем прижалась ко мне, уцепившись за мою юбку и завороченно глядя на плотный поток машин и на множество людей, спешащих мимо, хотя некоторые успевали улыбнуться ей.

– Это мама, – произнес Крис низким голосом. – Помнишь, она говорила, что готова на все, лишь бы вернуть расположение своего отца и лишь бы он не лишил ее наследства? Я не знаю, какие клятвы он заставил ее принести ему, но вот что я подслушал из разговора слуг. Кэти, за несколько дней до смерти наш дед сделал важную приписку к своему завещанию. Она гласила, что, если когда-нибудь будет доказано, что наша мама имела детей от первого брака, она теряет все права на наследство и должна вернуть все, что она купила на эти деньги, включая одежду, драгоценности, ценные бумаги – короче, все до последнего гроша. И это еще не все. Он также приписал, что, если у нее будут дети от *второго* брака, она тоже все потеряет. А мама думала, что он простил ее. Он ничего не простил и не забыл. Он продолжает наказывать ее даже из могилы.

Я была потрясена. Вытаращив глаза, я с трудом спросила:

– Ты имеешь в виду, что мама... что это была мама, а не бабушка?

Он пожал плечами, как будто равнодушно, хотя я знала, что это не так.

– Я слышал, как эта старая женщина молилась у своей кровати. Она исчадие ада, но я сомневаюсь, что она сама посыпала эти пончики ядом. Она носила их нам и знала, что мы любим сладкое, но ведь она постоянно твердила, что это вредно.

– Но, Крис, не может быть, что это мама. Она ведь была в свадебном путешествии, когда пончики начали появляться каждый день.

Его улыбка стала кривой и горькой.

– Ну да. Но девять месяцев назад завещание было прочитано; девять месяцев назад мама вернулась. Только мама получала деньги по завещанию отца, не бабушка: у той были собственные деньги. Бабушка всего лишь приносила нам корзину каждый день.

Мне нужно было задать столько вопросов, но рядом стояла Кэрри, она

цеплялась за мою юбку и глядела на меня, подняв лицо вверх. Я не хотела, чтобы она знала, что Кори умер насильственной смертью. И тогда Крис вложил пакетик с уликами мне в руки:

– Тебе решать. Ты со своей интуицией всегда была права. Если бы я слушался, Кори был бы сейчас жив.

Нет ничего сильнее ненависти, порожденной преданной любовью, и все мое существо требовало мести. Да, я хотела видеть, как маму и бабушку запрут в тюрьму, посадят на скамью подсудимых, обвинят в преднамеренном убийстве – четырехкратном, если покушение тоже считается. Они сами будут как серые мышки в клетке, запертые подобно нам, с той лишь разницей, что они разделят компанию с извращенцами, проститутками и такими же убийцами, как они сами. Их нарядят в серый хлопок арестантских халатов. Никаких салонов красоты два раза в неделю для мамы, ни макияжа, ни профессиональных маникюров – только душ раз в неделю. Она не сможет даже скрыть самые интимные места своего тела.

О, она будет так страдать без мехов, без драгоценностей, без южных круизов в теплых морях, когда накатит зима. И там не будет ее красивого, молодого, обожающего мужа, с которым можно пошалить в великолепной постели с лебедями.

Я уставилась в небо, где, наверное, есть Бог, – смогу ли я предоставить Ему идти Его неисповедимыми путями, взвешивая на весах грехи человеческие, смогу ли я переложить на Него бремя суда?

Я подумала, как жестоко, несправедливо, что Крис возложил это бремя на мои плечи. Почему?

Не потому ли, что он готов был простить ей все – даже смерть Кори, даже попытку убить нас всех? Возможно, он считал, что такие родители, как у нее, могут заставить сделать все, что угодно, и даже совершить убийство? Но разве нашлось бы в целом мире столько денег, чтобы заставить *меня* убить моих четырех детей?

В моей памяти одна за другой всплывали картины, возвращая меня к тому времени, когда еще был жив отец. Я видела нас всех в саду позади дома, смеющихся и счастливых. Я видела нас на пляже, как мы катаемся на паруснике и плаваем. Видела на лыжах в горах. И я видела маму в кухне, как она старалась приготовить что-нибудь вкусненькое, чтобы порадовать нас.

Да, ее родители, должно быть, знали, как убить ее любовь к нам, – должно быть, знали. А возможно, Крис думал (как, впрочем, и я), что если мы пойдем в полицию и все расскажем, то наши фотографии будут помещены на первых страницах всех газет в стране? Возместит ли нам эта

известность все то, что мы потеряем, – нашу личную жизнь и нашу необходимость оставаться вместе? Неужели нам придется разлучиться ради того, чтобы свести счеты?

Я снова взглянула в небо.

Бог. Нет, не Он писал сценарии для этих маленьких беспомощных актеров внизу, на земле. Мы пишем их сами – каждым прожитым днем жизни, каждым сказанным словом, каждой мыслью, возникающей в наших мозгах. И мама сама написала свой сценарий. Он получился неудачным.

Когда-то у нее было четверо детей, и она полагала, что это прекрасно. Сейчас у нее их нет. Ее дети считали ее идеалом, что бы она ни делала, а сейчас уже никто не смотрит на нее так. Вряд ли она захочет иметь еще детей. Любовь к тому, что можно купить за деньги, заставит ее покориться жестокой воле отца, которую он недвусмысленно изъяснил в своем завещании.

Рано или поздно мама постареет; муж гораздо моложе ее. У нее будет время почувствовать одиночество и раскаяние. Конечно, она захочет, чтобы все было иначе. Если ее руки не затоскуют по моим объятиям, то, может быть, она вспомнит Криса или Кэрри... и, вероятно, ей захочется увидеть тех детей, которые у нас когда-нибудь появятся.

Из этого города мы спасаемся бегством на автобусе, чтобы со временем сделать из себя *кого-то*. И если судьба сложится так, что мы снова увидим маму, мы посмотрим ей прямо в глаза и отвернемся.

Я бросила бумажный пакетик в ближайшую зеленую урну, попрощавшись с Микки и попросив у него прощения за то, что мы сделали.

– Пошли, Кэти, – сказал Крис, протягивая ко мне руку. – Что сделано, то сделано. Прощай, прошлое, и здравствуй, будущее! Мы теряем время, а ведь и так уже столько потеряно.

Как раз таких слов я и ждала, чтобы почувствовать себя настоящей, живой, свободной! Достаточно свободной, чтобы оставить мысли о мести!

Я рассмеялась и обернулась, чтобы взять его протянутую руку. Свободной рукой Крис притянул к себе Кэрри и поцеловал ее бледную щечку.

– Ты все слышала, Кэрри? Мы едем туда, где цветы цветут всю зиму, вернее, круглый год. Неужели и теперь тебе не хочется улыбнуться?

Слабое подобие улыбки показалось на ее бледных губах, похоже уже разучившихся улыбаться. Но пока и этого было достаточно.

Эпилог

С каким облегчением заканчиваю я рассказ об этих самых главных годах нашей жизни, когда была заложена основа всего, что случилось с нами в дальнейшем.

После побега из Фоксворт-холла мы пошли своим путем, и нам всегда удавалось так или иначе добиваться своих целей.

Наша жизнь всегда была довольно бурной, но мы с Крисом оба поняли, как выжить. Что касается Кэрри, с ней все было иначе. Нам приходилось уговаривать ее жить без Кори, даже когда она была окружена розами.

Но как нам удалось выжить – это уже другая история.

notes

Примечания

1

Предмет искусства (*фр.*).

Танцовщик (*фр.*).